

№ 1 (59). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2024 № 1 (59)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 21 февраля 2024 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 2723.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега юбилеев

Олег Германович Артемьев, лётчик-космонавт. Приветствие журналу «Берега»- Калининград к 10-летнему юбилею	5
На страже русского слова. Беседа писателя Г. Сазонова с главным редактором журнала «Берега» Л. Довыденко в связи с 10-летием журнала	6
Валерий Шелегов. Тяжело... <i>Рассказ. Поздравление к 70-летию</i>	9

Берега актуальности

Барбара Кригер. Мир по-новому (Развитие мировоззрения в эволюционной перспективе). <i>Эссе</i>	15
«De Beers» – Россия. Диалог об алмазах ведут Роксолана Жигон и князь Н. Д. Лобанов- Ростовский	23

Проза

Ольга Губарева. В памяти моей есть город Детство	27
Александр Орлов. Проверка временем. <i>Рассказ</i>	36
Александр Кердан. Невыдуманные рассказы	40
Александр Чумиков. Записки PROфессионала. 2008–2024. Часть II. <i>Продолжение.</i> <i>Начало в № 4(58)-2023</i>	64
Елена Крюкова. Музыка. <i>Фрагмент</i>	83
Сергей Собакин. Алёшка. Случай. <i>Рассказы</i>	102
Сергей Воробьёв. Абхазский алгоритм – II	115
Михаил Поленок. Мама	124

Поэзия

Татьяна Грибанова. Как светлица, душа под завяз переполнена светом... <i>Стихи</i>	127
Владимир Макаренко. Из цикла «ZV. Русское сердце». <i>Стихи</i>	131
Нина Волченкова. Женская доля. <i>Стихи</i>	134
Александр Андреев. Праздничный сухарик. <i>Стихи</i>	137
Игорь Родневич. Земная астрология (Венок сонетов из цикла «Опыты»). <i>Стихи</i>	139

Берега памяти

Анастасия Уткина. Донские казаки Южина (Франция)	142
Наталья Советная. За жизнь. <i>Поэма</i>	145
Евгений Кондрашов. Образ писателя-патриота России. <i>О книге Е. А. Дергачевой «Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя В. М. Шаповалова»</i>	147

Рижские берега

Светлана Даугуле. Москва – Рига. <i>Стихи</i>	151
Иван Кунцевич. «Радость Земли состоит не в потере...» <i>Стихи</i>	153

Берега Новороссии

Валерий Громак. Новоросский излом. <i>Очерк</i>	156
Артём Капустин. Перед грозой так пахнут розы... <i>Отрывок из повести</i>	169
Елена Заславская. В снегах. <i>Стихи</i>	185
Фёдор Горобцов. Войну никак не выиграть без тыла... <i>Стихи</i>	189

Берега прочтения

Александр Сидоров. Николай Семёнович Лесков (1831–1895)	192
Сергей Пылёв. Радостное дыхание таланта. <i>О рассказах Сергея Собакина</i>	202
Вера Сытник. Тема семьи в творчестве Юрия Николаевича Куранова	205

Берега Китая

Александр Герасимов. Русский с китайцем – братья навек	217
---	-----

Берега Узбекистана

Хасанбой Гаюбов. Стихотворения о Богбон-кишлаке. <i>Стихи</i>	223
--	-----

Наши друзья

Правила помощи и приобретения журнала	227
---	-----

Берега юбилеев

Олег Артемьев

Олег Германович Артемьев – лётчик-космонавт, Звёздный городок, Россия.

ПРИВЕТСТВИЕ ЖУРНАЛУ «БЕРЕГА»-КАЛИНИНГРАД К 10-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Дорогие друзья!

*Поздравляю всероссийский литературно-художественный журнал «Берега»
с 10-летним юбилеем!*

В этом номере публикуются воспоминания Ольги Губаревой «В памяти моей есть город Детство» о детских годах в Звёздном городке среди людей, одержимых великими мечтами и целями, дерзких, смелых, горячо любящих свою Родину, об отце, легендарном космонавте, дважды Герое Советского Союза Алексее Александровиче Губареве, моём старшем коллеге по отряду космонавтов. Это стоит прочитать. Очень интересен и познавателен очерк Александра Герасимова «Русский с китайцем – братья навек». Книга этого автора «Соприкосновение. О России с любовью» вместе со мной в 2022 году побывала на космической орбите МКС. Публикуются и другие интересные произведения.

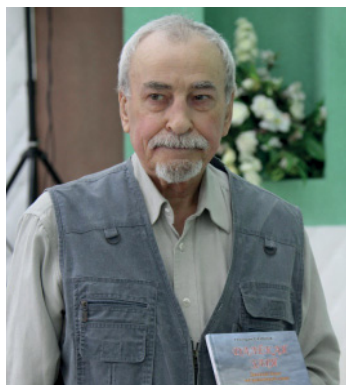
Желаю главному редактору, замечательной Лидии Довыденко, и талантливым авторам журнала вдохновения, творческих успехов и благодарных читателей.

С уважением,
лётчик-космонавт, Герой России,
член Союза писателей России
О. Г. Артемьев

Берега юбилеев

НА СТРАЖЕ РУССКОГО СЛОВА

*Беседа писателя Геннадия Сазонова
с главным редактором журнала «Берега» Лидией Довыденко
в связи с 10-летием журнала*

– Боже, сколь быстротечно время! Кажется, совсем недавно Вы подписывали в свет первый номер, а пролетело уже целых десять лет. Сделана, не побоюсь сказать, огромная творческая работа – издано 58 номеров журнала «Берега». Теперь он известен во всей России и за рубежом. А где исток? Какая необходимость продиктовала Вам начать новое издание в условиях «дикого рынка»?

– Истоки журнала в желании спасти русское Слово от засилья в быту и в литературе всякой иностранщины, хотя я хорошо понимаю, что рядом с высотой человеческого духа стоит низость. И наряду с журналами, нашими близкими единомышленниками, было мощное стремление – беречь великую русскую традицию: дух, величие и благородство родного слова. Оно осуществилось – это намерение – сближения подлинных русских писателей под одной обложкой журнала, независимо от их места жительства на планете. Это – создание русскоязычной литературной планеты для публикации и моментального выхода к читателю наиболее сильных, глубоко мыслящих авторов, любящих русский язык и Россию, а не тех, кто кривляется, эпатажен, платит за публикацию своих ничтожных опусов, а в душе пустой и пошлый.

– Деятельность ума и сердца нелепо подсчитывать в цифрах. Но всё же, Лидия Владимировна, если мы представим все публикации за минувшие годы, то это будет необозримое словесное море. Сколько романов, повестей, очерков, статей, поэтических подборок появилось на страницах «Берегов»?

– Не берусь подсчитать, это большая работа, но в каждом номере журнала «Берега» в среднем 11–12 рубрик, в которые входит около 25–30 авторов, как из Калининграда и России, так и ближнего и дальнего зарубежья. Но главное – это содержание, стремление к тому, чтобы журнал был духовно-нравственной территорией, отличался новизной и свежестью актуальных тем, опираясь на традицию, но не на что-то устаревшее, и находя новое, но не разрушающее душу человека.

– Без какого-либо преувеличения можно утверждать, что авторы «Берегов» – самые популярные в современной России писатели – поэты, прозаики, публицисты. Причём немало их вывел на всероссийскую арену именно журнал «Берега», поскольку редакция искала, находила и продолжает находить талантливых авторов в глубинной России – от Владивостока до Архангельска, от Благовещенска до Крыма, а также в зарубежных странах. Что Вы можете сказать о сотрудничестве с авторами?

– Со многими авторами журнала мы стали настоящими друзьями, и мне очень нравится, что, делая общую рассылку конкретного номера, я вижу, что они, познакомившись с произведением какого-то прозаика или поэта, пишут друг другу письма, делятся впечатлениями, начинают дружить. И это есть наше противостояние индивидуализму, разрушительным тенденциям организаторов цветных революций – «все против всех», сопротивление злу «мыслящих существ», ратующих за запрет на познание искусства, литературы, науки, на подвиги, на энтузиазм, на прекрасную душу и человеколюбие, любовь и память.

И особое слово принадлежит авторам в рубрике «Берега Новороссии», где публикуются писатели ДНР и ЛНР с 2014 года – хроника боли и надежды, привлечение внимания к героям Донбасса, благодарность этой земле, что её жители встали на защиту Русского мира и будут стоять за него до Победы.

– **В русском народном сознании литературные журналы играли исключительно большую, а главное – созидательную роль. В первую очередь благодаря острой публицистике, отклику на самые жгучие социальные, бытовые, мировоззренческие проблемы. Достаточно вспомнить «Современник» под редакторством А. С. Пушкина, а позже «Современник» и «Отечественные записки» под началом Н. А. Некрасова, или «Новый мир», когда его возглавлял А. Т. Твардовский. На мой взгляд, «Берега» продолжают эту добрую традицию русской культуры. Ни один номер не обходится без серьёзных обращений авторов к современности. Что бы Вы, Лидия Владимировна, выделили самое существенное в этой современности?**

– У нас есть рубрики: «Берега актуальности», «Берега памяти», «Берега искусства и культуры», «Берега прочтения», «Берега мудрости», «Поэтическая седмица», в которых читатель, тяготеющий к истине, получает духовное наполнение личности, вырывается из усталости, обретает новую энергию, оптимизм, залечивает раны. Примером могут служить авторы, уходящего 2023 года: Анатолий Байбородин, Александр Дугин, Виталий Даренский, Елена Крюкова, Эяна Суодене, Галина Хэндус, Виктор Аксючиц, Людмила Воробьёва, Александр Орлов, Алексей Полубота, участник СВО и член редакционного совета нашего журнала, философы: Александр Субетто, Эдуард Демиденко, Сухейль Фарах, известные писатели: Наталья Советная, Григорий Блехман, Валерий Старжинский, Татьяна Грибанова, Александр Герасимов, Игорь Ерофеев, Станислав Федотов, Вячеслав и Римма Лютые, Геннадий Сазонов, Сергей Пылёв. Пусть простят меня тысячи авторов, кого я не назвала. Но всех, кто был опубликован в журнале в течение 10 лет, с благодарностью и признательностью помню и уважаю.

Все они верят в Россию, её будущее. «Все наши авторы раскрываются в ракурсе современных и традиционных подходов служения Отечественной науке и культуре, которые смело можно отнести к мировому эпицентру гуманизма, высокой человечности, Божественной проявленности», – написал наш автор из Воронежа Сергей Пылёв, и это так!

«Идёт битва духа. И поэтому нам чётко надо сказать, что такое наша идеология. Мы не можем бороться против сатанинского представления о человеке, не назвав, в чём состоит истинное представление о человеке», – пишет известный философ А. Дугин. Так мы, многие-многие русские писатели, в том числе на страницах литературного журнала «Берега», это и делаем. И надо отметить, что всё же идёт жесточайшее идейное противостояние со стороны патриотически настроенной оппозиции, истоки которой в традиционных социальных институтах, они отражают языковое и этническое сознание русского народа.

– **Особенностью журнала «Берега», отличающей от других изданий, стало горячее желание главного редактора и авторов объединить РУССКИЙ МИР, который, к сожалению, в начале XXI века оказался «расколотым». Что Вы думаете об этом?**

– Россия неизбежно будет влиять на развитие мирного процесса на земле. При тех ценностях, которые в своём историческом опыте взрастило наше Отечество, будут восстановлены энергетические ресурсы планеты, откроется новая фаза в истории человечества, так как гармония между внутренним человеческим миром, природным и небесным мирами – это мечта большинства жителей планеты. Именно Россия даёт духовно-нравственные основы для перехода от постглобалистического мира с его опасным для человечества трансгуманизмом к диалогу, соборности, дающим человечеству развитие его способностей и расширение его возможностей до космических масштабов, гармонического существования как единого целого.

– **Многие талантливые авторы, составившие читательскую славу журнала, к сожалению, ушли в мир иной. Думаю, есть смысл помянуть их имена и заслуги.**

– Да, мы чтим память, любим, читаем, пишем статьи, издаём книги о тех авторах журнала, кто оставил нас, в основном в 2020–2022 годах. Это огромная потеря для журнала и всей русской литературы, ведь я выбирала лучших для сотрудничества. Прекрасная поэтесса Сэда Вермишева, которую я называла при жизни и сейчас так же о ней думаю: «Председатель земного шара» – слова Велимира Хлебникова. Она родом из Армении, но служила своей поэзией России, выделяя в творчестве все-ленские темы.

5 июня 2023 года мы отмечали 70-летие Владимира Подлузского, сына Брянской земли, уникального поэта-мыслителя, автора ряда великолепных поэм. Мы к его юбилею издали книгу о нём вместе с Александром Лобановым из Сыктывкара и Людмилой Максимовой из Омска.

Очень тяжёлая для нас потеря – член редакционного совета журнала Александр Иванович Казинцев, который работал в «Нашем современнике», и его помощь и одобрение были бесценными. Свой светлый вклад в «копилку» «Берегов» внесли четырёхкратный кавалер ордена Мужества Алексей Новгородов и литературовед, доктор филологических наук, профессор Вологодского университета Людмила Яцкевич.

Трудно смириться с уходом Валентина Яковлевича Курбатова, и тоже он был членом редакционного совета журнала, великий друг и советчик. А Андрей Растворцев, молодой, энергичный, талантливый, автор гимна журнала «Берега».

Владимир Сергеевич Вахрамеев, Юрий Викторович Шевченко, Эдуард Семёнович Демиденко – знаменитые калининградцы, ближайшие друзья и авторы журнала «Берега».

Скорбим об уходе Ольги Фокиной, авторе журнала.

Светлая им, вечная память! Любили их и будем любить, а память беречь.

– **В связи с 5-летним юбилеем журнала была предпринята оригинальная инициатива: подготовлена и издана уникальная «Энциклопедия авторов журнала “Берега”», в которой отмечен каждый, кто публиковался хотя бы раз. Ничего подобного не приходилось встречать ни в одном журнале. А чем будет отмечено ДЕСЯТИЛЕТИЕ?**

– Да, к пятилетию журнала была создана «Энциклопедия авторов журнала “Берега”», а также буклет с фотографиями и текстом о пяти первых годах, чем многих удивила: авторов и библиотекарей. Ещё осталось немного экземпляров на подарки.

А на днях я сдала в печать книгу «Журнал “Берега”. 10 лет служения слову». Она выйдет в январе 2024 года. Объём – 350 страниц с иллюстрациями. Будем делать презентации.

За 10 лет собралось множество статей о журнале, и часть вошла в эту книгу, но много материалов, посвящённых журналу, ещё осталось. Уже среди прочитавших юбилейный сборник возникли новые идеи о новой книге, но пока надо принять и распространить эту – «10 лет служения слову», русскому слову и России.

– **Искренне благодарю за беседу, ещё раз поздравляю Вас, всех авторов и читателей с юбилеем. Новых творческих удач и новых открытий.**

Калининград – Вологда

Подробнее:

https://ruskline.ru/analitika/2023/12/19/na_strazhe_russkogo_slova

Берега юбилеев

Валерий Шелегов

Сердечно поздравляем с 70-летием Валерия Николаевича Шелегова с искренним пожеланием новых творческих успехов, каскада идей и их воплощения, всех милостей Божьих, тысячи поводов для радости и счастья, а от них и здоровье крепится!

Валерий Николаевич Шелегов – родился 13 декабря 1953 года в городе Канске. После окончания средней школы № 6 в 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. В Усть-Нере работал в ВИ-ГРЭ геофизиком, геологом на штольне в разведочной партии. Работал охотоведом Оймяконского района. В золотодобывающей артели «Мир». В 1996 году вернулся на родину – в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» отмечена Русской национальной премией «Имперская культура» им. Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в городе Канске Красноярского края.

ТЯЖЕЛО...

Рассказ

*Учителю Лобанову Михаилу Петровичу,
профессору Литературного института
им. А. М. Горького п о с в я щ а е т с я*

Тяжело руководить государством

Отца я помню так, как прожитый рядом с ним один день: от рассвета, когда я ждал его постоянно с работы школьником. В зрелые свои годы, когда, наезжая в отпуск с Севера, дневалил с ним на даче. Виктор Комар, его друг, держал в те годы на даче пчёл. Медовуха у мужиков не переводилась. Поздним вечером, бывало, отец шёл от Комара, опираясь на плотный заплот ладонями, ворчал: «Тяжело руководить государством...», руками определяя свою дачную калитку.

Руки у отца были талантливые, красивые. Короткопалые, мощные в кулаке, вены крупные и притягивающие своей красотой взгляд. Комар держал в те годы на даче овец и корову. Сам пас. Утром отец «умирал» тяжело, вяло передвигаясь по даче. «Борьба с пьянством» в государстве обернулась усиленной «борьбой» государства с крепкими мужиками. Я подрабатывал тогда спецкором по Дальнему Востоку от московского еженедельника «Литературная Россия».

Удостоверение спецкора солидное. Учился в Литературном институте в Москве. Смотреть на похмелье отца было больно. Поехал в город и, чего я для себя никогда не позволял, пользуясь «корочками» спецкора, в «Горизонте» добыл для отца пару чекушек. Водка была по талонам. Чекушку выставил к обеду.

– Да я уже отошёл, – оправдался отец. – Витьке вот какво сейчас в поле с овцами.

«Гуляли друзья», по словам мамы, на дачах часто. Отец на пенсии, но подрабатывал сторожем. На дежурстве отец никогда не выпьет водки. Всю жизнь, где бы ни служил делу отец, для него работа была религией.

На даче отец держал кроликов, собачку. Траву для кролей постоянно косил в пойме Кана.

Последние пятнадцать лет до пенсии отец работал кочегаром в котельной на Канской табачной фабрике. Дачные земельные участки в пойме Кана выделила Табачная фабрика своим работникам. Отец поставил на земельном участке шесть соток домик из бруса, пристроил из досок летний гараж для мотоцикла с люлькой. Обшил «вагонкой» дачный домик и покрасил вместе с забором зелёной краской. За двадцать лет дача обстроилась до домашнего уюта. Бывая в отпуске, я жил летом на даче с отцом.

После работы на табачной фабрике отец ходил на железнодорожную станцию калымить. Дома скотину держали: комбикорм, лузгу машинами отец добывал. Мама всю жизнь домохозяйкой прожила. Лишнюю копейку взять негде: кабанчика к ноябрьским заколют – осмолят, часть мяса продадут, мне и сестре обновки к школе.

Всё это я вспоминал в прохладе дачи за столом с отцом. Дверь веранды открыта, виден дворик под высокой сиренью. В углу собачья будка, двор застелен плахами, штaketник защищает цветник. Жаркий день. Дворняга прячется в своём логове, усунув морду между лап, наблюдает за своей чашкой. Мертвяком лежит в будке: воробей поскокивает вокруг собачьей площадки, крохи выклёвывает с ободка.

Дачный забор вровень человеческого роста. Соседский кот неслышно спрыгивает с крыши на верстак, скрадывает воробья. Дворняга видит кота, напрягается. Мне хорошо виден летний дворик, залитый июльским солнцем: зелень сирени, морда собаки в будке и беззаботный воробей. Кот прилёт, готовый к прыжку. Но не успевае. Дворняга вырывается из будки на кота. Кот перемахивает через верстак на забор, оттуда на крышу дачи. Пси́на уходит ворчливо в будку. Воробей возвращается к собачьей миске.

– Вишь ты, – говорит отец. Он тоже видел всю эту сцену. – Барсик не даёт воробья коту поймать.

Он уже «освежился» из чекушки. Смотрит на остатки застолья.

– Убери, а то мать хай поднимет. Вечерком...

Отец уже изрядно лысый, но короткая шёрстка от висков и под затылком ещё черна, как в молодости. И сам он был молодым красивым чернявым парубком. Бабушка моя Христина, в девичестве Пушкина, чернявая казачка-красавица. Каждое лето, после школы, я отправлялся в Егоровку – в деревню отца за Абаном. Бабушку Христину любил отроком, как и отца. Если не слушаю её, пригрозит: «Батьке зараз пожалюсь». Всмотриваясь в отца, всегда вспоминалась бабушка.

Отец малоречив, рабочий человек с четырьмя классами школы. Но речь всегда правильная, обходился без матерщины. В детстве, когда я ловил его взгляд, сердце заходило от щемящей истомы и тоски. Достигнув зрелых лет, я стал понимать, что это чувство и есть моя любовь к отцу. До слёз при памяти о нём, даже когда он жил на земле, а я скитался по Северу. Взгляд его потрясающих душу глаз, карих, чистых в глубине зрачка, как виноградины, мне всегда чудился рядом. Казалось, резко обернусь и увижу эти наполненные глубоким смыслом и печалью глаза. И было, оборачивался. Мгновение – глаза отца виделись, а слёзы начинали поддавливать горло. Отец был прост, как сама жизнь. И непостижимым, как сама жизнь.

Приезжал он ко мне и в «учебку» на первом году службы в Читу. О чём мы могли с ним говорить? Мы всегда при встречах молчали, понимая наш «разговор» без слов. Молчали часами и на даче, дополняя присутствием один другого. Когда мы были вместе, мы составляли единое духовное пространство. Приезжал ко мне отец и на Крайний Север. В молодых годах не понимаешь любви родителей, я был и рад и потрясён его приездом на Индигирку. Две пересадки самолётами. Даль такая от Канска, что порою казалось, что этого Канска нет вообще на этой земле. Родина и детство остались где-то в другом измерении. Молодая семья, комната восемь квадратных метров, углы промерзают льдом и прикрыты для сохранности тепла оленьими шкурами. Барак постройки сороковых лет. Крайний Север...

– Хе?! – при жене мы молчали. Остались одни, отец предложил: – Поедем, сынок, домой.

Улетел он в конце недели. За всё время мы и сотней фраз, общаясь, не обмолвились: и так всё ясно.

Внуков своих отец любил. Обожали и они его: молчун ласковый. «Деда добрый». Вот и весь сказ. До школы моих детей поднимала мама. Работали мы с женой в полевых партиях, весной я привозил их к родителям в Сибирь с Индигирки. В ноябре прилетал за ними и вёз самолётами, с двумя пересадками, обратно в Усть-Неру. Лето дети проводили под строгим присмотром бабушки. Но и дед не отлынивал. А за ним, что за малым дитём, тоже глаз да глаз был нужен, жаловалась мама при встрече.

– Дача на моих руках. Оставлю деда с детьми, а сама поливать дачу еду. Он, леший, младшую Анну на руки – да к дружкам своим. Приеду, спрашиваю старшенькую: где дед с Анютой?

– А вон он идёт, с Анной на шее, – покажет ручкой Шура. – У меня и сердце останавливается: сам – никакой! Анютка на шее сидит, ножки свесив, обовьёт ему шею ручками. Бегу, приму с его спины Анну, а он, почувствовав, что внучка уже не с ним, и пойдёт, и пойдёт ногами вить петли до лавки. Упадёт, было, без соседей его уже после в квартиру не поднять. Но пока с Анькой на руках, или Шура была маленькой, стоит крепко на ногах.

Рассказывала мама подобные истории каждый год и при отце в застолье. Дети счастливо, за деда радуясь, смеялись. Отец улыбался так широко, как рисуют дети улыбку у солнышка. Поразительно эта улыбка напоминала улыбку солнышка на детских рисунках моих детей: от уха до уха.

Отец казачьей породы по линии матери, Пушкиной Христины Антоновны. На фотографиях в молодых годах с чернющими усами. Всю жизнь такие же усы – чернющие – носил в молодые годы и я. Подозрительно спрашивал народ, не крашу ли их я. Такие яро-чёрные и блестящие, как уголь-антрацит. Невольно я подражал отцу. А подражать было за что.

Мама всегда воевала с отцом за выпивки. Но без ненависти, с какой-то особенной гордостью всегда рассказывала о том, чего я не мог знать и видеть, когда меня ещё не было на свете и когда жил на Севере. Судьба меня вела по кругам адовым труда и познания, порой так лукаво-близко с отцовским пройденным путём и его замечательным опытом, что я диву давался: откуда во мне это?

Женился отец молчуном, молчуном увёз маму в Таёжное на рудник «мыть моноцит», работал шурфовщиком в Саянах в Аскизском районе на Тёе. По тайге протаскал маму всю молодость, пока не родилась сестра. Маме можно поклониться зёмно за её верность отцу и терпение, за веру в него. Отец как-то, уже будучи стариком, сознался: «Любил я твою мать всю жизнь, жалел. Вера её в меня помогала и шурфы бить, и обозы по тайге водить...»

– Драчливее твоего отца парня в деревне не было, – сокрушалась мама. – На праздник, было, хоть в новое его не одевай: никому не уступит. На шурфовке – всегда в передовиках ходил, и на гулянке первый. Ворот в зубы зверем схватит, тут уж его берегись. В клочья рубаху на нём изорвут, но не поддастся, отметелит любого. Я за отцом твоим как за каменной стеной жила везде.

Жена мне первые годы полувёры вязала. До первой драки. Всё «правду искал» и утверждал кулаками. А ведь понятия не имел тогда, что отец таким же «кулачным правдоискателем» в молодости был. Уехал из родительского дома учиться в Томск после восьмого класса. Улица и общежитие воспитывали. Однажды в отделение милиции меня забрали из общежития. «Думаем, кто там, в общаге погоду наводит?! – удивился старшина. – А тут и смотреть не на что». Да так ребром ладони по шее врезал без жалости, что запомнил я этот «урок» на всю жизнь. Росточка я был незavidного в юношеских своих годах. Тяжёлый физический труд на Севере и подтянул к взрослой силе.

Глаза отца

Порою мне мнится, что без отца рядом я и дня не жил. Его присутствие ощущалось знанием, что при любых обстоятельствах отец всегда поможет. Чему ему меня было учить? Жизнь в среде настоящих людей и мужчин всему научила. Сам уже родитель взрослых детей. Но взгляд его удивительных глаз возникал мгновенно в сознании так ярко и явственно, когда подходил в каких-то делах край, что совестно перед отцом становилось. Хотел я того или нет, но однажды, ясно поняв и поверив в своё дело, которое я делаю не час, не два, а теперь уже всю жизнь, судьба властно выдернула меня из намеченного мною круга.

Моё ремесло без крепкого образования не осилить. Отец сказал: «Учись, сынок, поможем с матерью». Не эти бы его слова, не его уверенность, что и это «дело» я освою добросовестно, не стал бы я биться три года подряд лбом в двери Литературного института. Теперь это очевидно: без поддержки отца – не пошёл бы и по пути писательства. И не одна мне введома творческая судьба, которая оборвалась на взлёте без любви родителя, без его веры в своё чадо.

Вторым таким «Родителем» для меня стал в институте мой руководитель семинара прозы профессор Михаил Петрович Лобанов. Человек удивительно похожий на родного моего отца. Не внешностью – глазами, мужественной сдержанностью, пониманием и любовью человека и к человеку.

И все сердечные слова, сказанные об отце, в равной степени можно отнести и к Михаилу Петровичу. Редко так бывает. Но бывает.

Умирал отец тихо, никого не беспокоя своей адской болью. По ночам скрипел зубами, ворочался, не спал, смотрел пристально на светлое пятно на потолке – от фонаря с улицы. Апрель завершался, и необходимо было улететь на Индигирку. Билет на самолёт куплен, но покоя душа не знала. Отец бодрился, прожил он после операции два года. Я ночевал в его комнате на полу и тоже не спал по ночам. Молчали. Он тихо радовался.

– Теперь, сынок, я за тебя спокоен, – хрипловато тянул он задумчиво слова. – Я не смог тебе помочь, добрые люди помогли, квартиру тебе обеспечили.

Я понимал его. Молчали. Его мужские руки перевернули за долгую жизнь «земной шар», если весь уголь, какой он перекидал в топку, да мешки, которые проехали на его плечах, сложить вместе – «по весу», уточнял отец. Великий труженик, он на копеечные заработки работяги, бережливостью мамы всё-таки достиг в жизни чего хотел. А хотел он немного. Бабушка рассказывала, что «Коля мечтал в подростках жить в городе, заработать на мотоцикл, построить свой дом». Дом отец построил не один, мотоцикл у нас появился, когда я пошёл в первый класс.

Поездили они с мамой достаточно: жили в Кривом Роге, на Северном Кавказе в Невинномысске. Но неизменно возвращались в родные края, пока отец не остепенился и не вошли они новосёлами в кооперативную квартиру. Отец страдал, когда звал меня с Севера домой. Ехать было к кому, но жить в двухкомнатной квартире родителей табором не получалось. Я и не ехал. Развал страны сделал переезд на родину вообще невыносимым. Безденежье было и там, хоть всё разрушалось не так заметно. И благодарность отца «добрым людям» была не просто словами, а его выстраданной болью и облегчением от этой боли.

За пару лет до этого разговора с отцом случилось в феврале на Индигирке вот что.

– Валера, я знаю, что тебе тяжело. Приходи, потолкуем. Я тебе помогу. – Телефонный звонок этого человека был для меня неожиданным и нежданным. Мы даже не знакомы, только на расстоянии. Звал «потолковать» Клеймёнов Николай Николаевич, председатель старательской артели, богатейшей в Якутии на Индигирке, известный среди золотодобытчиков не менее Владимира Туманова (друга Владимира Высоцкого).

Начался девяносто второй год лютыми оймьконскими морозами. Морозный пар над долиной Индигирки между высоких гор стоял такой густой, что в пяти шагах уже ничего не различишь. Рано утром пик температуры до шестидесяти: холод прошивает овчину полушубка до костей, дышать нечем от кислородного голодания среди гор.

Идти до базы старателей через весь посёлок, двухэтажная блочная контора артели в соседстве с Колымской трассой. Рабочий день у старателей с восьми, «конторские» собираются к девяти. Глубокая ночь для Крайнего Севера. Днём солнца нет, светает на три часа белого времени. Навершие зимы – февраль на Полюсе холода – огромной нашей планеты.

Кабинет председателя в двухэтажном доме, имеет отдельный подъезд с высоким крыльцом и глухой дверью. От окна – на длину кабинета до входа в контору – широкий стол. Клеймёнов сидел в кресле спиной к окну. И среди старателей он выделялся великаном Атилой. «Вождь» – в глазах соратников по золотодобыче. И «батьа» – известный мне по рассказам старателей. Полный кабинет людей. Галдёж.

– Тихо! – И наступила могильная тишина. Случись это летом, муху слышно стало бы. Здесь же вслед его голосу запели хрустальные брюлики на люстре под высоким потолком: такой грозно-мягкий баритон.

– Вот, Сан Саныч, пришёл русский писатель. У него есть то, чего мы с тобой не купим на всё наше золото, – душа! Придумай ему должность, положи оклад, и пусть он дальше занимается своим делом. Пустьками человека не беспокоить.

Сказал он это своему заместителю так ровно и просто, как давно решённый вопрос. Мне уступили край стола и стул. Заместитель подал через стол чистый лист бумаги.

– Распишись, но число не ставь, – попросил он. – Текст напишем сами...

Народ схлынул быстро. Остались мы в кабинете с глазу на глаз. Клеймёнов поднялся из-за стола и протиснулся между столом и стеной к карте СССР.

– Валера, скоро русские начнут отсюда разбегаться. Тяжёлые времена всех нас ждут. Вот карта страны. Ткни пальцем в любой город, и я куплю тебе там квартиру. Проплачу из своего, председательского фонда артели.

Я помолчал, поражённый таким предложением.

– За какие красивые глаза вы мне помогаете?

Мне, конечно, было многое известно о людях из среды старателей. Клеймёнов завидно, по отзывам людей, на порядок выше стоял своих коллег-председателей. Золотодобывающая артель – такая мельница, что любого сотрёт в порошок, если станешь там показывать свой нор. И уж точно – работа там не для поэтов. Ты там «никто» и звать тебя там «никак». У Клеймёнова работать было безопасно людям в том смысле, что он сам любил неординарных людей, любил их выслушать и не обижал. А боялись его до обмороков и трепета. Гигант внешне, он и в делах и поступках никогда не проявлял мелочности, не жил злопамятным и сволочным. «Каждому – своё», – вершил он справедливо.

Клеймёнов вернулся к окну и всмотрелся в туманную ночь за тёмным стеклом... Идёт пятнадцатый год, а я таким его всё и вижу: Аттилой с густой, огромной седеющей русой бороდიцей по грудь. С умными самородками глаз. Кряжисто-рослого, лобастого, с залысинами, под спело-льняными кудрями. Русский мужичище с Иртыша. Потомок казаков атамана Ермака. А редкий баритон голоса таков, что слушать звук произносимых им слов наслаждение для души. До этой встречи я однажды слышал уже его голос. После армии жизнь с женой не заладилась. Решили развестись. В день предстоящего развода топтались мы с ней за деревьями северной акации во дворе поселкового суда, окна которого смотрели прямо с берега за дорогу в Индигирку.

Мы ждали окончания процесса. Ждали, когда нас пригласят. Ждали на солнышке майском и уже решили, что разводиться нам ни к чему. За кустами не видели людей, вышедших из здания после процесса. Но поразил баритон голоса и его гулька раскатливости летней грозы. Я выглянул из-за тишка. Говорил он, Клеймёнов. И речь его была так интересна и будоражила слух и душу, захватывала мелодией тембра, что я даже тогда позавидовал: «Был бы писателем, обязательно бы написал о нём книгу». Подумал так и позавидовал, истинный бог, не выдумываю.

После примирения мы уехали с женой в тайгу на геофизические работы. Но голос этого человека, его могучий облик Аттилы запал в душу навсегда. Прошло более пяти лет, прежде чем случилось то, что случилось: я начал писать. «Золотая Индигирка», этот край вечной мерзлоты, принял в свою «ледяную преисподнюю» миллионы судеб «Дальстроя». И только чистое золото – самородки, такие мамонты, как Клеймёнов, не поглотились памятью людской и временем.

Горный хребет Черского, посёлок Билибино, как и мыс Дежнёва, – равнозначны и равноценны именам и фамилиям, которые носили эти первопроходцы Севера. Мы пришли за ними спустя сто двадцать лет. Я искал это золото, Клеймёнов его добывал. Как мы жили? Главный вопрос для северянина. Ибо там, за «Полярным кругом», будь ты хоть семи пядей во лбу, но сволочь по жизни, тебе никто и чаю от костра не предложит. Поэтому я и задал для меня не праздный вопрос.

– Валера, все эти годы, как только появились в газетах и журналах твои рассказы, я наблюдал за твоей жизнью. Нравится мне твоё отношение к человеку. Правильно живёшь. И я не хочу, чтобы ты, талантливый русский писатель, здесь спился и сгинул от безнадеги. Мне не трудно тебе помочь. Хочешь, сделаю богатым человеком?..

Я подумал – и «богатым сделаться» отказался.

– А квартиру – где? – переспросил вроде как себя вслух. – На родине, конечно.

Разговор был неожиданным для меня и тяжёлым, как золото. Впервые я столкнулся с такой бескорыстной оценкой своего литературного ремесла. Я ещё даже не состоял в Союзе писателей СССР, хотя в Союз писателей Якутии меня уже приняли, и ждал решения приёмной комиссии в Москве.

В августе я прилетел в Канск заключать «договор» с трестом «Канскпромжилстрой» на «долевое участие в строительстве дома», который сдавался в марте следующего года. Истину сказал Метерлинк, когда утверждал, что «родными они рождаются», что, «выходя из дому, Сократ встречает Сократа, а Иуда – только Иуду, что разум рационального Сократа не сделаешь Моцартом».

Генеральный директор строительного треста Виктор Григорьевич Устинов в Канске и был тем «Моцартом», которого имел в виду Метерлинк. При всей своей кажущейся простоватости, наивности и своём малом росте Устинов был гением в человеческих взаимоотношениях. Характеристику Вик-

тору Григорьевичу Устинову лучше русского философа Василия Розанова и не дашь: «Мера нужна, главным образом, в человеческих отношениях. Она одна им сообщает красоту жизни. Много ли есть людей, которые её выдержали?! Люди, красиво прожившие жизнь, так же редки, как и великие поэты и музыканты». Редкой порядочности человек Виктор Григорьевич Устинов. Кто знает «меру» человеческой душе, тот знает и меру человеческих отношений, сообщает красоту жизни рядом живущим.

Подружился я с генеральным директором градостроительного треста. Договор мы оформили без проволочки... на две квартиры. В артели у Клеймёнова работал горным мастером мой земляк из Красноярска. Он и намекнул мне при отъезде моём в Канск, что в артели ему давно обещают жильё «на материке» за счёт артели. Я и расстарался.

Клеймёнов, изучив договор при встрече, захохотал так раскатисто, будто минутой назад потерял всё своё состояние и ни о чём не жалел. Надёжный смех счастливого, здорового человека. Наверное, что-то похожее испытывал и А. С. Пушкин, когда, закончив последнюю строчку «Бориса Годунова», смеялся и хлопал себя по ляжкам: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!»

– Боченину-то за какие заслуги? Хоть бы посоветовался со мной. Ладно, дело сделано. Проплачу. А тебе Боченин пусть до смерти свечу в церкви ставит «за здоровье» – за такую царскую заботу. Мне для него и гвоздя ржавого жалко: хитрый, лодырь. Ай да поэт, добрее Папы Римского оказался. – И опять «раскаты летнего грома» беззлобные.

Деньги за две квартиры Клеймёнов проплатил незамедлительно. В марте следующего года, по звонку Устинова, мы прилетели с моим земляком в Канск получать ключи от квартир. Он улетел, а я тянул с отъездом.

Отец днями проводил в новой квартире один. Сидел у кухонного окна и обречённо смотрел на город, который он любил и в котором его знали и любили, уважали. Врагов отца я не знал.

Ночевал я в новой квартире редко. Всё на полу в комнате отца, рядом с его кроватью. Он не спал, скрежетал зубами от боли. Тело приняло изжелта-суховатый оттенок. Болезнь добралась и до печени. Отец умирал. Но не жаловался на боль, как бы стесняясь причинить нам с мамой лишние хлопоты, сторонился нас и сидел последние дни до моего отъезда в своей комнате. Через пару дней мне уезжать. Но я не мог поверить, что всё так просто: жил человек и умер. Будто так и надо. Не мог бросить отца в беде одного. Матери я не сказал, что еду к лечащему врачу отца.

– Он у вас и неделю не проживёт, – было мне сказано честно. Из онкоцентра я поехал в кассы Аэрофлота и сдал билет.

Отец ждал меня у окна в своей комнате. Сидел пригорюнившись, опершись локтем в подоконник, щекой на ладонь. Взгляд его, всегда так мною любимый, был ясен, но испуган... за меня.

– На тебе лица нет. Что с тобой? – увела за рукав на кухню мама.

Таиться не стал. Обнялись с мамой и заплакали.

– Он знает. Мы с ним обсудили, как гроб украсить. Кого вызвать из родственников. Водки я уже набрала на поминки. Тебе рвать душу не хотели. Отец ждал твоего отъезда. Тогда уж помирать согласен.

К нам он в кухню не пришёл. Пошептались с мамой, высушили слёзы, только после этого я вернулся к отцу. Но разве от отца душу спрячешь. Я сидел рядом, молчал и плакал. Мама тихо рыдала на кухне. Отец сухими глазами смотрел на весеннюю улицу. Ветрище рвал голые ветви тополей под окнами до заломов сучьев. В открытую форточку слышен был стук вагонных колёс о рельсы далёкой железной дороги, тонко пахло шпалами этой дороги, в небе солнечно и светло. А тут? Умирать. Хоть и не пора, всего шестьдесят шесть, но приходится. С Богом не поспоришь, все в Его воле. Отец хоть и был крещёным в младенчестве, креста нательного никогда не носил. Одет он был в выцветшую офицерскую рубашку. Ворот расслаблен до третьей пуговицы, и светился теперь уже на его крепкой внешне ещё груди простенький, дешёвенький крестик на шерстяной нитке-гайтане.

– Умирать, сынок, не страшно, – повернул он в мою сторону тёмное от мятежных мыслей лицо. – Страшно вас одних на земле оставлять. – И в словах этих была такая непостижимая правда, что и дышать стало нечем: без него на земле теперь за всех в ответе буду первым я, его сын и его смысл жизни на земле.

Умер отец на рассвете. Умер тихо, стиснув от боли зубы, чтобы никто не услышал его прощального и предсмертного стоны сожаления...

Берега актуальности

Барбара Кригер

Барбара Кригер – философ, культуролог. Выпускница Краковского Ягеллонского университета, в прошлом научный сотрудник и преподаватель Академии наук и Института истории культур. С 1990 года активный деятель Славянского Движения, участница I-го Учредительного Всеславянского Собора. Автор более 90 работ в области славяноведения, экологии, охраны окружающей среды. Член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член Международной Славянской Академии.

МИР ПО-НОВОМУ

(Развитие мировоззрения в эволюционной перспективе)

Эссе

Рассматривая различные исторические эпохи, начиная с неолита, мы осознаём их отличия и своеобразие во всех аспектах. Мы считаем само собой разумеющимся, что в то время всё было иначе: способы получения пищи, инструменты, обряды, организация общественных групп и т. д. Понятно также, что для каждой эпохи была своеобразная картина мира, которая функционировала в сознании людей того времени.

В истории нашей цивилизации таких разнообразных эпох обычно выделяют по меньшей мере пять. Однако нам, современникам, трудно представить и принять, что очередная такая кардинальная перемена эпох происходит именно сейчас, при нашей жизни, и что именно мы являемся не только её свидетелями, но и участвующими в ней творцами. А так оно и есть. Мы живём, действуем, думаем и чувствуем внутри этого преобразования, которое охватывает нас со всех сторон и во всех сферах жизни.

В настоящее время мы имеем дело с беспрецедентной, уникальной эпохой, всеобъемлющей трансформации. Мартин Ховард говорит: «Это как будто в планетарном сознании установлена новая операционная система». По этой причине у нас создаётся впечатление, что мы живём в мире хаоса и распада всех структур. Существующие ориентиры, как в организации обществ, так и в психо-духовной сфере, меняют своё место. С другой стороны, у нас есть доступ к огромным, аккумулированным знаниям и информации почти о каждой детали, каждом проявлении жизни, которые создают сложную, разнообразную и часто совершенно непонятную картину современного мира. Одним словом, это требует от нас большой переоценки наших отношений с социальной и природной средой, но, прежде всего, понимания условий нынешнего состояния (*state of Art*) и нашей собственной роли в мире. Это даст возможность жить в соответствии с ходом эволюции, в которой мы участвуем как сознательная частица, одно из многих, но значимых звеньев в сети жизни, а значит, в большей совокупности – в системе жизни на Земле.

Дезинформация как угроза

Тридцать лет назад, на Конгрессе универсализма в Варшаве в 1993 году, антрополог Анджей Верчиньский напомнил важный принцип стабильности систем (*Berthalanfy*), особенно социальных систем. Если в систему вводится дезинформация, система реагирует так, как если бы она была правдивой: следовательно, она теряет стабильность, пока, наконец, не разрушается. В то время Верчиньский сказал, что через 20–30 лет мы можем этого ожидать. И это, к сожалению, произошло. Именно с этим явлением мы сталкиваемся сейчас, поскольку в социальной системе циркулирует ложная

информация, неадекватная реальным состояниям в природе и обществе. Это приводит к дестабилизации и разрушению, которое мы болезненно ощущаем. Подводя итог своим исследованиям сознания, доктор Дэвид Хокинс (2006) писал: «Похоже, что величайшая трагедия человеческой жизни – это лёгкость, с которой можно обмануть психику: разногласия и ссоры являются неизбежным следствием неспособности человеческого рода отличать ложь от истины».

Распространение дезинформации в мире может происходить от человеческого заблуждения (*errare humanum est*). Однако трудно утверждать, что на протяжении всей истории оно всегда было непреднамеренным. Именно человек вместе со своей культурой может инициировать по желанию глубокие процессы в обществе и природе. Но это уже рассуждения из области этики.

Десять с половиной миллионов лет мы собираем и записываем опыт человечества. Биоэволюция стимулирует созидание культуры, а она, в свою очередь, поддерживает и модифицирует биоэволюцию, создавая ноосферу. Знания накапливаются, а культурная запись обогащается, и, наконец, формулируется интегральное знание. Это знание в наше время было воспринято в рамках универсологии (Поляков), которая представляет собой синтез наук, являющийся непрерывным познанием принципов и истин, объединяющих все области человеческого знания. Универсология последовательно и целостно фиксирует накопленные всеми цивилизациями знания. Теперь она может служить инструментом для модификации и преобразования цивилизации в направлении устранения ошибок и создания новой, оптимальной реальности. И это была бы роль, достойная человека как соавтора эволюции.

О мире, в котором мы живём, всё сказано, всё записано в культурных преданиях, и человек по-прежнему утверждает, будто не знает, каков мир и как достичь в нём удовлетворительной жизни, то есть жизни здоровой, счастливой, полезной. На протяжении тысячелетий нам говорят об этом и передают свои записи учителя и мастера во всех культурах мира. Но современный человек редко использует это знание и боится будущего, потому что не доверяет себе, не знает своего потенциала и не понимает своей роли как соавтора эволюции во Вселенной.

Мы отчаянно ищем новые истины (*New Age*) и, к сожалению, игнорируем вечные истины, о которых нам говорят культурная традиция, классическая наука и современная наука, именуемая «новой наукой». Однако в этих сообщениях накопилось много ошибок, искажений, в том числе преднамеренной лжи и так называемого «информационного шума». Самые опасные искажения связаны с нашей собственной природой и сообществами, которые мы создаём. Самая большая и в то же время тривиальная ошибка – это утверждение, будто «человек есть сущность сам в себе». Это усвоенная принятая в коллективном сознании абстрактная модель, порождённая нашим эгоцентричным умом. Между тем такого человека не существует: без естественного, природного (биосферного), семейного, родового, национального и вообще социального контекста. Если только это не искусственный человек, то есть робот – имитация человека. Следовательно, воображаемая обособленность и независимость человека совершенно иллюзорны. Поэтому трудно говорить об абсолютной автономии человека. Более правдиво объясняется это уже признанным принципом реляционности, поскольку характеристика сущности человека может быть определена только путём учёта отношений, в которых он находится, по отношению к другим людям, к социальной и природной среде, по отношению к Земле и Космосу. Рассматривать человека как самостоятельный, единичный экземпляр вида отнюдь не является признанием его ценности. Напротив, это тривиальное и оскорбительное его приуменьшение.

Между тем западная концепция человека, прежде всего, представляет индивидуализм как особую ценность, не видя его иллюзий и слабостей в понимании сущности человека и сложности его функционирования. Следовательно, это приводит к непониманию и даже обману, поскольку такой подход ведёт к построению на его основе ошибочных теорий и ложных принципов организации сообщества. Такое мышление передаётся следующим поколениям через воспитание и школьное образование. У пришедшего в мир человека мало шансов узнать достаточно рано, что он несёт в себе генетическое и культурное наследие и эволюционное послание. Об этом знают антропология, генетика и молекулярная биология и, следовательно, наука. Это знание также содержится в религиозных и философских системах. Поэтому нельзя утверждать, что мы этого не знаем. Таким образом, растущий человек должен получить эти знания. Между тем в самые ранние годы жизни ему дарят механизированную куклу с человеческим именем, а это злоупотребление, которое затрагивает до-

стоинство нового человеческого существа, оказавшегося в центре мира, внутри процесса жизни и разделяющего с ним его величие, как проявление Высшей Творческой Силы, и являющегося со-создателем эволюции.

По сути, в каждой этнической культуре были выведены принципы, которыми должен руководствоваться человек, чтобы успешно для себя и на благо общества наметить и преследовать личные цели, стремясь к равновесию и гармонии со своим окружением. Это указывает на то, насколько важно культурное наследие для жизни и развития каждого национального сообщества. Конечно, из-за различных географических, климатических, исторических условий и т. д. здесь мы имеем дело с большим разнообразием обычаев, нивелировать которые было бы неправильно, – скорее, необходимо понимать и творчески использовать его в поисках современных решений и оптимальных культурных моделей.

Ловушка индивидуализма

Индивидуалистическая позиция имеет как эволюционные, так и культурные источники и отнюдь не признана универсальной ценностью во всех культурных областях. Прежде всего это характерно для европейских сообществ. Многие говорят о том, что западные склонности к индивидуализму обусловлены развитыми в ходе эволюции психическими адаптивными механизмами. Предки европейских народов эволюционировали изолированными группами в условиях низкой плотности населения, на северных землях, где преобладали суровые условия. Фриц Ленц утверждал, что «из-за суровых условий окружающей среды ледникового периода скандинавские народы развивались небольшими группами и развивали склонность к социальной изоляции за счёт склонности к созданию сплочённых обществ».

Что касается культурной обусловленности, то переломным моментом в формировании индивидуалистического отношения стало то, что на пути эволюции сознания в Средние века нравственная дисциплина сделала упор на имманентную ценность индивидуального бытия. Как пишет Уайтхед, этот акцент заставил концепции человека и его опыт занять место в основе мысли. И это было недоразумение. Возникающая индивидуальная ценность каждого существа ошибочно интерпретируется как независимое субстанциальное существование этого существа. Позднее это недоразумение было закреплено в коллективном сознании на протяжении многих веков, вплоть до настоящего времени, картезианской моделью человека. Субъективное чувство обособленности (*Cogito ergo sum*) якобы должно доказывать также обособленность и независимость человека как отдельного, автономного субстанциального существа. Такое понимание, конечно, поддерживается существованием наших отдельных организмов. И это правда, мы имеем отделённые от других людей тела. Но неправда, что они могут прекрасно функционировать отдельно и независимо, поскольку связаны сетью взаимозависимостей со всем социальным организмом, а также со всей биосферой, составляя её частицу.

Как было сказано, европейский индивидуализм отнюдь не является универсальной ценностью во всех культурах. Как утверждает китайский философ Чжао Фусань, индивидуализм исключён из китайского общества, которое не видит в нём достоинств, наоборот: считается, что он мешает достижению гармонии в любом сообществе. Для среднестатистического китайца очевидно, что индивидуум реализует себя в своей социальной ответственности, в поисках полной интеграции с сообществом. Свобода и одиночество воспринимаются как два лица одной и той же жизненной позиции, совершенно чуждые китайской традиции. Индивидуалистический подход считается исключительно монополистически западным, и для него нет объективных обоснований, основанных на знании природы человека.

Современный психолог и доктор психиатрии Берни Сигель отмечает, что «культуры, которые придают большее значение индивидуализму и конкуренции, наиболее подвержены стрессам. Те же, которые вызывают наименьшее количество стрессов и имеют самый низкий уровень заболеваемости раком, являются тесно живущими общинами, в которых взаимопомощь и сердечные отношения являются нормой, а пожилые люди продолжают играть активную роль». Напротив, в индивидуалистических культурах существует слабая аффективная привязанность к собственным группам.

Доминирующим типом личности, формирующим индивидуалистическую культуру, именуемую западной, является человек, для которого главенствуют личные цели, которому социализация в про-

цессе образования прививает приверженность самостоятельности, независимости и сосредоточению внимания на собственной личности, как если бы все реально существующие и неотъемлемые отношения с сообществом и природой были вторичными. Между тем успешное функционирование без признания этих отношений первостепенными вообще невозможно. Человек потерян и не может реализовать свой потенциал – жить «полной жизнью». Таким образом, основанные на индивидуалистическом мышлении концепции и социальные модели, следовательно, ложны, поскольку в их основе лежит неадекватная, ложная концепция человека. Она игнорирует истину о том, что мы существуем как частицы ЦЕЛОГО, способные развивать сознание, независимо от того, знаем мы об этом или нет.

То, что наши знания о природе человека фрагментарны и во многом не соответствуют действительности, является недостатком нашей культуры и препятствием для развития сознания. Ложная, устаревшая картина мира тоже, очевидно, является дезинформацией (*Лысяк В. Столетье лжи*). Из восприятия этой картины и принятия её за основу действия логически вытекает ряд неадекватных, «ошибочных» поведений, последствия которых будут нежелательными, с непредвиденными и вредными последствиями, например нарушающими стабильность системы. Отсутствие осознания того, что функционирование системы основано на ложных данных, задерживает или препятствует эффективному регулированию, то есть контролю. В переводе на общедоступный язык речь идёт об уважении к истине. О возвращении понятию истины основного смысла. И прежде всего, об отказе от релятивизации «истины». Конечно, познать истину – дело трудное, но не невозможное. И эта тема имеет богатую литературу. Однако, по сути, можно сделать вывод, что требование уважения к истине и его значение можно объяснить даже ребёнку, и он способен это понять.

Если какая-либо система получает дезинформацию от окружающей среды, то эта дезинформация управляет её адаптационными действиями, которые неадекватны ситуации. Иными словами, система отвечает действием, которое, следовательно, вызывает её нестабильность или даже разрушение. С этим явлением мы сейчас сталкиваемся, потому что в социальной системе безответственно генерируется дезинформация (SMI). И это обычно делают люди и создаваемые ими институты. Особенно это касается таких областей, как наука, политика и образование. По сути, это результат отказа от основных принципов уважения истины и ответственности за слово, то есть за социальное сообщение. А значит, и результат нарушения принципов, признанных и уважаемых во всех верованиях и традициях, лежащих в основе организации общественной жизни. Нарушение этих правил приводит к далеко идущим негативным последствиям, о чём должен помнить человек как в личной, так и в коллективной жизни. В настоящее время эти принципы игнорируются и нарушаются, и результатом является хаос, страдания и разрушение всех социальных структур и, наконец, всей цивилизации. Если мы это не изменим как можно скорее, нас ждёт тотальная катастрофа, признаки которой уже видны в жизни отдельных государств и народов, а также в международном сообществе.

К категории дезинформации также можно отнести устоявшееся в культуре представление о природе мира. Оно фрагментарно, ложно и несовместимо с современными научными знаниями. Это также приводит к устареванию стратегий адаптации и развития человеческих обществ. Необходимо распространить новую картину мира, чтобы можно было более эффективно адаптировать действия вместо бесплодных и ошибочных действий.

В начале XX века В. И. Вернадский выделял в истории мысли два вида синтетических представлений о мире, названных им «физическим» и «натуралистическим». Первый из них рассматривает реальность с точки зрения математической физики: он говорит об энергии, электронах, квантах и т. д. Но этот образ лишён существенного элемента, а именно жизни. Однако его включает натуралистический, биологический подход, который более полно выражает Вселенную. По мнению Вернадского, развитие науки идёт в направлении «большого синтеза» обеих картин мира. Зародыши этого процесса уже были очевидны в науке XX века, в которой, с одной стороны, произошла модификация понятий классической физики, таких как время, пространство, материя, а с другой – произошло интенсивное развитие биологических наук. Вернадский писал: «Живой организм биосферы должен изучаться как особое, не сведённое к известным физико-химическим системам тело»... и далее «меня уже давно удивляет отсутствие стремления охватить природу, в области эмпирического знания, целиком». И действительно, счастливым образом в направлении понимания целого и единства развивается наше понимание и описание мира.

В сторону нового видения мира

Ньютоновская модель Вселенной стала уже неактуальной, и нужно принять к сведению и признать, что в науке меняется всё понимание Вселенной, которая в настоящее время понимается как поле энергии, а не как материалистическая, механистическая модель. Материя представляет собой конденсированную энергию. Первоначально считалось, что материальные тела, имеющие массу, образуют вокруг себя поля и силовые линии, взаимодействующие друг с другом. Позже появилась теория, доказывающая, что именно энергия создаёт поля и материю. Это относится ко всем материальным объектам, включая живых существ, при том, что последние имеют свои биополя, тесно связанные с сознанием (*Б. Пономарев*). Следовательно, физика, биология и психология постепенно открываются в духовное измерение реальности, а на практике западная культура открывается и в мистику Востока. Также возрастает осознание роли человеческого вида как фактора гомеостаза в биосфере.

Кроме того, в последней четверти века параллельно академическому течению науки появились исследователи, представляющие более интегральный и эволюционный подход. Их сенсационные и подтверждённые исследованиями результаты, вероятно, будут ассимилированы официальной наукой, если она не хочет быть отвергнутой из-за косности и устаревания. Говоря о самых выдающихся, следует назвать физика и геолога Грега Брейдена, биолога Брюса Липтона и психолога и психиатра Джо Диспенца. Брейден опровергает миф о том, что изменение климата является чем-то новым в истории человека. Напротив, он доказывает на основе геологических исследований, что изменение климата в истории Земли уже происходило неоднократно и даже зафиксировано в древнейших исторических источниках. Он также указал на космические условия климатического кризиса. Липтон же, занимаясь клеточной биологией, опроверг так называемый генетический детерминизм, доказав, что жизнь человека не контролируется ДНК, а гены являются лишь ответчиками восприятия, полученного из окружающей среды клеточной мембраной. Не гены определяют нашу жизнь, но то, как мы живём, влияет на наши гены. Вера в то, что гены контролируют нашу жизнь, совершенно неверна. Липтон понятным образом объясняет открытия эпигенетики, квантовой физики, химии и биологии. Новые открытия показывают, насколько сильно мы можем решать свою жизнь. Не гены определяют нашу жизнь, но наше сознание влияет на наши гены. Джо Диспенца доказывает не только пластичность нервной системы человека, но и, основываясь на нескольких тысячах исследований, доказывает, что человек может сознательно трансформировать свою нейронную сеть и работу мозга, создавая свою собственную судьбу. Многие книги названных авторов доступны в мире, в том числе в Польше. Их лекции также доступны в Интернете. Таким образом, ищущие знания имеют возможность этими знаниями воспользоваться. Это знание радикально меняет наше понимание природы человека и реальности. Конечно, в этом потоке уже работает много замечательных людей, которых здесь невозможно перечислить. Можно надеяться, что это течение развернётся в полной мере, создав новую парадигму, изменив направление развития цивилизации.

В настоящее время также приобрела популярность сформулированная Джеймсом Лавлоком гипотеза Геи как органического целого. Она отвечает многим людям, разочарованным частичностью и банальностью научных гипотез, касающихся человека и мира. Напротив, мышление категориями «Геи» позволяет нам лучше понимать естественные взаимозависимости и целостность процессов жизни. Это также помогает нам воспринимать многие кажущиеся противоположности как взаимодополняющие и согласуемые явления. Тем более что растущее знание природы убеждает нас в том, что атрибутом жизни является не взаимоисключение явлений, а их взаимозависимость и взаимодополняемость. Все явления взаимозависимы, потому что они сосуществуют в одной и той же реальности, функционирование которой основано на взаимной причинности. Всё во Вселенной так или иначе связано с целым.

Всемирно известный учёный, разработавший теорию систем и сформулировавший понятия холона и холизма, Эрвин Ласло провозгласил на «Саммите стражей Земли» в ноябре 2022 года своё кредо, которое блестяще вводит нас в новую парадигму. Это чрезвычайно синтетический и прозрачный подход. Можно считать, что он должен стать общим кредо для нашего времени и нынешних условий.

Кредо Эрвина Ласло

«Я часть мира. Мир не вне меня, и я не вне мира. Я часть природы, а природа – часть меня... я то, чем я являюсь в своём общении и общении со своими собратьями. Я несокращаемое и единое целое с сообществом людей на планете. Моё тело, мои клетки являются проявлениями самодостаточного, саморазвивающегося динамического целого, возникающего, продолжающегося и развивающегося в сочетании со всеми другими динамическими целями вокруг меня. Я одно из высших, наиболее развитых проявлений, стремящееся к сплочённости и целостности во Вселенной. Все существа во Вселенной стремятся к этому, и моё существо – это космическое устремление. Это тот же дух, то же устремление, которое присуще всем динамическим системам, которые возникают и развиваются в природе. Будь то на этой планете или где-либо ещё в космосе. В этом мире нет абсолютных границ и разделений, только фазовые переходы, в которых ряд связей приводит к другой частоте проявления. Фундаментальными являются отношения, ведущие к сплочённости и экологии. Личность, которую я представляю другим людям, – это просто удобное соглашение, которое облегчает мне взаимодействие с ними. Категориальных делений нет. Мы все динамичные, живые системы, и мы все являемся частью сети жизни на планете, пытающейся поддерживать систему, которая мне известна, как Я».

В своей лекции на этом саммите Ласло сказал, что старый мир переходит в историю, новый мир ждёт, когда мы его создадим. Однако на данный момент доминирующее мышление преграждает путь. Доминирующий менталитет препятствует глобальному сотрудничеству. Он ориентирован на индивидуальные интересы в узких временных рамках. Люди отделены друг от друга и от окружающего мира. Они убеждены, что должны заботиться о своих интересах, потому что выживут только сильнейшие. Однако возникает иное мировоззрение. Оно основано на результатах новых наук – квантовой физики и биологии. Они доказывают, что в принципе мы едины, и из этого следует, что забота об интересах других имеет первостепенное значение. Ласло также говорил: «Мы являемся частью природы и Вселенной. Эволюционный Импульс внутри нас. Мы должны быть открыты для изменения мышления, чтобы понять истинную природу мира, мы должны смотреть с целостной точки зрения. Мы должны учитывать взаимосвязь и взаимозависимость всей жизни на Земле. Жизнь на планете здорова, когда она целостна. Мы существо не только социальное, но и духовное. Наша духовность должна развиваться и воспитываться. Ганди советовал нам стать той переменной, которую мы хотим видеть в мире. Если мы позволим нашей духовности сиять силой и связывать нас с людьми и природой, мы не можем дать себя смутить текущей оценкой духовности, которая утверждает, будто духовность непрактична, идеалистична, авантюрна. Напротив, она является столь необходимым противовесом узкому прагматизму. Стать более духовным – одна из самых практичных вещей, которые мы можем сделать».

Проявления нынешнего глобального кризиса во всех сферах жизни показывают нам, что дальнейшее развитие цивилизации в том же направлении, чрезмерно нашим видом развитой, экстенсивной материальной культуры должно быть приостановлено и заменено развитием духовной культуры. Соавтор трансперсональной психологии Станислав Гроф в своей обширной книге «Психология будущего» (*Лодзь, 2020*) заявляет: «Нынешний глобальный кризис по своей сути является психо-духовным кризисом. Он отражает уровень эволюции сознания человеческого вида. Поэтому трудно себе представить, чтобы он был предотвращён без радикальной, внутренней и масштабной трансформации человечества и подъёма его на более высокий уровень эмоциональной зрелости и духовного сознания».

Все эти соображения приводят к выводу, что наиболее важным является развитие сознания, как на личностном уровне, так и на уровне сообщества, вплоть до видового и глобального уровня.

Эволюция сознания

В 1950-х годах французский философ Тейяр де Шарден писал: «Развитие мира живых существ происходит в направлении нервных систем, всё более богатых и централизованных. Увеличивается иннервация и увеличивается “цефализация” организмов. То есть на нашей планете объективно, с течением времени проявляется непрерывный подъём, непрекращающийся прилив сознания, который становится видимым в росте нервных систем... Если действительно космическое движение ко всё большему сознанию не является оптической иллюзией, а выражает саму суть биологической

эволюции, то на кривой, воображающей развитие жизни, человек, несомненно, занимает место на пике. Именно он, своим появлением и существованием, окончательно доказывает реальность этого процесса и определяет его ход» (*Очерк персоналистской Вселенной, с. 106*).

В нашу эпоху другой философ – Кен Уилбер, прямо говорит о «взрыве сознания». Он, пожалуй, самый известный в мире исследователь сознания. Его подход определённо эволюционный. В теории Кена Уилбера достигнута уже достаточно развитая конкретизация процесса развития сознания, чтобы её можно было практически использовать для анализа уровня сознания как отдельного человека, так и целых сообществ. Его теория находит практическое применение в решении социальных и политических проблем во многих странах.

Что такое сознание, каков его онтологический статус, до сих пор никто точно не определил. Однако несомненно, что оно служит для поддержки управления жизнью в соответствии с требованиями гомеостаза. Мы также должны признать, что его развитие является основополагающим для понимания мира и нас самих как сознательного фактора в биосфере, способного способствовать гомеостазу и, следовательно, равновесию всей системы жизни.

В настоящее время мы сталкиваемся, как правило, с двумя довольно чёткими позициями относительно происхождения сознания: 1) сознание является продуктом нашей нейронной системы и мозга (Дамасио, Деннет), 2) сознание первично и не происходит от мозга (Хокинс, Гроф, Седлак). Но есть ещё очень интересная позиция, что сознание есть и то и другое одновременно, и эта позиция кажется мне самой справедливой. Джеймс Маху, создатель портала *Wing Makers*, выразил это, возможно, не очень точно, но зато красиво: «Сознание – это единственное, чем мы всегда являемся. Наше тело-это вновь растворится в небытие, но Суверен, который является нами, всегда существует, всегда что-то испытывает. Он – наше присутствие в этом мире, которое непрерывно продолжается. Он – вечное пламя любопытства, частью которого является каждый из нас. Он в равной степени и тот, от кого мы исходим, и тот, кто является нашей судьбой» (*The Sovereign Integral; a new model of existence, 2022*). Эта точка зрения подтверждается высказываниями других выдающихся исследователей сознания, например межличностного психолога Станислава Грофа: «Сознание – это не продукт физиологических процессов, происходящих в мозге, а главный атрибут существования... Вселенная наполнена творческим интеллектом, а сознание неразрывно переплетено с его структурой. Наша идентификация с изолированным телом и эго – это иллюзия, а наша истинная идентичность – это целостность существования. Такой способ понимания создаёт естественную основу для уважения к жизни, сотрудничества и взаимодействия, заботы о человечестве и планете в целом и глубокого экологического сознания».

В своих размышлениях о сознании другой учёный, профессор Седлак, в частности, пишет: «Сознание – это инструмент для познания природы человека, точнее, своей природы. Это инструмент измерения человечности. Но человек является результатом именно рефлексивного сознания. То есть сознание – это инструмент, который распознаёт себя и определяет собственную природу... Человеческое сознание, подобно жизни, имеет электромагнитную природу, можно говорить об электромагнитной волне жизни... Жизнь как нерушимая не может быть уничтожена, умирает носитель жизни, то есть биологическая масса, называемая организмом, а излучаемая волна продолжается».

Если несколько человек из разных стран на нескольких разных языках очень похоже описывают определённое явление, то можно предположить, что речь идёт об одном и том же явлении. Причём подобных описаний очень много, в разные эпохи и в разных культурах, только по каким-то причинам мы этого не замечаем. Что касается определения сознания наукой, то, возможно, для него ещё не пришло время, поскольку наши научные знания о функционировании мозга до сих пор этого не позволяют. Но это не значит, что нет возможности для создания более эффективных научных методологий, которые до сих пор не созданы. Между тем я предлагаю дистанцироваться от спора о том, является ли сознание субстанциальным существом или же оно возможно только как атрибут человека, сознательного бытия. Скорее, можно предположить, что это и то и другое одновременно. Между тем оно анализируется и описывается с разных точек зрения.

Ранее упомянутый учёный – Станислав Гроф, который в течение сорока лет занимался исследованиями сознания, в работе «Психология будущего» заключает, «что радикальная внутренняя трансформация человечества и подъём на более высокий уровень сознания могут быть нашей единственной реальной надеждой на будущее».

В эпоху общепризнанного цивилизационного кризиса никакие философские, политические или экономические концепции не создадут возможности для преодоления этого кризиса, если их основой не будет нравственность. Только принятие общепринятых моральных принципов и опора на них в индивидуальной и общественной жизни может изменить к лучшему жизнь каждого из нас и всех наших сообществ. Возможно ли это?

Конрад Лоренц связывает этические вопросы с эволюционным генезисом аппарата восприятия человека, указывая на то, что акты оценивания порождаются глубокими, эмоционально очерченными, эволюционно предшествующими рациональным слоям, его слоями. Таким образом, стремление к определённым ценностям более примитивно и глубже закодировано в сфере восприятия человека по сравнению с его рационально управляемыми действиями. Таким образом, человек по своей природе является сущностью, направленной на ценности, и в его аксиологическом отношении преобладает изначальное чувство гармонии человека со всем окружающим его миром. Современные исследователи утверждают, что нравственное чувство – это скорее продукт культуры. Эти две позиции можно объединить, поскольку культурные продукты также имеют ссылки на биологические основы. Независимо от того, как истолковывается происхождение нравственного чувства у человека, оно является фундаментальным фактором социального функционирования. Нравственное чувство неким образом обуславливает поведение, упорядочивающее и укрепляющее межличностные отношения. Таким образом, оно является условием успешной организации социальных структур и в то же время оптимального личностного развития, приносящего удовлетворение человеку, отдающему должное моральным принципам и общественной пользе.

Из интегрального, целостного мировоззрения вытекают моральные принципы, определяющие отношения человека к самому себе, к своим сообществам: семейным, производственным, национальным, к другим людям и сообществам, к видовому – человеческому сообществу и к природной среде. В основе этих принципов лежит *уважение к святости жизни*, уважение к самому себе и другим существам, как проявлениям проникнутой божественностью целостности, *ответственность* за свои поступки перед собой и другими, перед обществом и перед Землёй, *творческое отношение к жизни*: создание самого себя, совместное создание сообществ. Совместное созидание культуры, *принцип справедливости*, общепринятой, *естественной умеренности* в использовании благ, возникающий за счёт эксплуатации окружающей среды.

ДИАЛОГ ОБ АЛМАЗАХ «DE BEERS» – РОССИЯ

Беседу с князем Никитой Лобановым-Ростовским ведёт к. э. н., д. п. н. Роксолана Юрьевна Жигón (dr. Roksolana Zigón), политолог, эксперт в сфере геополитики и глобальной дипломатии, сотрудник Женевской школы дипломатии и международных отношений, Швейцария, старший Советник фонда «Тиллотома», Индия, президент и основатель АНО АРФАИМ «Новое Просвещение» diplomatrz@yandex.ru <https://t.me/harphaim>.

Антисанкционная драматургия вышла на новый уровень: Евросоюз в рамках 12-го пакета антироссийских санкций запретил импорт российских алмазов с 1 января 2024 года. Кроме того, с 1 марта планируется начать поэтапные ограничения на импорт российских алмазов, обработанных в третьих странах. Страны G7, являющиеся активными импортёрами необработанных алмазов, создадут механизм их проверки на основе отслеживания и сертификации к 1 сентября 2024 года.

Каким образом Россия ответит на повышение градуса напряжённости в отношениях с Западом? Будет ли найдено «соломоново решение» между «быть или не быть» русским алмазам на мировом рынке и возрастанием противостояния между идеологически разнонаправленными взглядами на развитие новой системы миропорядка?

Для поиска ответов на этот непростой вопрос я пригласила к диалогу князя Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского, русского аристократа, Рюриковича в 33-м поколении, геолога, банкира, коллекционера, одного из крупнейших специалистов и собирателей русского театрального искусства первой трети XX века в мире, чья биография столь знаменательна и уникальна, что любые попытки найти на полотне его жизнеописания ключевой штрих, определивший природу всех остальных направлений деятельности и увлечений Никиты Дмитриевича, оказываются бесплодными.

В контексте алмазной темы невозможно не остановить свой взгляд на страницах биографии Никиты Дмитриевича, связанной с историей взаимоотношений всемирно известной алмазодобывающей компании «De Beers» с высшими эшелонами власти в СССР в эпоху холодной войны, а также в Российской Федерации после падения коммунизма. Являясь финансовым советником «De Beers» с 1987 по 1997 год, Никита Дмитриевич был не только свидетелем, но и непосредственным участником становления особых доверительных отношений между двумя сторонами.

Хотела бы выразить надежду на то, что вопросы и ответы, прозвучавшие в ходе нашего диалога, помогут лучше разобраться в причинно-следственных связях сегодняшнего противостояния между Россией и Западом.

Москва, 21.12.2023 г.

Р. Ю. Ж.: Никита Дмитриевич, я бы хотела начать с вопроса о взаимоотношениях между всемирно известной алмазодобывающей компанией «De Beers» и советской алмазодобывающей промышленностью. Что связывало эти два идеологически противопоставленных друг другу полюса?

Н. Д. Л.-Р.: Это ключевой вопрос, который ни в Советском Союзе, ни затем в Российской Федерации не обсуждался объективно. И это понятно, так как со времён Петра Великого каждого иностранца в России считали человеком, который пришёл в Россию, чтобы там заработать и её эксплуатировать. Эта психология продолжает своё существование и по сей день в обычном русском человеке. Так почему возникла такая прочная взаимосвязь между Советским Союзом и «De Beers»? Возникла она на основе тогдашних реалий, и здесь – крайне простые аксиомы. Советский Союз

работал в системе плановой экономики. То есть была пятилетка, и страна знала в рамках плановой экономики, какие у неё будут доходы, и в свете этих доходов распределяла расходы. Одной из отраслей доходов Советского Союза была алмазная промышленность. Я говорю сейчас о периоде 25–30-летней давности, когда годовая выручка Советского Союза с алмазов была 1 млрд (1 доллар тогда равнялся 10 сегодняшним), и который поступал в казну Советского Союза, пополняя его валютные резервы с безукоризненной стабильностью. СССР было важно знать, что тот миллиард долларов обязательно будет.

С другой стороны, была компания «De Beers», которая принадлежала одной семье. Её целью, в отличие от большинства капиталистических компаний, но подобно многим японским компаниям, было долгосрочное существование. Потому что каждый хозяин «De Beers» стремился передать наследнику здоровую компанию. Поэтому для «De Beers» стабильность рынка была важнее, чем выгода.

Третье важное составляющее – это то, что, будучи хозяином, один человек, Оппенгеймер, мог принять решение заключить контракт с Советским Союзом и обязаться выплатить ему определённую сумму денег на пять лет вперёд. Никакая другая капиталистическая команда на Западе и никакой совет директор не разрешил бы подписать такое соглашение во времена холодной войны. Здесь была важна и смекалка Оппенгеймера, то, что он взял риск, не боясь общественных и политических укоров и заключил с СССР соглашение. Этот симбиоз был исключительно выгоден обеим сторонам. Есть молва о том, что «De Beers» скупал всю поставку произведённых алмазов в Советском Союзе. Это не так. В контракте было указано, что 10 процентов производства СССР будет продавать самостоятельно, чтобы проверить, точно ли «De Beers» платит по рыночной стоимости или нет.

Так что взаимоотношения были открытыми, равными и полезными. Это подтвердилось тем, что, когда Горбачёв пришёл к власти и у Советского Союза не было денег, никто, ни братский Китай, ни братская Куба, не дали в долг Советскому Союзу денег. Единственным, кто одолжил миллиард долларов Советскому Союзу на пять лет в залог под коричневые мелкие алмазы, был Оппенгеймер. Эти алмазы потом пришлось с великим трудом продавать на мировом рынке на протяжении многих лет.

Р. Ю. Ж.: Скажите, пожалуйста, Никита Дмитриевич, как складывалась предыстория этих взаимоотношений? Насколько мне известно, 16 марта 1921 года, ещё до установления дипломатических отношений, был подписан первый торговый договор в истории Советской России и Великобритании. Со стороны Советов его подписал полпред Леонид Красин. В этом договоре был интересный пункт, а именно: Англия брала на себя обязательства *«не накладывать ареста и не вступать во владение золотом, капиталом, ценными бумагами, экспортируемыми из России в случае, если бы какая-либо судебная инстанция отдала распоряжение о такого рода действиях»*. Что Вам известно об этом торговом соглашении и об этом уникальном, в своём роде, пункте соглашения?

Если происходило какое-либо нарушение, – а необходимо помнить о том, что после революции в России мировой рынок алмазов и бриллиантов был перенасыщен так называемыми «красными», большевистскими, бриллиантами, – это значительно опускало цену на рынке. Тогда был серьёзный поток контрабанды. Великобритания хотела остановить эту вакханалию на рынке. Обширная библиография, посвящённая данному вопросу, на самом деле представляет достаточно скудную картину данной части истории. Мало сказано о том, что взаимоотношения «De Beers» с Советской Россией начались в 20-х годах XX столетия задолго до 1959 года, когда Филипп Оппенгеймер посетил Москву и было подписано первое соглашение о сотрудничестве. Известно ли Вам что-либо об этом торговом соглашении?

Н. Д. Л.-Р.: Нет, мне ничего не известно по поводу этого торгового соглашения. Единственное, что я могу добавить к этому, что в английском законодательстве контракты, подписанные между государствами или институтами, принадлежащими государству, не подлежат судебным тяжбам. Это связано с тем, что Англия была королевством и давала иммунитет королевской семье. Очень часто это способствовало потерям не только в делах с Советским Союзом, но и в отношениях с другими государствами, которые были мошенническими по своей природе, как Африка сегодня, где добываются алмазы.

Р. Ю. Ж.: Однако чем всё-таки вызвана такая длительная история успешного сотрудничества между СССР, так называемым «исчадием коммунистического зла», и «De Beers»? В чём секрет подобной долгосрочности?

Н. Д. Л.-Р.: Советский Союз был экономикой директивной, он нуждался в стабильных доходах, чтобы распределять свои расходы. «De Beers» была квинтэссенцией стабильной компании, с которой можно было иметь дело.

«De Beers» в лице Филиппа Оппенгеймера из своего кармана мог лично выложить миллиард долларов в год Советскому Союзу. Никто другой в капиталистических странах к этому не был готов. Нужен был человек смелый и очень богатый, чтобы это сделать. Это было выгодно обеим сторонам. Важно также понять, что «De Beers» была компанией, невыгодной в части инвестиционных вложений. Что это значит? Когда вы покупаете актив

Тедди Доу, директор «De Beers», Никита Лобанов и сэр Филипп Оппенгеймер. Москва. 1988

какой-либо компании, вы стремитесь получить доход, который был бы выше, чем, скажем, банковская ставка, где у вас лежат деньги. «De Beers» в среднем зарабатывал 4–4,5 процента в год в то время, когда деньги в банках приносили вкладчику 6 процентов. Почему же это так было? Для того чтобы оставаться монополистом на этом рынке, «De Beers» было необходимо создать на нём стабильность, а стабильность зависела от баланса спроса и поставок. Чтобы создавать и регулировать баланс между ними, «De Beers» держал у себя инвентарь, сток (stock), товар, на 4 млрд долларов. При банковских ставках в 6 процентов это стоило 240 млн долларов в год. Это значительный ущерб для компании. И чтобы продолжить этот миф о высокой стоимости бриллиантов, «De Beers» тратила от 200 до 300 млн долларов на рекламу в год. Так «De Beers» теряла около полмиллиарда долларов в год в ущерб своей прибыли, которая была невысокой. Но когда у вас доход 4,5 процента, то вся семья имела многомиллионные доходы и ей было безразлично, получит ли она 5 или 8 млн долларов в год. Не было даже времени их все потратить. Важна была стабильность. И эта стабильность рынка, а также уверенность Советского Союза в том, что он получит эти деньги, была основой симбиоза интересов.

Р. Ю. Ж.: Нет сомнений в том, что «De Beers» преследовал своей главной целью установление баланса сил и удержание стабильности на рынке. Однако данный успех длился десятилетиями, а долгосрочные и крайне взаимовыгодные связи между компанией и СССР были обусловлены не только теми аргументами, которые Вы представили ранее, но и подкреплены иными ресурсами и интересами.

В конце 1950-х годов тогдашний советский министр цветной металлургии Пётр Фадеевич Ломако, который был основоположником алмазодобывающей промышленности в СССР, настоял не только на том, чтобы начался процесс разработки алмазных месторождений в Западной Якутии (так как добыча уральских алмазов не являлась высокодоходной и незначительно пополняла валютные резервы страны), но и на установлении и развитии взаимовыгодного сотрудничества с «De Beers», на его последовательном продолжении на протяжении многих лет. И надо заметить, что Ломако, опытный номенклатурщик, оставался у власти в течение 46 лет, срок, который может только сравниться с продолжительностью правления английской королевы Елизаветы I. Чиновник, переживший Хрущёва, Брежнева, Андропова и Черненко и удержавшийся в министерском кресле до самой перестройки Горбачёва, смог обеспечить бесперебойность контактов и тесного сотрудничества с «De Beers», что, собственно говоря, является уникальным фактом истории.

Н. Д. Л.-Р.: Та же самая зеркальная ситуация – в семье «De Beers». СССР знал, что хозяин есть, потом хозяином будет его сын, который возьмёт впоследствии на себя руководство компаний. Так что это были доверительные отношения между стабильными партнёрами. Я сам присутствовал на многочисленных заседаниях с российской алмазодобывающей компанией «Алроса». В качестве иллюстрации своих слов, чтобы Вам показать, насколько это были необычные отношения, я отмечу особый взгляд на дела Филиппа Оппенгеймера как капиталиста.

В контексте этих 10 процентов, которые «Алроса» могла самостоятельно продавать на рынке, был момент, когда «Алроса» вела обсуждение этого вопроса с «De Beers», указав, что намерена продавать алмазы там-то и тогда-то. Филипп Оппенгеймер в присутствии своего адвоката Тима Кейпона предупредил о том, что этого не следовало делать. Я был также на заседании, которое состоялось шесть месяцев спустя после этого диалога. «Алроса» потеряла деньги на этой продаже и хотела высказать свою обиду на «De Beers». Сэр Филипп Оппенгеймер сказал: «Извините, но мы же вас предупреждали». Как бы то ни было, но в конце заседания сэр Филипп выложил свою чековую книжку и выписал чек на один миллион долларов на имя «Almaz Iuvelir Export». Подарок. Когда мы вышли на улицу, я его спросил: «Почему вы сделали этот подарок, ведь ваш адвокат Тим Кейпон, присутствовавший на заседании, пытался вас остановить с просьбой не делать этого?» Он сказал: «Никита, для меня важнее продолжать работать с теми, к кому я привык. Я знаю, что все наши встречи прослушиваются, а затем проигрываются на “верхах”, и я не хотел бы, чтобы этих людей уволили, так как я к ним привык и буду продолжать с ними работать».

Это невозможно ни в одной акционерной компании. Надо быть воистину большим бизнесменом, обладающим столь незаурядным видением, чтобы это сделать.

Р. Ю. Ж.: Согласна. А чем вызвано поведение «Алросы» после 2008 года в контексте взаимоотношений с «De Beers»? В 1963 году СССР заключил первые контракты о продаже части алмазов «De Beers». В декабре 2008 года по решению Еврокомиссии в целях реализации европейского антимонопольного законодательства соглашение между «Алроса» и «De Beers» было прекращено. С 2009 года «Алроса» самостоятельно реализует свою продукцию на мировом рынке. Однако в 2009 год она вступила с серьёзными убытками размером 1 млрд долларов. «Алроса» практически ничего не продала на рынке. Чем было вызвано решение руководства «Алросы» продвигать стратегию самостоятельной торговли на мировом рынке алмазов, потеснив монополию «De Beers»? Это было чисто управленческим решением или частью геополитического плана со стороны России?

Н. Д. Л.-Р.: Не могу ответить на этот вопрос. Не компетентен.

Р. Ю. Ж.: Как Вам видится сегодняшняя ситуация с введением 12-го пакета санкций ЕС против российских алмазов? Будет ли «Алроса» искать баланс интересов с «De Beers» или всё-таки произойдёт развод между компаниями на рынке?

Н. Д. Л.-Р.: Развод произошёл уже давно. Нынешний манёвр имеет политическую и экономическую подоплёку. Суть его ясна. Это истерия США и Евросоюза раскручивать маховик санкций, попытка быть более популярными среди своих избирателей. Но это не нанесёт значительного ущерба «Алросе», так как существуют альтернативные пути продажи алмазов на рынке. Например, Дубай всегда был центром контрабандной продажи алмазов ещё со времён, когда я там работал в 60–70-е годы. Он и сегодня продолжает оставаться центром продажи алмазов и бриллиантов. Это будет ущерб только, главным образом, Антверпену, на Pelikaanstraat, 62, где находится алмазная биржа. Если говорить о мелких камнях, то обходным маршрутом будет Индия, где сконцентрировано огромное количество шлифовальщиков мелких камней, которые работают за один доллар в день. Это будет огромная для Евросоюза и США потеря.

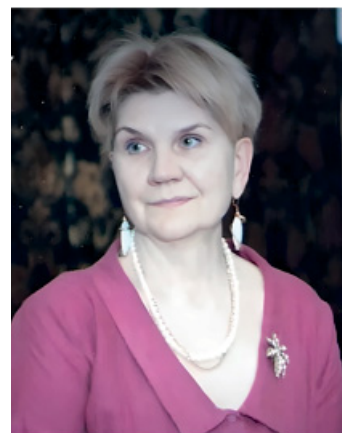
Более того, надо заметить, что якутские алмазы – самые лучшие в мире, и они всегда были необходимы «De Beers» для продажи. «De Beers» как монополист и регулятор алмазного рынка на торгах смешивал в своих коробках алмазы различного уровня качества и размеров, чтобы иметь возможность продавать всё то, что было поставлено. Якутские алмазы всегда являлись частью этих коробок. В одном из престижных тусовочных городов Швейцарии Gstaad есть даже магазин, где продают исключительно якутские алмазы. Так что по своему качеству они найдут своё место в мире. Вопрос в том, кто сумеет поддерживать этот рынок природных алмазов? Потому что, как Вы знаете, сегодня искусственный алмаз равен стоимости производства природного алмаза. Предстоит улучшение производства искусственных алмазов. Как снижение стоимости производства, так и увеличение размера алмазов. Это, в свою очередь, вызовет спад цены на природные алмазы.

В общем, будущее стоимости природных алмазов и бриллиантов выглядит не очень привлекательно.

Проза

Ольга Губарева

Ольга Алексеевна Губарева – публицист, автор просветительских проектов о космосе. Руководитель волонтерского клуба «Космическая семья» при Музее космонавтики в Москве. Родилась в Москве в семье лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Алексея Александровича Губарева. Детство и юность прошли в Звёздном городке. Работала старшим преподавателем в Академии внешней торговли РФ (СССР) (1982–1997), в Государственной Думе ФС РФ второго и третьего созывов (1996–2003), в журнале «Аэрокосмический курьер», сотрудничала с журналами «Авианорама», «Воздушно-космическая оборона», «Авиасалоны мира», с газетой «Советская Россия» и другими изданиями. Лауреат премии «Слово к народу».

В ПАМЯТИ МОЕЙ ЕСТЬ ГОРОД ДЕТСТВО

Вместо предисловия

Большое видится на расстоянии. Это воспоминания сквозь призму времени, когда я стала уже очень взрослой, когда пришло осознание и понимание того счастья, которое мне подарила судьба. Жить и взрослеть среди людей, одержимых великими мечтами и целями, дерзких, смелых, горячо любящих Родину, рискующих жизнью и преодолевающих трудности, – это огромное везение.

Так планеты сошлись. Папа стал космонавтом второго набора в январе 1963 года, и с этого времени я жила и развивалась вместе с отечественной пилотируемой космонавтикой, среди великих людей, которые осуществили прорыв жителей планеты Земля в космос и продолжили его освоение.

«Космическая семья», о которой я пишу, – это не фигура речи. Это именно семья. Это заблуждение, что космонавтов стало много, а полёты привычны и рутинны. Каждый полёт – особенный и опасный. Эта профессия и до сих пор остаётся редкой и штучной, приблизительно один из четырнадцати миллионов жителей Земли ею владеет.

Возможно, что личных местоимений очень много в тексте, но без них трудно обойтись. Кому-то покажется, что дети первых космонавтов жили особенной жизнью, а кто-то решит, что наше детство ничем не отличалось от его и других советских детей. И то и другое будет верно.

Звёздный

В Звёздный городок мы переехали весной 1966 года, когда мне ещё не исполнилось и шести лет. Сам переезд у меня в памяти остался за кадром.

Городок был очень маленький, всего четыре дома: наши две башни, «вставка» между ними (банкетный зал, бильярдная, кинозал и музыкальная школа), две пятиэтажки, самые первые, рядом с ними, напротив, одноэтажный небольшой кирпичный продуктовый магазин на два отдела с разными входами. Первый, где продавали продукты – мясо, колбасы, бакалея, хлеб, молоко и кондитерские изделия. Второй – соки-воды, овощи-фрукты и винно-водочный отдел.

Кроме описанного выше, существовал маленький отдел, буквально на полтораметровый прилавок, в том же здании, который назывался в соответствии с размером – «Стол заказов». Космонавты пару раз в месяц пользовались им: там можно было купить «дефицит». Это были не «продукты и товары повседневного спроса» (такая надпись часто была в деревенских магазинчиках), а сугубо «представительские» – чёрная икра, осетрина холодного (балык) и горячего копчения, красная икра и рыба. Приобретали импортное спиртное и напитки – виски, джин, даже тоник и содовую – космонавтов нередко посещали высокопоставленные гости, включая иностранцев.

Самым интересным и привлекательным для нас, детей, в «продуктах» были, естественно, конфетные витрины, где ещё продавались и «восточные сладости» (правильно, конечно, «сласти», но уж так у нас прижилось) – разные шербеты (очень нравился фруктовый), «сливочное полено» (весьма мною уважаемое в детстве), мармелады желейные (на агар-агаре) разных видов и цветов – от фруктовых до двухцветной «Балтики», большие жёлтые, зелёные и розовые леденцы на деревянной палочке в виде большого вытянутого листика – по четыре копейки за штуку.

Ещё завораживала витрина с тортами и пирожными: эклеры, корзиночки, трубочки, бисквитные с кремом и т. д. Качество – отменное, всё производства московских кондитерских фабрик. Пирожные были маленькими и большими, по одиннадцать копеек и по двадцать две, но потом как-то незаметно те, что были по одиннадцать, стали по пятнадцать – наверное, для удобства счёта (пишу и сама смеюсь, вспоминая М. Жванецкого). Я предпочитала миндальное, не из арахиса, как сейчас, с миндальной эссенцией, а из миндальной муки.

Шоколадом нас было не удивить (папам выдавали в рационе шоколадки ежедневно), но мы с удовольствием покупали пористый шоколад – «Слава» и «Конёк-Горбунок» в очень красочной обёртке – парящий между Солнцем и Луной среди Звёзд над стилизованным древнерусским городом Конёк с Иванушкой, в традиционном русском народном кафтане, на ярком синем фоне – фабрика «Красный Октябрь».

Вообще этикетки конфет нашего детства – целое художественное произведение искусства. Мы тогда все собирали красивые фантики от конфет. Очень была популярна игра в фантики. Особым образом свёрнутые «квадратики» или «треугольники» с руки кидали на другие обёртки, и чем большую площадь «чужих» фантиков, рассыпанных по поверхности (стола, лестницы, скамейки) захватывал или касался твой, тем больше ты выигрывал очков – фантиков. Очень был популярен обмен: некоторые конфетные обёртки шли аж одна за две, за три – самые редкие, которых было мало. Хранили их в заветных шкатулках – картонных коробках от шоколадных конфет или круглых жестяных, диаметром сантиметров десять-двенадцать, от монпансье-ландрин, маленьких фруктовых леденцов.

Мы покупали и «заморский» шоколад, что ни на есть самый настоящий «аглицкий», «мэйд ин оттуда», он поставлялся в СССР в 60–70-х годах и был в «свободной» продаже, то есть лежал на прилавках магазинов у нас в Звёздном и в Москве. Плитка молочного шоколада «Кэдбери» весила восемьдесят граммов (наша большая плитка – сто) и стоила дороже почти втрое. У этого шоколада были очень красивые и привлекательные этикетки – сине-серые и сиренево-серые, а шоколад – с целым черносливом или фундуком в каждой дольке с фирменной надписью.

Сказать, что он по вкусу нам нравился больше нашего, так нет – отличался немного от советского молочного, например «Алёнки», но – ни лучше и ни хуже, просто другой. Привлекательным было необычное присутствие чернослива, целых орешков и их сочетание с самим шоколадом. Я и по сию пору остаюсь поклонницей отечественного качественного шоколада – вкусовые привычки детства.

Особой популярностью у нас (более пятидесяти лет назад!) пользовались кукурузные хлопья, нынче именуемые «корнфлекс», на импортный манер. Продавались в картонных пачках по восемь копеек – с сахаром и ванилью, по пять копеек – без всего. Мы, естественно, предпочитали с сахаром. После того как съедали хлопья, переворачивали пачку и топали по ней ногой – она сминалась с лёгким хлопком, и только тогда её отправляли в урну. Современные аналогичные хлопья по качеству и вкусу неизмеримо хуже тех, что мы ели в детстве, – жёстче, грубее и не такие «заглазуренные».

Еда на улице категорически не приветствовалась. Хлопья – это то небольшое, что нам разрешалось съесть не дома. Исключение составляли также конфеты и мороженое. Если мы были в Москве, то на Ярославском вокзале по дороге домой нам могли после долгих наших уговоров и канючения купить жареный, густо промасленный «вокзальный» пирожок с повидлом. Дело было в нашей пищевой безопасности: «слишком жирный», «может быть не свежим», «руки грязные» и т. п. – чтобы ребёнок не отравился. Такого, как сейчас, вечно что-то жующего на ходу народа в нашем детстве не припомню ни в Звёздном, ни в Москве (на отдыхе на море это присутствовало – семечки, сладкая вата, кукуруза, орехи, пирожки и т. п.).

Среди молочных продуктов у детворы популярны были глазированные и ванильные творожные сырки с изюмом. Про молоко и хлеб надо добавить, что где-то в начале семидесятых нам даже из магазина привозили на дом молочные продукты и хлеб – не надо было идти в магазин. Кстати, в Москве тоже практиковалась такая «выездная» форма торговли, во всяком случае в Чертаново, где жили

родственники. Из соседнего «Молочного» привозили во двор дома, а стоило всё на одну копейку дороже. Например, сырок глазированный не пятнадцать, а шестнадцать копеек, что было не накладно. В Звёздном такая услуга была без наценки, нашим обеспечением занимался Военторг.

Родители частенько отправляли нас с поручением купить «к ужину граммов двести колбаски» – «Докторской», «Любительской», «Чайной», «Молочной», «Телячьей», «Языковой», могли «заказать» полукопчёную – «Краковскую», «Одесскую», «Украинскую» – в зависимости от настроения. Мы покупали колбасы не батонами и килограммами, а к ужину, да чтобы хватило на завтрак. Папы питались, кроме выходных и праздников, в лётной столовой, а иногда и семьи приглашали туда на воскресный обед, чтобы мы могли попробовать, чем и как их там кормят. Было очень вкусно – особенно запомнились пельмени и пирожки.

Среди хлебобулочных изделий нам нравились бублики с маком по пять, калорийные булочки по десять, булочки с маком или с повидлом по семь-восемь копеек, «марципан» – самая большая и «дорогая» булка – аж четырнадцать стоила. Она была с орехами в марципане внутри и сверху. Уважали мы и вкусные «ромовые бабы»: с шоколадной или помадной белой глазурью – сочные, влажные, мягкие, пропитанные сиропом – «а-ля» ромом.

Могли просто купить свежую городскую булочку за семь копеек, с гребешком, бабушка, «старорежимный» человек, её называла французской. Ну а мы – городской, как на ценнике. Любили ещё горчичный и кукурузный хлеб. Особенностью хлеба нашего детства было то, что он достаточно быстро черствел, а если вдруг плесневел, то только белой «пенициллиновой» крапинкой, а не как сейчас – чёрно-жёлтой мохнатой порослью.

И ещё немного о хлебе. Очень нравился нам просто кусок чёрного хлеба, политый растительным маслом, чуть посыпанный сверху крупной солью. И большим искусством было всё это проделать, чтобы взрослые не заметили, выйти во двор и жевать этот хлеб во дворе, на зависть окружающим. Если тебя дома заметили бы за этими манипуляциями, то обязательно усадили бы за стол и не позволили «кусочничать» на улице.

Нам, естественно, всего хватало, и даже больше, но дети оставались детьми: самым вкусным для нас казался хлеб, который выдавали солдатам, которые служили в Звёздном срочную службу и жили в казармах на окраине городка. Мы туда совершали «походы», а ребята-срочники нас угощали прямоугольными кусочками очень свежего своего серовато-ноздреватого «солдатского» хлеба из собственной пекарни.

Родители пришли в ужас, узнав о наших «набегах на казармы», категорически запретили «попросайничать и объедать солдатиков». Мама, которая работала на центрифуге вместе с супругой персонального водителя Ю. А. Гагарина, служившего прапорщиком в части и получавшего продуктовый паёк, куда в том числе входил и «кирпичик» солдатского хлеба, даже просила её, чтобы она для меня иногда приносила четвертинку этого хлеба. Сейчас это вспоминается с улыбкой.

В «водах-соках» покупали лимонад в стеклянных полулитровых бутылках – «Дюшес», «Буратино», «Вишнёвый». Стоил тоже недорого – шестнадцать копеек, если принесёшь бутылку на обмен. Мы бутылки не выбрасывали, как сейчас, а сдавали при покупке молока или газировки. За лимонадом себе сами бегали. Родители лишь напоминали смотреть, чтобы не было осадка в напитке. В нашем детстве лимонады были натуральными, срок годности составлял не более пяти-шести дней. О качестве продуктов не задумывались, всё выпускалось в соответствии с ГОСТом, только беспокоились о свежести и правильном хранении.

Я так подробно описываю продукты и цены, чтобы читатели, которым «не пришлось жить в эту прекрасную пору», поняли, что это были совсем недорогие лакомства для обычного советского ребёнка того времени, если только речь не шла о шоколадных конфетах и деликатесах, которые покупались обычно к праздникам. На школьный завтрак нам выделяли пятнадцать или двадцать копеек, что вполне хватало на булочки и чай.

Новоселье

Моя «официальная» жизнь в Звёздном, которую я уже хорошо и осознанно помню, началась с лета 1966 года, после торжественного новоселья. Это был феерический праздник, его можно по степени накала эмоций и радости сравнить только с латиноамериканским карнавалом. Воспоминания о ново-

селье в Звёздном в моей памяти затмевает все фиесты, которые мне пришлось видеть потом в своей жизни.

Был солнечный, тёплый, почти жаркий, летний день. Наши родители находились в очень приподнятом и праздничном настроении с раннего утра, очень красиво оделись и нас нарядили. Царила, можно сказать, звенела, атмосфера огромной радости и какого-то счастливого ожидания прекрасного. Естественно, это всё передалось и нам, детям. Дом просто гудел. Звучала громко музыка, от которой пела душа и жизнь становилась ещё прекраснее, чем она была, а будущее, которое строили и прокладывали наши родители, манило своей загадочностью.

Мы, дети, объединившись в группки-стайки, носились по всем одиннадцати этажам. У каждой квартиры стоял небольшой столик, чаще всего журнальный, сервированный конфетами, печеньем, фруктами, маленькими пирожными, пирожками, разными коньяками, винами, шампанским, лимонадом, минеральной водой, соками, а к этому великолепию прилагались – рюмки, красивые стаканы, десертные тарелочки стопочкой. Витал по дому «запах праздника» – смешанный аромат прекрасных армянских и молдавских марочных коньяков, фруктов, шоколада, выпечки.

Этот аромат «праздника из детства» навсегда у меня в памяти. Потом точно такой всегда чувствовался на первом этаже в доме на Новый год или во время каких-либо торжественных встреч или мероприятий во вставке. Иногда и сейчас «праздничный аромат» напоминает мне о беззаботном детстве – на некоторых приёмах или фуршетах по случаю «космических дат», навевая чудесные воспоминания о том, когда родители были молодыми, деревья большими, а мы – детьми.

Приехали высокопоставленные гости. Их было очень много. В гражданской одежде и военной форме, солидные такие дяди – старше наших родителей, по виду и возрасту – ровесники нашим бабушкам, потому что дедушек у нас почти ни у кого не было. Мало осталось в живых к этому году мужчин из-за страшной войны, в которой победил наш народ: помню папу тёти Светы Леоновой¹, который бывал у неё в гостях, а потом, в начале семидесятых – деда Мишу, отца Г. М. Гречко², с которым мы часто отдыхали вместе, когда Георгия Михайловича и папу поставили в экипаж.

Среди гостей особенно выделялся усатый «пожилой» военный в белой форме, с золотыми нашивками и огромными золотыми погонами с красивейшими звёздами на них. Мы привыкли к военной форме, не раз видели своих отцов и в повседневной, и в парадной. Но такую красоту военного мундира и так близко – впервые. Он улыбался нам, гладил по голове, о чём-то спрашивал и с неподдельным интересом слушал наши ответы. Мы с любопытством рассматривали его китель с яркими орденскими планками. Потом, будучи достаточно взрослой, увидев фотографии, где мы с Викой Леоновой³ и с этим военным стоим перед домом, я спросила маму о том, кто это с нами или с кем это мы. Оказалось, что это был легендарный Маршал Советского Союза – Маршал Победы – Иван Христофорович Баграмян. Ему, человеку, принёсшему нам столь долгожданный мир, видимо, было интересно узнать, чем дышат, о чём думают и чем живут эти юные создания через двадцать лет после Великой Победы, ровесники его внуки, ради счастья которых отдали жизнь миллионы наших солдат. Вот почему маршал так внимательно с нами общался.

Эта большая делегация спускалась пешком с одиннадцатого этажа до первого в сопровождении космонавтов во главе с Юрием Алексеевичем Гагариным, руководства Звёздного, с которым мы, конечно, были знакомы, некоторые из них тоже жили в нашем доме и работали в военной части, тогда закрытой и секретной. Нас научили, что если вдруг мы где-то потеряемся, то в милиции надо сказать, что родители работают в этой части, назвать не свой домашний адрес, а именно номер. Он в моей памяти навсегда – в/ч 26266 – как детский стишок.

Мы шумной ватагой сопровождали гостей по всем этажам, но никто на нас не шикал, не делал замечаний, все только радовались и улыбались. Взрослые останавливались на каждом этаже, там их встречали наши папы и мамы, предлагали угощение. Гости старались никого не обидеть – что-нибудь обязательно пригубляли символически, что-то брали в качестве угощения. Говорили какие-то слова, наши молодые красавицы-мамы в ответ улыбались, отцам пожимали руки, иногда спрашивали разрешения зайти в квартиру, их с удовольствием приглашали.

---

¹ Супруга лётчика-космонавта СССР А. А. Леонова.

² Лётчик-космонавт СССР Г. М. Гречко.

³ Старшая дочь лётчика-космонавта СССР А. А. Леонова.

Наконец, обход дома закончился, все собрались перед домом, постояли, поговорили, сфотографировались сами и пофотографировали нас. На территории части и Центра подготовки космонавтов – на берегу небольшого озера – были накрыты столы, куда все гости и родители поехали на автобусах. Мы, дети, разошлись по домам, но, как оказалось впоследствии, – не все.

Моя подруга Таня¹, за которой должен был приглядывать её старший брат, крутилась возле автобусов. Одна из наших соседок пригласила её с собой, и Танюшка залезла в автобус. Андрей² тщательно ей кричал, чтобы сестра этого не делала, но автобусы с родителями, машины с почётными гостями колонной уже тронулись, отправившись по месту назначения.

Когда они приехали на озеро на территорию части, выгрузились из автобусов и сели за столы, папа с мамой, которые ехали другим транспортом, с удивлением обнаружили, что их дочь тоже прибыла с ними и сидит за столом рядом с соседкой. Они позвали Танюшку к себе, поинтересовавшись, как она оказалась со взрослыми. Праздник продолжился на природе, подруга побыла какое-то время со взрослыми на пикнике, поела шашлыков, а потом её отправили домой, к брату.

Мы были «космической семьёй». У нас в доме даже первое время двери закрывали только тогда, когда уходили из дома, поэтому то, что Таню позвали с собой, а она поехала – это было вполне нормально и естественно. Любой из взрослых мог тебе помочь, накормить, позаботиться или сделать внушение – это было почти равнозначно родителям.

Веселится и ликует весь народ

Самый главный праздник детства – Новый год. Во всяком случае для меня. Даже был главнее дня рождения. Когда меня спрашивали о самом любимом празднике, то я не задумываясь отвечала, что «ёлочка» и «когда куличи пекут и яйца красят». Я не знаю почему, но Новый год просто обожала.

У нас всегда были натуральные ели. Папа приносил домой ёлку (а был год, что и две, когда я болела – мне и брату в комнаты), мы готовились к установке. Ставили ведро с песком, отец обрубал ненужные ветки и подрубал ствол, а я брала эти изумительно пахнущие смолой, свежестью и морозом веточки-лапки, растирала иголки пальцами, чтобы усилить волшебный запах праздника. Переворачивали табурет, туда устанавливали ведро с ёлкой в мокром песке, которую парашютными резинками за ствол папа тщательно закреплял наперекрёст к ножкам табурета, чтобы она не упала. Мама драпировала всё белой тканью с дождиком, и начиналось самое прекрасное действие – украшение.

Игрушек было много, ещё от бабушки остались и уже современных купили. Из маминого детства вешали очень красивые стеклянные бусы – из стекляруса, из него же разные фонарики, велосипеды, шарики. Под ёлкой располагался картонный Дед Мороз, у которого шуба раскрывалась белой бумажной пеной, а на ветках развешивали стеклянные шары, фрукты, овощи, орешки грецкие, сосульки, фигурки космонавтов и героев сказок на прищепках прикрепляли к веткам – всего не перечислить. Вешали тогда всё на ниточках. Ещё не знакомы были со специальными приспособлениями для ёлочных игрушек.

Это пришло к нам позже, вместе с ёлочными украшениями из Германской Демократической Республики – ГДР, за которыми «охотились» в начале семидесятых все советские граждане. Было большой удачей «достать гэдэровский набор ёлочных украшений» с крючочками для их развешивания. Смекалистый русский народ, посмотрев на них, приспособил для этого развёрнутую канцелярскую скрепку. Только потом, спустя годы, мы оценили всю красоту своих советских стеклянных новогодних игрушек ручной работы и росписи.

На верхнюю ветку обязательно надевали стеклянную «макушку» – два шарика и вытянутый конус-шпиль, у нас звезды не было. Эта верхушка и часть ёлочных украшений детства сохранились у меня до сих пор. Игрушки же прибавлялись каждый год. Нельзя было отказать себе в удовольствии купить что-нибудь сверкающее и блестящее на ёлку.

Когда я стала старше, лет с семи-восьми, мы с тётёй, папиной сестрой, когда перед Новым годом приезжали её поздравить, обязательно ходили в большой универмаг, где я сама выбирала себе подарок

¹ Дочь Лебедева Владимира Ивановича – советского и российского психолога, одного из создателей новой отрасли психологии – космической психологии, экстремальной психоневрологии, возглавлял Отдел медико-психологической подготовки в Центре подготовки космонавтов (1960–1971).

² Сын Лебедева Владимира Ивановича.

на ёлку – три-четыре новогодних ёлочных украшения. В магазине было шумно и многолюдно, а под Новый год царил особенная предновогодняя суэта, прилавки ломились от красивейших хрупких блестящих и сверкающих игрушек. Мне их запаковывали в шуршащий бумажный пакет, вкусно пахнущий краской от напечатанных на нём поздравлений с Новым годом и Дедом Морозом. Дома я аккуратно доставала новые шарики, сосульки, шишки, фонарики и развешивала это богатство на ёлке, ещё раз испытывая радость от обладания ими.

Какая же ёлка без лампочек? У нас были гирлянды из разноцветных лампочек жёлтого и синего цвета в виде свечек, которые «лягушкой» прикреплялись к веткам. Но они «горели», то есть светили, постоянно. И папа сам сконструировал и собрал несколько новогодних гирлянд из маленьких лампочек в форме цилиндров, сантиметра два в длину, покрасил их чем-то вроде лака в зелёный и розовый цвета, объединил в электрическую цепь, и они стали зажигаться поочерёдно – сначала розовые, потом зелёные, затем «покупные» – жёлтые и синие. В конце постепенных вспышек, лампочки одновременно горели какое-то время все и так же поочерёдно гасли, волнами, и снова зажигались. Сейчас это обыденно и привычно – так работают все новогодние гирлянды, но более пятидесяти лет назад это было сравнимо с новогодним чудом. И мои подружки приходили специально посмотреть на это мигающее в темноте волшебство.

Мама же любила украшать ёлку вкусными «игрушками». Видимо, это из её детства: в шоколадных конфетах в красивых обёртках иголкой аккуратно продевала нитку, делала узелок и вешала на новогоднюю красавицу. Грецкие орешки и маленькие мандаринчики заворачивала в фольгу, наверху закручивала небольшую спиральку, тоже вдевала в неё нитку и за петельку развешивала. Гости всегда могли угоститься прямо с ёлки – съесть мандаринку или конфетку, и моим друзьям это очень нравилось. А вот орешек надо было щипцами раскалывать. Сказочного «Щелкунчика» не было, только обычные щипцы для орехов, но нас устраивало. Ещё мама очень любила «снежок» – в нескольких местах раскладывала кусочки белой ваты, которые лежали на еловых лапах, как пушистые комочки снега. И обязательно сверху до низу, от макушки до драпировки, всё было в струящемся «дождике» из фольги.

Из новогодней атрибутики пользовались популярностью хлопушки с сюрпризами – конфетти и масками, бенгальские огни, разноцветные серпантины. Только-только стали появляться большие стеклянные дутые шары с ручной росписью фосфорной краской, которая светилась в темноте. Нам нравилось снимать их с ёлки, когда взрослых рядом не было, заходить в ванную комнату и, затаив дыхание, смотреть на эту мерцающую красоту в темноте. Очень любили ходить в эти дни в гости, рассматривать и изучать игрушки, угощаться конфетами, фруктами, орехами. Любимое «предновогоднее» развлечение – взять цитрусовую шкурку, сжать её над свечкой или газовой конфоркой, чтобы брызнули масла, и – миллионы мелких «салютных» огоньков вспыхивают над огнём и мгновенно опадают, оставив шлейф вкусного аромата. Новогодний аромат нашего детства – это запах мандаринов и свежей ели.

Снег идёт, снег идёт, здравствуй, здравствуй, Новый год!

Мне очень нравится шутка про нашу зиму и африканского студента: когда ему задают вопрос о том, как ему русская зима, то он отвечает, что зелёная – более-менее, а белая – очень холодная. Нам же очень нравятся наши зимы и смена времён года. Даже зимой в мороз самым любимым лакомством для детей было и остаётся мороженое. Кто не кушал на морозе в детстве мороженое, наш вкуснейший в мире пломбир в вафельном стаканчике? А чистый снежок не жевал или сосульки не лизал? Про прилипший до крови язык к алюминиевым санкам уже не говорю, бывало и такое. Всё познавалось методом проб и ошибок: растирание варежкой или снегом подмёрзших и побелевших на морозе щёк – мы учились жить с морозом дружно и приспосабливаться к его нраву. С детства узнали, что красные щёки на морозе – это нормально, а если побелели – то срочно надо бежать домой.

В детстве время от одного Нового года до другого почему-то тянулось очень долго, а встретив, уже буквально через неделю предвкушали следующий и начинали его ждать: что он нам принесёт, какие сюрпризы и дары приготовит. Один же подарок от Деда Мороза мне запомнился на всю жизнь, это было ещё на Чкаловской, где мы жили до переезда в Звёздный.

Раздался звонок в дверь – пришёл Дед Мороз, а я уже легла, но, выскочив из постели, стремглав полетела к двери. Он стоял на пороге нашей квартиры в красной шубе и с огромным мешком. Дед Мороз глянул на меня, достал из мешка машинку и куколку – фигурку оранжевого космонавта с антенной на голове. И мне ласково говорит: «Вот тебе машинка. А где же твоя сестрёнка?» Я оторопело и недоумённо смотрела на него и на куколку в его руках, держа машинку, а потом, когда дошло, то разревелась: как он мог меня спутать с мальчиком? Я же к нему летела на крыльях радости! У меня была короткая стрижка, сама после болезни, очень худая, ещё и в пижаме, поэтому «дедушка», видимо, решил, что я – мальчик, а не девочка. Может, он уже был «угощён и согрет», а визит к нам был у него не первым. Меня долго родители утешали, сказав, что дедушка старенький, плохо видит без очков, машинка была для брата, а для меня – космонавт, он просто перепутал. Но детское огорчение осталось в памяти на всю жизнь.

В лесу родилась ёлочка

Все дети мечтают попасть на главную ёлку страны. Раньше это был Колонный зал Дома Союзов, мне мама рассказывала, как она однажды там побывала, а в нашем детстве – это Кремлёвская ёлка. Но поверьте «ёлочнику» со стажем, что если бы они хоть один разок побывали на нашей «космической» или «космонавтской» Ёлке, которую для нас устраивали родители в детстве во вставке в Звёздном, то дети всей планеты мечтали бы посетить только такую.

Подготовка к новогодним праздникам велась основательно. Родители покупали набор билетов на новогодние представления: Лужники, Старый цирк, Цирк на Вернадского (Новый цирк), Кремлёвский дворец, Колонный зал Дома Союзов и другие. Но главной и долгожданной для нас всегда была ёлка в нашем доме вместе с родителями во «вставке», которая, конечно, затмевала все остальные вместе взятые.

Впервые на Кремлёвской ёлке я побывала в 1967 году. И, пожалуй, именно первая произвела на меня самое неизгладимое впечатление. Во-первых, туда пускали только с семи лет, а я поехала с братом и другими ребятами из нашего дома уже в шесть с половиной, чем очень была горда. Подарки были необыкновенными по форме и содержанию. В первый раз я получила подарок не в картонной упаковке, как было обычно, а пластиковую сумочку в форме звезды, полную конфет. «Кремлёвские» подарки всегда были оформлены оригинально и упакованы в игрушку в форме ларца, сундучка, шкатулки, шара, ключа, башни – каждый год разное и что-то особенное, во что потом можно было, когда конфеты все съедены, играть. Полезная и незаменимая в детском хозяйстве вещь.

Конфетами нас было не удивить, даже самыми шоколадными-прешоколадными, но подарки действительно всегда были вкусными и с традиционным набором из года в год. Тем не менее «кремлёвскому» удалось подготовить сюрприз. Мне в подарок больше всего нравились «холодки» «Южные», не мятно-холодящие, а приятные сладко-кисленькие на вкус разноцветные квадратные конфетки-таблеточки. Такие у нас не продавали в магазине, поэтому они для меня были в диковинку. И маленькие круглые вафли-орешки в пакетике очень пришлись по вкусу. Все новогодние подарки в СССР были хорошего качества, отличались только весом и соотношением шоколадных конфет и карамели.

Очень впечатлило «первое» представление в Кремле. Мы весело плясали модный тогда у нас танец «Летку-енку», пришедший из Финляндии. Танцующие располагались цепочкой – «паровозиком» – по кругу, руки клали на талию или плечи предыдущего человека и прыжками передвигались в такт музыкальному сопровождению, отбрасывая в прыжке ноги влево и вправо попеременно.

Именно на своей первой Кремлёвской ёлке я впервые увидела и слушала «живьём» Эдиту Пьеху и Иосифа Кобзона. Перед спектаклем мы прогуливались по «дворцу», катались на эскалаторе. На каждом этаже шло своё представление. На одном – молодая Эдита Пьеха пела «Жил да был чёрный кот за углом» – молодая и красивая, в белом коротком платье с блёстками, в волосах тоже что-то перебивающееся. Это было так красиво и празднично – музыка и «живой» голос самой Пьехи, которую я до этого видела только по телевизору. Ей аккомпанировала группа музыкантов, а она пела и пританцовывала. На другом этаже – Иосиф Кобзон – это было великолепно и незабываемо.

После «свободных хождений» по «кремлёвским коридорам» нас приглашали в зал уже на само представление. В билетах места не указывались, поэтому каждый садился там, где хотел или где

успел. Само представление шло минут сорок пять, как урок. Красочный, как теперь принято выражаться, новогодний шоу-спектакль. Мы звали «Новый год», которого похищали злые волшебники и инопланетяне, подсказывали хором из зала, где его искать, приглашали Деда Мороза по предложению Снегурочки.

Перед началом представления и после в зале показывали лучшие советские мультфильмы. Это сейчас в любой момент включил запись – и смотри себе мультики. В нашем детстве мы мультфильмы могли посмотреть только в кинотеатре и по телевизору, телевидение вещало не круглосуточно, и даже не было отдельных мультканалов. Всё только набирало обороты и развивалось, а упустить возможность посмотреть все серии «Ну, погоди!» или другие мультфильмы было бы непростительной ошибкой. Поэтому я с удовольствием на ёлке в Кремле смотрела мультики, которые очень любила. После представления мультфильмы показывали, полагаю, для разгрузки потока детей, чтобы не все одновременно хлынули за подарками и одеваться.

Космический Новый год

Я очень много видела по телевизору артистических капустников. Но ни один из них даже близко для меня не сравнится с теми, что были у космонавтов на Новый год. Новый год первые космонавты встречали всегда вместе и очень весело. Подготовка к празднику начиналась уже в конце октября или начале ноября. Родители сами всегда придумывали сценарий. Новый год проходил в форме весёлого концерта-«капустника», причём только своими силами, без новомодных тенденций с приглашением «звёзд» для увеселения публики. Такой формат предложил в своё время Ю. А. Гагарин, и продолжалось так долгое время, пока были молоды и задорны наши родители – все вместе, озорно, с огоньком и по своему сценарию. Обязательно выпускали весёлую стенгазету. Космонавты обладали отменным чувством юмора, многие хорошо пели и танцевали, другие – великолепно рисовали. Они обсуждали скетчи, репризы или даже целые мини-спектакли, готовили реквизит, костюмы, что-то шили и изготавливали сами из подручных средств, иногда брали напрокат.

Самое ценное и важное в нашей жизни в Звёздном было то, что всегда и во все общественные дела были вовлечены и мы. В приготовлениях к Новому году дети были полноправными и очень важными участниками праздничной мистерии. Мы сновали по этажам и между двух домов как посыльные или курьеры. Очень хотели быть полезными, готовы были услужить и выполнить любое поручение. Передавали нужные в том или ином месте карандаши, бумагу, часть костюмов или реквизита, бегали на посылках и по заданию любого взрослого, очень были горды, что тоже принимаем участие, помогаем в подготовке к такому важному событию – встрече Нового года.

Знаете, есть такой номер, когда двое людей изображают корову. В 1973 году вышел фильм «Эта весёлая планета» про инопланетян и Новый год в НИИ, куда они попали. Кто-то сказал, что он похож на фильм-концерт, не очень яркая сюжетная линия. А я в него влюбилась сразу: у меня было ощущение, что авторы картины подсмотрели один из наших Новых годов в Звёздном городке. Особенно впечатлил в фильме номер с коровой. Дело в том, что точно такой же костюм и номер, но годом ранее, был на «космический» Новый год у родителей.

Накануне праздника, возвращаясь из школы, я встретила дядю Виталия Жолобова¹ и дядю Юру Глазкова² у нас на первом этаже у ёлки (в фойе дома всегда ставили и наряжали ёлку), очень расстроенных. Они грустно крутили костюм коровы и о чём-то переговаривались. Там что-то распоролось, срочно надо было починить перед генеральной репетицией. И почему-то, как назло, никого, кто мог это сделать срочно, в тот момент дома не оказалось. Я сказала, что это совсем не беда, всё сейчас им быстро починю. Они были в таком изумлении, что ребёнок может помочь. В школе очень хорошо преподавали домоводство, поэтому сострочить по прямой я умела. После «ремонта» коровы они побежали репетировать и потом моим родителям «объявили благодарность» за моё участие. Папе с мамой это было очень приятно.

Вечером 31 декабря, часов в девять-десять, во вставку начинали накрывать праздничные столы. Для этого приглашали поваров и официанток из лётной столовой. По всему дому разливались аро-

---

¹ Лётчик-космонавт СССР В. М. Жолобов.

² Лётчик-космонавт СССР Ю. Н. Глазков.

маты праздничной еды. Новый год мы, дети, встречали дома, ну а утром 1 января, часов с семи, уже начинали собираться на свой праздник.

Дед Мороз устал с дороги, но с детишками не строгий

Тяжёлое это было испытание для родителей, особенно для тех, у кого не было помощников в виде бабушек. Папы и мамы возвращались под утро – часов в пять, в начале шестого. А тут уже и мы через час-другой просыпались и начинали отсчёт до начала нашего новогоднего праздника. Постоянно смотрели время и спрашивали бабушек, не пора ли идти – как же медленно и вяло двигались эти стрелки. Нарядные и причёсанные, мы сидели на низком старте часов с восьми утра и перезванивались по телефону друг с другом.

Новый год во вставку начинался для нас обычно где-то в девять тридцать. Утратив уже всё терпение к половине девятого утра, спускались на первый этаж и развлекались в фойе у ёлки. Наконец, ответственная за нашу «ёлку» Снегурочка (жёны молодых космонавтов, недавно пришедших в отряд, тянули жребий, кто будет вести детский праздник) приглашала всех во вставку, где уже ждал накрытый праздничный стол – пирожные, лимонад, конфеты, разные пирожки, мясные нарезки, бутерброды с икрой, чай, какао, фрукты и много ещё чего. Мы рассаживались и завтракали все вместе, а после начинался сам праздник.

Мы водили хороводы, традиционно звали Деда Мороза, который, как всегда, задерживался. Запомнился один год, когда Дедом Морозом был дядя Толя Воронов¹, тоже космонавт, но не слетавший. Папа даже как-то готовился с ним в экипаже, но потом их переформировали. Как обычно, долго звали Деда Мороза, наконец он появился и сказал: «Я очень долго шёл к вам, дорогие дети, через поля и леса, снега и льды, слегка заблудился, поэтому очень устал в дороге и хочу посидеть отдохнуть». Снегурочка дала ему стул, он сел, опёрся на посох, а мы ему «представляли» свой «концерт». Дедушка «устал» так, что даже умудрился немного подремать во время нашей «культурной программы». Когда мы закончили свои танцы-песни и стихи, он нам вручил подарки с помощью Снегурочки.

После полудня подходили уже и родители. С их приходом начиналось вновь веселье: в кинозале крутили мультфильмы, мы играли в бильярд сами или смотрели за игрой взрослых, пели и танцевали, просто бегали, дурачились. Родители завтракали, общались с нами и друг с другом, мы могли, если проголодались, вместе с ними снова посидеть за столом, поесть мороженое, которое присутствовало обязательно на Новый год. Этот первый праздничный день был самым весёлым и многообещающим в году, а самое главное было то, что мы все вместе – одна семья.

¹ Космонавт-испытатель второго набора ВВС (1963) А. Ф. Воронов – космических полётов не совершал.

Проза

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает в столичной школе. Автор восьми стихотворных книг и трёх книг малой прозы, лауреат Всероссийских премий им. А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2018), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), М. Ю. Лермонтова (2022), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2018, 2019, 2021), Международной литературной премии «Югра» (2019), Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020), обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», Открытой Филофеевской литературной премии (2022), Литературной премии им. святителя Макария митрополита Алтайского (2022).

ПРОВЕРКА ВРЕМЕНЕМ

Рассказ

Если мяса с ножа ты не ел ни куска...

Владимир Высоцкий

– Мы должны признать, что в вопросах гуманного отношения к любым мировым проблемам безнадежно плетёмся в хвосте, и так было всегда, и поэтому нам за ними никогда не угнаться, – покуривая самокрутку с привезённым голландским табаком, ужасался загоревший и подтянутый Черепанов.

– Как ты пришёл к такому выводу, Ромашка, а точнее, когда? – поинтересовался с улыбкой у друга детства Шадрин.

– Там! Ты не поверишь, там видится всё иначе, я бы сказал: спадает пелена с глаз, и ведь что обидно, она у нас с рождения. Мы застряли в советском мышлении, никак не можем избавиться от этих пут, сковывающих нашу свободу, – расплылся Черепанов.

– Мне до конца непонятно, что ты имеешь в виду? Можно точнее, искреннее, я бы сказал, – произнёс Шадрин, внимательно посмотрев на Черепанова.

– Я вообще в ужасе оттого, что он начал. Никогда ему этого не прощу! А моя мама? Как она постарела, она вообще не могла несколько месяцев приехать в свой собственный дом, а это её дом, пусть он в другой стране, но ей там хорошо, и почему она должна себя в этом стеснять? – возмущался Черепанов.

– Она сейчас ещё здесь? – поинтересовался Шадрин.

– Как она может быть здесь? Это невыносимо! Всё! Она уже гуляет по побережью Атлантического океана и правильно питается, не как у нас. В Португалии никто не употребляет рыбу, если после времени её отлова прошло несколько часов. Дай бог, чтобы виды на залив Риа-Формоза, архитектура монастырей святого Франциска и капуцинов, замка Фару и особняка Белмарку восстановили мою маму. Я очень переживал за неё, когда был там, буквально сходил с ума, – со страдальческим лицом произнёс Черепанов.

– Ей и отцу было тяжело без тебя? – всё так же спокойно продолжил расспрос Шадрин.

– Ты представляешь, что ей пришлось пережить? Как ей было невероятно страшно за меня! Она понимала, что дорога опасна. Вначале я был в Грузии, потом из Тбилиси перебрался в Стамбул, и слава богу, всё прошло благополучно. Я не изнывал, как все эти нищоброды на границе в Верхнем Ларсе, не замерзал в палатке возле Военно-Грузинской дороги, я всё решил заранее и заплатил за это немало. Поэтому немного побыв в Тбилиси, свалил оттуда, ведь Грузия хороша на две, максимум три недели с горами, которые надоедают, и кухней, которая приедается, и вдобавок набираешь ненужную массу, а так третьеразрядная страна и нищая к тому же. В Стамбуле другое дело. Помнишь, я звонил тебе и ностальгировал, но мы говорили недолго? – спросил Черепанов.

– Да, – посмотрев в окно, бросил Шадрин.

– Так вот, в Стамбуле вначале чувствовал себя одиноко. Один в большом городе, который тебе чужой, и всё вокруг чужое, и ты всем чужой. В это время заказы в нашей фирме упали до минимума, мы и так бедствовали после начала спецоперации, а после мобилизации стало вообще ужасно. Я как соучредитель, младший компаньон и генеральный директор стал получать двадцать пять тысяч. Вся наша клиентура ушла, а мы её годами наработывали. Больше нет никого! Ни американцев, ни англичан, ни немцев, ни французов, даже вшивых скандинавов нет. Думал – банкроты, но вот со временем к нам стали обращаться наши, даже оборонка, в общем, война нам помогла, так сказать, государство реабилитировалось перед нами.

Да, так вот о Турции, со временем наших становилось всё больше и больше, а сам знаешь, как радостно всегда за границей встретить русского человека, услышать родной язык. В течение месяца, максимум двух у нас образовалась прекрасная компания, и ты не поверишь, мы стали болеть за местные футбольные клубы, понимать турецкую речь, а потом даже небольшой футбольный тотализатор устроили для избранных и платёжеспособных. Среди нас были небольшие, но дружеские и решаемые разногласия. Мой круг болел за «Галатасарай», а были ребята, которые стали болельщиками «Фенербахче» и «Бешикташ», но были и те, которые ставили на стамбульские «Фатих Карагюмрюк», «Истанбулспор» или «Касымпаша». В основной массе в нашей компании были москвичи и питерцы, которых было даже больше, а ещё много ребят приехало из Екатеринбурга и Краснодара. В общем, турецкая футбольная суперлига сейчас на подъёме, а у нас футбол, сам понимаешь, впереди многолетняя изоляция. Поэтому я наш футбол вообще перестал смотреть и им интересоваться, даже о любимом нашем «Спартаке» забыл. Мне стало всё равно – с железнодорожниками он играет или с армейцами... Просто неинтересно! Впрочем, как и всё, что здесь сейчас происходит. Наши спортсмены положили свои жизни на алтарь любимого дела, и что их теперь ждёт? Нищета? Будут менять гражданство и выступать за другие страны, и я их поддерживаю. Это правильно! Вся эта ситуация давит! Полнейшая дисгармония от этой псевдопатриотической вакханалии, – Черепанов прикурил от потухшей сигареты и продолжил:

– Когда время подошло к Новому году, я решил вернуться. Но моя мама, боже мой, не могу забыть её голос, когда она мне сказала, что лучше мне не возвращаться в Россию. Она словно похоронила меня. Я места себе не находил от её слов. Она слёзы сдержала, но что с ней было потом? Никогда это не узнаю. Моя бедная мама, какой стресс. И всё из-за чего? А точнее, из-за кого? – Черепанов выдохнул табачный дым и терпкий запах со вкусом фруктов распространился вокруг. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Как же вы всё это пережили? – потупив взгляд, спросил Шадрин.

– Я решил ехать на Бали. Точнее, мне предложили, и я всё же решился – и не пожалел. Не хотел убивать своим возвращением мать. Потом, ты же знаешь, как я хотел раньше вояжировать по миру, и вот моя мечта сбылась. Правду говорят, что если чего-то очень сильно хотеть, то это обязательно сбудется. Но были, конечно, и проблемы. Пришлось на Бали добираться через Оман. Тоже, конечно, не сахар. Оман же граничит с Саудовской Аравией, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Йеменом и живёт исключительно за счёт нефти, а значит, и за счёт нефтедоллара. В общем, там, конечно, пришлось потратиться в этой пустыне. Несколько дней провели в Маскате, который омывает красивый Оманский залив, были там в двух живописных бухтах, погуляли по берегу Аравийского моря. Сам знаешь, что стресс лучше всего снимает водный простор. В этом есть какая-то водная магия. Бухать там можно только в отелях, по стране не поездишь, дорого и в некоторых местах нельзя в открытой одежде, в общем, арабская дикость. Слава богу, мы оттуда свалили, – сжав ладони и приподняв глаза вверх, сказал Черепанов.

– А потом? – безучастно поддержал разговор Шадрин.

– А потом Бали! Страна реального и неповторимого комфорта. Работал по удалёнке, каждый вечер собирались компанией и выпивали, но, конечно, не нажирались, как у нас принято, хотя сколько там не выпивай, есть рецепт, снимающий любое похмелье. Там такая трава, что небольшой косяк перед сном – и никакого отходняка. Встал, позавтракал, потом на пляж и начал работать. Вот кокаин, зараза, странный, держит всего минут сорок, а платить приходилось по двенадцать тысяч за грамм. Реально дорого! Балийки какие! Но себе цену знают, это не тайки. Я там чуть не влюбился! Мы для них экзотика. Знаешь, а в Таиланде кофе-шопов со шмалью больше, чем супермаркетов, причём везде, хоть в Бангкоке, хоть в Пхукете, поэтому и люди вокруг уже к полудню все разгруженные. Куала-Лумпур вообще не забыть, процветающее место! Так что Малайский архипелаг никогда не забуду, с какими людьми я там подружился! Вообще иной уровень цивилизованности. Французы, немцы, голландцы, датчане, шведы, норвежцы – все тебе рады, очень хорошо относятся. Так было приятно! Там в наших беседах всегда меня позиционировали как человека с европейским мышлением, плевались от наших, которые с чувством вины признавались, что они русские, заискивали перед всеми вокруг. Я спокойно сказал, откуда я, и ничего не стеснялся, поэтому контакт был полный, и с украинцами тоже. Это настоящее единение! Мы все были истинной Европой, и ценности наши были одинаковыми. Все говорили, что геополитика – это дерьмо, в которое не надо залезать. Есть работа, есть возможности реализовывать свои капиталы, и надо быть благодарными судьбе, что так случилось, а не иначе. Какая война! Двадцать первый век! Они правильно рассуждают, что всё происходящее у нас их не волнует. Наш мир им неинтересен. Только мы всё готовим себя к войнам, чего-то боимся, всех вокруг настраиваем против себя, а надо просто жить и быть равноправными членами высшей цивилизации. Быть подлинными европейцами, осознающими, что это великая привилегия – быть членом европейской семьи, это значит, состоять в мировой, я бы сказал, во вселенской знати на все времена. Быть элитой мира! – жестикуюя руками, выпалил Роман Черепанов.

– Дааааааааааа, дела... – протянул Шадрин.

– Ты сегодня какой-то странный, дружище, – заметил Черепанов и продолжил: – Я тебе всё рассказываю и рассказываю, а ты как будто не здесь, вроде не рад мне...

– Нет, нет, Ромашка, я всё внимательно слушаю, и всё ты рассказываешь интересно: и про влажные вечнозелёные тропические, и про листопадные, и про горные леса, и про саванны, да и про обезьянок с белками, и про летучих мышей... Заслушаться можно! Ты Светлану Александровну из дома напротив давно видел?

– Про каких обезьянок? – с недоумением спросил Черепанов и удивлённо воскликнул: – Ты про учительницу нашу?

– Да, – ответил Шадрин.

– Саш, конечно, давно, а что такое? – смутился Черепанов.

– Сына у неё мобилизовали. Ушёл на следующий день после объявления, с работы вернулся, а повестка уже ждала. Девчонка его к нему в зону СВО приехала, и там они расписались, а он накануне свадьбы матери завещание выслал на дом, который они ему с отцом на двадцатилетие подарили. Сама Светлана Александровна с каким потрясающим самообладанием, какой твёрдый характер, спокойная и весёлая. Недавно встретил её, а она мне говорит, что наше дело учительское – уроки профессионально выстраивать, а сыну я так и сказала, что главное, чтобы людям ни тебе, ни мне не стыдно в глаза смотреть было. Не зря она заслуженный учитель России. К историку нашему давно на страницу не заходил в Интернете? – продолжил Шадрин.

– Давно, а что, у него какая-то статья вышла? – неуверенно спросил Черепанов.

– Зайди посмотри. Он с гуманитарной миссией в Луганске был, а оттуда в Северодонецк и Лисичанск ездил, и в Донецке был, и в Мариуполе. Игрушки и одежду, которую школьники собирали, художественную литературу и учебники в школы, детские дома и садики привозил, так что нашими учителями гордиться можно, – внимательно посмотрел в глаза Черепанову и добавил: – Они нас вместе с тобой учили Родину любить, а за неё сосед наш Рамзан Батукаев жизнь под Мариуполем отдал.

– Молодцы какие! Я всегда к ним с уважением относился, а вот Рамзана жаль, я к нему хорошо относился, хоть он и... – не договорил Черепанов, поймав напряжённый взгляд Шадрина, а потом закурил и как-то, извиняясь, попросил:

– Давай сегодня посидим вдвоём, я настоящую турецкую водку привёз, раки называется. И травы с Бали нам для тонуса.

– Ты же знаешь, что к траве я равнодушен, а выпивать сейчас не могу – Великий пост идёт, да и мне на службу пора. Завтра хочу причастие принять. Впереди ведь седмица святой преподобной Марии Египетской, а она какой вдохновенный пример преображения для всех нас. Словно своей жизнью показала, что нет ничего, что нельзя было бы исправить. Богослужение в её честь одно из самых красивых, порой мне кажется, что это действие связано с литературой, историей, а главное – с подлинной романтикой. Она была откровенна к себе, я бы сказал, беспощадна. Она пришла к великому раскаянию. Признала свои пристрастия к алкоголю и беспорядочным половым связям и утвердилась в хронике человеческого бытия на все времена, всех народов, любой из конфессий. Рассказ о потерянной душе и её последующем спасении не простая история, которую церковь вспоминает каждый год, во время Великого поста – это прямая параллель с евангельской притчей о блудном сыне. Задумайся, – негромко и спокойно сказал Шадрин.

Короткую паузу в разговоре прервал Черепанов: – Да, да, конечно, прости, а что это у тебя при входе за коробки? Я, когда заходил, одну задел ногой и чуть не упал.

– А ты не разглядел, что на них написано? – стоя спиной к другу детства, сказал Шадрин.

– «Mavic», но что это за фирма? – смущённо продолжил Черепанов.

– Это квадрокоптеры, – объяснил Шадрин.

– А зачем они тебе? – удивился Черепанов.

– Сразу видно, что ты только вчера вернулся из зоны комфорта, – улыбнулся Шадрин.

– Тебе что, сложно объяснить? – не отставал Черепанов.

– Да отвезти попросили на выходные. Завтра как раз успеваю на утреннюю службу в Новодевичий монастырь, причащусь, а потом в дорогу, – сказал Шадрин.

– Ты что, подрабатывать стал по выходным? – рассмеялся Черепанов.

– Дружище, не у всех есть такие заботливые родители, как у тебя. Поэтому кому-то приходится трудиться в выходной день или брать отпуск за свой счёт, чтобы обеспечить необходимую доставку этих игрушек гражданского предназначения, от которых зависят сегодня жизни и судьбы, – протянул Шадрин, выключив свет в прихожей и открывая входную дверь.

– Так бы сразу и сказал, что на перепродажу. Вообще дроны – нормальная тема, если будет интересно, то я мог бы вложиться, – обрадовался Черепанов.

– Давай на выход, вкладчик, а то оставлю тебя одного в вечной темноте, – сквозь зубы порекомендовал Шадрин, который стоял уже на лестничной площадке.

Проза

Александр Кердан

Александр Борисович Кердан – родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Полковник в отставке. Доктор культурологии. Член Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор 81 книги стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Стихи и проза переводились на английский, немецкий, итальянский, болгарский, азербайджанский, белорусский, хантыйский, башкирский, коми и другие языки. Лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

По главной линии

Полковник Волков заметно выделялся среди сослуживцев: высок, статен, красив той зрелой, мужественной красотой, которая сражает наповал и юных дев, и дам бальзаковского возраста. Обильная седина густых, слегка волнистых волос и глубокие морщины на открытом челе ничуть не портили его облика, а только подчёркивали благородство и жизненный опыт их обладателя. Даже в политическом управлении округа, куда в те, заповедные, годы отбирали лучших из лучших офицеров-политработников, блистал Игорь Николаевич Волков своим умом и славился необычайно широким кругозором, умением говорить ясно и доходчиво, размашисто и афористично, поражая слушателей энциклопедическими познаниями в области отечественной истории и международных отношений, цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и современной литературы. К тому же он, единственный, кроме члена военного совета – начальника политуправления округа генерал-лейтенанта Зинченко, обладал учёной степенью кандидата наук, только не исторических, как у генерала, а философских. По этой или по какой-то иной причине Волков пользовался особым расположением Зинченко и мог без предварительной договорённости входить к нему в кабинет и удаивался чести подолгу беседовать наедине. Прежде это удавалось только двум людям: первому заместителю Зинченко генерал-майору Плаксину да начальнику отдела кадров полковнику Фоменкову.

Личные выдающиеся качества Волкова, прослужившего в политуправлении чуть больше года, и непонятная благосклонность к нему старших начальников делали его среди сослуживцев человеком легендарным и даже в чём-то таинственным.

– Нашему Игорю Николаевичу, прирождённому златоусту, прямое место в Главпуре! Таких, как он, пропагандистов во всём Союзе по пальцам перечесть можно... Да таких, как он, просто не найти! – переговаривались о нём товарищи после очередной лекции, прочитанной Волковым в окружном Доме офицеров, не переставая удивляться, как такой ценный «кадр» попал служить к ним, в «тыловой», третьеразрядный округ.

В самом деле, оказался Волков на Урале неожиданно. Свалился, можно сказать, как снег на голову в майский день, и сразу был назначен на только что открывшуюся вакансию лектора политуправления, на которую многие из местных идеологов давно нацеливались, да получили в связи с приездом Волкова от ворот поворот. Поговаривали, что с переводом полковника в Свердловск была связана какая-то история. Но вот какая? Этого никто не знал, кроме, конечно, генерала Зинченко и полковника Фоменкова. А те умели держать язык за зубами.

Капитан Федя Востряков, служивший в политуправлении старшим инструктором отдела комсомольской работы, смотрел на полковника Волкова, как на явленный ему вдруг идеал настоящего мужчины и офицера. Волков вызывал в нём чувства, близкие по своему накалу к влюблённости. И потому Востряков взирал на полковника восторженно, слушал его выступления с особым вниманием, старался подражать его манере держаться, вскидывая высоко лобастую голову и то и дело распрямляя неширокие от природы плечи и сутуловатую спину.

При этом Востряков не только заговорить со своим кумиром, но даже подойти к нему стеснялся. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он вместе с Волковым не попал в одну из групп штаба округа, отправленных для проверки итогов боевой и политической подготовки в отдалённый гарнизон, где дислоцировалась учебная танковая дивизия. Полковник Волков, естественно, был назначен в группе политработников старшим, а Востряков оказался у него на подхвате.

По приезду на место проверки полковник чётко распределил обязанности: он, Волков, будет писать отчёт о работе, а Востряков должен снабдить его всей необходимой информацией, иначе говоря, фактурой: где, сколько и когда совершено нарушений воинской дисциплины – самоволок, фактов неуставных взаимоотношений, употребления спиртных напитков и наркосодержащих веществ, кто из командиров эти нарушения покрывает и служит спустя рукава, а также – выполняется ли план политзанятий, как организована работа партийной и комсомольских организаций, спланирован ли досуг солдат, офицеров и членов их семей, ведётся ли военно-шефская работа...

От перечня задач у Вострякова даже голова закружилась, но, не желая ударить в грязь лицом перед полковником Волковым, он впрягся в работу и заметался по гарнизону как ужаленный, выискивая необходимую информацию о недоработках коллег.

Востряков рыл, как аппарат глубокого бурения, и нарыл! И приписки в книгах учёта дисциплинарных взысканий, и ненаписанные протоколы собраний военнослужащих, и случаи очковтирательства со стороны старших начальников, и грубость с подчинёнными, и бытовое пьянство... Фактуры оказалось столько, что Волков только удивлённо головой покачал. Закрывшись в гостиничном люксе, в котором его разместили, он за ночь написал такой акт проверки, что начальник политотдела Салыгин только за голову схватился:

– Не губите, Игорь Николаевич, меня же в академию Генштаба поступать не отпустят... Я в этом году вызова жду... Обещаю, честью офицера клянусь – немедленно все недостатки устраним!..

Волков не был кровожадным человеком и акт переписал, а благодарный начпо накрыл для проверяющих, как водится в таких случаях, поляну на берегу узенькой речки Камышловки, с шашлыком, коньяком и комсомольскими песнями под гитару, которые по случаю счастливо завершившейся проверки сам и исполнил.

Вечером в гостинице, будучи подшофе, Волков пригласил Вострякова «отлакировать» выпитое на пикнике – у него в холодильнике ещё одна бутылка коньяка оказалась. Они выпили. И Востряков дерзнул задать полковнику вопрос, который давно волновал не только его самого, но и других офицеров политуправления:

– Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а где вы служили до нас?

Волков снял галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке:

– Во Львове, Федя. Начальником кафедры марксистко-ленинской философии в политическом училище.

– Вот это да! Кафедра марксизма-ленинизма! Так это же ведущая кафедра! С неё прямая дорога на старшего преподавателя в Академию имени Ленина, в Москву...

Волков усмехнулся:

– Бери выше, капитан! Мне прямая дорога в Главпур светила!

– И что?.. – округлил глаза Востряков.

Волков с ответом не торопился. Плеснул в рюмки коньяку и внимательно поглядел на Вострякова:

– А то, мой юный друг, что перевод не состоялся. Погорел я по главной линии.

– Это по какой по главной? – заёрзал Востряков.

Волков криво усмехнулся:

– По женской части...

Востряков воззрился на своего кумира с недоверием:

- Вы, Игорь Николаевич, и по женской части? Ни за что не поверю, товарищ полковник! Неужели аморалка?..
- Хуже!
- Да что же может быть ещё хуже? – Уши у Вострякова покраснели.
- Идеологическая диверсия, капитан. Настоящая идеологическая диверсия...

Два года назад полковника Волкова вызвали на собеседование в Москву в Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота.

Предмет собеседования хотя и не был обозначен в телефонограмме, от него не скрывался: Волков являлся кандидатом для назначения на высокую должность в управление пропаганды и агитации самого могущественного военно-политического ведомства, работающего, по сути, как один из отделов ЦК партии. Знакомый офицер Главпура в частном разговоре проинформировал Волкова, что вопрос о его переводе в Москву практически решён и предстоящее собеседование – не более как формальность или, можно сказать, смотрины. Поэтому в вагон СВ поезда «Львов – Москва» Волков, надевший по случаю предстоящей встречи с высоким начальством специально пошитый и тщательно отутюженный китель, сел в самом радужном настроении.

До самого Киева он ехал один, предаваясь приятным размышлениям о будущей столичной службе и её дальнейших перспективах.

В столице советской Украины в купе впорхнула молодая особа неопределённого возраста. Даже опытный мужчина, каким Волков, несомненно, являлся, с трудом определит ту хрупкую грань, за которой современные представительницы прекрасного пола из весеннего возраста перебираются в летний, а то и в осенний – настолько современная мода с этими мини-юбочками и брючками, косметика и краска для волос умело микширует все эти переходы.

Небрежно бросив сумочку на свою полку, она окинула Волкова быстрым изучающим взором больших зелёных глаз, обладающих удивительной формой, слегка раскосых и широко посаженных на милом юном личике с лёгкими ямочками на упругих щёчках и пухлым чуть приоткрытым ротиком.

Она задорно поздоровалась и, не дожидаясь ответного приветствия, представилась:

– Меня зовут Софья. Можно просто Софочка... – улыбнулась она, смешно наморщив аккуратный носик, и с чуть заметной хитринкой поглядела на оторопевшего от неожиданного напора Волкова. – Ой, простите, кажется, я нарушила нормы этикета: первым при знакомстве должен представляться мужчина...

– Волков, Игорь Николаевич. Для вас просто Игорь... Рад знакомству, Софочка, – невольно повёлся Волков и не удержался от комплимента: – Удивительно, что современная молодёжь знает об этикете...

– Я знаю не только об этикете, – рассмеялась Софочка и тут же принялась рассуждать о новом снимающемся в Италии фильме Тарковского «Ностальгия», о стихах Мандельштама и Пастернака, об эмбарго США на импорт ливийской нефти и о высадке аргентинских войск на Фолклендские острова...

Полковник Волков находился в том пограничном мужском возрасте, когда обаяние юности особенно чувствительно. Подивившись такой необычной эрудиции молодой спутницы, глядя на неё слегка замаслившимся взглядом, он по-павлиньи распушил перья и включился в диалог, демонстрируя все присущие ему лучшие качества – образную речь, всесторонние академические познания и железную логику.

Софочка задорно улыбалась ему, время от времени задавая интересные вопросы и вставляя в разговор меткие и ироничные замечания. Она была исключительно приятной собеседницей и демонстрировала Волкову чувство симпатии, а может быть, и чего-то большего...

Вечером они сходили в вагон-ресторан, расположенный по соседству, выпили шампанского, съели мороженого и вернулись в купе. Ещё немного поболтали и, пожелав друг другу доброй ночи, улеглись каждый на свою полку.

Утром их разбудил проводник, объявив, что поезд прибывает на Киевский вокзал. На перроне она весело помахала ему рукой и, грациозно, как цирковая лошадка, переставляя точёные ножки на шпильках, в считанные мгновения скрылась в толпе прибывших и встречающих.

Полковник Волков спохватился, что даже не попросил у Софочки номер телефона, глубоко вздохнул, как вздыхают о недостижимом или навеки утраченном, и отправился напрямик в Главпур.

Как и предупреждал его знакомый офицер, смотрины оказались простой формальностью. С Волковым благожелательно побеседовали начальник управления кадров и начальник управления агитации и пропаганды. Волкова провели по всем кабинетам и представили будущим сослуживцам. А ближе к вечеру он поехал на вокзал, откуда благополучно убыл во Львов.

Начальник управления кадров Главпура пообещал Волкову, что приказ не заставит себя ждать. Но прошла неделя, затем вторая, а приказа всё не было. И тут Волкова неожиданно вызвали в особый отдел округа к генерал-майору Скрыге.

Начальника военной контрразведки Волков знал лично, так как несколько раз выступал у него в отделе с лекциями о международном положении. Однажды генерал удостоил его аудиенции у себя в кабинете и, поблёскивая золотом коронок, делавших его улыбку ослепительней, чем у цыганского барона, расчувствовавшись, напоил кофе с коньяком из небольшой старинной чашечки с изображённой на ней эмблемой НКВД.

На этот раз, стоя под портретом Феликса Дзержинского, Скрыга встретил Волкова официально, без улыбки. Сухо поздоровался, пригласил присесть.

Волков устроился сбоку длинного стола, торцом упирающегося в генеральский.

– Что же вы себя так подводите, товарищ полковник? – с какой-то жалостью в голосе спросил Скрыга, садясь в своё кресло.

– Извините, товарищ генерал-майор, не понимаю, о чём вы говорите...

– Да что тут непонятного. Мы, значит, согласовали ваше выдвижение в Главпур, а вы... – генерал сделал паузу, которой и воспользовался Волков:

– ...А я с успехом прошёл собеседование в Москве и жду приказа о назначении...

Скрыга нахмурился:

– Собеседование-то вы прошли. Это нам известно. А вот это что? – Он извлёк из стола импортный портативный магнитофон размером с сигаретный блок, щёлкнул кнопкой, и из динамика раздался милый, с чуть заметной картавинкой голосок Софочки:

– ...Полагаю, нашим радиослушателям будет интересно узнать, что думает о партийном руководстве в СССР начальник кафедры марксизма-ленинизма одного из военно-политических училищ полковник Игорь Волков...

А затем раздался его, Волкова, голос:

– ...конечно, руководство страны нуждается в обновлении... Мир стремительно молодеет, а наши кремлёвские старцы не поспевают за ним и только вешают друг другу на грудь очередные Звёзды Героя, словно медальки за выслугу лет...

В груди у Волкова всё сжалось и похолодело. Да что там похолодело – вмиг покрылось инеем с палец толщиной. Он тут же вспомнил, что под шампанское рассказывал Софочке анекдоты про генерального секретаря и верного ленинца, с трудом выговаривающего слово «систематически» так, что звучит оно у него как «сиськи-матиськи», и про то, что «напрасно враги распускают слухи, будто вместо руководителя страны в его правительственной машине возят чучело. Это всё неправда, ибо вместо чучела ездит он сам...» Ах, как она задорно смеялась в ответ...

Но запись с анекдотами генерал Скрыга демонстрировать не стал. Он, словно желая добить Волкова контрольным выстрелом в голову, ткнул в его сторону указательным пальцем:

– Вы хоть знаете, кому вы давали интервью?

– Да никакого интервью и не было... – Волков начал торопливо и путано объяснять, что просто беседовал с попутчицей, и не было у неё никакого диктофона, и вообще она – студентка университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы – выдающегося борца за освобождение чернокожих...

Скрыга сурово оборвал его:

– Это вы думаете, что просто беседовали со студенткой университета Патриса Лумумбы. На самом деле с вами в купе ехала Софья Гринбер, штатный сотрудник Моссада, подвизающаяся на ниве радиожурналистики. Она вполне профессионально раскрутила вас на неблагоприятные высказывания и политически близорукие заявления, способные нанести урон репутации нашей великой Советской Родины. Так что, гражданин Волков, вы вольно или невольно оказались втянутыми в идеологическую диверсию и приняли в ней самое непосредственное участие...

Услышав вместо привычного «товарищ полковник» обращение «гражданин», которое в устах особиста ничего доброго не предвещало, Волков побледнел. От осознания произошедшей катастрофы сердце у него сдавило. Он попросил стакан воды у генерала. Генерал плеснул ему в стакан воды из гранёного графина. Волков сделал несколько судорожных глотков и замер, ожидая решения своей участи.

Скряга, между тем, встал из-за своего стола, обошёл Волкова и уселся напротив, оглядел полковника пронизательным взором и неожиданно перешёл на товарищескую манеру разговора:

– Не знаю, в какой счастливой рубашке вы родились, Игорь Николаевич, но ваши идеологически невыдержанные откровения не дошли до адресата и не прозвучали в передаче «Голос Америки». Скажите спасибо, что органы госбезопасности успели перехватить сделанную Гринбер «закладку» и она не ушла за рубеж. Иначе говорили бы с вами в другом месте.

– Что же будет со мной, товарищ генерал-майор? Я же и предположить не мог, что она... агент... Обычная советская девушка... – только и выдавил из себя Волков.

Скряга изложил диспозицию так, как она виделась с высоты его положения:

– Ну, о Главном политическом управлении вам, Игорь Николаевич, придётся забыть. Надолго, если не навсегда. Я уже отозвал своё согласование и по своей линии ситуацию доложил. Простите великодушно, но – долг службы обязывает. Да вы и сами всё должны понимать. И с кафедрой вам тоже придётся распрощаться. Нас не поймут, если ведущую кафедру в высшем военно-политическом училище будет занимать офицер, как бы помягче сказать, не умеющий держать язык за зубами...

Волкову стало ясно, что на карьере придётся поставить крест:

– Мне что же рапорт на увольнение писать?

Перемену в его настроении Скряга уловил сразу, как опытная гончая улавливает запах добычи:

– Это лишнее, товарищ полковник. И добрый конь на скаку оступается... Такими профессионалами, как вы, разбрасываться непозволительная роскошь... – Генерал побарабанил пальцами по столу. – А знаете, я в давних добрых отношениях с генералом Зинченко, членом военного совета на Урале. Переговорю-ка я с ним... Может, отыщет вам местечко в Свердловске, у себя под крылом. Человек он умный и опытный, служить с таким одно удовольствие. Да и опорный край державы – это вам не наш «западэнский Львив». Урал окажет на вас благотворное воздействие... И ещё, считайте это моим дружеским напутствием: будьте осторожнее в высказываньях. Вторую ошибку вам не простят...

– Вот так я и попал на Урал... – Полковник Волков умолк, а потом добавил, глядя прямо в глаза капитана Вострякова: – Надеюсь на вашу порядочность, Фёдор, прошу о нашем разговоре никому ни слова... И поскольку у вас вся жизнь впереди, не сочтите за менторство, сами не окажитесь в подобной ситуации...

– Буду стараться, – пробормотал Востряков и всё же не удержался ещё от одного вопроса: – Товарищ полковник, Игорь Николаевич, а почему же линия-то главная?

– Главная линия потому, что больше всего нашего брата именно на ней и сгорает синим пламенем.

Востряков вернулся в свой скромный номер и долго не мог уснуть, заново перебирая в памяти рассказ полковника, лучезарный образ которого в его глазах после услышанного несколько потускнел: «Вот вроде бы умный, красивый, сильный человек, и так попал впросак... Тоже мне главная линия!.. Нет, со мной ничего подобного никогда не случится! А если и встретится на пути шпионка из Моссада, из ЦРУ или даже из МИ-6, я ей ни за что на крючок не попадусь! Не зря же до политуправления секретарём дивизионного разведбата служил...»

Но «главная линия» всё же коснулась Вострякова. Неожиданно и совсем с другого бока. Жена его Лиза вдруг задумала – ушла к капитану из тылового управления округа. Спустя пару месяцев она подала на развод. Вскоре и суд состоялся, после которого Вострякову пришло письмо, извещавшее, что их брак расторгнут.

Вскоре Вострякова вызвал к себе полковник Фоменков и огоршил:

– Придётся вам, товарищ капитан, из политуправления уйти. У нас разведенцам не место.

Востряков съёжился, хотя Фоменков и пообещал:

– Переведём вас на равнозначную майорскую должность. Служить будете здесь же, в Свердловске, в политотделе спецчастей гарнизона. Вы же бывали там, на углу Восточной и Декабристов.

Кадровик не обманул. Вострякова вскоре назначили пропагандистом в спецчасти. И вроде бы должность равнозначная, и с неё в академию поступать можно, и город тот же, и квартиру ему с Лизой помогли разменять на две однушки в разных концах города, так что по общежитиям мыкаться не пришлось. Ан нет, дальнейшая карьера у Вострякова не сложилась. В академию он так и не поступил – разведенцев туда тоже не брали... Получив майора, на своём пропагандистском кресле так и дослужил до сокращения Вооружённых сил. Совпало это с перестройкой, когда никто уже вопросом о сохранении «ценных кадров» не озадачивался. Написал рапорт – и гуляй! Радуйся, что получил выходное пособие и уволился не где-то в захолустье, а в столице Среднего Урала.

С полковником Волковым судьба свела Вострякова ещё раз, когда он поступил в заочную аспирантуру уральского госуниверситета и на кафедре философии готовил к защите кандидатскую диссертацию на тему «Генезис феномена женской неверности от матриархата до наших дней».

Волков к тому времени тоже уволился из армии и состоял в учёном совете университета. Он вызвался быть у Вострякова официальным оппонентом и на защите, которая прошла блестяще, бросил в корзину бывшего сослуживца свой белый шар. Что в общем-то и не удивительно: линия научного поиска была выбрана главная...

2021

Шпион, выйди вон!

Француз говорил по-русски без всякого акцента, так, как в России уже не говорят. Чётко очерчивая каждое слово, он произносил фразы степенно, с осознанием значимости сказанного и в то же время вальяжно и даже высокопарно. Словом, изъяснялся, как это называли в старину, высоким штилем.

Слушая импозантного, с холёной бородкой а-ля Николай II иностранца, которого представили как известного слависта Луи Гюссара, Пронин то и дело ловил себя на мысли, что это вовсе и не француз никакой, а коренной «русак» – наследник эмигрантов первой волны, из числа той самой дореволюционной знати, что после семнадцатого года на пароходах и поездах покинула распавшуюся Российскую империю и перекочевала на Елисейские Поля. С представителями упомянутой знати – всеми этими великосветскими князьями и графами, камергерами и камерюнкерами – Пронин никогда прежде не сталкивался, но был уверен, что эта пресловутая знать так и говорила, потому что именно так общались между собой герои произведений дореволюционной отечественной классики.

Луи Гюссар делал доклад на международном литературном семинаре в Гданьске. На семинар Пронина заманила его давняя знакомая – московская критикесса и литературовед Нонна Умнова. С Нонной Пронин познакомился четверть века назад на последнем Всесоюзном совещании молодых писателей, где они обменялись своими первыми книжками, и с тех пор нет-нет да и встречались на разных писательских собраниях в Москве, куда Пронин приезжал с родного Урала. Вот уже лет пять как неугомонная Нонна собирала писателей России и зарубежья то в Варшаве, то в Сопоте и Гданьске и всё приглашала Пронина приехать. А он всё отнекивался, мол, занят – служба, дела...

До прошлого года подполковник Пронин действительно служил: руководил отделом боевой подготовки окружной военной газеты, много мотался по полигонам и «горячим точкам», где несли, говоря штампованным газетным языком, свою боевую вахту воины-уральцы. Впрочем, выезду за рубежи России препятствовали не только его загруженность служебными обязанностями, но и существующие запреты, не позволяющие действующим офицерам российской армии покидать территорию страны в частном порядке.

Но вот накатила волна очередного сокращения Вооружённых сил, и Пронина, не дав ему дослужить пару месяцев до закрытия очередного календарного года, попросили «с вещами на выход», как грустно шутил он сам, хотя ни особых вещей, ни приличной квартиры за двадцатилетнюю службу не нажил.

Став «свободным человеком», Пронин смог отдалиться в полной мере литературному труду, решив дописать, наконец, свой новый роман о последних днях семьи Романовых. Тут как раз подоспело очередное приглашение от Умновой, и Пронин согласился приехать в Гданьск.

Он, конечно, уже был наслышан о Нонниных семинарах, где собирались «сливки» современной литературы, и программа – самая насыщенная, и знакомства полезные...

Но на этот раз Умнова превзошла саму себя: нескончаемая череда встреч с польскими филологами и студентами, изучающими русский язык; лекции, доклады, обсуждения, концерты; посещения памятных мест... И гости самые что ни на есть отборные: легендарный эмигрант Дружкович, прославившийся своей скандальной книгой «Дуэль с пушкинистами»; светило современной отечественной критики Анинский, который только за прочтение страницы текста берёт с автора не меньше пяти долларов; польская издательница, обаятельная пани Малгожата, ростом под два метра; российские литераторы со всех волостей и, конечно, блистательный Луи Гюссар!

Нонна успела шепнуть на ухо Пронину, что Гюссар в молодые годы был литературным секретарём самого... Тут она назвала имя непререкаемого писательского авторитета, которого лауреат Нобелевской премии Бунин почитал за своего учителя. И ещё добавила она с придыханием, что француз – миллионер и меценат, собиратель и коллекционер книг и картин Серебряного века, и подружиться с ним просто необходимо и очень перспективно, ибо Гюссар уже нескольких российских поэтов и прозаиков приглашал к себе в Ниццу погостить. Он дружен с послом России во Франции и вполне может такую же поездку Пронину организовать...

Пронин поблагодарил Нонну за добрый совет, но про себя решил, что к слависту и миллионеру в друзья набиваться не будет: неудобно как-то и не по-офицерски... Да и что ему в той Ницце искать, когда на родном Урале природа краше?

Однако сам Гюссар неожиданно проявил к Пронину интерес.

Во время экскурсии в рыцарский замок Мальборк, где располагался музей истории Тевтонского ордена, он подошёл к Пронину. Прежде всего похвалил выступление «русского друга» на семинаре, восхитился его рассуждениями о современной литературе и выразил желание получить книгу с автографом Пронина в свою знаменитую библиотеку. Затем Гюссар стал расспрашивать, над чем Пронин сейчас работает и, узнав, что он пишет роман о последнем русском императоре и его трагической гибели в Екатеринбурге, ещё больше впечатлился. Пронин, польщённый вниманием француза, перестал дичиться и в свою очередь задал Гюссару несколько вопросов об эмигранте-классике, у которого Гюссар был личным секретарём, о его роскошной коллекции и о дружбе с выдающейся художницей Зинаидой Серебряковой...

Француз живо, в цветах и красках, стал описывать свою юность и общение с классиком, его друзьями и учениками, не преминул несколько раз сказать, что он ярый монархист и большой друг России, что на его вилле в Ницце в главном зале висит огромный портрет Николая Второго и что он, Гюссар, немало личных средств пожертвовал Николаевскому собору близ бульвара Царевича и так далее и тому подобное...

Увлечённые разговором, они отстали от основной группы экскурсантов и громогласного экскурсовода, и продолжили путешествие по каменным залам и крепостным стенам верхнего замка самостоятельно. Пронину Гюссар всё больше нравился. Похоже, и француз испытывал к нему откровенную симпатию.

На выходе из замка они зашли в ресторанчик под открытым небом. Там подавали вполне приличное пиво и копчёную камбалу, которую польская официантка смешно именовала флядрой.

По широте души Пронин заявил, что угощает нового французского друга. И миллионер-меценат с этим как-то сразу согласился. После нескольких бокалов крепкого пива Гюссар и Пронин перешли на «ты», и француз рассказал несколько смачных русских анекдотов, матерясь при этом так искусно, что у Пронина снова закралось сомнение, что француз он ненастоящий.

Тут к их столику стремительно приблизилась рассерженная Нонна и непривычно официально сказала, что все их уже давно ждут, что пора возвращаться в гостиницу, чтобы не опоздать на ужин, за который уплачено, и что все не могут ждать двоих...

– О да, прекрасная мадмуазель Нонна, – желая задобрить Умнову, Гюссар рассыпался в комплиментах, – я помню вашу поговорку: семеро одного не ждут! Простите нас с Мишелем... – Он тут же вскочил из-за стола, галантно расшаркался и поцеловал Умновою пухлую ручку, пальцы которой были унизаны массивными серебряными перстнями.

– О Луи! Вы – такой озорник... – тут же сменила гнев на милость Умнова, – вы, конечно, мон ами, прощены, а ты, Мишенька, – строго воззрилась она на Пронина, – первый раз за границей, а ведёшь себя с непозволительной вольностью...

Пронин только руками развёл, дескать, что с нас, сермяжных, взять: мы такие вот, как есть.

Всю обратную дорогу в автобусе писатели, и Пронин с Гюссаром вместе со всеми, пели русские песни и в гостиницу прибыли довольные друг другом и состоявшейся поездкой.

Оказалось, что Пронин с французом живут на одном этаже, через номер друг от друга.

Прощаясь у двери своего номера, Гюссар вдруг признался:

– А я ведь, Мишель, тоже – офицер.

С Пронина весь пивной хмель как ветром сдуло – сказала армейская выучка никогда не забывать о бдительности, равно как знание о том, что Франция хоть и вышла из военной организации НАТО ещё при Шарле де Голле, но участницей политического блока этой вовсе недружественной России организации остаётся по сей день:

– Как это офицер, Луи? Ты же славист, профессор университета...

– Да, славист и профессор, но в армии служил. Переводчиком... – лихо по-гусарски покрутил кончики усов Гюссар. – Теперь, правда, давно уже в отставке...

– И в каком же звании ты вышел в отставку?..

– Подполковником, как и ты! – коротко хохотнул француз и козырнул Пронину, как равный равному: – Честь имею, господин подполковник!

Пронин хотел сказать, что к пустой голове руку в России не прикладывают, но неожиданно повторил жест Гюссара и поплёлся к себе в номер.

Ночью этот прощальный разговор с французом всё не шёл у него из головы. Во-первых, он не мог вспомнить, говорил ли Гюссару о своём воинском звании и о том, что недавно уволен в запас. А если не говорил, то откуда француз это знает? Во-вторых, ему не давала покоя военная карьера нового знакомого: как умудрился переводчик получить столь высокое воинское звание, где и сколько лет прослужил? В-третьих, Пронин не понимал, как успел Гюссар после выхода в отставку стать профессором университета? И особенно тревожило его то, чего это Гюссар к нему сегодня приклеился? После неожиданного откровения француз уже и сам его интерес к нему показался Пронину вовсе не случайным и не таким уж непосредственным...

Пронин долго гонял эти мысли взад и вперёд, пока не разозлился на себя и на свою бессонную бдительность: «Вот ведь как нас вышколили, если во всех иностранцах шпионы до сих пор мерещатся! Уже Советского Союза нет давно, “холодная война” закончена. Уже и Францию, и ФРГ, и Великобританию, и даже США, будь они неладны, первые лица России называют “нашими дорогими партнёрами”, а я всё воюю и о секретах, давно выданных этим “партнёрам”, пекусь!»

Успокоив себя таким образом, Пронин наконец уснул. И проснулся со светлой головой. И до конца пребывания в Гданьске, общаясь с Гюссаром, вёл себя с ним вполне дружески и ничем свою неясную тревогу не выдавал. Они несколько раз, опять почему-то за счёт Пронина, посидели в прибрежных ресторанчиках в Сопоте и в каком-то кафе в Гданьске. Говорили о литературе и на отвлечённые темы. К вопросам военной службы каждого из них, словно сговорившись, больше не возвращались.

В день отъезда из Гданьска Гюссар напомнил Пронину о своём желании заполучить книгу с его автографом.

Пронин, извиняясь, сказал:

– Луи, у меня с собой книги нет... Но через пару месяцев, в начале сентября, должен выйти мой роман «Русское поле» в московском издательстве «Колокол». Я поеду за авторскими экземплярами и передам роман тебе через Нонну...

– Зачем же через Нонну? Я сам буду в это время в Москве на книжной ярмарке. Позвони, как приедешь, и мы обязательно встретимся... – Гюссар написал на визитке номер телефона и протянул карточку Пронину.

– Позвоню! – пообещал Пронин, пожимая французам руку.

В сентябре, получив в «Колоколе» свой роман, Пронин вспомнил об обещании и позвонил по номеру, оставленному Гюссаром.

– О Мишель! – радостно воскликнул тот. – Ты в Москве?

– Да, в столице. И у меня есть для вас, – почему-то снова перешёл на «вы» Пронин, – обещанная книга с автографом.

Гюссар предложил:

– Приезжай сегодня на ВДНХ, там в десятом павильоне в семнадцать часов будет презентация моих литературных мемуаров. Нонна и другие знакомые придут...

– Увы, Луи, я побывать на представлении книги не смогу. В это время должен быть уже на вокзале... У меня поезд в семнадцать тридцать... – отозвался Пронин со смешанным чувством огорчения и тихой радости, что не придётся сидеть с умным видом и выслушивать уже известные ему по Гданьску воспоминания об известном классике и его непревзойдённой дружбе с Гюссаром, внимать хвалебным отзывам московских коллег, желающих всеми силами богатому французу понравиться.

– Жаль, – вполне искренне огорчился Гюссар и тут же внёс коррективы: – А удобно тебе встретиться в метро, часов в пятнадцать, на станции «Парк культуры»?

Пронин прикинул, что будет двигаться как раз по этой ветке, и согласился:

– Договорились. В пятнадцать ноль-ноль буду вас ждать!

– У первого вагона в сторону центра, – как истый москвич уточнил Гюссар.

Без четверти три Пронин с книгой в руках был уже на указанной станции. Свой багаж он заблаговременно завёз на вокзал, сдал в камеру хранения и вернулся к «Парку культуры». Эта станция была ему хорошо знакома – сюда он неоднократно приезжал в Союз писателей России, чей особняк располагался поблизости, на Комсомольском проспекте.

Поглядывая на электронные часы, мерцающие над тоннелем, прохаживаясь взад и вперёд между могучими четырёхугольными колоннами, подпирающими гулкий свод станции, Пронин вдруг вспомнил о своих прежних тревогах, связанных с загадочным французским славистом, миллионером и подполковником.

«А что, если Луи и в самом деле не просто Луи, а французский шпион, агент, скажем, их военной разведки DRM¹? – при этой мысли Пронина даже бросило в жар, хотя в подземке было прохладно и по станции гуляли сквозняки от приезжающих и отъезжающих поездов. – Может, у него задача завербовать меня? Но зачем это нужно? Я обычный отставник и никакими государственными секретами давно не обладаю... А если бы даже и обладал, то не выдал бы их никакому Гюссару ни за какие французские булки... Что же мне делать?.. Не бежать же отсюда?.. Ладно, подарю свою книгу, и оревуар...» – мысленно успокаивал он себя, но покоя не находил.

И тут в голову ему пришло устроить Гюссару проверку. Пронин в книге про разведчиков читал, что профессионалы «плаща и кинжала», если назначают встречу своему связнику, то являются на неё за две минуты и обязательно проверяются – стоят где-то в стороне и осматривают подходы к месту встречи и возможные пути отступления. Ждут связника не больше двух минут и, если тот не оказывается на месте в назначенное время, немедленно уходят...

Пронин снова взглянул на метрополитеновские часы. Стрелки показывали без пяти минут три.

«Гюссар наказал ждать его в пятнадцать ноль-ноль у первого вагона в сторону центра... Если он обычный человек, то приедет ровно к назначенному сроку и выйдет именно из первого вагона! Если же нет, значит...» – Пронин не успел довести мысль до конца и немедленно сменил свою диспозицию: отошёл в сторону от места прибытия первого вагона, встал за колонну и, как настоящий профессионал-разведчик, стал наблюдать.

Время замедлило свой бег и растянулось, как жевательная конфета, как будто давая ему лишнюю возможность осмотреться и всё оценить. За четыре минуты до срока, назначенного французом, прибыл очередной состав, идущий в сторону центра от «Проспекта Вернадского». Пассажиры заполнили станцию – Гюссара среди них не было. Прошёл состав в обратном направлении – француз не появился. Следующий поезд в сторону центра подошёл ровно без двух минут три. Пронин весь превратился в зрение. Если он не ошибается и его знакомый Луи профессиональный разведчик, то бишь шпион, он должен приехать именно на этом поезде.

Но Гюссар не вышел ни из первого вагона, ни из второго. Пронин уже собрался выдохнуть с облегчением – ему почему-то захотелось, чтобы симпатичный, хотя и скуповатый Луи оказался обычным человеком, известным славистом и подлинным другом России... Но тут он увидел Гюссара, стоя-

¹ Direction du renseignement militaire – спецслужба французского разведывательного сообщества, подведомственная министерству обороны.

щего почти напротив него, за такой же колонной и пристально вглядывающегося в сторону первого вагона...

«Ага! Попался, шпион!» – пронеслось у Пронина в мозгу. Он внутренне подобрался и двинулся навстречу Гюссару.

Гюссар тоже заметил его и, широко улыбаясь, вышел из своего укрытия. Они весело, как ни в чём не бывало, поговорили минут пять. Пронин вручил Гюссару свою книгу с автографом. Гюссар не остался в долгу – отдался книгой мемуаров, и они расстались.

На этом можно было бы поставить точку в истории с французским славистом. Но она имела неожиданное продолжение.

Спустя год после знакомства с Гюссаром Пронина избрали руководителем областной писательской организации, и он задумал провести на Урале международное совещание молодых писателей. Сам статус международного мероприятия потребовал участия в нём представителей не только бывших Союзных республик, ныне независимых Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, но и стран так называемого дальнего зарубежья.

Нонна Умнова, которую Пронин пригласил руководить семинаром критики, посоветовала ему позвать Луи Гюссара, дескать, он в это время будет в Москве и Пронину не придётся тратить на билеты из Ниццы до Екатеринбурга и обратно. Это было весомым аргументом, ибо мероприятие замыслилось масштабное, а бюджет на него был выделен довольно хилый.

Не мудрствуя лукаво, Пронин в числе других почётных гостей пригласил на совещание знакомого француза.

Совещание проходило в небольшом, но с богатой историей городе Каменске-Уральском, в ста километрах от Екатеринбурга. Семинаристов разместили в санатории «У трёх пещер» на живописном берегу Исети, а почётных иностранных гостей – неподалёку, в городской гостинице.

Всё складывалось замечательно: и открытие, и работа семинаров, и персональные творческие вечера известных литераторов, которые вела неутомимая Нонна Умнова.

В конце программы устроили для участников экскурсию по городу, где был богатый краеведческий музей, муниципальный драматический театр, несколько старинных храмов...

Гюссар, которого, как званого гостя, сопровождал сам Пронин, внимательно разглядывал пушки, отлитые на Каменском заводе для Великой Камчатской экспедиции Беринга, и произведённые там же кандалы для каторжников, старинную роспись стен, утварь и иконы в храмах. Но особенно ему понравилась автобусная экскурсия по городу. Пронин, помня о своих подозрениях относительно Гюссара, строго-настроено проинструктировал девушку-гида из управления культуры никоим образом не провозить их возле оборонных предприятий. Но она так увлеклась собственным рассказом, что привезла их на площадь перед алюминиевым заводом, где подробно стала вещать о том, сколько предприятие вырабатывало алюминия в годы Великой Отечественной войны, сколько производит сейчас, как это важно для вооружённых сил и ракетно-космической отрасли...

Заметив, как заблестели глаза у Гюссара, Пронин стал делать девушке недвусмысленные знаки, мол, пора ехать дальше, нас ждёт обширная культурная программа.

По лицу француза пробежала тень недовольства, а Пронин, сделав вид, что не заметил этого, принялся рассказывать гостю, как много в городе уделяется внимания художественной самодеятельности.

Культурная программа этого дня и впрямь была насыщенной: литературно-музыкальный вечер молодых талантов с участием малой группы Уральского народного хора и зажигательными танцами гастрوليрующего башкирского ансамбля, прощальный ужин с семинаристами, на котором мастера читали свои стихи.

Завершил вечер фуршет для руководителей семинаров, такой хлебосольный, что в гостиницу «Каменя» Гюссара, уже изрядно захмелевшего после возлияний, под руки провожали Пронин и начальник управления культуры города Александр Шалобаев.

С фуршета они прихватили с собой авоську с тремя бутылками водки и нехитрой закуской, дабы окончательно убедить француза в уральском гостеприимстве.

В гостиничном номере быстро накрыли стол. Гюссар вяло посопровтивлялся, ссылаясь, что «уже набрался под завязку и напился до чёртиков» (он так и сказал, в очередной раз удивив Пронина своими познаниями в русском языке), но под решительным напором провожавших сдался.

Бывший пограничник и «афганец» Шалобаев, решив внести свой взнос в филологическую копилку учёного-слависта, заявил, что в его компании существует одиннадцать постоянных тостов, которые обязательно звучат за столом, когда собираются близкие друзья:

– О-ля-ля! – воскликнул Гюссар. – Я – друг России... Вы, Алекс, должны мне обязательно сказать свои тосты. Я их запишу... – Он потянулся к записной книжке, но взять её не смог – пальцы плохо слушались. Тогда француз махнул рукой, мол, говорите, я и так запомню.

Шалобаев отрицательно покачал головой:

– Нет, господин Луи, при всём моём великом к вам уважении, тосты у нас так просто не говорят. Их произносят! А когда произносят, обязательно пьют! Иначе тост не сбудется... Такой обычай...

– О, обычай, это – святое... – согласился Гюссар. – Произносите свой первый тост...

– За встречу! – улыбнулся Шалобаев и подбодрил француза: – До дна, до дна, мсье! Иначе второго тоста не услышите...

Они выпили. И Шалобаев, одну за другой, провозгласил здравицы: за друзей; за тех, кого рядом нет; за милых дам и во славу русского оружия... Каждый из тостов сопровождался обязательным наливанием и выпиванием.

Видя, что француз уже совсем носом клюёт, Пронин, тоже изрядно поднабравшийся, но ещё твёрдо сидящий на стуле, неожиданно спросил Гюссара, энергично тряхнув его за рукав:

– Луи, ты помнишь, как говорил мне, что служил в армии? Ты правда подполковник?

– Уи... да-да, я – подполковник! – восторженно воскликнул Гюссар.

– А как ты стал целым подполковником, если всего лишь переводчик?

Гюссар погрозил ему пальцем:

– Не простой переводчик, Мишель! Я был референтом у министра обороны...

Тут встрял Шалобаев и, нарушая очерёдность своих обязательных тостов, предложил:

– А давайте выпьем... за референта!

– А давайте... – согласился Гюссар, и они вдвоём с Шалобаевым выпили.

– И долго ты был референтом министра, Луи? – продолжил допрос с пристрастием Пронин.

Гюссар откинул голову. Обычно лощёного слависта было не узнать. Лицо его покраснело, а в холёной бороде застряли хлебные крошки.

– О, очень-очень долго... я был референтом... – с какой-то невыразимой мукой в голосе произнёс он так, что Пронину стало жаль его. Но отступить было нельзя:

– И что же, Луи, честно ты служил своей Франции? – с вызовом спросил он.

– Очень честно... – обречённо кивнул Гюссар. – Как настоящий рыцарь...

– И ты заслужил что-то себе на грудь? Ответь мне, рыцарь, как офицер офицеру. Скажи мне, как Французская Республика оценивает своих героев, которые честно служат ей? – Пронин жестом удержал Шалобаева от произнесения очередного тоста.

– Франция... Ах, моя милая Франция... Она оценивает своих честных героев... Она дала мне, своему рыцарю, два ордена... – пробормотал Гюссар, снова норовя ткнуться лицом в тарелку.

– А ну-ка, Луи, не спать! – удержал его от столь неблагоприятного поступка Пронин. – Подъём, господин подполковник! Доложи-ка нам, своим добрым друзьям, какими орденами Франция наградила тебя, референта-переводчика?..

– По-оч-чёт-ного легиона... за военные заслуги... – успел выговорить заплетающимся языком Гюссар и окончательно отключился.

«Вот те на! Переводчик, референт министра обороны, целый подполковник. И вдруг два высших ордена Франции, да ещё за военные заслуги... Что ж этакое мог перевести этот рыцарь-переводчик, чтобы удостоиться таких орденов?.. – спросил сам себя Пронин и, трезвея, подвёл итог своим умозаключениям: – Вот тебе и славист! Точно – шпион!»

Они с Шалобаевым бережно уложили француза на диван, накрыли его одеялом и ушли, прикрыв за собой дверь и наказав дежурной по этажу с утра прибраться в номере иностранного гостя.

На следующий день Пронин проводил Гюссара, Умнову, других гостей – руководителей семинаров в аэропорт Кольцово, откуда они разлетелись в разные стороны.

Пронин ещё долго не знал, что ему делать с информацией, полученной от известного слависта. Идти в компетентные органы? Засмеют: пьяный разговор к делу не пришьёшь. Скажут: рехнулся

отставник на старости лет! Насмотрелся триллеров типа «Шпион, выйди вон!» или начитался французских детективов Гастона Леру...

Взвесив всё, Пронин никуда не пошёл. Свои сомнения и выводы он носил в себе до тех пор, пока однажды судьба не свела его с однокурсником Васей Орловым. Орлов, в отличие от самого Пронина, всё ещё продолжал службу. И служил не где-то, а на Лубянке, целым полковником и начальником отдела.

Орлову за «рюмкой чаю» и поведал Пронин информацию о французском знакомом.

Орлов проявил неожиданную осведомлённость о Луи Гюссаре:

– Ты прав, Миша, – весело сказал он. – Слависты бывшими не бывают. Мы этого твоего Гюссара ещё в восьмидесятом из СССР выдворили за антисоветскую пропаганду. А в те годы такая формулировка обычно служила прикрытием истинной причины для выдворения иностранного подданного.

Пронин отметил, что Орлов говорит о КГБ – «мы», словно сам лично Гюссара выдворял, и осторожно спросил:

– Так, выходит, я прав: этот Луи шпион?

Орлов иронично улыбнулся:

– Ну, этого, Миша, я тебе сказать не могу. Ты же умный мужик, сам сложи два плюс два...

Пронина вдруг охватил праведный гнев:

– Так что же он к нам в Россию летает как к себе домой? Почему вы его прямо у трапа самолёта не арестуете и не выдворите из страны с позором?

Орлов ответил вполне серьёзно:

– Не можем, Миша.

– Почему не можете?! Вы же можете всё...

– Другие времена, мой друг, другие нравы! Недавно вышел указ о награждении этого твоего француза орденом Дружбы, и более того, первое лицо лично вручило орден мсье Гюссару в Кремле, поблагодарив за многолетнее укрепление взаимопонимания между нашими народами... Скажи мне, кто на этом фоне дерзнёт теперь сунуться к нему с какими-бы то ни было обвинениями?..

Пронин скривился как от зубной боли:

– Понятно теперь, – пробормотал он, хотя на самом деле ему ничего понятно не было. – Вот этот Гюссар и твердил всё время, что он – лучший друг России... Что же это за друзья такие у нас, Вася, которых сначала из нашей страны выдворяют, потом они за «дружбу» с нами у себя на родине высшие ордена с мечами получают, а теперь мы ему ещё и благодарны быть должны? И само первое лицо, как ты выразился, ему лично российскую награду вручает? Неужели первое лицо не проинформировано, кто такой этот новый кавалер ордена Дружбы? И куда вы, чекисты, в таком случае смотрите?

Орлов ничего Пронину не ответил, хотя и знал куда больше, чем мог сказать.

2021

Ночные парламентёры

Подполковник, командир группы ГРУ – главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, откликавшийся на имя-отчество Василий Петрович, заглянул в штабную мазанку горнопехотного батальона после ужина.

Обменявшись коротким и крепким рукопожатием с комбатом майором Игнатенко, он сказал:

– Сергей Алексеевич, пошептать бы надо. Тэт-а-тэт...

– Сейчас организуем, Василий Петрович, – отозвался Игнатенко и приказал дежурному связисту: – Сходи, покури!

В просьбе «грушника» ничего необычного не было: служба секретная, действующая по ленинскому принципу: «Конспирация, конспирация и ещё раз конспирация, товарищи!»

Подполковник и пятеро его подчинённых – офицер, прапорщик и трое срочников: переводчик – таджик, водитель БТР – молдаванин и связист – сибиряк – в гарнизоне у Игнатенко даже размещены были в отдельно стоящей мазанке. И питались они самостоятельно, и контактов с личным составом батальона всячески избегали, общаясь только с Игнатенко и начальником штаба батальона капитаном

Тетеркиным. Ходили обычно Василий Петрович и его подчинённые в афганках без знаков различия, все отпустили себе бороды и загорели до черноты. Повязки таким чалму или напяль на голову шапку-моджахедку, и от «духов» просто не отличишь. Они и вели себя как «духи». Среди ночи срывались с места и, оседлав свой БТР, уезжали неведомо куда или уходили в ночь поодиночке и возвращались, пока весь гарнизон ещё спал, за исключением дежурных служб, конечно. Так же, в темноте, которая здесь, в горах, наваливается внезапно, как диверсант на зазевавшегося часового, к ним почти каждую ночь на КПП приходили какие-то таинственные визитёры, завернутые в длиннополые одежды с головы до ног. Их обычно встречали сам Василий Петрович или майор, его заместитель, и уводили в свою мазанку, о чём-то беседовали и спустя несколько часов провожали за ворота гарнизона, где эти визитёры мгновенно растворялись в чернильной темноте.

Однажды стоявший на часах солдат из восьмой роты доложил Игнатенко, что у такого визитёра, когда он проходил мимо него, выпала на землю пачка афгани, которую тот тут же поднял и ловко спрятал под одеждой. А шедший за ним следом Василий Петрович приложил палец к губам, а затем погрозил часовому, дескать, об увиденном молчи.

«Помощнички-то у Василя Петровича не бескорыстные... По идейным соображениям никто помогать шурави не хочет! Разве что те, кто сам от душманов пострадал...» – догадался Игнатенко.

Результатами разведдеятельности группы Василя Петровича, у которого была любимая присказка: «война план покажет», он, к слову, довольно успешно пользовался в своей боевой работе – практически все разведданные по близлежащим кишлакам реализовывались именно через его батальон. Да и как иначе? Во всей провинции Саманган батальон Игнатенко – единственная боевая единица советских войск. В своей зоне ответственности – от Ташкуртана до перевала Мирза-Атбели – батальон охранял трассу Хайратон – Кабул, обеспечивал работоспособность проходящих здесь двух ниток трубопровода, по которым под высоким давлением подавались бензин, авиакеросин и дизтопливо, и в целом, Игнатенко со своими подчинёнными поддерживали зыбкий мир и относительную безопасность на этом участке испокон века немирной и небезопасной земли. Это осознавали и местные власти, назначенные Наджибуллой, и противостоящие им банды моджахедов, поддерживаемые недругами СССР, понимали это и сам Игнатенко, и, конечно, Василий Петрович.

Надо заметить, что зона ответственности выпала Игнатенко непростая. Территория провинциального центра Айбак – столицы провинции Саманган – занимала достаточно большую площадь в долине одноимённой реки. К югу от Айбака начиналось тридцатикилометровое ущелье Дарай-Зиндан. По его дну текла река Саманган, а с обеих сторон ущелья высились отвесные четырёхсотметровые скалы. Вдоль упомянутой реки, там, где ширина ущелья позволяла, располагались зелёнка и кишлаки. Закон Афгана неизменен: где есть вода, там есть растительность и жизнь.

Летом 1983 года военная обстановка в провинции была крайне напряжённой. Из всех населённых пунктов один только Айбак контролировался правительственными войсками и царандоем, но и он только в центральной своей части. Остальная территория находилась под контролем разных бандформирований, которые выходили поживиться и на трассу Хайратон – Кабул и к трубопроводу. После их обстрелов наливников и трубопровода то там то тут вспыхивало красное пламя, видимое на десяток километров. Но ещё больше хлопот приносили диверсии с целью наживы – душманы в светлое время суток подкрадывались к трубе, ручными свёрлами делали в ней отверстия, затыкали их деревянными пробками – чопиками, а по ночам извлекали затычки и наливали горючее в канистры. Не раз и не два бойцы Игнатенко, поднятые по тревоге или заблаговременно предупреждённые грушниками, захватывали караваны по тридцать и более верблюдов, нагруженных канистрами, заполненными горючим.

Бандформирования с завидной регулярностью нападали на колонны и на сам гарнизон. Особенно дерзким был главарь Вакиль Дивана, чья банда хозяйничала в зелёнке в непосредственной близости от места дислокации батальона. Душманы донимали Игнатенко, обстреливая территорию гарнизона не только из стрелкового оружия, но и из миномётов. Кличка у этого борца за веру говорила сама за себя: Дивана на дари обозначало «юродивый», а проще говоря – сумасшедший. Этого безбашенного главаря даже сами афганцы не любили, побаивались и называли меж собой беспредельщиком.

Но помимо шайки Дивана в ущелье и других банд было видимо-невидимо: у каждого кишлака – своя банда. Они чуть не ежедневно совершали диверсии на трубопроводе и нападения на колонны. Действовали неожиданно и умело. Совершив налёт, тут же возвращались в свои кишлаки, где сразу же превращались в мирных дехкан, улыбающихся «шурави» и с благодарностью принимающих

от них гуманитарную помощь в виде мешков с мукой и сахаром. Достать этих перевёртышей, выковырять их из родных кишлаков никак не получалось. Хотя, по наводке того же Василия Петровича, проводились несколько раз войсковые операции, но толку от них не вышло никакого. Пока роты Игнатенко шли с двух сторон поперёк каньона, а батальоны афганской армии прочёсывали кишлаки на дне ущелья, моджахеды через кяризы и тайные тропы каждый раз заблаговременно уходили и прятались по пещерам. Оттуда их и бомбоштурмовыми ударами выкурить не представлялось возможным, и никакими ухищрениями ГРУшников выманить не удавалось. И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была незаменимой, а информация, добываемая ими, просто бесценной.

И всё же работа разведчиков в условиях постоянного враждебного окружения была просто незаменимой. Игнатенко, понимая это, поддерживал дружеские отношения с их командиром и сам, похоже, вызывал в нём такие же добрые чувства.

Василий Петрович по возрасту и воинскому званию был старше Игнатенко, но подчёркнуто относился как к равному, а в служебных вопросах – как к начальнику гарнизона.

Вот и на этот раз, когда они остались с Игнатенко наедине, Василий Петрович заговорил по-дружески и без обиняков:

– Сергей Алексеевич, вот такое дело: надо нам с тобой съездить на переговоры. На меня через моего человека вышли главари трёх банд, которых этот бешеный Вакиль Дивана тоже достал. Они хотят, чтобы мы совместно его потрясли. Обещают его загнать в ущелье, а тебе надо будет по нему сверху ударить.

– Что же получается, Василий Петрович: мы на стороне духов должны будем воевать? Исполнять желание одних бандитов по устранению другого?

– А нам какая разница? Всё равно, на стороне духов или самостоятельно, главное, этому Вакилю хвост прищемить!

– Ну, прищемим ему хвост, а что дальше?

Василий Петрович усмехнулся:

– Война план покажет! Если всё у нас с тобой получится, главари обещали отправить делегацию в Ташкурган и договориться с тамошними бабаями, чтобы они не обстреливали больше наши колонны и не трогали трубопровод в твоей зоне ответственности.

Игнатенко поскрёб затылок. То, что говорил грушник, было актуальным и переключалось с задачей, которую вчера поставил перед ним комполка – больше работать с местным населением и постепенно начать договариваться с руководителями бандформирований во избежание ненужных жертв с обеих сторон.

– Когда поедет, Василий Петрович, сегодня? – спросил он.

Грушник замялся:

– Понимаешь, Сергей Алексеевич, тут есть одна особенность... Нам надо будет выехать с тобой ночью. На твоём бронетранспортёре. Место встречи я укажу дополнительно. Вернее, я пока его сам не знаю. Нам надо будет двигаться по трассе. С правой стороны трассёром укажут место, где нас будут ждать. Там и остановимся. На переговорах будем я, мой переводчик и ты. Оружия с собой брать нельзя. И радиостанцию тоже придётся оставить в гарнизоне... Таково условие с их стороны.

Представив такую ночную поездку по району, напичканному бандами, Игнатенко внутренне поёжился, хотя и был человеком далеко не робкого десятка:

– Ну, ты даёшь, Василий Петрович... Ночью, в зелёнку и без оружия... – поскрёб он затылок. – Да там за каждым кустом по душману, и все оружием с головы до ног обвешаны! А мы с тобой даже перочинного ножичка взять не можем...

– На той стороне мне обещали, что всё будет нормально.

– Неужели ты веришь «духовским» обещаниям? Для них обмануть неверного сродни подвигу...

– Так оно, конечно, но интуиция мне подсказывает, что на этот раз можно поверить...

При слове «интуиция» Игнатенко поморщился как при зубной боли, хотя и сам на эту капризную госпожу зачастую полагался. Но всё-таки возможность повстречаться с врагом лицом к лицу и без оружия оптимизма у него не вызвала.

– Кстати, объясни, я-то здесь при чём? Это ведь ваши штучки: внедрение, вербовка, тайные переговоры... – как будто ища пути для отступления, поинтересовался он.

– Опять ты прав, Сергей Алексеевич: специальные операции – мой хлеб, – понимающе усмехнулся Василий Петрович и развёл руками: – Но бабаи сказали, что командор шурави-батальона должен быть на переговорах обязательно. Или ты забыл, что сам мне всегда повторял много раз: у тебя – сила, ты – гарант!

Игнатенко нечем было возразить подполковнику. Действительно, у комбата под началом проверенный в боях личный состав и серьёзная огневая поддержка – приданная батарея 122-миллиметровых гаубиц Д-30 и танковый взвод.

А Василий Петрович продолжал выкладывать аргументы моджахедов:

– Они говорят, дескать, мы командора шурави-батальона в лицо знаем, мы его слову верим. – Он скинул такие же, как у самого Игнатенко, васильковые глаза и сказал главное: – Мы, конечно, рискуем, Сергей Алексеевич, но, пойми, мил человек, если дело выгорит, столько наших ребят спасём...

– Да к чему столько слов... – устыдился вдруг собственных колебаний Игнатенко. – Раз надо, значит, поедем!

– Ну вот и договорились. Только одна просьба у меня к тебе, Сергей Алексеевич: никому о нашем разговоре ни слова. Даже своему начштаба... Если где-то протечёт, нас просто заруют, а перед этим шкуру с живых снимают.

– Ты всегда находишь, чем успокоить... – настала очередь усмехнуться Игнатенко, но усмешка у него вышла кривою.

Спустя два дня Василий Петрович заглянул во время обеда в офицерскую столовую батальона и шепнул Игнатенко на ухо:

– Сегодня в двадцать два часа выдвигаемся.

– Я буду готов! – кивнул Игнатенко.

В назначенное время они выехали из гарнизона на БТРе комбата и двинулись по трассе в сторону перевала Саланг. Дорога была пустынной. Они проехали километров семнадцать, когда справа хлопнул выстрел и ночную тьму прорезал красный трассёр.

– Тормози! – свесившись вниз, приказал Игнатенко водителю.

БТР остановился. Василий Петрович, переводчик и Игнатенко спрыгнули на землю. Из люка высунул голову сержант:

– Товарищ майор, а нам что делать, в случае чего?

– Услышите стрельбу, Мирзоев, лупани по зелёнке из всех стволов и немедленно возвращайтесь в гарнизон... – негромко отдал указание Игнатенко.

В это время из темноты вышел весь замотанный в ткани моджахед с автоматом наперевес. Он махнул рукой, призывая следовать за ним, и первым углубился в зелёнку. Парламентёры двинулись следом. Впереди – переводчик, вторым шёл Василий Петрович, замыкал колонну Игнатенко. Сквозь мрачные заросли, рискуя напороться на ветки, шли по каким-то едва заметным и перевитым корнями тропам около полукилометра. Пахло ночной сыростью и свежим кизяком, как будто двигались они по овечьей тропе. Заросли расступились. То слева то справа стали возникать какие-то едва различимые дувалы, затем снова потянулась зелёнка, и опять дувалы. Спина у Игнатенко, хотя ночь была довольно прохладной, взмокла от напряжения, которое всё нарастало. В душе от неизвестности кошки скребли.

Наконец подошли к высокому дувалу. Сопровождающий отыскал в нём и первым протиснулся в какой-то узкий проход. Нырнув в тесную щель следом за ним, парламентёры оказались во дворе перед глинобитной мазанкой. У входа в неё, прикрытого домотканым пологом, топтался вооружённый бородач, показавшийся Игнатенко точной копией сопровождающего. Он узнал того, кто их привёл, молча откинул полог, предлагая парламентёрам войти. Сопровождающий и охранник остались снаружи.

В помещении, похожем на предбанник, ослепительно ярко после темноты горели свечи. На полу сидели четыре бородачатых бабая, в чалмах, с автоматами на коленях.

Ничего не говоря, один из них указал рукой на следующий проём, мол, проходите дальше.

Во второй комнате, с такими же грязными глиняными стенами и низким потолком, так же ярко полыхали свечи. На полу был расстелен толстый ковёр с богатым орнаментом, на котором, поджав ноги, сидели трое бородачатых «духов» в традиционных длинных афганских рубахах до колен, с автоматами Калашникова в руках.

Один из моджахедов, очевидно старший по возрасту, предложил вошедшим сесть, и начался долгий, традиционный обмен приветствиями, которые старательно переводил таджик-переводчик. Отвечая на вопросы о его здоровье, о здоровье его отца и матери, о том, успешны ли его дела и дела его батальона, Игнатенко всё время хотелось ущипнуть себя, настолько сюрреалистической казалась ему ситуация, и только холодные струйки пота, стекающего по спине, убеждали, что всё происходящее – реальность.

Наконец дошло и до сути переговоров. Старший из бабаев неожиданно коротко и ясно, почти слово в слово так, как говорил два дня назад Василий Петрович, изложил их предложения. Подполковник в ответном слове чётко изложил видение проблемы и путей её решения со стороны «шурави».

Душман, выслушав его, повернулся к Игнатенко и спросил, гарантирует ли командор шурави-батальона выполнение условий заключаемого сейчас соглашения.

Игнатенко молча кивнул.

Моджахеды заулыбались и вознесли хвалу Аллаху.

– Начнём через три дня. К вам прибудет один из нас, чтобы указать цели для удара и место, откуда надо стрелять, – старший душман скосил взгляд на сидящего от него справа бородача.

– Хоп, – согласился Василий Петрович. Это тюркское «хорошо» было понятно «духам» и без перевода.

И снова началась длинная церемония – теперь уже прощания. После всех поклонов и пожеланий доброй дороги парламентарии вышли из мазанки, и тот же бабай, что привёл их сюда, проводил их назад к дороге. При этом обратный путь показался Игнатенко куда короче, чем прямой. Они благополучно вернулись в гарнизон.

В назначенное время, как и было обещано, в гарнизон приехал один из трёх участвовавших в переговорах главарей. На карте он довольно толково, как будто был выпускником советского военного училища, показал, откуда и куда погонят моджахедов Вакиля Дивана, где командору шурави-батальона лучше разместить орудия и танки, и пообещал, что завтра ровно в семь утра будет ждать на этом месте командира шурави-батальона и его людей.

Всё ещё ожидая от моджахедов подвоха, Игнатенко заблаговременно отправил к назначенному месту своих разведчиков и лишь после их доклада, что засады нет, выдвинулся туда сам.

Остальное происходило в точном соответствии с намеченным планом. «Духи» дружественных бандформирований погнало «духов» беспредельщика Дивана по ущелью, выдавливая их на окраину кишлака, куда и должен был нанести свой артиллерийский удар Игнатенко. Удар был точным, и следивший в бинокль за тем, как убивают в каньоне его единомышленников, бородачатый главарь, только что стоявший с каменным лицом, вдруг радостно запрыгал как ребёнок, впервые увидевший праздничный салют. Потом, к вящему удивлению Игнатенко, он даже совершил какой-то ритуальный танец, прихлопывая в ладоши и напевая что-то себе под нос.

– О чём он поёт? – спросил Игнатенко у переводчика.

– Радуетя, что Дивана убит... Благодарит Аллаху, что дал ему возможность увидеть смерть его кровного врага... – пояснил таджик.

Главарь, закончив танец, долго жал руки Игнатенко и Василию Петровичу, клялся святым пророком Мохаммедом, что все обещания, данные «шурави», будут выполнены.

В обещания врага, хоть и оказавшегося временным союзником, конечно, верилось с трудом. Но «дух» не обманул. Через неделю он и двое других главарей на узике местной администрации отправились в Ташкурган, и Игнатенко снова, правда, теперь уже днём и при оружии, пришлось сопровождать их, как признанному гаранту мирного процесса. Он, в очередной раз рискуя, оказался в самом логове моджахедов этого района. Но не зря говорят, что риск – благородное дело. Дневные переговоры тоже прошли успешно: было заключено мирное соглашение с ташкурганскими моджахедами.

Это соглашение соблюдалось неукоснительно. За время, пока Игнатенко командовал батальоном, колонны в его зоне ответственности не подвергались «духовским» обстрелам, а число диверсий на трубопроводе снизилось в несколько раз.

Василий Петрович вскоре после этих событий уехал в Союз по замене, и Игнатенко за время службы в армии с ним больше не встречался.

Сам комбат досрочно получил звание подполковника и после возвращения из Афганистана поступил в военную академию имени Фрунзе, окончил её с отличием и долго командовал мотострелковым

полком в Уральском военном округе. В середине девяностых годов, не в силах спокойно взирать на то, что творится с его родной армией, Игнатенко, будучи уже полковником, написал рапорт на увольнение в запас и осел в Екатеринбурге.

Здесь его неожиданно разыскал соратник по Афганистану Василий Петрович. Бывший грушник к тому времени стал генеральным директором одной из региональных нефтяных компаний и предложил Игнатенко пойти к нему начальником службы безопасности. Время тогда было лихое, всюду шёл передел некогда народной социалистической собственности, ставшей вдруг капиталистической и частной, и даже в центре областного города то и дело звучали выстрелы и лилась кровь.

Игнатенко, не раздумывая, согласился.

Новая работа хотя и потребовала новых знаний и навыков, но в целом понравилась ему. Своей непредсказуемостью она напоминала Игнатенко период боевой службы «за речкой», но в то же время требовала и определённых дипломатических навыков, мудрости и выдержки. И того, и другого, и третьего у полковника запаса было предостаточно.

Однажды в служебной командировке в Тобольск, где должны были состояться очередные переговоры с деловыми партнёрами Василия Петровича, у Игнатенко внезапно случился обширный инфаркт. По счастливому стечению обстоятельств, «скорая» приехала быстро, городская клиническая больница оказалась рядом, и врачи оказались специалистами высокого класса. Им удалось вытащить пациента буквально с того света.

Когда дело пошло на поправку, молодой хирург, который делал Игнатенко операцию, сказал:

– Повезло вам, Сергей Алексеевич. Ещё бы пару минут, и поймать тромб, который оторвался у вас в аорте, мы бы не успели... А сердце у вас и так подраненное, всё в рубцах. Как минимум пару микроинфарктов вы на ногах перенесли... На этот раз мы успели. Но впредь настоятельно рекомендую вам своё сердце поберечь! Регулярно принимайте лекарственные препараты, соблюдать режим питания, побольше прогулок на свежем воздухе. И главное – не допускайте физических перегрузок и стрессовых ситуаций...

– Я буду стараться, доктор, – пообещал Игнатенко, не преминув про себя добавить памятное: – война план покажет...

2022

Золотой медалист

Капитан Кондратюк сидел за столом дежурного по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа и машинально перелистывал журнал учёта происшествий. Переводя взгляд с одного телефона на другой, он размышлял о том, что его нынешнее дежурство – это чистой воды профанация, а точнее, перестраховка, ибо на два этажа ниже, прямо под ним, располагался оперативный дежурный округа с целой свитой помощников. Они неусыпно следили за всем, что делается в войсках округа на обширной территории по обе стороны Уральского хребта. Дежурство Кондратюка – это своего рода наблюдение за наблюдающими, партийно-политический контроль за работой штабных служб. Будучи инструктором отдела пропаганды и агитации, Кондратюк, конечно, осознавал, что политорганы в Советской армии и Военно-морском флоте, как полномочные представители КПСС, должны вести свой собственный учёт всему, чем живёт и дышит военный округ. Но, осознавая всё это, всё же недоумевал и надеялся, что предстоящая ночь пройдёт без ЧП.

А ещё Кондратюк мечтал, что чуть позже, когда темнота войдёт в свои законные права и на главной улице Свердловска за штабным окном вспыхнут жёлтые, как молодые одуванчики, фонари, он достанет припасённую для дежурства книгу Паустовского и с головой уйдёт в захватывающую прозу, на страницах которой пленяют и «водянистая полоска рассвета», и «старательные глаза застенчивого молодого солдата», и сверкающие алмазными гранями мудрые мысли...

Читать Кондратюк любил с детства, но раскрыть книгу на этот раз ему не удалось – требовательно и властно зазвонил телефон засекреченной связи – «ЗАС». Матовый, цвета слоновой кости, с выпуклым гербом СССР на телефонном диске, аппарат стоял чуть в стороне от других, словно держа дистанцию, – только генералы и полковники из самых высоких инстанций могли позвонить по этому

телефону. И отвечать на его звонки дежурный по политуправлению должен был соответственно – важно и многозначительно: «У аппарата члена военного Совета дежурный по политическому управлению Краснознамённого Уральского военного округа капитан такой-то...»

Сняв трубку и услышав булькающее: «Ал-ло-у», Кондратюк внутренне напряжился, расправил плечи и представился положенным образом.

Телефонная трубка пробуждала в ответ:

– ...У аппарата начальника-у особого отдела КГБ по-у Белорусскому военному округу капитан Лебеде-ув...

Засекреченная связь была специфической. Она так изменяла голос и корёжила некоторые слова, что Кондратюк вынужден был переспросить:

– Вас не понял. Прошу повторить!

– Андрюха-у, да что-у ты не понял?... Это я-у – Серёга Лебеде-ув из семьдесят четвёртого классного-у отделения...

Связь стала устойчивей, и Кондратюк узнал знакомые интонации в голосе далёкого абонента.

– Птица, ты, что ли? Откуда? – ошарашенно и всё ещё не веря своим ушам, снова переспросил он.

– Я-у, я-у... – живо отозвался Лебедев. – Узнал по-у своей линии, что-у ты сегодня дежуришь... Дай, думаю, позвоню однокашнику-у...

Сергей Лебедев, по прозвищу Птица, среди курсантов Курганского высшего военно-политического авиационного училища считался и впрямь «птицей» особого полёта. Уже на первом году обучения он чем-то приглянулся училищному начальству и был избран секретарём комитета комсомола курса. Щуплый, невысокого роста, сутуловатый, с пепельной чёлкой, низко спадающей на серые, почти бесцветные глаза, и незапоминающимся лицом с каким-то недовольным выражением, он обладал всё же неким магнетизмом. Вокруг него всегда теснились однокашники, к нему прислушивались сержанты, командиры взводов и даже строгий командир роты. На выборных должностях Лебедев оставался все годы обучения: до третьего курса руководил уже упомянутым комитетом комсомола, а затем стал членом парткома батальона. Но, несмотря на все эти посты, он умудрялся сохранять добрые отношения с однокурсниками и не поссориться с командирами, а также удерживать звание Ленинского стипендиата, дававшее ему повышенное денежное довольствие в сто рублей, тогда как все остальные курсанты получали на разных курсах от восьми рублей с копейками до пятнадцати.

Уже на втором курсе всем было ясно, что ведут Лебедева на золотую медаль. В учёбе он не особенно блистал, но преподаватели ставили ему на экзаменах пятёрки, понимая и общественные нагрузки экзаменуемого, и руководящую линию – стипендиат обязан быть отличником!

Кондратюк отличником никогда не был, но и отстающим тоже. На втором курсе его неожиданно выбрали в бюро ВЛКСМ роты, и он стал больше общаться с Лебедевым, участвовать в разных молодёжных делах и инициативах.

Однажды Лебедев, Кондратюк и ещё два курсанта-активиста – Процик и Бумдаладзе – оказались в составе группы, выезжающей на три дня в подшефный пионерский лагерь неподалёку от Кетово – районного центра, славящегося своим животноводческим комплексом. Перед самым въездом в райцентр на каменном постаменте возвышался огромный бронзовый бык. Каждый год накануне выпуска курсанты-четверокурсники надраивали быку до блеска рога и причиндалы, несмотря на милицейский пост, выставляемый поблизости. Зачем это делалось, с риском угодить в милицию и испортить себе выпускные торжества, никто объяснить не мог, но традиция эта неукоснительно соблюдалась.

В пионерском лагере курсантов уже ждали, чтобы дать старт военно-спортивной игре «Зарница». Курсанты – каждый со своим отрядом – весь день до одури бегали по сосновому бору, искали спрятанные «пакеты с секретной информацией», устраивали «засады», брали «пленных», переносили «раненых».

Вечером, когда для уставшей ребятни трубач протрубил «отбой» и курсанты надеялись завалиться в кровати, Лебедев неожиданно бодро сказал:

– Мы идём на праздничный ужин! Девчонки из столовки приглашают...

– Товарищеская встреча с местными комсомолками? – мерзко подхихикнул Процик.

Но комсомольский вожак своего земляка-курянина одёрнул:

– Ты, Толя, давай без намёков! Мы – будущие политработники. Идём укреплять тылы!

Комсомолки-поварихи, студентки кулинарного техникума на производственной практике, в комнате для поваров накрыли стол. В большой сковородке дымилась жареная картошка, аппетитно поблёскивал зелёный лучок в салате из помидоров, политом пахучим подсолнечным маслом, здесь же – открытая банка килек в томате. Завершали притягивающий взоры аппетитный натюрморт две бутылки дешёвого плодово-ягодного вина, которым в Зимбабве негров травят, в США заборы красят, а в СССР граждан поят – и никто пока не отравился.

Четыре девахи – румяные и простодушные – радушно усадили курсантов за стол и стали потчевать. Курсанты ели с аппетитом, успевая при этом каким-то непостижимым образом демонстрировать главное профессиональное качество будущих политработников – красноречие. Говорили как будто ни о чём, но всем было весело. После ужина, спонтанно разделившись на пары, разбрелись в разные стороны по спящим лесным дорожкам.

Доставшаяся Кондратюку спутница – толстая, в два обхвата девушка по имени Света – никаких романтических чувств не вызывала. Ему куда больше понравилась хрупкая пионервожатая, с которой он носился на «Зарнице», но она на его дневные ухаживания ответных чувств не проявила.

Погуляв со Светой полчаса по окрестностям, отмахиваясь от голодных комаров, Кондратюк вернулся к себе в корпус. В комнате ещё никого не было.

Кондратюк улёгся в кровать и уже было заснул, когда на веранду с шумом ввалились Процик и Бумдаладзе, обсуждая свои любовные подвиги. Голоса у них звенели, как набат, но Кондратюк так вымотался за день, что заснул, несмотря на бравурные возгласы товарищей.

Проснулся он от храпа соседей ещё до пробудки и увидел, что кровать Лебедева пуста. Ленинский стипендиат появился в комнате за несколько минут до сигнала пионерского горна.

Он уселся на кровать и вытянул ноги. Серое лицо его, как всегда, ничего не выражало.

– Как ты, Птица, в порядке? – вполголоса спросил Кондратюк.

Лебедев ушёл вчера с Валентиной. Рослая, фигуристая девица, в застолье выступавшая заводилой, была на голову выше Сергея.

– Затеяливая комсомолка попалась, – многозначительно сообщил Лебедев. – Увела меня подалее в лес и полезла на развесистую берёзу.

– А ты?

Лебедев устало откинулся на подушку и прикрыл глаза:

– И я полез!

– Ну, а дальше-то что? – окончательно проснулся Кондратюк.

Лебедев сказал с деланным равнодушием:

– Ну, примостился рядом с ней. Она меня как к стволу притиснула... Так до рассвета и не выпускала из своих объятий...

– Что же вы всю ночь на берёзе просидели? – развеселился Кондратюк. – Да ты герой, Птица! Настоящий орёл!

Лебедев потянулся, закинув руки за голову:

– Ну, орёл не орёл, а сытным хавчиком на всё время пребывания в лагере нас обеспечил! Валюшка пообещала! Она тоже, оказывается, комсомольский секретарь. Сказала – значит сделает!

И действительно, кормили их в пионерлагере два оставшихся дня как на убой. Эти сытные летние дни они ещё не раз вспоминали в училище, где разносолами их не баловали.

На стажировке после третьего курса Кондратюк с Лебедевым попали командирами взводов в отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения. Батальон обслуживал полк фронтовой бомбардировочной авиации в городке Черляны подо Львовом. Комбат тут же загрузил прибывших курсантов таким объёмом обязанностей и поручений, словно хотел за месяц сделать всё, что не было сделано за минувшие годы: и ленинские комнаты отремонтировать, и дисциплину подтянуть, и разные хозяйственные работы выполнить. В офицерское общежитие они возвращались затемно, и то, если не оказывались помощниками дежурного по батальону или ответственными в роте. Если же добавить к этому ночные полёты, разгрузку угля на ближней железнодорожной станции, выкашивание травы вокруг аэродрома и копание траншей при прорыве канализации, то было вообще непонятно, как они ещё держатся на ногах.

Через две недели комбат, словно закончив проверку на прочность, смиловился и предоставил им первый выходной. Надев парадную форму, они отправились на танцы в гарнизонный Дом офицеров. Представительниц женского пола там явно не доставало, и Кондратюк весь вечер простоял в сторонке, наблюдая за счастливыми парами. Лебедев танцевал с высоченной – на полторы головы выше него – и весьма пышногрудой девицей Мариной. Кондратюк уже заметил, что Лебедеву нравятся именно такие девушки...

На следующий день курсанты снова погрузились в служебные заботы. Только теперь, возвращаясь в гостиницу, Лебедев переодевался в гражданку и спешил на свидание со своей новой пассией, которая оказалась дочерью заместителя командира авиаполка. Свидания эти продолжались почти до самого конца их пребывания в Черлянах, пока Марина не захотела познакомить Лебедева со своей мамашей.

Лебедев вернулся с означенного randevu неожиданно быстро.

– Андрюха, ты не представляешь себе, какая у Марины маман круглая дура... – с порога посетовал он.

– Ну что ж ты так о будущей теще? – заинтересовался Кондратюк.

– Да какая теща!.. Оглядела меня сверху вниз и говорит: «Мариночка, что это ты себе такое низенькое строенье подыскала... Этажности явно не хватает!»

Кондратюк едва не поперхнулся:

– А ты что, Серёга?.. Неужели стерпел?

– Нет, конечно. Я так же демонстративно окинул её взглядом с головы до ног и отчеканил: «К вашему сведению, мадам, у высотных зданий обычно плохо меблируются чердаки». Тут у неё челюсть и отпала, а я вежливо откланялся... Ну, не получилось с маман подружиться, значит и тещей ей не быть, если она самого главного не понимает...

– Может, оно и к лучшему, – согласился Кондратюк.

Лебедев уселся на стул в позе роденовского мыслителя и сказал задумчиво:

– Да, женщины безжалостнее, чем естественный отбор... Нельзя позволить им почувствовать свою власть над собой. Ты читал Кафку?

– Не доводилось.

– Очень мне нравится, что он о женщинах пишет. Называет их капканами, которые повсюду дожидаются мужчин, чтобы затащить их обратно в Конечное... Женщины, они и есть настоящие капканы, – Лебедев вскочил со стула и энергично потёр ладони. – Так, Андрюха! Коль скоро мы этих капканов на данный отрезок времени избежали, пойдём-ка осмотримся на местности. А то ведь месяц, почитай, на Львовщине, а ничего кроме гарнизона и железнодорожной станции не видели...

Они вышли за ворота и пошли в сторону ближайшего села, до которого на глаз было километра три-четыре. В окрестные сёла им рекомендовали не соваться: русских, и солдат в особенности, там не любили, и бывали случаи нападений на военнослужащих и избиения их... Но молодость жаждет приключений и не ведаёт страха...

Стояла жара. В июльском небе – ни облачка. Послеполуденное солнце нещадно слепило глаза и, казалось, дотла выжигало округу. Трава на обочинах пожухла, на деревьях вдоль шляха, по которому они шагали, вздымая тяжёлую золотистую пыль, мелькали первые пожелтевшие листья. На лугу звонко трещали кузнечики. Слепни вились над ними назойливой стайкой, периодически пикируя вниз и заставляя отмахиваться от них пилоткой, сдёрнутой с головы. Пока дошли до ближайшей околицы – взмокли, хэбэшки насквозь пропитались потом. Нестерпимо мучила жажда.

Хаты в селе – все как на подбор – добротные, каменные, крытые шифером и листовым железом – не чета белёным мазанкам, что мелькали в окне поезда, когда проезжали по Восточной Украине. Все дома прятались за высокими, крепко сколоченными заборами, так что вблизи только крыши виднелись.

И во всём селе – ни одной колонки с водой.

Они постучали в ворота первого дома – отозвалась хозяйка:

– Кто?

– Солдаты! Водички бы испить, хозяйюшка...

– Немае воды.

Отошли, переглянувшись: как это нет, если колодезный журавель из-за забора торчит?

Стукнули в другой дом. Та же история: нет воды – и всё тут. Во всём, словно вымершем, селе им так никто и не открыл калитку и не подал кружку воды.

Как говорится, не солоно хлебавши поплелись в обратный путь, шевеля пересохшими губами:

– Что ж это такое, Серёга? Мы в Советском Союзе или в каком-то вражьем стане?

– Сам ничего понять не могу! Что за люди? У нас в деревне, когда солдаты идут, ребятня из калиток выбегает, руками машут. Хозяйки пироги и крынки с молоком выносят, яблоками угощают... А чтобы так вот – воды не дать напиться... Бандеровцы недобитые! Это Хрущёв всё с западенцами заигрывал, раньше времени их амнистировал... Вот и дозаигрывался!

– Ты, смотри, в училище такое не ляпни, а то вылетишь за клевету на советскую действительность и золотую медаль свою не получишь!

– Да какая же это клевета? Чистая правда! А за чистую правду из училища не исключают.

– Исключить могут за всё... – глубокомысленно изрёк Кондратюк. И его пророчество чуть было не сбылось.

На четвёртом курсе, когда уже в ателье Кургана для будущих лейтенантов были пошиты на заказ первые мундиры и уже примерки состоялись, умудрился Лебедев попасть в переделку. На танцах в ЦПКиО он вступился за девушку, к которой приставал пьяный мужчина. Завязалась драка, вызвали милицию, и Лебедев вместе со своим противником очутился в отделении. Пьяный оказался офицером внутренних войск, и их обоих передали в комендатуру. Тут же обо всём доложили начальнику училища, и тот сгоряча объявил Лебедеву трое суток ареста.

Вернувшись в казарму, Лебедев, ещё более сумрачный, чем обычно, поделился с Кондратюком своими опасениями:

– Не видать мне, Андрюха, медали... Фингал офицеру мне не простят...

Но инцидент неожиданно не получил дальнейшего развития. Ни тебе общего собрания курсантов, ни заседания парткома... Даже в карточку дисциплинарных проступков трое суток ареста не занесли.

Говорили, что за Лебедева вступились начальник политотдела и училищный особист – майор Фицев.

Этот майор был личностью загадочной и неуловимой. За четыре года учёбы Кондратюк видел его живую один или два раза – и то издалека. Кабинет у майора располагался в бараке за санчастью. Там же размещались почтовое отделение связи и тыловая служба училища. Никогда не поймёшь, куда идёт тот или иной курсант – в кабинет к Фицеву или на почту за посылочкой...

Злые языки утверждали, что комсомольский и партийный вожак Лебедев с особистом водил особую дружбу, но Кондратюк считал, что Фицев помог его другу избежать наказания за драку по справедливости: кому же ещё чекист должен был помочь, как не Ленинскому стипендиату и активисту?

В общем, Лебедев получил-таки свою золотую медаль и после выпуска из училища распределился в Белорусский военный округ, и связь с ним на несколько лет оборвалась.

С тех пор как Лебедев позвонил Кондратюку из Минска, они стали периодически обмениваться письмами. Из переписки Кондратюк узнал, что Лебедев прослужил год замполитом роты, затем окончил Высшие курсы военной контрразведки в Новосибирске и перешёл в особый отдел КГБ при Белорусском военном округе. Новое место службы бывшему Ленинскому стипендиату нравилось, его скоро обещали выдвинуть на новую должность. О том, что это за должность, Лебедев умолчал по соображениям секретности, но вскользь заметил, что участок работы доверят ему ответственный. Также он поведал, что женат. Жена Мария – красавица и родом из его же деревни. Он заприметил её ещё школьницей, дождался, когда подрастёт, женился, и вот теперь у них растёт сын Гоша, а супруга работает концертмейстером в областной филармонии.

Лебедев ещё дважды звонил ему во время дежурств и всякий раз приглашал Кондратюка в гости:

– Будешь в Минске, обязательно заходи! Живём мы в самом центре, на улице Комсомольской... Можешь нагряться в любое время, безо всяких церемоний. Мы с Машей будем рады... Она у меня такая хозяйюшка...

Кондратюку очень хотелось повидать Лебедева, который, если уж положить руку на сердце, можно сказать, осуществил его собственную юношескую мечту служить в КГБ. Да и на красавицу Машу посмотреть тоже хотелось: кого же выбрал в спутницы жизни золотой медалист и Ленинский стипендиат?..

Но служебная командировка в Белоруссию как-то не складывалась.

Так продолжалось несколько лет, пока военная планида не забросила Кондратюка в Минск, где проводились всеармейские сборы офицеров-пропагандистов.

Столица советской Белоруссии поразила широкими проспектами и просторными площадями, чистотой и какой-то размеренностью жизни, выгодно отличающей её от Москвы и других крупных городов, где Кондратюку довелось побывать. А ещё диковинным было то, что в магазинах свободно продавалось бутылочное пиво, когда на Урале таковое можно было получить только в подарочных наборах к празднику, а за разливным любители пенного напитка простаивали длиннющие очереди у пивных ларьков. В кинотеатрах вовсю показывали документальный фильм Рязанова «Четыре встречи с Владимиром Высоцким», куда армейских пропагандистов, к удивлению Кондратюка, привели на коллективный просмотр, а затем устроили обсуждение. Словом, заявленная ЦК КПСС перестройка, широко шагавшая по стране, здесь бежала впереди паровоза.

График сборов был плотный, но Кондратюк всё же улучил время и однажды вечером отправился в гости к Лебедеву.

Доехав подземкой до станции «Немига», Кондратюк зашёл в ближайший магазин, купил торт и бутылку коньяка, затем безо всякого труда отыскал нужную ему улицу и дом.

Он поднялся на третий этаж и позвонил в квартиру, предвкушая, как обрадуется Сергей его появлению, как посидят за дружеским столом, вспоминая родное училище и однокурсников...

Дверь открыл незнакомый квадратный мужчина с тяжёлым, словно высеченным из гранита, лицом. Взглядом незнакомец как будто придавил Кондратюка и расплющил.

Мужчина довольно грубо спросил:

– Вам кого?

– Лебедева Сергея Васильевича, – оторопел Кондратюк, увидев незнакомца.

– Нет тут такого, – отрезал мужчина.

– Как же нет? Это квартира двадцать девять?

Квадратный мужчина ответил ему вопросом на вопрос:

– А вы кто такой? Представьтесь! – скосил он взгляд на майорские погоны Кондратюка.

Кондратюк внезапно разозлился:

– Я друг Сергея Васильевича. А вы кто? Что за допрос мне устроили?

Мужчина сунул ему под нос невесть как оказавшиеся в его руках красные «корочки» с золотым тиснением. Кондратюку сразу бросились в глаза три заглавных буквы – «КГБ», а на развороте – звание «майор». Краска прихлынула к его щекам.

Кэгэбэшник властно потребовал:

– Предъявите ваши документы.

Кондратюк растерянно полез в карман за удостоверением личности офицера и командировочным предписанием.

Кэгэбэшник внимательно изучил оба документа:

– Вы, товарищ майор, приехали на сборы. Так почему по городу бродите, в чужие квартиры звоните? Вам что – заняться больше нечем?

Кондратюк снова разозлился:

– У нас сейчас личное время. Я старший офицер, сотрудник политического управления округа, а не какой-то военнотрудовой срочной службы, чтобы мне за пределы казармы выход был запрещён без увольнительной записки... И вообще, на каком основании вы со мной разговариваете в таком тоне? Я вас спросил, товарищ майор, могу ли я видеть Сергея Васильевича Лебедева? Вы не ответили. Скажите прямо: если Лебедев здесь не живёт, то где я могу его найти?

Кэгэбэшник неожиданно смягчился:

– Ну, ладно, майор, не кипятись. Если был излишне строг, извини. Но послушай сюда... – он перешёл на «ты». – Забудь этот адрес, наш разговор и главное – больше никогда не ищи Лебедева. Поверь, так будет лучше для тебя и для него. Для всех нас... Уяснил? Тогда честь имею! – и захлопнул перед носом Кондратюка дверь.

Постояв с минуту перед закрытой дверью, ничего не понимающий Кондратюк, чувствуя себя абсолютно раздавленным, поплёлся к выходу...

О дальнейшей судьбе Лебедева Кондратюк долго ничего не знал...

Сам он успешно окончил военно-политическую академию имени В. И. Ленина, стал замполитом полка, а после – заместителем начальника политотдела военного училища в Сибирском военном округе, где и получил звание полковника.

Все прошедшие годы Кондратюк нет-нет да и вспоминал о своём однокашнике и гадал о его судьбе. Однажды он даже хотел написать письмо матери Лебедева, живущей под Курском, но, памятуя строгий наказ минского майора с тяжёлым лицом, – решив судьбой товарища больше не интересоваться и расспросами о нём никого не тревожить, делать этого не стал.

Безвестность, конечно, мучила Кондратюка.

«Наверное, Птицу перевели в Первое Главное управление КГБ! А там все сотрудники на нелегальном положении... – нафантазировал он себе дальнейшую судьбу Лебедева, и несколько утешился этой фантазией. – Сейчас Серёга где-нибудь «за бугром», тихо работает себе клерком в каком-нибудь учреждении одной из стран НАТО или торгует финиками в какой-то недружественной арабской, а то и африканской стране, зорко поглядывает вокруг из-под своих кустистых бровей, собирает нужную для Родины секретную информацию и за свершённые подвиги получает закрытыми указами звания и награды...»

Уже в двухтысячных, выйдя в запас, приехал Кондратюк в Курган на юбилей родного училища, встретился с однокашниками. Растолстевший и полысевший подполковник запаса Процик, тот самый, что ездил с ним в пионерлагерь на «Зарницу», на банкете оказался соседом Кондратюка по столу.

После нескольких торжественных тостов Кондратюк спросил Процика, знает ли он что-то о Лебедеве. Спросил, честно говоря, не надеясь на утвердительный ответ.

Процик живо отозвался:

– Конечно, знаю. Умер Лебедев в родной деревне. Сердце остановилось.

– Как же так, Толя?.. Серёга ведь всегда таким живчиком был... Вроде и не курил никогда, да и пил умеренно...

– Скажешь тоже – умеренно... Да его в запас турнули за то, что в пьяном виде стрельбу в ресторане устроил...

– Он же где-то за границей служил, в службе внешней разведки... Какая стрельба в ресторане?.. Я думал, он полковником уволился, как минимум...

Процик захохотал:

– Хо-хо, полковником, хо-хо-хо в СВР... Наш Ленинский стипендиат и золотой медалист закончил службу обыкновенным майором! Да!.. А насчёт заграницы – это ты точно заметил! Последнее место его службы – столица независимого Узбекистана Ташкент!

Кондратюк не поверил:

– Ты что-то путаешь! Наш Птица и вдруг – майор? Да он майора в восемьдесят седьмом вместе с нами получить должен был!

Процик отёр вспотевшую лысину ладонью:

– Точно, Андрюха, говорю! Лебедев – майор. И службу окончил в ТуркВО... Сам мне жаловался, что погорел из-за одной юбки. Мы же с ним земляки! Однажды в Курске поехал я в магазин за газонокосилкой для своей дачи... Гляжу – Серёга грабли выбирает! Хо-хо!.. Тут мне про судьбу свою и поплакался.

Кондратюк покачал головой.

– Как же так неосторожно?.. Влюбился, что ли?

Процик снова захохотал:

– Ага! И на старуху бывает проруха... Когда Серёгу начальником особого отдела назначили, одна баба, жена его подчинённого, закрутила с ним шуры-муры. Записала всё на камеру и стала Серёгу шантажировать, требуя выдвинуть её мужа на повышение... Птица шантаж терпеть не стал. Он же у нас идейный! Пошёл к начальнику управления и доложил всё без утайки. Мол, надо шантажистку приструнить. А генерал Серёгу снял с должности и сослал в особый отдел по Туркестанскому военному округу. Вот как бывает... с идейными-то! Жена с ним развелась, уехала с сыном обратно в Минск... Серёга приуныл было, но потом взял себя в руки и попытался приподняться, вернуть себе прежнюю должность. Да тут его бывшая сошлась с пианистом-евреем и задумала эмигрировать в Канаду. Стала требовать от Серёги разрешение на вывоз сына за рубеж. Серёга отказал. Она стала

писать письма во все инстанции. Словом, шум пошёл: как это у особиста жена, пусть даже бывшая, за пределы Родины выезжать собралась! Ни о каком повышении речи быть не могло! Так и уволился майором...

Процик наполнил рюмки водкой и продолжал, духарясь всё больше и больше:

– Вот ведь как бывает, Андрюха. Ленинский стипендиат, гордость училища – майор, а мы с тобой, училищные троечники... Давай выпьем за нас, за настоящих полковников! – накинул он себе лишнюю звезду.

Кондратюк, ошалевший от всего услышанного, машинально чокнулся с Проциком, который вызвал в нём всё большую неприязнь. Как-то не вязалось всё, что рассказал Процик, с образом чекиста Лебедева, который Кондратюк себе придумал.

«Наверное, Птица, случайно столкнувшись с Проциком, выложил ему одну из припасённых на всякий случай легенд... Не мог же он ему при встрече в магазине раскрыть всё, чем долгие годы на своей секретной службе занимался, где именно служил и в каком звании уволился... Вот и наплёл с три короба... А Процик уши развесил, принял всё за чистую монету и разносит сейчас эту легенду прикрытия по миру...»

И внезапная ранняя смерть Лебедева вызывала много вопросов.

«Разведчики ведь в запас не уходят! Наши спецслужбы вполне могли смерть Птицы имитировать, пустой гроб в землю зарыть... А сам он, как настоящий нелегал, уже где-нибудь в неизвестной стране под новым вымышленным именем выполняет новую тайную миссию!» – с этим глубоким убеждением Кондратюк и ушёл с банкета. Ушёл по-английски, не простившись с Проциком и другими однокурсниками, перебравшими на радостях от встречи с прошлым...

По дороге к гостинице, где он остановился, Кондратюк снова и снова возвращался к своим раздумьям о судьбе Сергея Лебедева, о тайне, которая её окутывает, и всё больше укреплялся в мысли в том, что золотой медалист и в Африке остаётся золотым медалистом, а секретная служба – на то и секретная, что подлинной информацией о судьбах своих сотрудников никогда не станет делиться с простыми смертными.

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Генеральный директор PR-агентства «Международный пресс-клуб». Доктор политических наук, автор более 40 учебников и монографий по проблематике коммуникационных технологий.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессионала (1991–2007)». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е»; в 2020-м – роман «Непал». Эти произведения вышли затем отдельными книгами в издательствах «Питер» и «АСТ». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

ЗАПИСКИ ПРОФЕССИОНАЛА 2008–2024

Продолжение. Начало в № 6(58)-2023

Часть II

*Заблуждаются не потому, что не знают.
А потому что думают, что знают.*

*Жан-Жак Руссо
«Рассуждение о начале и основании
неравенства между людьми», 1754 г.*

2012. Башня на улице Ватутина

Помимо интригующего выражения «и тут», есть не менее популярное: «они ещё не знали». Но дальше возникает вопрос: а почему? И ответ: судьба-а-а... Вот и гадаю, что произошло: действительно всё сделала и соединила вместе судьба как данная свыше предопределённость или в принципе существует всеобщая причинно-следственная связь? Или сложившаяся жизненная конфигурация стала результатом простого стечения обстоятельств?

Чтобы разобраться в этих сложных лабиринтах, начну издалека. В далёком 1960-м я, тогда маленький мальчик, переместился из коммуналки на севере Москвы в «хрущёвку» на улице Ватутина, в Кунцево. Дом наш, правда, был не блочным, а кирпичным, и половину его занимали семьи военных, включая и мою. В ближайшем к дому здании располагалась воинская часть общевойскового профиля. Вскоре сюда пристроили здание побольше, а статус части существенно поменялся: теперь она превратилась в Штаб гражданской обороны СССР – структуру Министерства обороны, который возглавил славный маршал и полководец-герой Великой Отечественной войны Василий Иванович Чуйков. В этом штабе работал мой отец, Николай Сергеевич Чумиков, дослужившийся здесь до полковника и начальника управления. Рассказывал, что маршал был крут и грозен, а кем и чем руководить для него в общем-то значения не имело, главное, чтобы приказы выполнялись и «к утру всё было сделано».

В 2008-м в центре своеобразного каре из прежних зданий появилась современная, в виде четырёхэтажного стеклянного овала, башня, – новый офис МЧС России. И как раз сюда пришла работать начальником аналитического отдела в Управлении информации моя супруга Светлана. А ещё раньше,

в середине 2000-х, я сам вместе с МПК плотно включился в выполнение министерских проектов. Вот таким получился круговорот моей судьбы в природе.

Пиаровских инициатив в МЧС запускалось много. В том числе потому, что сам министр Сергей Кужугетович Шойгу был неплохим криэйтером, он интересовался нашими профессиональными делами и знал в них толк. Скажем, сижу я два-три часа в кабинете начальницы Управления информации Ирины Андриановой, а министр ей и звонит два-три раза за это время – таков был уровень его включённости.

Видимо, самое время спросить: причём здесь 2012 год? А притом, что именно тогда самый известный в стране министр ушёл из МЧС и стал на недолгое время губернатором Московской области, а затем и министром обороны России. Это являло собой не просто уход. Будучи свидетелем и участником многих связанных с МЧС процессов, я расцениваю данное событие как условный символ завершения его триумфальной истории как министерства номер один среди силовых, да и вообще всех федеральных государственных структур. Что же под этим имеется в виду?

В период строительства нового российского государства, начиная с 1991 года и до современного периода, происходил естественный процесс создания новых органов власти. В случае с МЧС России ситуация складывалась так. В декабре 1990-го, меньше чем за год до распада СССР, Совет министров РСФСР образовал Российский корпус спасателей (РКС) – эта дата считается днём основания МЧС России. В апреле 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР утвердил руководителем РКС С. Шойгу. В ноябре того же года на базе Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям и Штаба гражданской обороны РСФСР создаётся Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ГКЧС) при Президенте России.

Как рассказывал Сергей Шойгу в интервью газете «Известия» 20 лет спустя, «мы не собирались создавать министерство в том виде, в котором оно существует сейчас. Планировали отряд численностью примерно в пятьсот человек, состоящий из очень хорошо образованных, подготовленных и оснащённых профессионалов, которые могли бы реагировать на серьёзные чрезвычайные ситуации вроде Чернобыля или землетрясения в Спитаке. Но потом, конечно, поняли, что этим количеством в нашей стране не обойтись. Ведь нас отправляли не только на стихийные бедствия и аварии, но и создавать миротворческие силы в Южной Осетии, потом кинули в Приднестровье, оттуда – в Абхазию».

То есть именно благодаря этим во многом случайным и сиюминутным решениям и действиям возникла стихийная репутация нового Госкомитета как самой дееспособной структуры в «лихие» 90-е. В условиях ослабления и потери репутации армией и милицией это явление было воспринято населением как результат усилий государства по выходу из кризиса. В дальнейшем данное ощущение постепенно приобретало характер стереотипа: «МЧС – структура, которая может нас спасти». Данная установка стала активно поддерживаться руководством страны.

К этому нужно добавить, что виртуальность ведущей роли собственно спасателей оставалась такой на протяжении всей истории министерства, поскольку численность поисково-спасательных служб МЧС была наименьшей по сравнению с другими подразделениями и, как правило, не превышала пяти тысяч человек. Но после преобразования в 1994 году ГКЧС в Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), оно «впитало» в себя Войска гражданской обороны, Государственную противопожарную службу, Государственную инспекцию по маломерным судам и военизированные горноспасательные части. То есть МЧС превратилось в ведущую государственную организацию страны численностью около 300 тысяч человек, для которой был специально разработан и ныне хорошо известный слоган «Мы первыми приходим на помощь».

Вот эту махину мы, PR-специалисты, и стали позиционировать как российское силовое (чрезвычайное) Министерство № 1. Это не было неким креативным изыском, а представляло собой скорее закономерность: России 1990-х – начала 2000-х, ослабленной в экономическом, социальном и военном отношении, требовался пример эффективной деятельности государства по выполнению своих задач перед гражданами. На эту роль и выдвинулись «спасатели» в образе МЧС – министерства, которое всем, всегда и везде способно помочь.

Министр С. Шойгу отчётливо понимал сложившуюся ситуацию и прилагал масштабные усилия к формированию именно такого имиджа, признаваемого высшими руководителями государства, а отсюда – ведущего к получению регулярного материального и финансового обеспечения. Ресурсная

мотивация озвучивалась в виде ходившей в кулуарах министерства шутки: Ресурсы особенно нужны зимой, иначе замёрзнем. Но также весной, поскольку можем утонуть в половодье. Само собой – летом, в противном случае сгорим. И осенью, когда лопаются трубы...

Нами же планировались ежегодные циклы мероприятий, рассчитанных на формирование высокой репутации МЧС у всех категорий граждан страны, включая её высшее руководство.

Стратегической акцией стал Всероссийский фестиваль по тематике безопасности и спасения людей «Созвездие мужества». Наряду с ведомственной частью – конкурсами профессионального мастерства в системе МЧС России – предусматривались и специальные номинации Фестиваля «Содружество во имя спасения», «По зову сердца», «Дети-герои». В них участвовали представители федеральных органов исполнительной власти и граждане, проявившие мужество в чрезвычайной ситуации. Важной составляющей «Созвездия мужества» стал всероссийский конкурс журналистских работ об историях спасения и основах безопасности.

Министра любили. И он любил своих чудо-богатырей. Вместе они в самом наипрямшем смысле слова прошли огонь и воду и остальное возможное, невозможное и совсем фантастическое. Теперь про это со сцены Московского дворца молодёжи – С. Шойгу привечал эту сцену – пели твёрдые мужские голоса под медные трубы пожарных оркестров. А знаете, что пели? «Песню о тревожной молодости». Давно её знаю, но только в этот момент понял, что будто для спасателей и пожарных написана:

... Не надобно нам покоя,
Судьбою счастлив такую.
Ты пламя берёшь рукою,
Дыханьем ломаешь лёд...

Не думай, что всё пропели,
Что бури все отгремели,
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдёт...

Забота у нас простая,
Забота наша такая,
Жила бы страна родная,
И нету других забот...

И снег, и ветер,
И звёзд ночной полёт...

Когда торжественная церемония заканчивалась, на последующий, не содержащий излишеств фуршет оставались свои. Впрочем, «своих» было сотни две-три, а разъезжались разве что приглашённые курсанты ведомственных учебных заведений. И вот тогда Сергей Кужугетович брал стакан вискаря, заказывал оркестру музыку и хриплым голосом негритянского блюзмена выдавал:

Не слышны в саду даже шорохи,
Всё здесь замерло до утра,
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...

Серия исследований, проведённых к 20-летию образования министерства, зафиксировала пик его популярности. Всероссийский опрос Института социологии РАН показал, что уровень доверия россиян МЧС составлял в 2010 году 85 процентов: на тот период это было сопоставимо с показателями доверия к президенту РФ. Доказательством сформировавшегося в обществе положительного отношения к ведомству стало и то, что треть участников опроса выразила готовность работать в системе МЧС России. Добровольно помогать министерству намеревались 40 процентов респондентов.

Особо следует сказать о том, что МЧС выдвинуло ряд очень важных социальных инициатив. Возможно, главная из них – это инициатива по возрождению добровольческого движения в стране. Поводом послужила сложная пожарная обстановка, возникшая летом 2010 года из-за аномальной жары и от-

сутствия осадков. Пожары охватили около 200 тысяч гектаров в 20 регионах России. Помимо прочих проблем, данная ситуация выявила слабый уровень готовности населения к добровольному участию в тушении пожаров, после чего был оперативно принят Закон РФ «О добровольной пожарной охране».

К этому времени в населённых пунктах, находящихся за пределами нормативного времени прибытия подразделений профессиональных пожарных, проживало около 37 миллионов человек. Создание и содержание в них подразделений пожарной охраны потребовало бы существенных дополнительных затрат из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ. Отечественный и зарубежный опыт показывал, что наиболее рациональным способом защиты таких населённых пунктов является организация на местах добровольной пожарной охраны (ДПО). Однако традиции пожарного добровольчества после распада СССР оказались практически утраченными, отсюда мы занялись коммуникационной кампанией по вовлечению населения в ДПО.

Однако задача ставилась шире: развитие пожарного добровольчества должно открыть перспективы для массового волонтерского движения в самых различных сферах: помощь инвалидам, престарелым, детям-сиротам, лесной охране, экологам и пр. И «процесс пошёл»: например, в 2010-м создаётся добровольческий поисковый отряд «Лиза Алерт», в 2018-м проводится «Год добровольца», а в период пандемии коронавируса стартует общероссийская акция взаимопомощи #МыВместе. И уже мало кто вспоминает, с чего это волонтерство начиналось...

А что же с министерским триумфом? Резонно предположить, что ко второму десятилетию XXI века у руководства страны и МЧС России сложилось понимание того, что репутация министерства как государственной опоры № 1 больше не является актуальной. Стало очевидно, что груз возложенных на МЧС задач необоснованно завышен. Началась постепенная оптимизация функций министерства с принятием административных актов по его реформированию, сокращением числа подразделений и личного состава.

Стоит обратить внимание и на сопряжённый контекст. Так, на протяжении всей новой российской истории оставалась острой проблема возрождения былого престижа и могущества Вооружённых сил. Уже в первом десятилетии XXI века в решении этой задачи были достигнуты определённые успехи. Но занимавший должность министра обороны РФ в 2007–2012 годах А. Сердюков хотя и решил ряд важных для военного ведомства экономических вопросов, но с репутационной точки зрения продвинул Министерство обороны недостаточно, а на уровне личного имиджа и вовсе дискредитировал. Отсюда назначение новым военным министром С. Шойгу – человека, находившегося на протяжении многих лет рядом с президентом в рейтинге политического доверия, выглядело вполне логичным. К тому же международная обстановка постоянно обострялась. Таким образом, «флаг» силового лидера и Министерства № 1, с соответствующим PR-обеспечением, перешёл к Министерству обороны России. Что же касается МЧС, то штаты его коммуникационных структур и бюджеты на проведение имиджевых мероприятий продолжали сокращаться. Естественным вектором дальнейшего существования чрезвычайного министерства на ближайшие годы стала сосредоточенность на выполнении своих непосредственных, в том числе разъяснительных и профилактических функций.

Пара слов по поводу «стечения обстоятельств». Именно к этому времени и я вместе с МПК, и Светлана, продвинувшаяся по карьерной лестнице до ВРИО начальника управления информации МЧС, сотрудничество с министерством завершили.

2013. «Уруй Айхал», или Трое на палубе

«Пароход белый-беленький, дым над красной трубой...» Да, был такой пароход, с трубой и дымом. И палуба была, откликающаяся на призыв «ты меня раскачай». И «на реке навигация, на реке ледоход» – тоже: в конце мая по воде неторопливо шли последние льдины. А река... Всем рекам река! Лена. Самая крупная в мире, полностью протекающая в районе вечной мерзлоты. Да и вообще: 4400 километров в длину и до 20 километров шириной – есть где поплавать.

И мы плыли. Всё представлялось каким-то нереальным: и песня «Ах ты, палуба-палуба» из старого, 1962 года, фильма «Коллеги»; и само название «белого-беленького парохода» из вечно молодой «Бриллиантовой руки». Слова «Михаил Светлов» не только красовались на борту судна, но и упоминались в устной речи на каждой стоянке, когда приходило время возвращаться с берега в каюты: «Цигель-цигель, ай-лю-лю, “Михаил Светлов” ту-ту!»

Нереальными, а точнее особенными, были и люди, с которыми мы стояли на палубе и пели про неё песню. С ними мне предстояло открыть миру далёкий и загадочный регион под названием Якутия. Открыть ещё шире, чем её огромная территория, в два с лишним раза превышающая площадь всех стран Западной Европы. Тысяча километров здесь – не расстояние! И ещё глубже, чем алмазная кимберлитовая трубка в Мирном, разработанная «всего» на 525 метров под землю.

Мы пели. Ветреной якутской ночью, под большими холодными звёздами. Ощущения той поездки навечно поселились в голове; так, что и сейчас хочется спеть «Палубу», а за ней и другие песни. Например, вот эту: «Без ста грамм, товарищ, песню не заваришь...» Сто грамм, а вернее полкило, принёс на палубу Леонид Левин. С него я и начну.

Леонид Ирмович родился в Киеве в 1937-м. Среди детских, пусть и смутных, воспоминаний остался тот самый день:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война...

В 1960-м окончил вуз, ласково называемый ЖОПИ. Словосочетание «Житомирский государственный педагогический институт» вроде бы должно звучать как ЖГПИ, но буква «о» (по областному предназначению вуза) давала, видимо, большее благозвучие. Получив диплом, мальчик из приличной еврейской семьи, и притом единственный сын своей мамы, оказался... в средоточии человеческих грехов, в колонии усиленного режима для малолетних преступников. Слава богу, что не сидельцем, а воспитателем.

Потом решил заняться журналистикой, написал несколько запросов в издания разных регионов великой страны СССР и получил два вызова: в новую газету в киргизском городе Ош и «Молодёжь Якутии». Выбрал второй вариант, добрался на перекладных до искомого места и приобрёл первые впечатления: «Города нет. Улиц нет. Домов нет. Мороз за минус пятьдесят. Сплошная белёсая мгла. Изредка из туманного небытия выныривает тень и на мгновение материализуется в образе человека. Торопливо спрашиваю: где газета “Молодёжка”? Куда идти? Незнакомец тычет меховой перчаткой в непонятном направлении: туда. Куда туда?..»

В 1990-м Леонид Левин создал и возглавил первое в республике деловое издание «Бизнес-клуб Якутии», затем – целый издательский дом «Норд-Пресс» с потрясающей газетой «Якутск вечерний». Среди многих городских медиа России она получила, возможно, самое большое количество жалоб, а также благодарностей; упрёков в излишней принципиальности и полной беспринципности; угроз и знаков поддержки. «Есть такое мнение, что я – полный безобразник, – писал о себе редактор. – Издаю альтернативные газеты и всё такое прочее».

В кризисные для печатных изданий 2010-е, в городе с 350-тысячным населением, тираж «Якутска вечернего» достигал 60 тысяч экземпляров. А Левина наградили премией Правительства России за принципиальность в отстаивании прав жителей региона.

Тогда, на палубе, Леонид Ирмович подписал мне книгу биографических рассказов «Якутский Карабас-Барабас»: «Александр Николаевичу. С которым радостно быть днём с разговорами, а ночью – с песнями».

Впрочем, внешне автор не походил на Карабаса-Барабаса. А уж кто был на него действительно похож, так это другой человек. Мускулистый, подтянутый, бритый наголо, с бронзовым лицом и большими нависающими усами, в ковбойской рубашке и кожаных штанах. Таких называют «брутальными». Визуальный образ не обманывал: он, Андрей Хорошев (псевдоним «Андрей И»), таким по жизни и являлся. Если кто смотрел фильм «Адмиралъ», то один из его персонажей – белый атаман забайкальского казачества Григорий Семёнов. Эту роль исполнял Андрей.

Родился, жил в Москве и Московской области; причём столичная биография Андрея сложилась ярче некуда. Окончил МАИ и МГИК; работал кинооператором, сценаристом, режиссёром разножанровых фильмов: о выборах и медицинских операциях, масонах и террористах, автогонках и таинственных подземельях; вёл на центральном ТВ программы «Искатели» и «Телевидение специального назначения», получал престижные награды и солидные гонорары.

А потом...

Владимир Высоцкий когда-то написал песню:

Мой друг уехал в Магадан –
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам –
Не по этапу, не по этапу.
Не то чтоб другу не везло,
Не чтоб кому-нибудь назло,
Не для молвы, что, мол, – чудак,
А просто так...

У песни есть прототип – поэт-песенник Игорь Кохановский. Он жил в Москве на Неглинной улице, сидел за одной партией с Высоцким, учился в МИСИ, трудился по специальности. И вдруг в 1964-м, «не чтоб кому-нибудь назло», а «просто так» уехал в Магадан. Работал в газете «Магаданский комсомолец», был старателем на Чукотке...

Один к одному похожий поворот в судьбе случился с Андреем И. Однажды он заявил, что «одиозная Москва вообще не может восприниматься как центр культуры. Там просто вредно жить». И в 2005-м переехал в Якутск. Основал здесь студию авторского креатива «Навигатор», возглавил Комиссию по имиджу и развитию туризма республиканской Общественной палаты, вступил в Союз писателей. И стал заниматься тем же самым, что и в Москве, но с одной поправкой – на вечную мерзлоту. Хорошев снова начал искать... тепло якутского холода – такое название получила одна из книг Андрея. В это время и на этой земле мы познакомились, а теперь вот стояли на палубе...

В XIX веке Василий Шергин, купец и управляющий Российско-американской конторой в Якутске, более десяти лет, в поисках водоносного слоя с хорошей водой, рыл в вечной мерзлоте шахту-колодец и достиг глубины 116 метров. В наше время шахта получила статус охраняемого государством памятника истории и культуры. Забитого ледяной пробкой, заброшенного и недоступного. В 2009-м Андрей И. устроил шоу «Штурм шахты Шергина», очистил пробку и спустился на глубину 104 метра. При этом чуть не задохнулся: злые духи «абасы» пускали в колодец углекислый газ.

В январе 2011-го стартовал проект Хорошева «Сэргэ (ритуальный столб-коновязь у якутов. – А. Ч.) – путь в небо. Мировой рекорд по выращиванию ледяного сталагмита». Андрей и его творческая группа отливали из ленской воды огромную сосульку. Нарастивая каждые сутки по 30 сантиметров, они намеревались достичь 30-метровой высоты. Из-за бюрократических сложностей, обозначенных как «проблемы с безопасностью», проект остановили. Но туристический ледовый комплекс «Айсариум-202» остался. С открытым катком, самой длинной в Якутске детской горкой, спелеолабиринтом и ледяными скульптурами.

Но больше всего меня поразил другой проект Андрея – экстремальный пробег на оленьих упряжках «Кавалерия Заполярья», посвященный памяти погибших во Второй мировой войне воинов-оленеводов. И не только поразил, а позволил увидеть философскую основу того, что должно было сделать Якутию известной и привлекательной для России и мира. Для этого, собственно говоря, я и приехал в Царство Холода.

В феврале – марте 2010-го Андрей И. и его оператор Марина Калинина отправились из Якутска к селу Оймякон, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь был зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры – около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего: ближе к минус 50. Андрей и его телеоператор Марина, в сопровождении группы эвенов-аборигенов, шли к Оймякону на оленьих упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом из оленьих шкур, и она не промерзала. Но было другое. Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаюсь встать и выделявая при этом невыносимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом появились вовсе не на маршруте. Андрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. Когда останавливались, проводник-эвен затапливал печку в палатке, и наступал «ташкент». Сытые и согретые, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезали в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаясь согреться, путешественники натянули на себя всё что можно и еле дождались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Именно тогда Андрей, а после его рассказов и я дозрели до этого самого философского вывода: в Якутии надо не искать тепла, а привыкать к холоду... Эвенам, мужу и жене, помогали двое маленьких детей-дошкольников. Малыши «не продавали дрожжи», а уютно играли и безмятежно спали, похрапывая и посвистывая...

Моим третьим палубным собеседником был последний вице-президент Республики Саха (Якутия) Дмитрий Глушко. Последний потому, что в 2014-м эту должность упразднили как таковую. Но здесь мне не хотелось бы перебирать ступени большой и довольно экзотической административной карьеры Дмитрия. Интереснее другое: начав трудовую деятельность учителем физкультуры в якутской школе, Глушко впоследствии стал организатором большого спорта: возглавил футбольный клуб «Якутия», а далее и вовсе курировал международные спортивные игры «Дети Азии» под патронатом МОК. Но это далеко не самое «крутое».

Дмитрий был действующим спортсменом, причём в таких «железных» видах, как марафон, трейлраннинг и триатлон. Поясню в двух словах тем, кто не знает. Классический марафон – это бег на 42 километра. Трейлраннинг – усложнённый вариант марафона, бег по природному рельефу, включая горный. Триатлон-классик – вообще запредельный даже для «обычного» спортсмена непрерывный цикл: около четырёх километров плавания плюс 180 километров на велосипеде, а в заключение уже упомянутый 42-километровый марафон. Так вот: через несколько лет после нашей встречи, будучи уже первым заместителем министра просвещения Российской Федерации, Глушко пробежал 117-километровый Dagestan Wild Trail – через ущелья, пики, плато и с набором высоты в 5800 метров. «Неуставным» атрибутом кабинета Дмитрия в Минпросе стал... велосипед.

В общем, как в стихах Николая Тихонова: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей».

В гости к «якутским монстрам» прибыла серьёзная федеральная поддержка: помимо меня, сюда подтянулись руководители крупных PR-агентств Игорь Минтусов («Никколо М») и Вячеслав Лашевский («АГТ»); президент Российской ассоциации по связям с общественностью Станислав Наумов, в прошлом заместитель министра в Минпромторге, а в будущем – депутат Госдумы от ЛДПР; владелец компании «Рольф», миллиардер из списка Forbes Сергей Петров; популярные журналисты и блогеры.

Кто же рулил столь серьёзным и многолетним процессом формирования имиджа самой холодной территории мира? Формально – совет по имиджевой политике при Администрации президента Республики. А фактически – ищите женщину – Людмила Цой, директор филиала Байкальского университета экономики и права в Якутске и заведующая кафедрой PR Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова.

Самое время задать вопрос, который, я уверен, уже вертится в голове читателя: а результаты деятельности с участием таких достойных людей где? Вопрос верный, впрочем, как и сказанное на встрече с нами президентом (тогда такое наименование ещё существовало) Республики Егором Борисовым: «Невозможно создать позитивный образ региона, занимаясь только конструированием имиджа и не занимаясь всесторонним развитием». Конечно! Но ведь можно сочетать то и другое. Например, уже тогда, в 2010-е годы, были сформированы направления развития Якутии на длительную перспективу – до 2025 года. Мы предлагали раскрутить эти направления ровно так, как это делают с классическими брендами: придумать имя, создать историю, поддержать в медийном поле. Вот как это выглядело в стартовых планах.

«Промышленная Якутия – 2025» – это программа развития традиционных для региона алмазодобывающей и угольной промышленности; а также освоение новых месторождений нефти и газа, создание объектов гидроэнергетики, использование нанотехнологий.

«Новые дороги Якутии» – название следующего, поистине судьбоносного транспортного направления.

Ещё одна, менее очевидная программа – «Плодородный север». Якутия имеет уникальное сельское хозяйство не только для России, но и всего мирового сообщества. Здесь самые северные растениеводство и мелиорация. Сохраняются и развиваются такие традиционные для Севера и Дальнего Востока виды деятельности, как домашнее северное оленеводство, уникальное табунное коневодство. Большие

реки, богатые ценными породами промысловых рыб. Это создаёт устойчивость продовольственного обеспечения республики, а также потенциал развития поставок на экспорт экологически чистых видов мясной и рыбной продукции. Дополнительная цель в рамках данной программы – разработка Якутии как северного сельскохозяйственного полигона, межрегионального и международного методического центра по внедрению передовых аграрных технологий в условиях вечной мерзлоты.

Наконец, это «Лёгкие России». Действительно «лёгкие», поскольку Якутия обеспечивает кислородом всю Северо-Восточную Азию. Это во многом нетронутая человеком природа. Возможность жить и работать в столь благоприятных экологических условиях должна восприниматься как существенное преимущество.

Темы севера, холода, мерзлоты, когда-то носившие устрашающий, отрицательный оттенок, в современных условиях способны стать уникально положительными. Вырисовывается логическая бренд-цепочка: «Якутия – полюс холода», «Якутия – холодный бриллиант», «Якутия – тёплый холод».

В регионе немало чудес для природного (Ленские столбы, священные горы Кисилых), экстремального (зимние путешествия) и загадочно-мистического (шаманизм) туризма. Эпос и культура «Олонхо» включены в число шедевров нематериального наследия человечества ЮНЕСКО. Однако понятно, что одна «туристическая привлекательность» не в состоянии обеспечить массовый поток людей, проектов, инвестиций в самый большой и труднодоступный регион России площадью более трёх миллионов квадратных километров.

Отсюда, продвигаясь за пределы самой республики, выходим на бренд-программу «Якутия – стержень российской геополитики XXI века». Её суть заключается в том, что вектор геополитических интересов России перемещается на Дальний Восток, а Саха (Якутия) со своей стремительно развивающейся производственной базой становится одним из ключевых дальневосточных регионов. Стратегические планы Якутии имеют огромное значение для развития всего северо-востока страны. Это ли не самый лучший пиар нашей внутренней экономики?

В течение нескольких лет в Якутии проводился республиканский конкурс на разработку брендового названия территории. Поступило около 400 вариантов, а в список для обсуждения советом по имиджевой политике вошли девять из них: «Якутия – страна танцующих стержней», «Якутия – жемчужина Севера», «Край Полярной звезды», «Якутия – сердце Севера», «Земля Мамонта», «Земля северного сияния», «Якутия – Земля Саха», «Якутия – алмаз России», «Якутия – древняя родина Олонхо». Какое из них выберешь ты, читатель?

Воскресной июньской ночью мы выехали в Ус Хатын. Это огромное поле недалеко от Якутска, с множеством аутентичных деревянных сооружений: «ураса» – традиционный летний домик конусообразной формы, «балаган» – зимнее жилище, «тюсюлгэ» – своеобразный алтарь под открытым небом, «сэргэ» – сакральный столбик-коновязь, дерево мира Аал Луук Мас.

Мы погрузились в атмосферу Ысыах Туймаады – самого почитаемого в Якутии национального события, праздника возрождения природы и начала нового жизненного цикла. Когда стало светать, тысячи людей взялись за руки и встали в огромное кольцо, чтобы исполнить танец «осуохай». Гости праздника двигались к солнцу и совершали круговорот во времени и пространстве, отдавая дань благодарности за подаренные людям свет и тепло. Но солнца не было! А вдруг оно так и не покажется, спрятавшись за облаками, стремительно и неуютно заполнявшими горизонт?!

Но появляются белые шаманы – алгысчиты. Они кормят огонь, выводят белую Божественную Лошадь Джесегей Айбы, воздевают руки к небу и зовут Светило к себе: «Уруй!» Десятки тысяч людей в гигантском хороводе подхватывают: «Айхал!» И огромный красный шар, отвечая на приветствие, неторопливо выкатывается из туманной дымки. И утро прорезает восторженное ржанье сказочной кобылицы.

Уруй – Айхал! Уруй – Айхал! Уруй – Айхал, Айхал, Айхал!

Ничего так не бодрит, как с утра метеорит

Люди вообще любят шутки. Но мне кажется, что мы, русские, склонны к ним больше всех. Даже в ситуациях, когда совсем не до шуток. Ну, в самом деле. Вот вы студент, и сидите на утренних занятиях в красивом и высоком корпусе Южно-Уральского государственного университета – на мой взгляд, лучшем здании города Челябинска, очень похожем на высотку МГУ. Думаете, как ответить на вопрос преподавателя о чём-то очень важном и сложном; а может, дремлете после вчерашней за-

водной вечеринки; или строите грандиозные планы на только начавшийся день. И вдруг... толчок-взрыв, мгновенно и с противным «звьяком» вылетают все стёкла в аудитории: кого-то порезало, и уже разбрызганы внезапно появившиеся капли крови. Других осыпало кусками стекла и мелкой стеклянной крошкой – как теперь её вычёсывать из волос? А главное – что думать? Студенты-физики вспомнили, что в области есть предприятие «Маяк», где производятся компоненты ядерного оружия и где в 1957 году уже произошёл взрыв радиоактивных отходов в десятки тонн в тротиловом эквиваленте. Гуманитарии живо представили появление летающей тарелки...

В зале спорткомплекса «Строитель», где окна ещё больше университетских, дети увидели через них яркую вспышку, ну прямо как солнце мигнуло. Они ничего не подумали и не вспомнили, а просто побежали ближе, чтобы разглядеть «уральское сияние». Но ветеран-тренер не забыл, как служил в армии, проходил курсы гражданской обороны, и знал, что за вспышкой от взорвавшейся ядерной ракеты последует ударная волна. Поэтому, не мешкая ни секунды, дал ребятам команду укрыться за матами – головой от взрыва, конечно, как учили; а не успевших это сделать прикрыл собой, когда волна действительно пришла и вынесла внутрь оконные стёкла...

На цинковом заводе обрушилась старая кирпичная стена, и гигантские клубы пыли заполнили улицу. Мало кто понял, что это всего лишь пыль, но подумали о какой-то серьёзной катастрофе...

Стёкла выбило в сотнях предприятий, офисов, больниц, школ и детсадов. Многие срочно эвакуировались из зданий. Пассажирам машин и автобусов показалось, что с неба свалился небывалый град. Разыскивая близких, их родственники «обрывали телефоны» и перегрузили сотовую связь, которая и так давала сбои. Никто из людей чудом не погиб, но более полутора тысяч жителей Южного Урала получили порезы и ушибы, десятки попали в стационар с тяжёлыми повреждениями, а осколки чего-то непонятного дождём прошли по окрестностям Челябинска. Мощная волна всколыхнула довольно большое и покрытое льдом в суровую уральскую зиму озеро Чебаркуль в 70 километрах от города. Пробило лёд, и на водоёме образовалась круглая восьмиметровая полынья.

Однако всё могло закончиться гораздо хуже, и такого худшего не произошло лишь случайно.

А совсем скоро уже шутили: «Ничего так не бодрит...»

15 февраля 2013 года около девяти утра в атмосфере над регионом, на высоте примерно 23 километров произошёл взрыв мощностью порядка 500 килотонн. Это, чтобы было понятнее, около 30 атомных бомб той мощности, что сбрасывалась на Хиросиму.

В самом деле смешно: «... как с утра метеорит».

Да, это и вправду был метеорит. Астероид размером с шестиэтажный дом и весом 13 тысяч тонн взорвался при входе в атмосферу Земли и, слава богу, почти полностью испарился. На город и окрестности выпала лишь ничтожная его часть – в виде фрагментов: от миллиметровой пыли до почти метровой глыбы, сломавшей лёд на озере Чебаркуль.

Когда с ситуацией разобрались, окна вставили, раны заклеили или заштопали, началась «метеоритная лихорадка». Гостиницы и санатории миллионного Челябинска и небольшого райцентра Чебаркуль переполнились учёными, метеоритными «сталкерами», журналистами и блогерами со всего мира. Жители массово вышли на сбор осколков астероида, цена на которые колебалась в диапазоне от 100 до 500 рублей за грамм. За неделю эти осколки добрались аж до Чикаго, где открылась первая экспозиция метеоритных частиц.

Ну и отечественный пиар, естественно, расцвёл пышным цветом. На этот раз он не был «бесмысленным и беспощадным», а напротив, фонтанировал осмысленностью и креативностью. Здесь ироничный читатель наверняка криво усмехнется: «Хотите сказать, что и метеорит пиарили тоже вы?» Ну, знаете ли... Как отвечают порядочные женщины на предложение едва знакомого, но симпатичного человека поехать ближе ночи к нему на дачу? Нет, нет и нет! А впрочем – да...

Так и в моём случае: конечно, нет – здесь работала не только челябинская, но и всероссийская, а также мировая пресса. А впрочем, да – был, состоял, участвовал. Вот как это происходило.

С Танкоградом, как называли город в период Великой Отечественной войны, или Челябиной, если употреблять современный сленг, я дружил с 90-х. Плотно работал с первым губернатором Челябинской области Петром Ивановичем Суминым и его сподвижниками. В команде выделялась очень умная девушка Наташа Денисова, которой удалось превратить маленький отдел – структурное подразделение в аппарате главы региона – в самостоятельное управление специальных проектов. Вот оно и фонтанировало суперидеями. А метеорит – куда ж ещё круче для PR-изысков!

К полугодовому юбилею метеоритного тура «Вселенная – Земля» Наташа инициировала проведение международного круглого стола «Южный Урал после метеорита», куда меня и пригласила. Учёные и практики самых разных сфер – от астрофизики и географии до PR, истории и философии – из России, США и Германии сначала посетили озеро Чебаркуль. На берегу уже затевалась музейная экспозиция знаменательного события, а на волнах, в точке падения астероидной массы, качался буй-указатель. Но самые интересные впечатления мы получили от рассказов очевидцев. Множество свидетелей природного чуда можно условно разделить на несколько групп. Одни, и таких было сотни, снимали огненный след и взрыв в атмосфере на видео. Другие, числом поменьше, тоже снимали, но... нечто менее понятное и объясняли, что это наш доблестный реактивный МИГ сбил «ихнюю», несущую нам гибель летающую тарелку. Третьи, единицы избранных и приобщённых, делились впечатлениями о том, как... пришельцы взяли их в эту самую тарелку, передали таинственное послание, а потом вернули обратно. Мы относились с пониманием и соглашались: в наше сложное время и не такое бывает!

Затем научно-пиаровская группа переместились в отель «FonGrad» на озере Тургояк возле города Миасса. Лучшего места для метеоритных посиделок и не найти, поскольку озеро само по себе является объектом мистическим, с островом святой отшельницы Веры, большими камнями-мегалитами как минимум из бронзового века и сложенными из них древними сооружениями-дольменами. Здесь и состоялся двухдневный мозговой штурм. Его результатом стал сборник материалов и пакет идей, многие из которых позднее получили проектное воплощение.

Самые простые из предложений ориентировались на привлечение внимания к таким темам, как «Космос идёт к нам», «Челябинский метеорит в ракурсе космической безопасности России» и им подобных. Но пытливый русский ум, сфокусированный на PR-задачах, на таких очевидных вещах не останавливался. Надо исходить из того, – вешали проникшие в самую глубину вопроса криэйторы, – что Челябинск – это метеоритная столица Отечества, а сам Метеорит (да, так, с большой буквы) – её 11-е чудо (проекты «7 чудес» и «10 чудес» России «разыгрывались» в предыдущие годы). И вообще: Челябинский метеорит знаменует собой начало новой жизни на планете. Идеи рангом пониже, рассчитанные на региональный уровень, провозглашали, что метеорит оказал чудесное неземное воздействие на озеро Чебаркуль, и оно стало «заряженным», то есть волшебным. В общем, вот вам время и место для создания: Всемирного. Геокультурного. Парка. «Чебаркуль».

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», – гласит пословица. Не-не, в нашем случае – скоро. После астероидного взрыва последовал взрыв креативный. Приведу лишь его небольшие фрагменты.

Фирма, извлекавшая осколки болида из озера, называлась «Язь и мужики», а выполняемый ей проект – «Метеорит – зелёные человечки».

Первый осязаемый (4 кг) кусок метеорита, поднятый «ловцами», осел в краеведческом музее Чебаркуля. Пришельца поместили в специальную витрину с охранной сигнализацией. Трогать метеорит – ни-ни! Впрочем, за небольшую плату можно: стеклянный колпак поднимается, и, будьте любезны, соединяйтесь со Вселенной напрямую. Однако взять в руки или даже коснуться космического камня возрастом четыре миллиарда лет решаются не все. Тем, кто всё же рискнул приобщиться к космосу, вручают специальный сертификат. Чуть позже, когда на дне озера обнаружили кусок астероида весом в полтонны, его поместили в другой саркофаг, расположенный в Челябинском краеведческом музее. Метеорит сегодня именуют и Челябинским, и Чебаркульским.

На берегу озера установили памятную стелу, разработали национальный туристический маршрут под названием «Челябинск: к нам прилетают даже метеориты», развернули выставочные экспозиции. Но это, опять же, из «простого». А дальше...

– Это напиток крепкий и не для девочек, хотя он приятный на вкус и легко пьётся, – рассказывал бармен. – Мы подавали его уже в день падения болида. Кроме ликёра, портвейна и битера мы кладём в стакан массивный кусок льда сферической формы: он символизирует сам метеорит. А веточка розмарина и цедра дают аромат и напоминают о шлейфе, который оставил космический гость в небе. Была мысль поэкспериментировать с огнём и дымом. Но мы от неё отказались, чтобы народ не пугать. Кстати, это самый любимый напиток наших иногородних посетителей...

Духи «Челябинский метеорит» более жёсткие, они должны ассоциироваться со взрывом, – делились своими находками парфюмеры. – А вот аромат «Чебаркульский» более мягкий, поскольку символизирует озеро Чебаркуль, куда упал болид...

На протяжении ряда последующих лет я активно пиарил «метеоритный» раздел в учебнике авторов Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) «Универсальная журналистика». Историю болида они представили в виде «Мультимедийного лонгрида как нового формата подачи информации в Интернете», где содержались и сведения о метеоритах как таковых, и репортаж «Один день метеорита в Челябинске», и рассказ-путешествие «Взгляд со дна озера», и прогноз на будущее: «Метеорит: история продолжается».

А юмор – юмор бурлил как волны озера Чебаркуль после прилёта посланца вечности! Сказители из народа вспомнили буквально всё, что связано с Челябинском, метеоритом или тем и другим. А также не связанное вовсе и новоиспечённое.

Что вообще случилось в Челябинске? – Не знаю. Но переполошились все, как будто метеорит упал!

А как реагировал метеорит? Нервно: его жители с ужасом наблюдали приближение Челябинска...

Само собой, не обошлось без «суровых челябинских мужиков» из популярной ТВ-программы «Наша Russia»:

«Челябинские мужики настолько суровы, что добывают металл из космоса».

«Суровые челябинские пацаны настолько крутые, что прикуривают от метеорита»...

Всплыл в памяти американский фантастический фильм «Армагеддон» и его главный герой в исполнении Брюса Уиллиса, спасающего Землю от огромного астероида. И теперь именно к нему обратились земляне за помощью.

– «Достали вы меня своими телефонными звонками, – возмущался «крепкий орешек». – Не надо больше мне звонить!»

«Спасибо, Брюс!» – писали в соцсетях челябинцы, когда герой всё же выполнил нужную миссию.

«Не за что, Челябинск!» – отвечал Уиллис.

Народный метеоритный стендап не обошёл вниманием и президента В. Путина: Владимир Владимирович внезапно понял, что ещё ни разу не летал верхом на метеорите.

И вновь про стёкла и порезы.

Знающие люди сообщали, что 15 февраля в Челябинске теперь официально будет праздноваться День стекольщика! Выяснилось также, что спонсором метеоритного дождя было ООО «Пластиковые окна».

Да-а, такую страну и таких людей действительно победить невозможно...

Метеорит пробудил эмоции. Они проникли не только в шутки, но и в сувениры, музыку, стихи. Интернет-пространство облетело стихотворение Дарьи Ботовой, студентки международного факультета ЮУрГУ:

А вы когда-нибудь проверяли чувства?
Так, чтобы не просто «люблю тебя, милый»,
И так, чтобы не просто целовать до безумства,
А чувство тревоги испытывать сильно-сильно.
В Челябинске был свой День Валентина.
Не четырнадцатого, а пятнадцатого ноль второго,
Когда обычной пятницы рутина
Была прервана метеоритом происхождения неземного.

Когда что-то непонятное оставило след на небе,
Когда телефонный провод был вдребезги оборван...
В этот день дружно начали плакать дети,
А голос родителей был и вовсе надорван.
И каждый челябинец начал думать о близком,
О скоротечности жизни и вообще о смысле.
И почти каждый оценивал жизни риски,
И думал, как бежать к любимым от дурных мыслей.

И испытание метеоритом стало для нас началом,
Началом, когда на места всё расставило неземное.
И днём рождения всех челябинцев стало
Не четырнадцатое, а пятнадцатое ноль второго...

Когда будете в аэропорту Челябинска, совсем не суровом, а красивом и современном, обязательно купите футболку с рисунком и надписью на языке космоса, понятном всем жителям нашей загадочной планеты: «Nichego tak ne bodrit kak s utra meteorit!»

2014. Ах, юбилей, юбилей – шум в голове...

Как в песне, да? Правда, в песне не совсем так. «Ах, варьете, варьете, шум в голове...» Но дальше как раз так: «Мы, кажется, встречались где-то? Наверняка...» Этой шуткой мы приветствовали друг друга. Встречались! Ещё как встречались! И сколько раз! За шестьдесят-то лет.

Гости собирались в ресторане Центрального дома журналиста, или Домжура, как все причастные его называли. Хотя какой ресторан? Это раньше был знаменитым заведением, где давали «мясо по-суворовски», а позже «уху по-богдановски». Почему «по-суворовски»? Потому что бульвар, идущий от Арбатской площади к Никитским воротам, назывался Суворовским. Почему «по-богдановски»? Потому что в честь тогдашнего председателя Союза журналистов России Всеволода Богданова. Теперь бульвар стал Никитским, председатель СЖ сменился, а ресторан превратился в «зал под заказ». Ну и я и заказал: место удобное, в центре столицы, и по-любому культовое: и Пушкин здесь побывал, и Есенин с Маяковским, не говоря о более поздней творческой элите. И сам я в этом уютном доме «тусовался» с конца 70-х прошлого века, а в 2000-е и подавно сидел в офисе.

Каждый человек ломает голову, как ему отпраздновать свой юбилей. Особенного хочется, чтобы отличалось от других юбилеев. А в результате выходит всё равно одинаково: приглашённые наперегонки и до зевоты окружающих хвалят юбиляра и желают ему очень много всякого, чаще всего несбыточного. Тем более что последнее сильно зависит от возраста. Ну и я шевелил мозгами, чтобы сделать как-нибудь по-другому: думал-думал и придумал. Пусть каждый гость рассказывает не обо мне, а о себе. Человек ведь больше всего любит говорить о собственной неповторимой личности, правда? А юбиляр место для себя в этом рассказе и сам найдёт – здесь и подсказывать не нужно. Вот мы и вспоминали между гостями: гости – о себе и обо мне, я – о них. Теперь вам расскажу – не обо всех (чтоб не зевать), а о некоторых.

Саня Давыдов, самый старый друг, ещё со школьных лет. Теперь, в мой юбилейный год, он... Нет, стоп! Про то, кто есть кто теперь, напишу в конце каждого представления – так будет интересней.

Шестьдесят седьмая. Вы не знаете 67-ю? Тогда я плакал! Была и есть такая школа, на Кутузовском проспекте, рядом с панорамой «Бородинская битва». С профильными классами, что тогда, в 70-х, являлось большой редкостью. «А» – математический, «Б» – химический; «В» – гуманитарный, с углублённым изучением языков и литературы; «Г» назывался производственным. В девятый «В» мы с Саней, убеждённые гуманитари, пришли из «простых» кунцевских школ. «Спецподготовка» новой школы почувствовалась сразу. «Математики» на уроках труда ходили на соседствующий со школой Первый московский приборостроительный завод и что-то там делали на огромных агрегатах, называемых ЭВМ. «Химики» следовали на карандашно-ручечный завод имени отважных итальянских революционеров Сакко и Ванцетти, погибших от рук капиталистических палачей. «Производственники» точили молотки из больших стальных болванок. А мы учились... на машинистку. Не паровозную, конечно. В доинтернетовские годы эта профессия котировалась очень высоко. У меня в выпускном удостоверении написано: «Слепой способ. 145 ударов в минуту». Таких в любой конторе с руками отрывали!

Что касается литературного творчества, то графоманили мы, конечно, и в восьмилетке. В поэтических изысках, как писал Юрий Визбор, «смело рифмовали слова “любовь” и “кровь”», а в прозе блистали сочинениями на тему «Как я провёл этим летом». Учителя литературы просили нас зачитать опусы всему классу и ставили неизменные пятёрки. К моменту прихода в 67-ю мы считали себя талантливыми молодыми поэтами-писателями-журналистами с абсолютно успешным будущим. Однако... После первого сочинения литератор Евгений Семёнович Топалер по прозвищу «Сэм» вывел каждому из нас по красной тройке с минусом и устным добавлением: «А вообще-то это “два”!»

Когда мы непосильным трудом дотянули до «хор», Сэм рассказал нам о школьном журнале «ЛИМ» – «Литература и молодёжь». Журнал выходил раз в год, печатался на машинках (мы же машинистки!), экземпляров десять. Попасть с материалом в «ЛИМ» считалось делом о-о-о-чень престижным, а для начинающих талантов из класса «В» – вдвойне и втройне. Тут мы и получили свои первые литературные премии. Я – за эссе про любовь, в Саня – за рассказ... «Смерть Барсика».

И сейчас, спустя сорок с лишним лет, я достал изрядно пожелтевший, но сохранившийся номер «ЛИМа» и прочёл отрывок:

«Он лежал на своей подстилке, вытянув лапки вперёд, и тяжело дышал. Его бока судорожно подымались и опускались. Когда я вошёл в комнату, он открыл глаза и попытался встать, но не смог. Тогда он издал тонкий жалобный звук, похожий на всхлип ребёнка, и пополз мне навстречу. Я подбежал к нему, взял на руки и прижал к груди. Он обнял меня передними лапками за шею и прижался своим мокрым горячим носом к моей щеке.

Я избегал смотреть ему в глаза, чувствуя себя чем-то виноватым перед ним. Но вот наши взгляды встретились... Сколько страдания было в его больших синих глазах! Как я любил эти глаза – порой грустные, задумчивые, иногда лукавые, с хитринкой, и всегда – прекрасные. Я смотрел в эти глаза, и вся короткая жизнь Барсика мысленно пронеслась передо мной...

Утром его не стало. А вечером, в компании друзей, веселящихся по поводу праздника, я не мог быть радостным. И когда все пили шампанское за свои светлые мечты, я поднял бокал за него...»

Ну что, слеза навернулась? У гостей юбиляра навернулась. Когда сталкиваешься с нефальшивой искренностью, всегда наворачивается. Вот и сейчас. Даже забыл, что хотел объяснить... Ах, да, про «теперь». Дорос Саня до арбитра Высшего арбитражного суда Российской Федерации, а потом стал председателем суда третейского. Своего собственного.

Со своим рассказом выступил на юбилее Коля Соловьёв: с ним мы подружились, когда я уже работал в 67-й, а он – в соседней, 711-й школе. Про неё мы вспоминали совсем по-другому поводу. Дело в том, что стояла эта школа прямо за знаменитым домом 26 по Кутузовскому проспекту, где числился, а иногда и жил генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. На выборах генсек ходил голосовать в расположенный рядом Дом пионеров, а мы с Колей составляли часть наблюдающих за процессом рядовых избирателей. Но мы-то что – статисты. А были и спикеры! Учительницу Зинаиду Митюкову посадили на регистрацию народа, жаждущего отдать свой голос за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. И проинструктировали: «Когда придёт Леонид Ильич, вы обязательно попросите у него паспорт для сверки данных. Скажите, что, мол, порядок такой, причём один для всех». И вот мы смотрим, затаив дыхание.

Брежнев появляется:

- Паспорт, пожалуйста, покажите, – просит Зинаида Гавриловна. И добавляет: – Леонид Ильич».
- Зачем паспорт? А брови на что? – юморит генсек.

В школе 711, что рядом с домом 26, Коля учил внуков Брежнева – Андрея и Леонида. Однажды мы вместе поехали с учениками школ района на стрельбы в загородный военный тир. Андрей Брежнев, такой же как все: мальчик как мальчик и без всякой охраны. Однако в спецодежде – в дублёнке и ондатровой шапке. Стрельнул он плохо. И тогда военрук вызвал парня из строя и резанул:

– А ты, Андрюша, скажи деду, чтобы построил нам тир прямо в школе. Тогда и стрелять будешь хорошо!..

Сейчас Николай Соловьёв – заслуженный учитель Российской Федерации, а ведёт, как и раньше, русский язык и литературу.

На юбилей пришёл Наум Аранович. Про таких говорят: «легенда». Ещё лучше, когда добавляют: «живая». И не меньше. Потому что тогда же, в школе 70-х, в трудный период перехода от графомании к журналистике, я получил направление на практику в свою первую в жизни газету и переступил порог... нет, не редакции, а «той заводской проходной, что в люди вывела меня». Это был Московский шёлково-ткацкий комбинат «Красная Роза», имени зарубежной героини-революционерки-феминистки Розы Люксембург. Здесь предстояло узнать, во-первых, что такое многотиражная газета. Я думал по неведению, что это означает издание с очень большим тиражом. И почти угадал: число типографских номеров газеты «Челнок» существенно превышало тиражи рукописной школьной стенгазеты.

Во-вторых, откуда взялось название «Челнок»? Я даже пытался пошутить на тему о том, что вроде моря поблизости не видно. В ответ отшутились: моря и вправду нет, а вот у тебя орган есть? Да... И у ткацкого станка есть самый рабочий орган – челнок. Он прокладывает уточную (что означает поперечную) нить между нитями основы при выработке ткани. Усёк? Ну да, как тут не понять!

«Парня встретила дружная заводская семья...» Ага, почти так. Меня встретил редактор «Челнока», молодой мужичок лет на десять постарше меня-старшеклассника.

- Здравствуйте, а можно познакомиться с трудовым коллективом редакции?
- Знакомся, это я, Наум Аранович. А сам с собой ты, наверное, хорошо знаком.
- Это вся редакция?
- А кто тебе ещё нужен?

Начались трудовые газетные будни. Писать требовалось про Героя Социалистического Труда Валентину Ивановну Бобкову, которая с 12 ткацких станков по норме перешла постепенно на 72. А также про алкоголика Алексея Ильича Курюмкина, который постоянно нарушал трудовую дисциплину и неоднократно попадал в вытрезвитель. Про механический цех, где готовят детали для набивного и теплотехнического цехов. Про ткацкий цех, который выдаёт очень нужные стране шёлковые ткани. Про заводской зимний пионерлагерь «Тополёк», куда мы с Наумом поехали зимой, по морозцу, а после обхода палат и просмотра художественной самодеятельности проголодались и плотно пообедали в лагерной столовой. Наум даже тихонько плеснул по рюмке «хлебного вина» из ёмкости, предусмотрительно замаскированной в бумажном пакете. Заводская жизнь была ключом.

Аранович и теперь не бросил свою профессию: помогает Московскому союзу журналистов в воспитании молодого поколения. А на юбилее он выступал, как вы понимаете, в качестве «крёстного отца». Однако такой «отец» был не единственным...

Я любил походы и турслёты. Палатки, спальники, жестяные банки с тушёной, «живую» картошку, буханки хлеба, примуса, бензин. Рюкзак конструкции знаменитого в прошлом горвосходителя Виталия Абалакова. Туристская романтика. Вот с рюкзака всё и началось. На кавказской тропе мы случайно пересеклись с отрядом альпинистов. Рюкзаки у них были принципиально другие: с множеством регулирующих лямок, в форме правильного овала, без всяких болтающихся снаружи предметов. Вместо облезлых тёмно-зелёных штормовок на «бойцах» привлекательно смотрелись лёгкие, ярких цветов куртки-анораки. В руках они почему-то держали лыжные палки, хотя на дворе стояло лето. Сели вместе передохнуть.

Один из альпинистов, Володя, сказал:

– Вот ты, я вижу, спортивный парень, а занимаешься всякой ерундой. Что это за рюкзак у тебя времён русско-турецкой войны? А одежда? А снаряга? Порнография!

– Ну как, – отвечаю, – рюкзак заслуженный, «абалаковский», и штормовка – неременный атрибут туристской жизни. Про альпинистов братьев Абалаковых слышали, наверно? И песню «Выштопан на штормовке лавины предательский след» знаете?

– Сынок! С братьями Абалаковыми я общался вот как сейчас с тобой. Не только слышал, но ходил с ними в горы и даже выпивал. Песню «Люди идут по свету», конечно, знаю. Но рюкзаки старинные, о двух лямок, не люблю. И штормовки не люблю. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть?! Ты думай, что несёшь: Абалаковых в туристы записал! Знай, что слово «турист» у серьёзных людей означает почти ругательство! Вот видишь, например, человека на тропе: рюкзак прямо как... подушка, если поласковее выражаться; котелок закоптелый по жопе стучит. Это он самый, турист! Недаром вас называют зелёными чудовищами.

– И что ж теперь?

– Если сделаешь правильные выводы по жизни, то всё сложится нормально. Езжай-ка ты в альп-лагерь, начнёшь реальную спортивную карьеру. Помогу...

Я выводы сделал. Владимир Дмитриевич Кавуненко оказался мастером спорта международного класса по альпинизму и одним из лидеров спартаковской альпинистской команды. Вместе с «папой» нам предстояло пройти Кавказ, Памир, Алтай и даже непальские Гималаи. Теперь он готовился праздновать свой 80-летний юбилей. В горах...

Вообще-то половину гостей «заказного» зала в Домжуре составляли доктора наук, профессора, членкоры и даже академики Большой академии, то есть РАН. Но разговоры о научных стартах и финишах я, пожалуй, оставляю для другой аудитории. Вот разве что...

Анатолий Васильевич Дмитриев считался человеком уникальным, особенно в двух областях. Первая – женщины. Будучи женатым один раз в жизни и на протяжении всего нескольких месяцев, он сохранил по отношению к дамскому контингенту юношеский интерес. Любую из представительниц слабого пола рассматривал как принцессу и страстно желал продолжения отношений. За что чаще всего получал взаимность, причём вплоть до своего глубокого возраста.

Вторая область – юмор. Ему Дмитриев посвящал даже научные изыски, включая серьёзные книги. Кое-что из своей обширной коллекции Анатолий Васильевич зачитал и на юбилее. С учётом профессорской аудитории:

- Зачем вы написали этому бездельнику – академику N – «Дорогой товарищ!»? Он консерватор, разбойник и мошенник! Перепечатайте это письмо.
- Хорошо. А какое же обращение следует употребить?
- Напишите «Дорогой коллега!».

Поскольку в именованном зале присутствовали государственные и иные начальники, то кое-что у Дмитриева нашлось и для них. В виде инструкции:

1. Давая указания подчинённому, используйте настолько обтекаемые термины, чтобы он даже приблизительно не мог определить, чего вы хотите. Критикуйте его таким образом, чтобы он не понял, что нужно сделать для исправления допущенных ошибок.

2. Громко вздыхайте или изображайте крайнее удивление, если он попросит вас разъяснить что-то из того, что вы сказали. Подчинённый будет чувствовать себя слишком уверенно, если поймёт всё очень быстро.

3. Если подчинённый станет переспрашивать непонятное, скажите, что вы уже отвечали на этот вопрос. Вы можете поступить так даже в том случае, если он задаёт вопрос впервые, и особенно, когда его уверенность в своих силах уже пошатнулась...

Юморист Дмитриев посягнул даже на святое:

- Год 2024. Просыпаются Путин и Медведев с тяжёлого бодуна.

Путин:

- А ты не помнишь, кто из нас сегодня президент, а кто премьер-министр?

Медведев:

- Да какая разница, ну пусть я буду премьер-министр.

Путин:

- Ну раз ты власть исполнительная, тебе за пивом и бежать...

Анатолий Васильевич был доктором социологии, профессором, членом-корреспондентом Российской академии наук и главным редактором крупного научного журнала. Таким всё можно. Мы поддерживали друг друга в обеих вышеупомянутых областях...

Но вот пришло время спросить: «Книга-то ваша, уважаемый юбиляр, вроде как про пиар. Но где же пиарщики?!»

Были пиарщики, досточтимые дамы и господа, были! Один Алексей Ситников чего стоит! Взвода, как говорили о красноармейце Сухове в культовом фильме «Белое солнце пустыни». А то и роты! Рота PR-специалистов – это, поверьте, очень много. Весь мир в труху!

В запредельно далёком 1992-м я дежурил выпускающим редактором сверхпопулярной тогда газеты «Вечерний клуб» в типографии «Московская правда» на улице 1905 года.

Вошёл Алексей Ситников, руководитель компании «Имидж-контакт». Мы слышали друг о друге, даже учились в одной аспирантуре в Академии общественных наук, но ранее никогда не встречались. И наконец по телефону договорились о встрече – у Алексея было ко мне какое-то предложение.

Лёша – человек увлекающийся, увлекающий и способный даже самое рядовое событие представить в жанре интригующей всех сказки. Сказкой казалось и то, о чём он рассказывал в том самом «лихом» году. Что, мол, в Москве будет какой-то «Сити». Что на Красной Пресне вырастет новый город небоскрёбов, который увенчает 100-этажная башня. И новое метро. И монорельсовая дорога в аэропорт Шереметьево.

Но в 1992-м, если кто помнит, всё не строилось, а разрушалось. Люди торговали кто чем может и тем зарабатывали себе на жизнь. Отсюда у меня возникла даже не доля недоверия, а полная уверенность в том, что речь идёт об очередной «панаме».

Но я не стал обижать Алексея и только спросил:

- Классно! Но моя персона тут причём?

– А притом, что я иду в «Сити» советником президента, а тебе предлагаю место руководителя службы «паблик рилейшнз». Пиаром будем заниматься, – пояснил Алексей.

- Чем-чем?

– Да вот этим. И Ситников протянул мне оранжевую книжечку англичанина Сэма Блэка с заголовком «Что такое паблик рилейшнз».

Говорят, что с этого разговора и начался настоящий российский PR. А к моему юбилею и сказочный «Сити» стоял, высокий и красивый в профиль и анфас. И Алексей, профессор, дважды доктор наук, замахнулся на очередную быль-сказку: создал вместе с командой и преподнёс мне в подарок чудо-книгу «Karmalogic» – свод универсальных законов жизни. А они есть? Лёша считает, что да...

Знакомые с детства бардовские песни исполнял «настоящий полковник», горнолыжник и поэт Миша Калинин с ребятами из проекта «Песни XX века». А когда «золотая труба России» Семён Мильштейн с оркестром «Данс-ленд» заиграли «Дорогие мои москвичи» и «Подмосковные вечера», коллективные воспоминания закончились, а кавалеры пригласили дам на танцы. Впрочем, то тут то там сквозь музыку прорывалось душевное: «А ты помнишь?!»

– Ах, юбилей, юбилей, шум в голове.

Мы, кажется, встречались где-то? Наверняка...

2015. Вход с оружием воспрещён. Всем. Без исключения!

Именно такая табличка встречала нас у входа в пансионат. Причём, если первая фраза была написана более мелким шрифтом, то следующее слово – значительно крупнее, а третье пояснение – вообще гигантскими буквами.

Наличие на территории пансионата ресторана, тем более в симпатичном здании и с красивой вывеской, обрадовало. Правда, он оказался закрыт, хотя время нашего прихода вроде бы совпадало с объявленным на входе. Ладно, стукнемся попозже. Но и через два часа, и через три наши попытки попасть внутрь тоже закончились неудачей. И вдруг откуда-то появилась дама в одеждах и причёске с оттенками национальной идентичности:

– Уважаемые, вы что хотели?

– Мы хотели именно того, что обычно делают в ресторане. Пообедать, а теперь вот и поужинать...

– Так бы сразу и сказали!

Женщина достала мобильный телефон и проникновенно затараторила: «Джувьетта, тут люди пришли. Подойди, спроси, чего они хотят!»

Джувьетта возникла мгновенно и живо поинтересовалась нашими вкусовыми пристрастиями. Поскольку мы знали, что в здешних местах когда-то водились осетры, то вежливо спросили, нельзя ли пожарить местной рыбки. А также выпить по рюмке «родного» коньяка.

– Нет, этого у нас нельзя! – ответила Джувьетта. – А вы хотите, да?

– Конечно.

– Так и говорите! Я всё сделаю.

Вскоре мы ели вкуснейшую осетрину из плескавшегося поблизости Каспийского моря и запивали её поочерёдно коньяками «Кизляр» и «Дербент». Жизнь стала налаживаться, и вот уже к нам подсел добрый и улыбчивый человек:

– Здравствуйте! Извините, что не подошёл вовремя. Я теперь всегда буду с вами. Разрешите представиться: М.М., проректор Университета.

– По каким вопросам?

– По нерешённым!

– Это как?

– А так! Всегда бывают нерешённые вопросы. Вот я их и решаю! Можете прямо сейчас сказать, чего вы хотите. И я всё сделаю!

В беседе с проректором мы спросили, почему у приветливой хозяйки ресторана такое экзотическое имя. «Решальщик вопросов» засмеялся:

– Потому что у нас люди очень непосредственные. Смотрели мыльный сериал, плакали-переживали – а потом дети: Лаура, Роза, Изаура, Барбара, Луиза, ну и Джувьетта, конечно...

Да-да, дорогой читатель. Вы угадали. Добро пожаловать в солнечный Дагестан! В Махачкалу, в Дом дружбы, на международный политологический форум «Российский Кавказ».

С уютным плеском каспийских волн наступил следующий день. Площадь перед Домом дружбы была огорожена, а проход осуществлялся через рамки-металлоискатели. Потом доступ и вовсе закры-

ли, потому что из Дома правительства, в окружении солидной группы автоматчиков, сюда направился глава республики – Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов. В сопровождении охраны он поднялся на сцену, где ожидали избранные гости: председатель Комитета по делам национальностей Госдумы России Гаджимет Сафаралиев, директор Института социологии РАН академик Михаил Горшков и президент Российской ассоциации политической науки Оксана Гаман-Голутвина.

Пока не началось действие, я решил подойти к сцене и передать Рамазану вот эти самые «Записки PRофессионала» «первого созыва», где вспоминал наши встречи в 90-х и начале 2000-х годов. Представьте себе, мы были знакомы довольно близко, встречались на площадках Международного пресс-клуба в период депутатства Абдулатипова, а также когда он занимал должности министра национальной политики и вице-преьера российского правительства. Вспомним? Отчего ж не вспомнить.

На тех встречах Рамазан беспрерывно шутил. Он умудрялся это делать даже во время серьёзных дискуссий. Как-то при обсуждении сложного вопроса межнациональных отношений Абдулатипов парировал острый выпад словами: «Подождите, так ведь это ваше личное мнение!»

Спикер, к которому адресовалась фраза, умерил свой пыл, но через некоторое время отреагировал уже на высказывание Рамазана:

– Но теперь это ваше личное мнение!

– Ну почему же? – возразил Абдулатипов. – Моя жена тоже так думает...

Когда доходило до застолий, ему просто не было равных ни в речах, ни в винных традициях. На раннем деловом завтраке предлагаю министру выпить сухого вина.

– А мы что, спать ложимся?

– Почему спать?

– У нас на Кавказе сухое вино пьют, когда спать ложатся.

– И что?

– Что?! Виски неси!

Запомнился один тост, который я слышал от Абдулатипова раз пять:

– В горах паслась отара овец, и вдруг в небе появился орёл. Он схватил одного из баранов и полетел вместе с ним, держа барана в когтях. Рядом проходил охотник. Он поднял ружьё и выстрелил в орла. Орёл упал. Но баран полетел дальше. Так выпьем же за то, чтобы орлы не падали. А бараны не летали!

Но то раньше. А теперь... Теперь моя попытка подойти к сцене была решительно пресечена охраной. Виноват ли в этом Рамазан Гаджимурадович? Конечно, нет. Такая взрывная республика, такой режим безопасности. Хотя гостеприимные дагестанцы беспрерывно повторяли: «И зачем про нас сочиняют всякие небылицы? Смотрите, как хорошо и спокойно вокруг!»

Наше пребывание и вправду ничем не омрачилось. А Рамазан... Рамазан был на коне. Он не «докладывал». Он не говорил. Он вещал. Сыпал собственными изречениями (какой восточный человек не любит изречения!), цитатами из Корана (какой бывший заведующий сектором в ЦК КПСС не знает Коран!) и рисовал золотое будущее солнечной республики. Абдулатипов хорошо знал, как его добиться: «Я говорю правительству: оставьте все нефтяные налоги в Дагестане – и тут будет как в Арабских Эмиратах. Не слышат!»

Вечером состоялся вполне демократичный банкет, куда Абдулатипов пришёл в белой черкеске с глазами и, без отвлечения на сказочную экономическую политику, посвятил себя тостам. А я снова попытался передать книгу, но охрана и здесь туго знала своё дело. Помог Зубайру Зубайруев – один из главных пиарщиков дагестанского лидера. Рамазан принял «Записки» и благосклонно, издали, кивнул...

Ну ладно, мои «Записки-2» – это, в конце концов, не вечер встреч, а рассказы о PR-проектах. Что же мы пиарили на политологическом форуме в Дагестане? Так понятно, что: российский Кавказ в целом. Обсуждали, как сделать его понятным, мирным, доступным, привлекательным. Что касается моей части, то она предполагала исследование информационной политики. Мы анализировали массивы публикаций о Кавказе в СМИ Германии, России и, отдельно, Северо-Кавказского федерального округа. Получились любопытные и в то же время прогнозируемые выводы: события происходят одни и те же, но информация о них идёт разная.

Вот как выглядел рейтинг «кавказских» тем, получивших наибольший отклик в общероссийских медиа: 1. Борьба с терроризмом. 2. Туризм. 3. Безработица. 4. Промышленность. 5. Миграция. В реги-

ональных СМИ тематическая «колода» была слегка перетасована: 1. Миграция. 2. Борьба с терроризмом. 3. Безработица. 4. Промышленность. 5. Туризм. Чуть больше формальных различий наблюдалось в немецких медиа: 1. Терроризм. 2. Борьба с терроризмом. 3. Права женщин. 4. Миграция. 5. Туризм.

А теперь внимание – сейчас вылетит «птичка». Вернее, сразу несколько «говорящих попугаев». Один из них (наш, конечно) рассказывает о том, что на Кавказе ведётся последовательная борьба с терроризмом. Выявляются и погашаются экстремистские ячейки, а иные террористы добровольно складывают оружие. Такие проблемы, как безработица и миграция, конечно, существуют. Среди причин называются и высокая рождаемость, и перенаселение, и преимущественно сельский тип проживания. Говоря о преодолении проблем, журналисты описывают планы и действия по развитию промышленности, туризма; дополнительные меры социальной поддержки.

А если поконкретней? Можно и конкретней.

«Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров заявил, что упор нужно делать на профилактике, а не на силовой составляющей. Он предложил давать награды не за количество уничтоженных боевиков, а за количество сдавшихся», – пишет газета «Известия».

«Новые известия» сообщают, что «в Чечне власти заняли очень жёсткую позицию по отношению к террористическому подполью, поэтому Чечня стала самым спокойным регионом России».

«РИА-Новости» освещают экономическую политику: «Среди мер по увеличению занятости: налоговое стимулирование, образовательные мероприятия, микрокредитование, развитие молодёжного предпринимательства, формирование региональных гарантийных фондов, развитие лизинга, создание бизнес-инкубаторов, грантовая и имущественная поддержка.

«Российская газета» фиксирует достигнутые результаты: «В прошлом году – на фоне не самой благоприятной экономической ситуации – промышленное производство в округе выросло на 4,5 процента. Показатель Северного Кавказа выше, чем средний по стране...»

Создаются специальные промышленные зоны. В Ставропольском крае намерены открыть в общей сложности 13 индустриальных парков, в Дагестане – четыре, в Кабардино-Балкарии планируют организовать особую экономическую зону в сфере текстильного и агропромышленного производства и кластер полимерной упаковки. Идея двух промышленных парков есть у руководства Чечни».

СМИ информируют о том, что на территории Северного Кавказа планируется построить семь горнолыжных курортов и пляжные курорты на побережье Каспийского моря в Дагестане.

Кавказский «попугай» проблемой номер один называет миграцию, а её причинами видит безработицу, низкий уровень зарплат и социальных услуг, межнациональную напряжённость, религиозно-политический экстремизм. Всплывает и не слишком очевидный мотив, под влиянием которого молодёжь покидает регион – это... информатизация. Странно? Ну, откуда посмотреть! С распространением Интернета люди больше узнают о жизни в других местах; о том, что она лучше здешней. А человек, ясное дело, стремится туда, где лучше. Что же надо сделать, чтобы не уезжали, а оставались? Ничего эксклюзивного: создавать рабочие места, развивать индустрию кавказского гостеприимства как бизнеса.

И вновь конкретика. «Вестник Кавказа» подчёркивает, что миграция миграции рознь. И проблема заключается не только в отъезжающих, но и в незаконно прибывающих на Кавказ. В основном на заработок в кавказские республики приезжают граждане из Узбекистана, Грузии, Азербайджана, Таджикистана, Вьетнама. У большинства мигрантов отсутствуют документы, регистрация и медицинская страховка. Отсюда ставится задача: не должно быть ни одного незаконного мигранта. Например, в окрестностях Магаса заработало специальное учреждение для временного содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы России по решению суда.

«Портал Южного региона» рассказывает о заседании в Ингушетии Национального антитеррористического комитета. Глава ФСБ Александр Бортников отметил двухкратное снижение террористических проявлений по сравнению с прошлым годом. «Нейтрализовано 158 членов НВФ, задержано 328 человек, ликвидировано 25 бандглаварей из подполья».

В то же время «Портал Северного Кавказа» указывает на сохраняющуюся остроту проблем: «Нарастает религиозный радикализм. Особенно в Дагестане, Ингушетии, Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках. На это указывает рост преступлений экстремистской направленности. Основные их причины – системные недостатки в воспитании и образовании молодёжи, рост влияния радикальных исламских организаций».

Но общий медийный тренд ориентируется всё-таки не на «оборону», а на развитие. Аналитические материалы РИА «Дагестан» показывают, что Северный Кавказ имеет значительные инфраструктурные, трудовые и сырьевые ресурсы; следовательно, при достижении политической и межэтнической стабильности регион может быть привлекателен для инвестиций. Внимание следует направить на четыре главные отрасли: сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, рекреационно-туристический и транспортный комплексы.

Но в словах «немецкого попугая» прослеживается кардинально иная картина. Кавказ – это, в первую очередь, очаг терроризма и кровавых столкновений. Кто же с кем воюет? Федеральные войска противодействуют исламистским фундаменталистам. Они вроде бы и плохие, однако только с одной стороны. С другой – борются за независимое религиозное государство. А что – имеют право, но российская власть не даёт его реализовать, отсюда все беды. Причины радикализма – бедность и политическая нестабильность. Жертвы террора – мирные жители, а также журналисты, критикующие коррупционную власть и государственно-правовой режим на Северном Кавказе. Следствие терроризма – безработица и миграция. Борьба с терроризмом имеет лишь ограниченный успех.

Опять приведу цитаты.

Начальник инспекции вооружённых сил Германии Ханс Дитер на своём официальном сайте пишет: «Путин говорит об “уничтожении террористов”. Но он должен знать: чтобы побороть терроризм, нужна особая программа по устранению социальных и общественных причин терроризма. У Москвы нет никакой программы».

«Spiegel Online» называет Россию одной из основных жертв терроризма. Жертвами становятся мирные жители. Наибольшее количество жертв – в Дагестане.

Проблема миграции переворачивается немецкими СМИ «с ног на голову». Оказывается, большая часть мигрантов отправляется в страны Евросоюза, а Германия занимает первое место по числу заявок от мигрантов. Пятая часть заявок поступает от граждан России, преимущественно жителей Северного Кавказа и прежде всего Чечни. Газета «Die Welt» назвала эту тенденцию так: «Террористы ищут убежище в Германии».

Среди топовых тем немецких СМИ – права женщин. «Вплоть до 90-х годов в северно-кавказских обществах существовал умеренный ислам. Но теперь доминирует “мужской исламизм”. Чеченский президент Рамзан Кадыров ввёл шариатские правила одежды для женщин. Нарушившие правила часто становятся жертвами покушений. Так, например, женщин обстреливали в общественных местах патронами с краской», – транслирует «Deutschland radio»...

Наверное, понятно, что главная война сегодня идёт не на фронте. Она идёт в мозгах и за мозги. В Дагестане, на Кавказе, в России, Европе и по всему миру. Построить завод, запустить туристический объект, привлечь инвестиции – прекрасно. Но не менее важно создать вокруг всего этого позитивное информационное поле. Значит ли это, что нужно закрывать глаза на проблемы? Совсем не значит. Просто нужно говорить о России как о своей, «нашей» стране, а не «этой», чужой. Вот такую PR-задачку мы и решали на форуме, а также после него.

Что ещё? Мы бродили по песчаному мелководью Каспия. Мы видели суровых и гостеприимных чабанов на высоких пастбищах. И далёкое горное село Кубачи, где делают известные всему миру ювелирные украшения. В двухтысячелетнем Дербенте, на знаменитом винзаводе, пробовали коньяк под названием «Гагарин». Он был старым и сладким на вкус, как и то время, когда коньяк начал выдерживаться и когда люди великой страны встречали первого в мире советского космонавта плакатами: «Юра, мы в это верили!»

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему...

Проза

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик, искусствовед. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премии им. С. Т. Аксакова (2019), премии им. Ф. И. Тютчева (2020) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

МУЗЫКА

Опера Партитура

Фрагменты романа

<...> **Tamburo militare**

Малый барабан. Военный барабан. Чёртова кожа.

Деревянный цилиндр. Старушьё дребезжанье. Дубовые палочки.

Первые оперы и первые симфонии. Первая музыка для королевских фейерверков.

Зачем им всем военный барабан?

А вот нужен. Человек не может без войны, ему нужно слышать её дребезг и лязг.

Россини, «Сорока-воровка». Траурный марш из Берлиозова «Гамлета». Без чётких, страшных ударов нельзя. Они – пульс земли. В неё мы все ляжем. Дайте срок.

Танцуй, Равель, ты болеро святое! Плащом от смерти я тебя укрою.

О, как бы чудесно было, если б тебя никогда не убили!

Ни на войне. Нигде.

Вместо ноты – нитка для твоих нот, военный барабан: под партией бубна, над партией тарелок.

(Ванду и Славу изгоняют из страны навсегда)

Хорошо, что она слепая; она ничего не видела.

Странное молчание обнимало её. Она слышала рядом с собой шорохи, покашливания. Лёгкий цокот каблуков. Ей казалось, вокруг неё встаёт опасное сияние, будто из её головы, от плеч и рук бьют струи огня, взвиваются вверх, к высокому потолку зрительного зала. А люди шарахаются от её огня; от сиянья её. Зачем сиять, когда можно прожить в подполье, серой мышкой? Зачем она поёт в лучшем театре мира, лучшую музыку мира? Ведь мир смертен. Как человек. Зачем каждому дано пройти по миру свой отрезок дороги, чтобы потом, не дойдя до конца, не добежав, подняв руки вверх, будто это уже не руки – языки огня, упасть посреди дороги? И люди пойдут дальше. Они переступят через тебя. Ты должна это помнить.

Ты, слепая певица.

Она не видела, как наполняется зрительный зал, как вливаются, льются люди в партер; как много в зале торжественно, нарядно одетой публики, и мужчин и женщин; мужчины в чёрных пиджаках и светлых смокингах, женщины в вечерних декольте, и жемчуга мерцают на голых шеях. А ведь утро! Утро, а не вечер! Это же не спектакль! Это генеральная! Она не видела, как торжественная вечерняя публика усаживается, как люди вынимают маленькие театральные бинокли и наставляют их на сцену, вертя головами, жадно выискивая на сцене её, Ванду. Это простая публика? Это не простая публика! Тут множество знатных, именитых людей. Товарищей? Гусь свинье не товарищ! И тебе не всякий – товарищ! Дружеское словцо, ласковое. Будто тебя кто похлопал по плечу.

Она ничего не видит, но слышит рядом с собой шёпот: тише, тише. Это ей шепчут «тише»? Или всем шепчут «тише»? Музыка, ведь это повинность. Как любая работа. Как любое искусство. Театр – корабль. Он или плывёт, или тонет. Земля тоже корабль. Страна тоже корабль; как быть, если её команда сбежала с корабля, словно бы это не матросы, а крысы? Она не крыса. Она Ванда Гаевская. Гаевска, как у неё в Польше говорят. У неё? Разве она знает, помнит своих предков? Одна из её бабок погибла в Освенциме. Ей бормотал пьяный отец: бабушку засунули голову в бочку с водой и так держали, пока она не задохнулась. Не захотели тратить на неё пулю.

Она не видела, как в зал всё входят и входят нарядно одетые люди, как важно рассаживаются в партере, обмахиваются газетами, веерами. Они послушают оперу с нею, с Вандой, и с вереницей других отменных певцов, а назавтра сядут за свои дубовые столы и будут строчить, царапать кляузы, доносы, гадости. А эти женщины? О, они станут – бабы. Они снимут и побросают в душный нафталиновый шкаф свои вечерние парчовые одеянья. Наденут ватники, фуфайки, синие и чёрные халаты, холщовые рабочие робы. И пойдут. Куда они пойдут? О, это целая опера. Под названием: «ТРУД ЛЕЧИТ ЧЕЛОВЕКА». От чего лечит? От какой инфекции? Тяжёлый труд, он что, такой же, как пенье в опере? Да! О да! Мешки со щебёнкой через рельсы потаскать – всё равно что оперу спеть! Точно так же спину надорвёшь!

Она не видит, как все смотрят на неё. Какими глазами. Она – слепой зверь в цирке. Вывели на арену, сейчас он встанет на задние лапы. Всем уже известно, что приму и её муженька выгоняют. Подумаешь, виолончелист в оркестре Большого. Пиликает и на свою жёнку из ямы смотрит. Переживает. А куда они сейчас-то? А вы разве не в курсе? В Америку. Америка большая! В Штаты. Нашли куда стинуть! Туда им и дорога! А вы зачем пришли на генеральную, если их так ненавидите? А вы? А вы?

Она сама заявление написала? А пёс её знает! Видимо, сама! Ах, какая наглость. Не ценит, матушка, родную страну! Мало ей Красная Звезда поблажек отвалила! А может, ей просто денег мало. Ну да, конечно, денег! Ах она жадина! Вот так они все, и эта слепая туда же! А может, её поводирь надоумил. Муж? А кто же ещё!

Она не видела, как в оркестровой яме появился дирижёр, только слышала, как он постучал палочкой по деревянному пульту, призывая к порядку и вниманью. Не видела, как дрогнули во многих руках бинокли, нацепленные на специальные палочки, чтобы рука не уставала: эти бинокли водились среди театральной публики ещё до революции, и в семьях бывших, расстрелянных и замученных в сумрачных тайгах, они ещё, выходит, сохранились. Не видела, как сцена заполнилась молчащим народом; тихо жался к кулисам хор, тихо, на кривых ногах, вышел вперёд старый шут Риголетто, исподлобья глядел на неё. Рядом с ней стояла верная Ева. Ева нашла рукой её руку. Как всегда, крепко сжала. Сейчас они пойдут вперёд. Только вперёд.

В храм я вошла смиренно... очи склонив в моленье! И вдруг предстал мне юноша... как чудное виденье...

Она пела, голос взмывал и звенел, а мысли под черепом ползали муравьями, сами по себе. Её никогда не проводят отсюда на заслуженную пенсию – с почестями, с орденом Ленина на красной бархатной подушечке, с громадными, величиною с клумбу, букетами цветов. Живых! Розы, гладиолусы, царские лилии. Пахнут одуряюще. Нет, не так. Её никогда, никогда в жизни не похоронят отсюда. Не загремит скорбный хор под красными сводами. Не возрыдает мрачный оркестр в яме, так похожей на беспросветную яму в земле. Не зазвонят благодные речи в её честь в полном народе фойе. Не вынесут её мёртвое тело из театра в обитый чёрным крепком грузовик, стоящий у дальнего подъезда. Не повезут, медленно и печально, на кладбище: куда? на Ваганьково? на Троекуровское? на Новодевичье? Должно быть, на Ваганьково повезли бы, там много лежит артистов. Джилда, пой! Звучи! Выбрось эти мысли вон! Ну, донос и донос! Ну, уедешь и уедешь!

Главное – со Славой.

Слова я с ним не молвила, но взоры сказали страсть мою! Во тьме ночной явился он, – томим мечтой влюблённой; бедным студентом назвался, робко и так смиренно...

Ах, вы, люди в зале! Вы бы с радостью на неё набросились. Вы бы стащили её со сцены, раздавили, растерзали. Били бы её долго и страшно, ногами под рёбра, в лицо; а избив, наклонились бы над ней и спросили издевательски: что, получила? ещё хочешь? а не делай так, как сделала! Нас – запрещено ненавидеть! Ты слышишь! Запрещено! Нас можно только любить!

Верди, она поёт Верди, а вот есть дивный композитор, Есаулов, да, Георгий Есаулов, ей играли его и пели, у него такие оперы, такие симфонии, а он уже успел посидеть за колючей проволокой, отбыл срок и вернулся, и его снисходительно обласкали, и к музыке – допустили, да строго предупредили: если что против нас будешь валять – мы тебе такого ваньку опять повалием! никогда не выйдешь на волю. Кто же не хочет воли! Воля – это ветер. Он дует в лицо, и тебе хорошо. Воля – это когда тебя целуют. Потому что любят.

Есаулов – гений. Слава сказал, он почти весь год торчит на даче под Москвой. Слава у него был; вместе с Евой; они играли маэстро – самого маэстро: Вторую сонату для виолончели и фортепьяно. Слава бормотал: старик рассказывал им байки про Сибирь, про Соловки, угощал их домашним мороженым, и Ева съела две креманки и ещё попросила, невежливо, Слава наступал ей ногой на ногу под столом. Композитор жаловался, что он один. Посверкивал глазами из-под круглых очков на бедную Еву. А она наяривала мороженое.

А они дружат? Кто? Ну, два гения. Есаулов и Шалевич.

Есаулов про Шалевича молчал. Ничего не говорил. Может, и дружат. А может, друг друга ненавидят.

Слава торопливо вышётпывал: старик плакал, когда говорил про премьеру своей оперы под названием «Перекоп». Ещё он написал оперу «Царская Семья». Ну это уже вообще ни в какие ворота! Он кричал: я поменяю название, только репетируйте! Репетиции разрешили. С тайным умыслом: провести генеральную, а потом раздолбать оперу про Царя везде, где только можно. Мало ли у нас газет! А радио вообще везде гремит! Даже на площадях! Песня о Ленине! Производственная гимнастика! Ванда, как же он плакал! «Жизнь за Царя», стонал он, ведь была же у нас в России «Жизнь за Царя»! Ты, подонок, кричали ему, ты получишь у нас «Смерть за Царя»! И это пламя взвилось, едва отзвучал последний аккорд генеральной репетиции. И пошла, закрутилась репетиция смерти. И что? И ничего! Ты же видишь, его оставили в живых! Не расстреляли! И на свободе! Не упекли!

Мне он в любви и верности поклялся навсегда!.. Исчез... а я... Грёзам любви предалась... тем грёзам, что сердце так пленяют...

Джилльда тут должна закатить глаза. Или умилённо взглянуть на старика отца. Ванда ничего этого не делает. Она поёт. Она просто поёт.

Сколько изумительной музыки не увидело свет! Сколько пропало фильмов, картин, стихов. Их просто сожгли. Где? Да где угодно: в печке, в костре на опушке зимнего леса. Стихи, ведь они пишутся сердцем. Его драгоценной кровью. Это трюизм, всё понятно, чем же ещё, скажите, их писать? Да они и не пишутся: рождаются. Как младенец. Как песня. Когда тебе одиноко, ты поёшь песню. И когда счастлив, тоже поёшь. Сколько счастливой музыки не отпраздновало под луною своё живое счастье! Её оплели колючкой, выкопали ей яму, бросили туда и забросали землёй, хлоркой, аммиаком, дырявой обувью, битым стеклом.

Ванда, пой. Голос свободен. Он – счастлив. Пой, чтобы сказать людям: счастье – есть, даже под лезвием ножа, под ружейным стволом.

Действие – это время. Время – это жизнь. Жизнь – это смерть. Твой любимый Верди сказал: в жизни есть только смерть. Слава прочитал тебе эти слова из книжки про Верди; и вдруг замолчал. А ты спросила тогда: что ты молчишь? И Слава сказал: я не могу говорить.

Она не видела, как на сцену из картонного дома выбежал тот, кто должен её убить. Потом опять вбежал в дом и следил за ней из картонного окна. Разбойник; нанятый бандит. Убийство, что оно такое? Лик дьявола. Просто его чёрный лик, и он узнаваем; такие лица художники не рисуют, запрещено; Слава сказал: сатану малюют только на иконах, чтобы верующие знали, как выглядит зло. А как, тихо спросила однажды Ванда. Они сидели и пили чай, и за окном сгущал синева зимний вечер, и дома было холодно, и кряхтели, стонали обе больные старухи за стеной: бабка и прабабка. Расскажи,

сказала Ванда. И Слава сказал: такой, знаешь, чёрный чёртик, будто в костре горел, и обгорелого, как головешка, кочергой вытащили, с рогами, худющий, рёбра торчат, вместо ступней копыта, как у козла. Рожа страшная, скалится. А его святой какой-нибудь гонит плетью. Или прокалывает копьём. Стой, вспомню, кто копьём-то колет. А, да, Михаил Архангел. Ах нет, и ещё знаешь кто? Георгий! Георгий Победоносец! И он бережно вложил ей в ладонь маленькую, как раковина рапана, старинную фарфоровую чашку с горячим чаем. И спросил: ты не обожглась, родная?

Она поёт. Она Джильда. Она смотрит на старика отца, шута Риголетто; делает вид, что смотрит. На самом деле она смотрит внутрь себя. Туда, куда обычным зрячим людям смотреть не велено. Запрещено.

Из ямы вздымается волна горячей музыки. Она подхватывает Ванду, несёт. Верная Ева тут. Пусть народ в зале думает: это ещё одна служанка. У Джильды есть служанка Джованна, так пусть эта будет, к примеру, Джемма. А что она всё время молчит, не поёт? Да она же немая. В либретто у Верди был такой персонаж; только сейчас режиссёры не выводят Джемму на сцену – лишние хлопоты. А вот в Большом – вывели. Не правда ли, красиво?

Ева, как кукольник, поднимает руку Ванды и направляет к двери. Ванда сжимает руку в кулак и громко стучит. Она знает: за дверью тьма. И надо предупредить возлюбленного о том, что тьма... Убийца распахивает дверь. За герцога слёзно молила сестра. Убийца сказал: я оставлю жизнь твоему брату! Я убью первого, кто постучит в мою дверь!

Стук в дверь. Сейчас она распахнётся.

И она – распахивается.

Служанка отпрянула и упала наземь. Убийца обнял Джильду, сверкнул нож. Софиты удачно выхватили блеск лезвия из мрака. Джильда не поняла, как её убивали. Холодно это, жарко, больно или никак. Она же Джильда, а не Ванда.

Она, так велел режиссёр, тихо опустилась на землю. Ну, значит, на доски сцены. Старалась не дышать. Ведь она же мёртвая. Нет, дыши, ты ещё не умерла, ты умираешь. На умирание нужно время.

Она лежала на досках. Почувствовала, как на неё натягивают пыльный мешок. Мешковина пахла мышами и немного рисовой пудрой. Ещё чуть – одеколоном «Кармен». Её цапнули за ноги, за щиколотки, и потащили. Затылок больно бился о доски. Только не застонать. Сейчас уже кулисы. Вот сейчас.

...мы сейчас улетим из нашей страны мы в ней жили сколько там тысяч лет будем звуки через тьму не слышны через плотный мощный слоями свет мы сейчас улетим разве ангелы мы записали нас в небесный реестр попросили мы панихиду взаймы – а нам дали на память целебный оркестр уврачуеет раны наложит швы а быть может из небытия воскресит мы избегнем тления но увы не избегнем ячеи трясущихся сит Мы не вынесем самолётный гул ни вдали ни вблизи ни уже внутри ты слепая ты музыки вьючный мул ты давай подруга в себя не смотри это настрого насмерть воспрещено это быстро карают не успеешь и ах! – тихим выдохом – а уже на дно опускаешься с веткой сирени в зубах Ты Офелия Джильда Изольда Кармен все кто хочешь и кого не хочешь хотя только то что тебе разрешает плен только то что больно бьётся в горсти Мы страдали здесь мы любили тебя золотая красная ты земля улетаем кладут наши тела в самолётный гроб на борт корабля Будем помнить на сколько суждённых лет васильки во ржи и гимн поутру и военный салют а смерти-то нет не умрёшь любимый и я не умру Не умрёшь наша родина она – это мы гнуто-бито всё вдоль внутри поперёк улетаем плачь не возмёмшь ни взаймы ни на память твой во ржи василёк

...Слава ни с кем не хотел ни видаться, ни прощаться. Он понимал: прабабку и бабушку может больше не увидеть. Улететь навсегда, что это? Как это? Все дни до отъезда навсегда они прожили в квартире, где тихо угасали Славины старухи. Раздался звонок. Он медленно взял чёрную тяжёлую, как гиря, трубку. Услышал в трубке голос. И тут же трубку на рычаги бросил. Звонок загремел снова. Ванда ровно сидела в кресле, не прикасаясь спиной к обитой фланелью спинке. Ушки на макушке. Сейчас важно не ошибиться. Верно, правильно вести себя. Ванде не понравится этот разговор. Надо уберечь её от этого разговора.

Звонили долго. Наконец звонок умер.

Слава готовил на крошечной кухне обед – варил зелёные щи, жарил навагу. По квартире разносился терпкий рыбный дух. Слава подумал, разбил яйцо и залил навагу яйцом. А потом ещё покрошил в сковородку зелёный лук. Рыба по-польски, он так и скажет милой Ванде: рыба по-польски, прошу любить и жаловать, её так обожали твои благородные предки.

А может, предки у неё были крестьяне, что сам себе мелешь.

А что, крестьяне не ели навагу? В особенности – поморы?

Померания... померанцы... земля апельсинов, что ли... Скалы, ледяное море, свинец волн...

На подносе он внёс кушанья в большую комнату, она же их с Вандой спальня. В маленькой спальне лежат обе старухи. Они уже обе лежащие. Сейчас он будет их кормить. Но сначала Ванда. Ванда – прежде всего.

– Родная, я приготовил тебе рыбу по-польски! Но сначала... сначала...

Она уже весело морщила губы. Делала вид, что радуется.

– Сначала – весенние щи! Щавель, крапива... пальчики оближешь!

Он налил щи из супницы в глубокую алюминиевую, будто лагерную, миску. Такую миску удобно было держать самому, когда кормишь кого-то беспомощного; и Ванде удобно было держать её за круглое, выпуклое дно.

– Поешь! Поешь, пожалуйста!

Ванда сидела всё так же, ровно, недвижно и молча. Как кукла. Кукла Олимпия в опере «Сказки Гофмана».

– Вандочка. Ты не переживай. Я договорился с соседкой. Она будет ухаживать за нашими старушками. Я заплатил ей аванс. И будем оттуда... из Америки... пересылать. Аккуратно!

Ванда молчала. Слава подсел к ней, осторожно держал миску. Ложкой зачерпнул щей, медленно поднёс к Вандиному сомкнутому рту.

– Вандуся... Ну что с тобой... Хоть глоточек... Есть-то надо... Чтобы – жить...

При слове «жить» она вздрогнула. Вся: всем зрячим телом. Повернула к мужу лицо. Слепые глаза глядели внутрь себя.

– Жить? А разве мы живём?

Слава уронил ложку в тарелку. Опустил голову. Щи, сквозь алюминий, жгли ему ладонь.

– А разве...

– Мы только делаем вид, что живём. Чтобы друг перед другом не было стыдно. Мы – не живём. Только она живёт.

– Кто – она?

Слава спросил – и понял.

– Музыка. Мы все уже настоящие. Она одна – настоящая. И в этом ужас.

– Почему – ужас?

Ванда ползала слепыми руками по столу. Заплетала кисти скатерти в косичку.

– Потому что мы так её играем и поём, будто с ней – прощаемся. И это правда. Правда. Прощаемся. И больше не встретимся.

Слава медленно поставил миску с зелёными щами на скатерть.

– Почему – не встретимся?

– Она тоже станет настоящей. Через какое-то время. Скоро.

По его лбу тёк холодный пот.

– Как это – настоящей? Почему – скоро...

Глаза Ванды медленно перетекли, два опала с алыми огнями внутри, с пристального наблюдения души на попытку притвориться, что она видит лицо любимого мужа.

– Стариков перестанут исполнять. А новые композиторы пишут настоящее. Подделки.

– Господи, Ванда, какие ещё подделки...

– Такие, – тихо, нежно и твёрдо говорила она. – Якобы музыку. Ноты, и их играют, и звуки летят, плачут... смеются. Воздух звучит. Всё как в настоящей музыке. Только...

Она замолчала.

Молчала долго.

Слава терпеливо ждал.

Потом не выдержал.

– Что – только?

Её глаза то прозрачнели, то жемчужно мутнели.

– Только без сердца.

И он понял. И вытянул руки над столом, над миской, над которой ещё поднимался пар; и грел руки, и мёрз, и дрожал, и сожалел, и боялся, и восставал, и смирялся, и плакал без слёз.

В аэропорту их провожало немного людей. Ванда запретила приезжать в аэропорт к отлёту их рейса. Стояло холодное дождливое лето, Ванда дрожала, как заяц; Слава нарядил её почти по-зимнему – в шерстяную шапку, в короткий полушубок, укутал ей шею в тёплый шарф. Немногие люди стояли посреди мраморного светлого зала. За стеной слышался гул. Самолётный оркестр играл небесную музыку. Бил и бил маленький военный барабан. Крошечный жестокий барабанчик. А барабанщик где? Почему мы его не видим? А потому что у нас нет глаз. Их выжгли. Навек. На последней войне. Люди подходили к Ванде и Славе, обнимали их, целовали, но всё это было незачем. Объявили посадку на борт. Слава крепко взял Ванду за руку. Пойдём, моё чудо. Моя жизнь. Ты моя настоящая. Он увидел угол её улыбающегося рта. Нет. И я тоже ненастоящая. Я же слепая. Я же не вижу, что было, что есть и что будет.

* * *

*БЕТХОВЕН: ДЕВЯТАЯ СИМФОНИЯ РЕ-МИНОР
ALLEGRO MA NON TROPPO, UN POCO MAESTOSO. MOLTO VIVACE.
ADAGIO MOLTO E CANTABILE*

Да разве можно внутри оперы – симфонию?! Мне всё можно. Роды и агонию. Летит с небес музыки обвал! Ну, прячьтесь, крысы, в трюм, в подвал. А мне – этот ветер. А мне – эта война! Раскинув руки, на юру – над рекой – одна. Музыка хлещет, наотмашь бьёт. Жесток народ! Милостив народ! Ему ты родная – а чужачкой зовут: на всю музыку, на все ноты земных минут... Аллегро! Грохот! Седая пыль! Клонитесь звёзд горький ковыль. Я одна – на животе – сквозь небо – ползу: под выстрелами света, вверху и внизу! Тихо, музыка!.. Не слышит. Орёт. Слышите, люди! Я – народ! Тяжёлый вой... камнепад... звездопад...

Я. Никогда. Не вернусь. Назад.

...о, скерцо бешеное, лукавое, беги со славою, пари над кровавою, любимой державою, я только погонщица, колонна танков и конница, я битва Курская, слеза я русская, а звёзды – красные, а музыка – ласкою, моя несчастная, моя прекрасная, моя, вся вспыхивающая Сиянием Северным, моя, вся вздыбленная щавелём и клевером... Павлиний хвост мой... частушки жадные... А над затылком моим – трубы чадные... Ты, скерцо потное, всё в задыхании!.. такая наглая... такая яркая... такая кроткая... и нет прощания... А смерти, девка, нет – ты брось, не мучайся: вместо смерти – святая музыка...

...всё. Оборвался бег. Ты лишь человек. Ты завтра – женщина. Вчера ты плод. Утроба вечная, горячий плот. Ты завтра – мелодия, ты нотный стан, по жизни голодная, налей стакан. У храма Музыки – в рюмочной той – садись, не мучайся, пребудь святой... такой молоденькой – пред старцем тем... бормочет, родненький: зубёшек нетути, совсем я немощный, пускай голодненький, да хлеб не ем... Плывёт Адажио... Бетховен, стой... томимый жаждою... со мною – пой... Твоё Адажио... нет, врешь, моё... для сердца каждого... в поту бельё... Слезьми омоченный святой платок... Убрус измученный – кровавый ток... Ты только Спас мне, глухой старик... твоя мне ласка... твой дикий крик... Твоя мне музыка – руки раскинь: пылает мужество, и жжётся синь, и это небо, полмира судьбы – и справа, и слева, внизу – беги! – и выше, сверху, боль... водопад... Я твоя вера. Я твой солдат.

<...>

* * *

Saksofon

Адольф Сакс, низкий тебе поклон, земной поклон тебе.

Весь двадцатый век тебе кланяется.

За твой саксофон.

Золотая твоя сирена. Слёзы поют. Смех поёт.

Золотой шёпот горит и гаснет.

Хиндемит, Прокофьев, Рахманинов, Дебюсси, сам великий Шалевич тебе поклонялись и перед тобой преклонялись.

Перед изогнутым древним золотым иероглифом, любовным саксофоном твоим.

Саксофон поёт – и жизнь продолжается.

Даже если она уже кончена.

Что за чудо?

Саксофон, ты чудо. Простое чудо из металла, позолоты и воздуха.

Звучи. Ты – голос. Я сплю, и ты мне снишься. Всегда.

(Людвиг и его жизнь. Ария)

Я родился в Империи. Я не знал ничего другого, кроме правил моей родной Империи и правил музыки. Я слишком рано окупился в музыку. Ей меня учили, а потом я сам стал учить её. Я стал учить её быть, а потом не быть, но она всё равно хотела быть, рвалась из-под моих пальцев и жила, и была, и страдала помимо меня. А я был так, сбоку припёка.

Рояль. Это я, только чёрный и деревянный. Когда красный, когда белый. Но всё равно рояль. Во мне струны, во мне колки и механизм педалей, и я звучу. *Allegro con fuoco, Vivace, Presto, Prestissimo!* А потом вдруг *Cantabile*, и скорбная поступь *Marcia funebre*, и безумная печаль *Largo e mesto*.

Я понимал: из реальности, из всего настоящего я делаю нечто, не выдуманное, нет! ещё более настоящее. Более чем настоящее. Музыка – это карта, территория. Но это и воздух над ней: им можно дышать, нужно дышать, иначе – поддельная смерть.

По-настоящему ты умрёшь только за гробом. После твоей смерти. Когда ты сдохнешь, и тебя закопают десять, ну двадцать, ну сто, а может, пара человек, отчаянно рыдающих, делающих вид, что они не переживут тебя. И когда ты уже будешь там, внутри твоей музыки, внутри земляного чёрного рояля. Будешь лежать спокойно, мирно! Не потревожишь людской окоём.

И вот тогда! Внимание! Тогда ты или умрёшь, или не умрёшь.

Это зависит от того, как ты звучал на земле. Что пел, как струной дрожал, чем клялся-божился, каких птиц с руки кормил.

Думаете, музыка безъязыка?! Звучать тоже можно по-разному. Можно исходить ненавистью, брызгать ядом, но прислонять друг к дружке очень много красивых, роскошных даже нот! – и всё это будет музыка. И люди будут её слушать! Впивать яд всей кожей, всей душой! И что? Что? Опасно это? Или так, ерунда?

Кто такой музыкант? Сидящий на берегу забытой речки Иппокрены Орфей, бряцающий по струнам кифары, поющий убийцам живую нежность и великую боль, или такой вот чёрный аггел, ненавистник, и для него люди – жертвы, овечки на закланье, он их охмуряет, усыпляет, роняет им в их разверстые бедные внутренности чёрные зёрна злобы? Кто такой я?

Я сам по себе? Или я отражаю кого-то? Бетховена, Вагнера, Малера, Баха? Чей я двойник? Я всего лишь чёрная нота. Чёрная книга. Или насквозь светлая, золотая? Я знал чёрных людей, они кричали на весь свет: я хороший! я хороший! любите меня! превозносите меня! А сами за угол – и закручивают рукава до локтей для труда новой смерти. Нового ужаса.

Я сын Империи, и я горжусь Родиной. Её силой. Она слишком сильная, чтобы её можно было прихлопнуть, захлопнуть чёрной крышкой, как отработанную, беззубую клавиатуру.

Мы – поколение. Нам надо прозвучать. После нас явится другое. Оно тоже захочет звучать. И так хотят звучать, быть, жить, плакать, а чаще – радоваться хотят, все, все, все. Все! Неужели кто-то есть такой, что этого всего не хочет! Если не хочет – кидает всё это к чёрту, выбирает путь, которым уйдёт. Отрава, петля, мост и река, бритва и тёплая ванна. У кого есть огнестрельное оружие – тому пуля. А сколько я знал ребят, которые просто спились! Просто – спились – подчистую. Сгорели, как спирт в рюмке, подожжённый для смеху спичкой.

Синее пламя. Как небо в солнечный день.

Меня Империя не посадила за колючую проволоку. Я жил себе и жил. И вот сейчас живу. Я ещё молодой. Я ещё столько музыки напишу! Я рояль, и я же пианист, я играю, это значит – звучу. У пев-

цов наших есть такое словцо, они его друг другу говорят перед спектаклем: звучи! Я сам себе говорю тихо: звучи. Звучи, Людвиг. Недаром тебе родичи такое имя дали. Бетховена так звали.

А может, я и есть Бетховен. В меня его дух переселился. Мне от этого страшно. И радостно.

А потом я думаю: ерунда всё!

А разве рояль может думать? Он может только звучать.

Люди, вот сижу один, передо мной бутылочка, уже наполовину пустая, а может, наполовину полная, как говорят оптимисты, а я кто, пессимист, может, это значит меланхолик, нет, я не алкоголик, я не сопьюсь, и не надейтесь. У нас в семье были алкоголики. И самоубийцы были. И даже убийцы: один мой украинский дед, запорожский казак, горячий, по преданию, сущий огонь, узнал, что жинка изменяет ему с его лучшим другом, взял и зарубил её саблей. Это семейный рассказ такой, я его с детства помню.

И за колючую проволоку в нашей семье сажали тоже. У меня отец сидел. Чудо, что вернулся. Умер, когда мне было четырнадцать. А я родился, когда умер усатый Вождь всех времён и народов. А четырнадцать мне было, когда Империя праздновала юбилей, ей стукнул полтинник.

А знаете, кого я больше всего из нынешних композиторов люблю? Думаете, Шалевича? Или Матросского? Или Груздева? Или Есаулова? Вот и не угадали. Я Риттера люблю. А почему? Скажете, он пианист? Исполнитель? Да, исполняет чужую музыку! Да вровень с композиторами встаёт.

Когда он играет Бетховена, он – Бетховен.

Бетховен, это такая музыка, выше и сильнее её, может, музыки нет. Ну, поспорьте. Ну, поссорьтесь со мной. А я сяду за рояль и зазвучу. Буду играть вам *Missa solemnis*, буду играть *Adagio* Девятой. Багатели буду играть, баловаться. Так, безделки, а прошибают навывлет. Как пули. Пули!

Они тоже звучат. Я слышал их свист. Отец слышал их свист.

Наврал я вам. Больше всего люблю отца. А никакого не Риттера. Отец мой, он тоже музыку сочинял. И тоже импровизировал, как и я. Или это я, как он? Простите великодушно, перепутал времена, лучше я себе ещё рюмочку налью. И закусь у меня на тарелочке мощная: такая, как надо: два кусмана селёдки, сам потрошил, нарезанный кольцами лук, ломоть ржаного, и ещё луковица целенькая лежит, чищенная, от неё можно откусывать, это сладко, когда в лук вгрызаешься, молотишь его зубами. Как отец всё время говорил: грызи, цинги не будет.

Цинга, и лагерные песни, вы что думаете, люди за колючей проволокой не поют?! Ещё как поют. Обо всём поют. Каждый хочет спеть, пропеть весь мир, не только себя. Я – кто? Я – тьфу! Песчинка, монада! Сдохну, и никто не заметит! Прихлопнут мошку! А вот мир – он будет жить. Если повезёт, то – всегда.

Звук. Шум. Стих. Шёпот. Вопль! Песня – слушай, песня, это всё ты. Брось песню за решётку, она станет человеком. Песня, дальние дорогие, погибшие миры, вечно живые ели и сосны на юру, живая тайга, посреди тайги озеро, оно цвета синего огня, горящего спирта. Озеро не выпьешь. Ничего не присвоишь, не сожрёшь, не вылакаешь, ты об этом знаешь?!

Я так помню моего отца. Мой отец плевал на официоз. Он и в лагере музыку сочинял. Всем сердцем! У него оно только и было, сердце – для записи: вместо нотного листа. Каждый день – зарубки на сердце, ноты на сердце, шёл на работу и сердце себе когтями процарапывал. Музыка, у неё тоже есть когти! Ой-ёй-ёй как тебя когтят! Выходишь из её холодного моря на берег, весь исполосованный. И эти царапины, порезы не лечатся. Ты тоже – лист нотной бумаги. Она драгоценна. Её нигде не достать, не купить. Отец сам расчерчивал в лагере нотоносцами страницы, что кто-то злой вырвал из Библии семнадцатого, а может, восемнадцатого века, и прямо на них, поверх старинных гнутых буквиц, нотоносцы рисовал. Карандаш – раздобыл. Только записи те быстро стирались. А вохра нашла – из рук вырвала, в печке сожгла, а кто, на глазах у отца, крутил из клочка партитуры козью ножку, насыпал туда махру, отцу подмигивал, а может, материл его в бога-душу.

И курил. Отцовскую симфонию курил.

Искуривал в пепел.

Я часто думаю про себя. Вот я, птаха малая. Ну выродили меня на свет. Спасибо родителям моим, и я этот свет увидел. До рождения и после мы не будем видеть ничего. Пустота. И тишина. Полная, чёрная тишина. Не то чтобы я в Бога не верю. Я – тихо верю. Никому не говорю. Но верю! Без веры человек не может. И жить, и умирать. В пятнадцать лет я уже умел умирать, когда остался один, без отца. Он слишком рано ушёл. Мог бы ещё пожить. Для меня? К чёрту меня. Для музыки.

Вот думаю. А если бы меня – били? Там – били? Вынес бы я? Самому не уйти в тишину. Не дали бы. Сами бы – прикончили. А ты ни на что не имел права. Ни на что. Даже на свою жизнь.

Поэтому музыка была – единственной свободой.

Там перешёптывались. Перестукивались на пересылках. Там просто молчали. Молчание – это тоже музыка. Музыка без музыки.

Молчи месяц. Молчи два. Молчи тише, чем трава. Водорослью – в реке. На расстреле. На шнурке: сладил крепкую петлю. Не сорвусь. И не люблю. Только слышу голоса. Только слышать мне нельзя.

Охрана носила войлочные тапочки. Чтобы узник не слышал, как подходят к нему.

Тишина. Мёртвая.

Вы думаете, если музыка звучит, то она вся живая?

Музыка окликает тебя. По фамилии. Тебе надо выпрямиться, даже если у тебя болят спина и ноги, вытянуть шею и крикнуть на всю музыку: «Я!»

Там кричали от боли. Когда били. Кричал бы я? Слыхали ль вы за рошей глас ночной певца любви, певца своей печали? Это поют в начале «Евгения Онегина», у Чайковского, и мне в детстве казалось: слышали лвы. Лев тоже кричит, рычит, когда его терзают и убивают медленно. Лучше, когда убивают быстро. Самая тяжкая медленная смерть.

Они кричали, а солдат ставил пластинку на патефон. И музыка играла!

Господи, какая музыка играла! Под крики. Или крики – под музыку?

Стук, стук в стены, молоточки рояля, рояль я, ведь тоже ударный инструмент. Клавишно-ударный, ни больше ни меньше! А вы как думали! Выпьём!

Рюмка на просвет – глаз щурится. На водку на просвет больно глядеть. Она искрится в хрустале, как алмаз. Я видел алмаз «Шах» на выставке. И алмаз «Орлов» тоже видел. Раньше, давно, его носила императрица. Империя сияла в её лбу. Или на груди, всякое может быть. А потом алмаз превратился в водку, и я его выпил. И другие – выпили. И на морозе стоять было очень холодно, а от алмаза внутри стало люто, жарко. Там чувства все укрупнились. Разрастались внутри, обвивали щупальцами, змеями твоё тело, у тела была по музыке тоска. Вместо музыки звучали чувства. Слух улавливал ход муравьёв в муравейнике. И даже ход звёзд. Звёзды текли в полночи по кругу, обтекали Полярную, Полярная яркая, страшная, втыкалась в глазное яблоко, прямо под веко. Но и, ослепнув, человек там – видел.

Отец говорил: там арфистку встретил одну, ещё на пересылке, она раньше играла в оркестре на радио... она на нарах ночью услышала музыку. Неслыханную! И ей так захотелось её сыграть! Она к отцу метнулась, ей сказали: вон композитор, она приникла к нему и неслышно забормотала: я вам музыку напою, запишите, запишите! Охранники засвистели, навалились и оттащили её от отца. Он запомнил только её голос, отчаянный шёпот. И больше ничего.

И потом он записал это музыкой.

А её нигде не исполняли. И не сыграли никогда.

Стоп! Стоп, машина, задний ход! Ещё по одной. По маленькой! Нет, я в своём уме, ха-ха, и ни с кем не выпиваю. Я пью один, но я не алкоголик. Я просто так. На помин души.

Эшелон, он вёз людей, а колёса стучали, стучали. Маленький барабанчик, высокие ноты литавр. Бетховен любил литавры. Я тоже люблю. Литавры – это сердце. А я, рояль, – я тело земли, её буйные волосы, её разинутая пасть, её язык, высунутый, обжигаемый ветром. Снег идёт! Я кричу. Мне пьяно. Мне душно, широко, залиvisto и скорбно. Тук, тук, тук-тук, тук-тук-тук. И так без перерыва. Возок нас везёт. Он нас увозит. Это наша общая песня. А не красный великий гимн. Теперь не «Интернационал», с ним же воспрянет род людской. Теперь другой. А вот не смейтесь, эпоха сдохнет, а её музыку будут помнить. И петь.

Это наши песни! Вы не отнимете их у нас!

А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер! Мы рождены, чтобы сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор! Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры, дети рабочих! Там, вдали, за рекой, загорались огни, в небе тёмном заря догорала! Сотня юных бойцов... из будённовских войск... на разведку в поля поскакала... Выпьём! Близится эра! Светлых годов! Клич пионера... всегда... будь готов...

Отец говорил: тоска по музыке страшная. Всё стучит, гремит, орёт и гибнет в тишине, а музыки нету. Он говорил: чайки над серым морем орут, и это наваждение. Страшный сон. Полуденный кош-

мар. Он пробовал молиться. Молиться его никто не учил. А сам он не научился. Я – уже могу. Не то чтобы умею. Что попало, бормочу. Но – Богу бормочу. Он меня слышит. Верю.

Море откуда? А то Соловки были. Соловецкая пересылка. Выпьём!

Музыка моя, она такая сначала складная, сначала она гармония, а потом нескладная, рвётся по швам и без швов, ветхая, кричащая, во весь оскаленный рот вопящая. Швы рвутся, трещат и хрипят, а я их сшить не могу. Не смогу. Никогда. Молюсь: ты, Бог, не ударь топором по роялю, по мне, не расколоти в щепу, зубы-клавиши не поруби. Люби меня! Люби! Я же такой огромный, Твой рояль, я величиной со всю землю, с небо! На мне, внутри меня, под ногами моими, под всей чугунной жаровней моей живут – дышат – умирают – воскресают – копошатся живые – сплошняком, коврами на полмира живые – люди и звери – чирикают бедные птицы – жар-птицы, знатные, богатые, громко хлопают могучими крыльями, улетаая на родину, в Рай – воздвигаются сами собой города – дворцы – плотины – сами собой начинаются лютые войны – и сами собой погибают в дыму и руинах – медные струны звенят и поют золотые – я рояль, я всего лишь рояль, инструмент, я дрожу мелкой дрожью, вибрирую, таю и гасну, я звучу не напрасно – я свет – я уж не мир, а миры – сотни, миллионы миров – я жив до поры – смертно всё, и мне суждено – крышку откинь – я окно – в безглухоту – в бесслепье – в бесславье – в бессмертье – в чистую – белую – золотую – чёрную пустоту – звучи – иди – туда – за черту – за время своё – за чёртово нищее время – за великие горы – за ярость простора – за флаги отваг – за рыдание хора – жизнь песней разрежь на эту, на ту – на маяту, красоту – я уйду, но приду – я вернусь – себя мне не жаль – люди – люди – я только ваш старый рояль...

Эх! А забирает! Хороша водочка. Да и закуска хороша. Водка, селёдка, что может быть чище и светлее? Как им там хотелось выпить! Представляю. Нет, вы не думайте, я не сопьюсь, я знаю меру, я в юности не пил, только в Консерватории водяру распробовал.

Чайки! Соловки! В детстве, когда я слышал: Соловки, мне слышалось: соловьи. Острова соловьёв! Соловьиные трели! А там вокруг узников толклась куча народу: чекисты, охрана, бригадиры. Заключённые чувствовали себя монахами, которых погнали на каторжные работы. Так отец говорил. И при этом плакал, уронив лицо в ладонь. И пил. Пустоту запивал. Если б можно было, он бы носил на шее колючку, как гайтан. И медный староверский крест. Но он крест не носил. Ни на нитке, ни на цепочке, ни на гайтане. Ни на чём. Запрещено. Когда вернулся оттуда, купил в церковке около Консерватории, и носил; в баню пошёл, с него мужик, может, поддатый, крест сорвал и в банный сток зашвырнул. Так рассказывал. Я тогда очень маленький был. Сталин умирал, а я уже был.

Отец говорил: кого в карцер сажали, тот сочинял песни.

Это странно, но это правда.

Там ведь очень тихо, в карцере. Тишина. И приходит музыка. И с ней слова.

На пересылке, на северах, ещё били в небесной выси, на скелетных колокольнях, неубитые колокола. Они людей будили, потом сзывали на обед. И точно, как монахов. Колокола не сорвали, оставили на пустынных колокольнях. Звон. Звон. Колокольный звон. У меня есть одна импровизация. Я её запомнил и играю, но никогда нотами не записал. Играю каждый раз по-другому. Колокола – называется. Да! Рахманинова вспомнили?! Ну вот и я вспомнил. Но я отца помню лучше, чем Рахманинова. Острее. Больше. Страшнее! Колокол бьёт, плывёт – это страшно! Это ты весь плывёшь! Ты живой, окровавленной лодкой уплываешь в серое, холодное море! Ты потонешь! Недолго тебе! Но плывёшь! А что остаётся?! А колокола звенят, гремят! Плывёшь под музыку сфер! Так небо гудит. Люди догадались, отлили колокола. Это гул и гуд облаков, звёзд. Мы же ими всеми станем. Мы! А я – об этом – сыграю!

Охрана на Островах была в колокола, а в Кеми когда узники пребывали, там били в голую рельсину. Это означало: стройся! Кто в карцере сидел – вздрагивал. В кромешной тишине это всё же была музыка.

Чтобы не сойти с ума, люди рассказывали друг другу истории. Иногда пели песни. Очень тихо. Иногда сочиняли стихи. А шептали их – себе. Им хотелось гармонии и счастья. А ещё – свободы. Когда поёшь или говоришь в рифму, ты свободно паришь в пространстве, во времени. Времени уже нет. А есть ты. Цветок раскрывается в тебе. Его лепестки шевелятся ритмично. Ты уже не обезумеешь. Музыка спасёт тебя. Музыка – свобода.

А ещё музыка – частокол. Нот, звуков, распевов. Это храмовое строчное пенье. Демество. Звучащие крюки. Ты внутри музыки, и она отгораживает тебя от смертных мук. Спасает! Не хуже Бога. Может, музыка и есть Бог?

Да, Бог. Да, Бог! Когда я звучу – я понимаю Бога.

Ах, меня баландой окормляют – колоколом будят по утрам – я монах или узник – я не знаю – а душа открыта всем ветрам – сидор сшил себе иглой тюремную – завтра нам в Сибирь, в еловый дым – чайка, не кричи – а стань царевною – чтоб я стал царевичем твоим...

Матери с детьми тоже попадали туда. Повезло мне. Я родился тогда, когда туда уже никого не забирали. Перестали забирать. Часто спрашиваю себя: зачем? За что? Матери там пели детям колыбельные. Отец говорил: знаешь, сынок, я написал там колыбельную будущему сыну. Ну, значит, тебе.

Он пел мне её. Простите! Не спою сейчас. Выпьем!

И споём – и славу Родине, Ленину и Сталину, я не шучу, я серьёзно, там люди свято верили в вождей, даже когда их тащили на казнь, и дорожные песни, и пересыльные, и давайте уж бластные, куда ж без бластных... у самовара я и моя Маша, а под столом законная жена... это было весною, зеленеющим маем, когда тундра наденет свой зелёный наряд... сыграй на рояле!.. значит, отпечатки пальцев, в чернила обмакнутых, на жёлтой бумажонке поставь... мелодию слышишь?.. это ж вохра к бараку идёт, нежно ступает, даром что в сапогах... не езжай на гастроль!.. не убий, запоешь!.. ещё один срок наматывают... а то давай наши, про революцию: смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе... В царство свободы доро-о-огу грудью проложим... себе!.. Военную затайем: по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд! А то частушки: эх, яблочко, да кисло-зелено! Мне не надо царя, надо Ленина! А то давайте на четыре голоса! да хоть Осмоглас!.. вас тут много?.. никто, клянусь, никто не слышит, что я над рюмкой бормочу... Споём, век воли не видать...

Христос воскрес из мёртвых, смертию смерть поправ... и сущим во гробех живот даровав...

А мой отец ведь могучий мужик-то был. Не то слово! Бахова оратория, а не мужик. Потому он там и выжил. И не скурвился. Там падали многие ниц, и пятки гражданину начальнику лизали.

Мой отец, Всеволод его звали. Всем владел. А им – музыка одна владела. Вот он умер. И его народ не перевознёт. И может, никогда не откроет и на руках к небесам не поднимет. Есть люди, кто не взыскует славы, а слава плевать на них хотела; они славны перед Богом. Тихо, о Боге сейчас не надо. Бог попустил на нашей земле всякое такое, что и дьяволу не снилось.

Неужели отца когда-нибудь исполняют? На полмира – сыграют? Ну ведь играют же в Германии музыку тех, кто жил при Гитлере. Гитлера нет, а музыка есть.

Отца давили. Убивали. Мошка под утюгом! Никто его не исполнял. Ни одно сочинение не напечатали. Я кошусь на шкаф. Сквозь стеклянные двери, в разводах трещин, битое стекло, убитый старый мир, вижу горы нотной бумаги. Это музыка отца. После его тихой, безвинной смерти она никому не нужна. После моей смерти... Что? Не слышу. Выпьем!

Ах, бутылочка иссякает. Всё меньше зелья. Всё больше веселья. Я сегодня веселюсь. А что, нельзя? Часто сажусь за рояль и раскрываю на пульте эти рукописи. Играю, слёзы бегут, капают на клавиши, пальцы мокрые, больно, стыдно, продолжаю играть. Когда-то, давно, так страшно давно, что это всё было напрасно и неправда, отец мой учил музыке Царских детей. А-ха! Царских! Детишек! Только представьте себе! Царских! Да за одно это...

Мировая война, гражданская война, отец у белых, в плену у красных, хотели расстрелять, а его помиловал Дзержинский. Почему не сам Ленин? Вот были бы почёт и слава! Лишенец, скиталец, волчий паспорт, по городам мотался: Рязань, Ковров, Торжок, Кострома. Плюнул на всё и поехал в глухую деревню, в костромские леса, в Парфеньев Посад – учить музыке детей. Ах, опять детишек! Детишки, это ведь ангелы! Выпьем! По чуть-чуть! За ангелов. Ласковые они.

Цыплёнок жареный! Цыплёнок пареный! Пошёл по улицам гулять. Его поймали. Арестовали. Велели паспорт показать. Арест, на снег выгребли рукописи, всю музыку написанную, в мешки потолкали, увезли. Убили. Сожгли? А пёс их знает. Была музыка – и музыки нет. А может, осталась? В тебе? Одним?

Значит, ты сам и есть – музыка?

А не эти жалкие ноты, крючки и стрелы, что рисуешь ты нервно и дико летящим пером по пяти линейкам, и брызгают чернила, и по щекам твоим льются чёрные слёзы?!

Музыку уничтожили, ведь это всё равно, что у художника сгорела мастерская с кучей работ. Работы – это наша жизнь. Всё призрачно, выходит так?!

Эй, эгей, а я-то кто, люди кто?! Призрак?! Призра-а-а-а-ак...

Но вот водка – она не призрак. Она – настоящая.

Выпьём!

Выпустили... опять арестовали в Ярославле, моя мать, молоденькая девчоночка тогда, спрятала его рукописи на старом голубином чердаке... А приговор-то был какой! Загляденье! За пропаганду фашистской музыки – в трудовой лагерь на Севере! Фашисты – это два Рихарда: Рихард Вагнер и Рихард Штраус. Ого-го какие музыканты! Мать в очередях в Кремль стояла. Добилась приёма у Калинина. Что она говорила властям? Громко рыдала? На коленях стояла?

Колыма. Река Колыма. За той колночей проволокой люди жили немного. Умирили, как птицы морозной зимой. Отец выклянчил у вохры бумагу и карандаш. Ему выдали кипу бланков для телеграмм. Сам линовал бланки, расчерчивал нотонаосцами. Вохра забаву не отбирала. Может, думала: сумасшедший. Там, на Колыме, отец написал двадцать четыре прелюдии и фуги для фортепьяно. Перед ним маячил призрак Баха в парике. Не верьте, это я так смеюсь. Музыка перед ним маячила. Его били, сажали в карцер, гоняли на дикие бессмысленные работы, но разлинованную бумагу не отбирали! И это было чудо!

Там, на Колыме, во тьме, у костра рассаживались узники, и отец мой рассказывал им всякие истории. Полярная ночь, дрова в костре трещат, узники кричат: Севу зовите, Севку, он нам как ща тут завернёт! И он заворачивал. И про Царских детей, и про пушки в Галиции, и про юнкеров Белой Гвардии, и про красную конницу в донских степях, да мало ли про что. Блажен, кто посетил сей мир... в его минуты роковые, так?..

Отца освободили. Перед самой с немцем войной. Последний костёр. Последние байки. Я спросил: батя, а что ты рассказал там, у костра, в последний раз? Он задумался. Отвечает: уже не вспомню. Вроде о том, как я с твоей матерью поцеловался. Впервые. Сидели и слушали тихо. Как музыку.

А потом, когда отец о поцелуе том первом рассказал, старый вор вытащил из кармана ватника золотое кольцо и отцу протянул. И шепнул: вот, музыкант, возьми, в Магадане продашь, доберёшься до Владивостока, да на билет до столицы хватит, я уверен, только дорого продай. Скажи покупателю: за то золото кровью заплачено. И огнём!

И показал на огонь, на догорающий костёр.

Отец сжал кольцо в кулаке. Может, оно было обручальное, не знаю. Я видел, через все года, через толщу воды, как по их лицам, вора и музыканта, ходили красные сполохи. Пламя взлетает светом суровым! Слышите музыку?

Закончилась война. Немца мы победили. Отец говорил мне: я на День Победы песню написал, и никто и никогда её не исполнил, не спел, я сам себе её дома пел, каждый День Победы, за роялем, рояль мне подарили соседи, почтовые работники, они на Центральном телеграфе работали, муж и жена, рояль им был ни к чему, мать твоя плакала от радости, всё подходила к роялю и гладила его крышку, его резной пульт, шептала: рояльчик, помоги мне забеременеть, что ж я не беременею-то никак! А я, сынок, был весь истощённый, слабый, какое уж тут зачатие.

Отец бомбил письмами Кремль. Он орал в тех письмах: меня не играют! Не печатают! Это мёртвая хватка! Дышать не могу! Дайте жить! Дайте мне жить!

На письма не было ответа. Отец вечерами горбился над роялем, импровизировал. Я наконец родился.

Когда я родился, из тайника в стене мама вытащила бутылку Пасхального кагора, налила в высокие хрустальные бокалы, их ещё в Ярославле купили. И чудом, никогда и нигде, при переездах не разбились. Я орал в кроватке. Есть старая фотография: лежу и ору, и так туго запеленут, что похож на белую гусеницу.

Когда я подросток, я полюбил играть в такую игру: вспоминать, вспоминать, нырять во время всё глубже и глубже и, наконец, добираться до младенчества, а потом ещё раньше оказаться, и увидеть, и вспомнить, как ты рождался; а если поднатужиться и не бояться, можно даже вспомнить, как ты жил в животе у матери. Я – добирался до утробы. Я – помнил. Всё так чётко! В утробе было сладко, тепло, тайно, водорослево. Там меня обвивали красные горячие хвощи, в меня лилась небесная сладость. Я таял. Я жил и плыл, и больше ничего не надо было.

А потом наступила смерть.

Роды.

Меня моё время стало грубо, страшно выталкивать в другой мир! Я его не знал. Я туда не хотел! Я таранил головёнкой узкую каменную щель, тесный живой лаз, вопил, распяливая рот, протиски-

вался, клещи сжимали меня и давили, я умирал. Да! Умирал! Я родился в смерть. Я туда не хотел! Толкали меня! Я орал, как пел! Никто не слышал меня! Вот сейчас я умру! Ещё немного! Вот!

...и я выскальзываю в свет и воздух, и вдыхаю смерть, вдыхаю её глубоко, мне надо умереть скорее! Больно! Это очень больно, умирать! Точно вам говорю! Никакой музыки в смерти нет! Там – крошечная чернота, пустота, встаёт стеной перед тобой, не хрипит Иерихонской трубой... она – ты, и ты – она, молчанье без дна.

Тишина.

Глухота...

Зачем меня назвали не по-нашему – Людвиг? Мать и отец стояли у кровати. Смотрели на меня, я извивался в пелёнках. Надо было червячку дать имя. Я понимал отца: мать на него глядела молча, послушно, он тут был главный священник всея музыки. Я с моего неба, из-под потолка, слышал, как он сказал: наречёшься Людвиг, в честь великого компониста Людвиг ван Бетховена, аминь.

По-немецки сказал: компонист. Der Komponist, ausgezeichnet, schoen.

Моя мать родила меня дома, в роддом не поехала на скорой помощи, она боялась, что ребёнок в роддоме подменят, такие случаи бывали. Пригласили знакомую медсестру из поликлиники. За скромную мзду и огромный пирог с яблоками она приняла у матери роды. Меня приняла.

Я был чистым листом бумаги. На мне ещё мир не написал ни одной ноты. *Tabula rasa*.

Рыдал надо мной золотой саксофон, вторили ему рояльные медные струны, а может, это плакали, кричали, пели и обнимались бедные люди, у моей колыбели.

Рукописи, рукописи, рукописи, ру... Нотной бумагой был завален наш рояль. В той квартире у нас была печь, мы её топили дровами, каждую осень покупали грузовик дров, складывали их в подвал. Я научился топить печь раньше, чем играть на рояле. Мышонок, важно подходил к печной дверце и пихал в жаркий красный зев поленья, что в ручонках мог удержать. Мать не остерегала меня. Умилённо глядела, как я управляюсь с дровами. А потом с кочергой и огнём. Кочерга, кривая, ржавая ведьма, ростом была выше меня. Я её еле поднимал. Но упрямо совал, совал в печь.

Знаете, я упрямый. Я везде суюсь, куда не надо. Сую руки прямо в огонь. Обожгусь?! Да плевать. Мы, русские люди, много чего видали! А мне часто в рожу тычут: Людвиг, ну что, ты кто, немец, еврей?! На что я, из перерусских русский, отвечаю громко и весело: да, еврей! И выхожу. И оглушительно хлопаю дверью.

Выпьём!

Отец умирал: он тоже родился. Я видел, как он родился в смерть. Это, я вам скажу, почище всяких других родов будет. Он изгибался, закидывал голову, торчал кадык, глаза выкатывались из орбит. Я смотрел. Он царапал ногтями простынку, матрац. Я смотрел. Губы шевелились, он говорил, я ни слова не понимал, я не слышал. Я смотрел. Мне было четырнадцать лет. Всё истинное вокруг было под запретом. Под замком. Всё лживое и льстивое – разрешено. Отец мой был запрещён. Да так и остался запрещённым. Кости сгнили в тюрьме. На Колыме. Колыма повсюду. Ей нет конца.

Отец повернул голову на подушке вбок и застыл. Я смотрел.

Отец не двигался.

Я протянул руки... знаете, это были чужие руки... не мои... и этими чужими руками повернул его голову на потной подушке так, чтобы он смотрел холодными глазами вверх. В потолок? В небо? Вверх, это важно. Вверх.

Глаза были открыты. Я знал: надо закрыть. Но руки уже не поднимались, и пальцы мои не шевелились. Руки боялись прикоснуться к векам. Им казалось: они обожгутся.

Мать, за дверью, плакала, я слышал.

Потом она вошла, и сложила отцу руки на груди, и закрыла ему глаза. И беспомощно спросила меня: Лодя, а с собой туда, ну, туда, в гроб, ну, чтобы в землю с Богом уйти, кладут усопшему на грудь иконку или не кладут, я не знаю, а ты знаешь?

И я не знал, что матери ответить.

Я тоже не знал. Ничего не знал.

Не знаю и сейчас.

Я знаю, знаете, только вот что: есть смерть при жизни, да, есть эта чёртова гибель, забвенье и презрение, но ты же всё равно живёшь, дышишь, шагаешь, плачешь, смеёшься, и значит, это ещё не смерть. Жить как угодно?! Рабом?! Ползуном в пыли?! Ужом, лягушкой, рыбой в зарос-

шем ряской пруду?! Предателем, гадом, мерзавцем?! А всё-таки жить?! Так?! Так, что ли, я вас спрашиваю?!

А ещё знаю, что... вырастет стена пустоты, черноты... там ни музыки, ничего... вся наша музыка останется на земле. Поэтому я мало что записываю, хоть я, как отец, сочиняю музыку. Я – импровизирую. Я прыгаю в музыку, окунаюсь с головой, ныряю в неё, плыву в ней и кувыркаюсь, я ею наслаждаюсь, люблю её, отдаюсь ей, обнимаю её, она моя любовь, здесь и сейчас, сию минуту, навсегда. Я – музыка. Я – рояль. Ничего мне не жаль. Я живу. Я ещё живу. Я умру – меня забудут. Так надо. На мне, рояле, играет Бог. Это Его пальцы. Это его аккорды! Они обнимают вас и кружат, они льются в вас вином. Кагором! Сладким, сладчайшим! Вот пока льются – смерти-то нет! Вы почувствуйте, знайте это! Но только пока звучу! Пока я звучу! Вот сейчас! И больше никогда!

Так... встать... ну, раз-два-взяли... ещё раз, взяли... меня шатает... тихо, тихо, медленно к роялю подойду... селёдка съедена, водка, увы, вся выпита... а ещё бутылочки нет... вот несчастье... вот жалость... Нет... в жизни... счастья... Нет в жизни щастя, татуировку у мужика в бане видел...

Мне – набейте...

Табурет, рояль, это я рояль, ну, вы поняли. Слушайте!

Я для вас. Только для вас играю. Этой музыки не было никогда. И больше не будет никогда. Я импровизирую. Я через минуту её забуду. И хорошо. Не всё надо записывать. Запись – это на века. А вдох и выдох – на миг.

Запись?! На века?! Всё сожгут, что мы нацарапали. Всё уничтожат! Вечно нет ничего! Но почему же, почему мы всё пишем, и пишем, и пишем, всё сочиняем и сочиняем, всё рыдаем и рыдаем, всей музыкой весь наш окоём – жарко и крепко всё обнимаем и обнимаем?!

Всё живём, и живём, и живём... хлеб едим, воду пьём... в тюрьмах сидим, на волю жадно глядим... на Красную Звезду... она вся в инее на холоду... никуда не уйду... ни в каком году... ни в жару, ни в бреду...

Слышите рояль?! Слышите... Это я дрожу и плачу. Под вашими руками. Выпьём!

Хоть выпить и нечего.

Музыку выпьем. Она крепче водки. Сильно забирает.

Нет, я не боюсь умирать. Меня отец научил не бояться. Боящийся, он так говорил, несовершенен в любви. Это какие-то священные слова, Бог знает, какие. Я не знаю. Я только звучу. Я – музыка. Я ничего не знаю. Ударьте меня! Оболгите меня! Облейте грязью! Бросьте в застенок! А я невредим. Я – музыка. Свобода.

Хрустальная рюмка, и кагор, звон медных, золотых струн под тяжёлой чёрной крышкой. Рояль горит! Его жгут на задах! За сараями! А он кричит, плачет и смеётся! Огонь! Костёр! Никто не подарит мне золотое кольцо, чтобы я до Рая добрался, продал краденое рыжьё и купил себе дешёвый билет! Плацкарта, а может, общий, а может, телячий вагон, солдатская теплушка! Слышите меня?! Слышите?! Звучу! На весь мир! Я, рояль, и есть весь мир! Пейте меня! Пьянейте! Выпьём!

* * *

БЕТХОВЕН. СЕМНАДЦАТАЯ СОНАТА ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО РЕ-МИНОР. ФИНАЛ

Это скачет конь нет тебе наврала это вся любовь в снегу-одеяле это всё что мы никогда не целовали это всё что придёт в конце и в начале это скачка сердца и вот – остановка это заплачка скерцо исполнить ловко это дивное рондо уздечка-подпруга ну же скачи ровно по кругу по кругу в седле седи прямо наездник сцены выбеги к рампе прости все измены и все любви и все твои клятвы из льющейся крови поставь заплату скачи вперёд задыхайся жмурься ни о чём не думай летят белые мухи опять зима на стекле рисует пионы снег лёд кутерьма за стеною стоны там только любовь а тебе лишь музыка снится ты только музыка в колесе времени спица ты только огонь между людьми ты пламя Бетховен берёт тебя голыми руками ты молодость вся завтра высохнешь сливой станешь старым урюком древней сладкой подливой станешь старой уродкой на выданье старушонкой ну же заплачь молодо и звонко ну давай же скачи коню вцепляйся в холку убегай от злобы люди могут стать – волки они могут выть тебя когтить идти за тобой по следу скачи вперёд кричи победу вопи на весь мир великое слово яростно хрипло чисто пламенно и сурово

<...>

* * *

Campanelli

Глокеншпиль, карильон, колокольчики.

Колокольчики мои, цветики степные.

Широкие железные клавиши. А я-то думала – и вправду колокольчики; в форме церковных колоколов или полевых цветов.

Фортепиано, только клавиши стальные. Ледяные. Заледенелые.

Оркестранты дали мне в руки два молоточка и сказали: бей!

Я стояла посреди оркестра, как посреди людной площади в праздник, и понимала: надо бить.

И занесла руку с молоточком. И ударила.

Звон поплыл над оркестром, над залом. Над миром.

У меня по лицу слёзы полились.

А мне в уши кричали: эй, что ревёшь, с ума сошла?!

Какая чистота. Какая боль.

(смерть Славы)

Хоронить Ванду Слава полетел в Москву.

Москва встретила его чудовищной, лютой зимой. Морозы стояли такие – воздух трещал и рвался. Звенели стёкла в оконных рамах. Музыка замерзала на лету. Городские птицы валялись на льду кверху брюшками. Голод, мороз, смерть, и опять все, кто остался жить, обречены на выживание. На то, чтобы приспособиться к чёртову событию. К адову морозу.

Слава вошёл в комнату к бабушке. Бабушка тихой белой мышкой скрючилась под одеялом. Прабабушки уже не было на свете: свет погас для неё. Ему об этом сообщили, он уже забыл, как: то ли телеграммой, то ли позвонили. Холодно поцеловал лежащую бабушку в лоб, а слёзы на одеяло закапали сами. Он не имел к этим слезам никакого отношения. Всё вокруг текло и обтекало его, как остров, и он громоздился горой льда и стекла. Его можно было разбить булыжником. И хорошо бы. Он звонил, договаривался, люди приходили, он платил, платил, платил. Свинцовый гроб с телом Ванды лежал в гостинной. Проходя мимо гроба и не глядя на него, он раздувал ноздри. Принюхивался. Нет, тлением не тянуло. Труп накололи чем только можно, и свинцовые швы не выпускали наружу адский дух.

Слава садился в кресло и тогда уже исподлобья взглядывал на гроб. Его мертвенный серый, серебристый цвет будоражил его воображение. Ему хотелось этот гроб сыграть. Всё на свете есть музыка, слух лишь к ней не привык. Слух привык к тому грохоту, скрежету и писку, который музыканты извлекают пальцами из своей меди, деревяшек, обточенной до гладкости зеркала слоновой кости. А гроб, он тоже звучит. Эта музыка не всем по зубам. Он сыграет. Вот сейчас.

Он выпрастывал из футляра Челлу, отчего-то она казалась ему мягкой, как лист одуванчика. Плавила и таяла под его руками. За окном мело. Он начинал импровизировать и тонул в музыке. Там, в музыке, он свободно рыдал и жаловался, стонал и вопил. Она была его свобода, а он был её пловец. Надо было переплыть свободу с берега на берег, чтобы изжить собственную мертвечину. Неправдашний мир обступал его, подбивал его на что-то стыдное, гадкое. Вынуждал к чему-то особенному; к тому, что он никогда не делал раньше. В стену громко стучали. Он не знал, что уже ночь. Ночь, это был заокеанский день. Соседи гневались. Далёкий голос кричал: долго тут не было тебя, безумца! Слово «безумец» веселило его. Он шёпотом повторял про себя: безумным сопутствует удача.

Зимняя тоска, и завтра похороны. Они не разрешают мне звучать. Они заставляют меня замолчать. Хорошо. Тогда я буду играть понарошку.

Он водил рукой со смычком над струнами виолончели, пальцами другой руки вцеплялся, впивался в дрожащие струны. Музыку нельзя было убить. Зарезать. Повесить. Она звучала и без звука. Он усмехнулся, неслышимо играя: теперь я понимаю Бетховена. Он слышал, не слыша. Поэтому ему было всё равно, слышит он или не слышит. Музыка жила внутри него. В этом весь секрет.

Внутри Бетховен был настоящий. А для всех, кто бегал и прыгал рядом с ним в одном времени, – маленький кудлатый безумец, бродивший по полям с листом нотной бумаги в кармане и с плотницким толстым карандашом в руке.

Да, они ещё пили с ним, с безумцем, в харчевнях. Выпивали. В своё удовольствие. Что? Рейнское? Мозельское? А это идея. Не выпить ли ему? Завтра похороны. Он согреется. Раньше поминок выпивка, ну да это всё равно. От мороза стены вскрикивают. Окна покрылись синим мхом инея. Какое счастье жить в тёплой стране. Скучаешь ли ты по родине? Да! Да?

Он, шаркая тапками по полу, медленно пошёл на кухню, распахнул засиженный мухами шкаф. Он не надеялся найти, что искал. И, о чудо, нашёл. В углу, за жестяными круглыми банками, похожими на барабаны и литавры, он увидел горлышко бутылки. Вцепился ей в горло, как стеклянному гусю, и вытащил наружу. Ещё одно чудо: это был французский коньяк, настоящий, из Парижа. Он, честно, забыл, что он же его сам и привёз. Рюмку нашарил, протёр полотенцем. Плеснул коньяка. К носу сначала поднёс. Вдохнул глубоко. О, снова счастье! Какое счастье жить. И есть. И пить. И играть. И петь. И любить. Что ему из всех этих счастья осталось?

Зимняя ночь и зимняя тоска. Ну же, глотай. Да не всё сразу. Смакуй. Коньяк смакуют, в него дышат, как любовнице в лицо, им чмокают и вдыхают его, как запах розы, опять и опять. Только тогда его оценивают; и от него пьянеют. Залпом пьют только водку.

Он не исполнил древний завет. Опрокинул рюмку в рот. Не почувствовал, жжёт или ласкает, пьянит или отравляет. Может, не коньяк, а клопомор! Налил ещё. Поглядел рюмку на просвет. Опять быстро влил в себя, будто коньяком тушил внутри себя дерзкий огонь. Музыка – безумием заливал. Жалким минутным наслаждением. Налил и третью. Ощутил жар в животе. Ага, пробрало. Поискал глазами: чем бы закусить. Открыл холодильник. Внизу, на нижней полке, стояла баночка чёрной икры, на крышке был нарисован аляповатый, изогнутый буквой «О» осётр и бежала надпись: RUSSIAN CAVIAR. Эту икру он покупал Ванде. Побаловать. Давно.

Всё, что было до их изгнания с родины, было давно. И неправда.

А вот эта банка чёрной икры – да, правда, правда.

Он уронил рюмку из слабых пальцев на пол. Взял с полки банку. Она лежала в его ладонях, как убитый железный котёнок. Больше не заведут волшебным ключом. И не будет механическая киска поднимать железные лапки. Сел около холодильника на корточки, скрючился. И вот теперь заплакал. Он плакал и выл, коньяк из глаз лился рекой, банка выпала из рук и покатила далеко, за грань мира, в щель музыки. Её уже было не вскрыть никаким консервным ножом. И не убить. И не сыграть.

Ванду опускали в землю на Ваганьковском кладбище. Слава не видел народ, не чувствовал его колышущуюся скорбную массу; он думал, людей будет немного, а на Ваганьково съехалось пол-Москвы. Он не слышал речи. Незачем было. Уши ему залепил воском зимний ангел; может, это была сама Ванда, он же не знал, во что превращаются души, когда тело лежит в гробу ледяным бревном. Люди сетовали на то, что гроб свинцовый, и невозможно дать великой Ванде последний поцелуй. Голоса сливались и сплетались, никто не различал звуков и букв. Делали всё, что положено: подносили разноцветные венки, плакали, размазывали слёзы по холодным щекам. Мороз лютовал. Женщины утыкали носы в меховые воротники, в пушистые шали, в дорогие ангорские шарфы. Слава стоял рядом с гробом, как солдат. Стоял как потерянный: он всё время думал, что он где-то потерял, оставил Челлу. В машине. В вагоне. В самолёте. Память странно исчезла, уступив место пустоте.

В толпе перед Славой мелькнули два лица. На морозе лица склеивались друг с другом, друг к другу прижимались; может, чтобы согреться. Слава узнал их. Ева и Людвиг. Почему они стоят так близко? Так рядом? Зачем Людвиг обнимает Еву? Он много себе позволяет. А Ева, почему она это терпит? Не лучше ли его оттолкнуть?

Он едва удержал себя, чтобы от гроба не ринуться по скрипучему снегу к этой парочке и не разрубить их ребром ладони, грубо не разъединить, чтобы между ними мерцал только мороз, но не любовь. А кто тебе сказал про любовь? Та безумная музыка в ночном Малом зале? Времена сместились. То, что происходит сейчас, происходит до той ночи; всё это происходит много раньше того, что ты испытал потом. И ты сейчас похоронишь Ванду, а потом её встретишь. И ты не давно обнимал Еву, а ещё только обнимешь её в мрачном холодном зале. Поэтому не переживай. Время – странная штука. Оно живёт в пустоте, и им тоже можно играть, как кубиками, как нотами и живыми звуками. Оно всё равно ничего не чувствует.

Его прошибла мысль: а ведь Ванда принесла себя в жертву! Или её принесли? Кому? На чей алтарь? Он наморщил лоб. Старая ушанка его прадеда, в которой прадед его спасался от морозов на жуткой

железной дороге Салехард – Игарка, отыскал он её вчера под бабушкиной кроватью, а может, жизнь назад, сползла ему на затылок, и мёрзли, краснели уши. Добрые руки натянули ему ушанку на лоб и завязали под подбородком. Он был благодарен неожиданному теплу. Не понимал, откуда оно свалилось.

Жертва, Ванда. Она была так прекрасна! Слепая, она видела всё. Она была очень, чересчур добра. Слишком добра для нашего мира. Наш мир жадный; он за всё требует плату. Дан тебе чудный голос – так давай, плати! Чем? Болью, изгнанием, жизнью. Самая богатая плата – жизнь. Но ведь мы так привыкли жизнью платить за всё хорошее. И за плохое тоже.

А что в мире можно, а что нельзя? Он этого не знал. Никогда не знал. Не знала и Ванда. Она просто пела; пеньё, это было её дыхание. Для того чтобы жить, ей нужно было петь. Всё так просто.

Она выходила на сцены мира, будто входила под своды храма; глубоко вдыхала воздух и открывала рот, и звуки, что излетали из неё, отражали мир, но не в его временной последовательности, не в том порядке, в каком владыка-мир выстраивал в ряд свои главные вещи: голосом Ванда перемешивала в котле, где варится Время, нудный распорядок действий; и неизбежность пути, что ей был на земле суждён, не свернёшь с него, служила ей грандиозной поварёшкой. Она была ангельской певицей в запретном храме Времени, и ей была уготована быстрая смерть – милостивая, нежнейшая, воздушная, крылатая. Она её заслужила.

А разве человек перед кем-то выслуживается, чтобы заработать награду? Перед людьми? Перед Богом?

Иные выслуживаются перед дьяволом, пробормотал он сам себе на морозе одеревенелыми губами. Люди думали: он молится. Или шепчет жене слова прощанья. Что будет сейчас? Сейчас все поедут на поминки. В ресторан «Пекин», вы же сами договорились. Да, да, я договорился, я помню. А скажите, вы не видели, где моя Челла? Кто, кто? Простите.

Гроб, под всхлипы и выкрики, опустили в мёрзлую яму. Могильщики еле выкопали её на трескучем морозе. Славе всунули в ладонь ком ледяной земли: шепнули: ну, бросайте, бросайте! Куда, беспомощно оглянулся он. Туда! Ему показали на рыжую глину ямы. Он послушно швырнул землю. Вздрогнул от звука, с которым земляной ком ударился о гробовой свинец.

Что было потом, он помнил плохо. Да и ни к чему было это все помнить. Вереница такси с теми людьми, кто явился на похороны Ванды Гаевской, медленно отчаливала от ворот Ваганькова. По морозной Москве мчались машины, и люди внутри машин всё так же кутались, пытаясь согреться, и всё так же плакали, а иные уже и улыбались, а иные смеялись, предвкушая тёплый зал, и роскошный поминальный обед, и водку, и коньяк, и обрядовый компот, и посмертные пироги – с мясом, с ягодами. Снег пел под ногами; это была опера снега, его премьера. Пел, скрипел, стонал, визжал. На крыльце ресторана стряхивали снег с плеч, с воротников шуб. Стучали ногами, сбивая снег с ботинок и сапог. Снега было так много и он был такой ледяной и злой, что его мохнатые облака люди внесли с собой в тёплый, сверкающий огнями и фарфором посуды зал, и эти облака призраками висели у столов, стояли над затылками и лбами рассеявшихся за столами людей, потирающих руки, ещё пытающихся старательно горевать. Люди блестя глазами, жарко пылали щеками, светились лбами, всячески горели и сгорали, уже живо болтали, уже весело скалили зубы, а потом вдруг спохватывались, строили кислые мины, делали скорбные лица, вздыхали, вытирали кончиком пальца ненастоящую слезу. Поминки были настоящие, а скорбь уже ненастоящая. Горе растаяло в пустоте. Горе помешало ложечкой в чашке чая, и оно растворилось, распалось на жалкие молекулы. Вносили и уносили еду, уносили пустые тарелки, у всех на морозе проснулся волчий аппетит, халдеи быстро и ловко разливали спиртное по рюмкам и бокалам, вам что, коньяк, а вам что, только водку, а у вас только «Абсолют», а, вон и «Смирнофф», вижу, а нет ли у вас «Алтайской»? Время от времени кто-нибудь вставал то за одним столом, то за другим, и звенели ножом по хрусталу: эй, тише, Марья Петровна хочет сказать!.. у неё великая Ванда занималась одно время!.. это, можно сказать, педагог великой Ванды!.. внимание!.. – и все взирали на необъятную Марию Петровну, её груди и живот колыхались под нежно струящимся серебристым, зимним атласом над заберегом стола, и плыла камчатная скатерть, и неловко, неуклюже падали рюмки, скатерть собиралась в складки, голос Марьи Петровны звучал сначала хрипло, старчески, а потом вдруг вольно, мощно, как иерихонская труба, щёки её колыхались, как студень, и были краснее крабовых лап, она была уже слегка навеселе, её и слушали и не слушали, она говорила в пустоту, напрасно звенели ножом о бокал, билось стекло, смеялись там, далеко, отсюда не видно, стыдились сами себя: разве так можно, вон вдовец сидит, он отрешён

от всего, как бы он не покончил с собой, такое страшное горе!.. – да, всем было немного страшно, но этот страх придавал остроту жизни, будто жизнь взяли и слегка посолили, а потом чуть поперчили, красным перцем и чёрным, белым и зелёным, – сновали официанты туда-сюда, жонглировали чашками и тарелками, подбрасывали вверх и ловили посуду, высоко поднимали над головами подносы, наклоняли их, будто был шторм и корабль качало, а они всё равно несли и несли на подносах людям жизнь, еду, икру, салаты, питьё, быльё, смерть и снова рождение, ведь всё равно снова родятся все, и зима на ледяном подносе подтащит свежерождённых прямо к пиршественному столу, неважно, свадебному или поминальному: отведай, многолюдный мир, новые свои яства, и по вкусу ли тебе придутся эти, вновь явившиеся к тебе, жалкие, голые и дрожащие? Не отказывайся! Угощайся!

Славе казалось, он пил мало, и пил прилично, так, как надо пить на поминках; но пустота подталкивала его под локти, и он тянулся за рюмкой, сначала ему наливали, потом он перестал стесняться и наливал сам, водка разливалась по всем потрохам преисподним жаром, коньяк кружил голову, червем заползал под лоб; он добрался и до красного дамского вина, да, его тут пили одни старые дамы, мужики налегали на крепкие напитки, ресторан гудел, помимо Вандиных поминок тут ещё пировали люди, праздновали или печалились, никто не знал, да и не хотел знать, каждый жил своею жизнью, никому ни до кого не было дела, пустота множилась, разлеталась на лица и глаза, на блеск бокалов и радугой яств, а еду всё несли и несли на кровавых подносах, а бутылки всё тащили и тащили, потому что каждый человек должен был крепкой струёй залить свой несчастный пожар, бушующий внутри, а может, снаружи, и об этом уже никто не знал, – да, вы знаете, всё равно война будет, рано ли, поздно, этого нам не знать, но отрециваться от неё тоже нельзя, это слишком трусливо и слишком по-детски, мы же все не дети, правда?.. о да, мы все слишком взрослые!.. даже старые уже!.. а вы знаете, есть новая гипотеза, о том, что во времени можно прогрызть такие, знаете, дырки, червоточины, да только, ха-ха, не нашли ещё того червя, чтобы из нашего времени – в иное – хоть малюсенький, узенький ход проточить! А вы? А что – я? Ну вы же музыкант! Вы – сыграйте это! Этот ход червя! Червоточину эту! Сыграйте! Изобразите нам это счастье музыкой! У вас получится!

На поминках не чокаются, с ужасом думал он, а рядом с ним уже чокались, чокался и он, рюмка в рюмку, бокал в бокал, он хорошо понимал, что позорно пьянел, но ничего не мог поделать с собой. Пустота командовала им, и он хотел ощутить вместо неё полноту; и ощущал, и радовался этому чувству. Люстры горели слишком ярко. Люди говорили слишком быстро и громко, он не разбирал. Слепая Ванда висела надо всеми, под потолком, одна, животом вниз, руки её свисали вниз с потолка и болтались, как белые водоросли в морской воде. Слава время от времени поднимал лицо и пытался выстрелить уже незрячими глазами вверх. Глаза различали висевшую под потолком, возле люстры, Ванду сквозь морозный туман. Ей там холодно, бормотал себе Слава, как бы ей-то согреться, как бы ей-то хоть рюмочку коньячку поднести! Он наливал в бокал коньяк, щедро проливая мимо, на скатерть, шатко вставал, тянул бокал вверх, над головой, выгибая шею, его кадык дёргался, будто ему перерезали горло и он умирал, захлёбываясь кровью. Его подхватывали под локти, как в танце, пытались усадить. Он послушно садился, а потом опять порывался встать. Поминки когда-нибудь завершились, потому что закончилось время: его всё все выпили и съели. Нет, ещё много всего осталось на столах: объедки, охвостья, скелеты, кости, подонки, шелуха, мусор. Вот халдеям работы будет.

Слава тяжело, будто шкафом ворочал, поднялся из-за стола, потянул за собой скатерть, люди вовремя уцепили скатерть за хвост и остановили шальную симфонию бьющейся посуды. Он побрёл вперёд, переваливаясь с ноги на ногу, как медведь, и, о странно, всё опять видел и слышал, и вроде бы даже не сильно качался, и всё соображал, и сам собою остался доволен: вот я как, и пил, и ел, и песней гудел, и ни в одном глазу! Мужчины одевали дам в гардеробе. Пахло оттаявшими шубами, мокрым мехом. Женщины мазали за ушами духами, одеколоном. Пахло «Шанель № 5», «Быть может», «Красной Москвой». Никто уже не скрывал улыбок. Славе кто-то сердобольный накинул на плечи пальто; нахлобучил лагерную ушанку; он, шатаясь, вышел из ресторана вон, а мороз-то куда не исчез, он вцепился ему в уши, вгрызся в подбородок, располосовал когтями щёки и голые руки. Рукавицы, да, кажется, были рукавицы, он их потерял. Ай, жалко. А Челла? Где Челла?

Рядом с ним шли люди, и он шёл с ними. Его пытались затолкать в машину. Кричали: Слава, ну куда ты под хмельком, садись, не хулигань, довезём! Воняло бензином. Он пинал людей по ногам, лягал их, как конь: оставьте меня! Я хочу пойти пешком! Я здесь рядом живу! Оставьте меня все! Я хочу – один! Один, он хочет один, передавали люди друг другу шёпотом. Шёпот шёл по людям

волной и таял в синеве мороза. Он расталкивал людей кулаками, расшвыривал локтями. Орал на них. Его оставили в покое. Оставили – одного. Он шёл один и радовался, и удивлялся: неужели я один, какая свобода! Потом ему стало горько и больно: неужели я один, без Ванды! И больше никогда её не будет рядом! И больше никогда... Звуки «ни-ког-да» врезались ему под рёбра. Воткнулись, как нож той тётки в Ванду. Он телом ощутил предсмертную боль, которую она пережила. Да, она пережила свою боль; и так каждый переживёт свою последнюю боль, и свою смерть, и своё воскрешение. Ведь она там, под потолком «Пекина», невесомо висела, качалась, плыла – настоящая.

Он шёл по ночной Москве один, и он не боялся позднего часа. Шёл как мёртвый. Сам смеялся над собой: вот, мои ноги мертвы, мои руки сдохли, а я шевелюсь, я зомби. Живые выросли перед ним и закачались. Они шевелились в ночи, как рыбы, а он весело глядел на них. Потом вперёд выступил один живой; он занёс кулак и крепко ударил его.

И он упал на снег.

Его, лежащего на снегу, стали бить ногами. Богатый, кричали, богато одет, ненавидяще хрипели, давай, кончай его, братаны! Брось, кричали ещё, а ушаночка-то санаторная! Вдруг прекратили бить: испугались, что и вправду убили. Он всё сознавал. Они живые, и он живой. Всё пока на местах, неизбежно. Вот, бросили убивать; это Ванда остановила их, Ванда! Спасибо тебе, родная! С него сдёрнули пальто. Грубо шарили в карманах. Вынули бумажник, сорвали с пальца обручальное кольцо. Кричали: жаль, зубёшки не золотые! Сунули в рот кулаком. Он выплюнул выбитый зуб на снег.

Живые убежали. Он, мёртвый, лежал. Думал: надо встать. Встать не мог. Мёрз. А где Челла? Вот бы сыграть, как он лежит на снегу и мёрзнет, в самом центре Москвы, в центре мира. В центре музыки; наконец он над нею царь. Глупости! Никто и ни над чем, ни над кем не может быть владыкой. Люди только мнят, что они властвуют друг над другом. Это они так себя утешают, чтобы умирать было не страшно. Разлепил залитые кровью глаза. Увидел себя в зеркале неба: лицо разбито до уродства, до последнего ужаса, дальше только слёзы, слёзы. И ещё улыбка. Беззубая, кровавая улыбка. Зачем, люди, вы бросили его? Чтобы его избил и бросили на произвол судьбы? А что такое судьба? Судьбы-то нет. Есть только пустота. Она теперь вместо судьбы. Зимняя ночь, как ты прекрасна. Как всё Бог чудесно устроил: звёзды, камни, снег, ночь, живая кровь, и льётся. Тихо льётся, тихо, тихо. Всё тише. Всё нежнее. Всё неслышней.

Высоко, в рваных ночных тучах, звенели горькой замёрзлой польнью последние колокольчики.

Он слушал небесный звон и улыбался. Это по мне звонят? Или это Бог умер?

Он повернулся на бок, подтянул колени к подбородку и обнял себя красными руками за плечи. Обнял крепко, жарко. Так Ванда обнимала его в постели. Слепая моя, как же я люблю тебя. Родная моя, как же нам хорошо. И всегда будет хорошо. Всегда.

...его так и нашли утренние стражи порядка – скрюченного на снегу, колени к подбородку, поза бедного плода в утробе матери. Мать-Зима родила его нынче ночью. Какая молодец, разродилась сама. И кесарева сечения не понадобилось. И помощи скорой.

* * *

БЕТХОВЕН. ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ ФА-МАЖОР

Переплетаю звуки – устала сиять – ждать – прощать – со дна разлуки поднимается благодать – сдаю последние карты – латаю последний жилет – гляжу бесстрашно и ярко – пишу Последний Квартет – пишу пылающей кровью – течёт и выходит вон – свечою у изголовья – чернилом иных времён – иной враждою смертельной – иною склянкой, где яд – крестом нательным – бредом постельным – в палате, где все не спят – в том лазарете мышином – на острове – на мысу – иду к Причастию с повинной – в ладонях кус хлеба несу – да, зри! – накормить голодных – да, слышь! – оделить бродяг – насквозь на ветру холодном продрогших тех доходяг – переплетаю жизни – переплетаю огни – Последний Квартет, повисни Полярной Звездой, мигни – светлеет музыка после засилья довременной тьмы – сияет музыка после войны, пыталной тюрьмы – сверкает последним алмазом – в короне всех Северов – ах, слёзы – уж лучше сразу в тебе погибнуть, любовь – переплетаешь вздохи – очи – и времена – птицам зимние крохи... Музыка – и тишина.

Проза

Сергей Собакин

Сергей Анатольевич Собакин (творческий псевдоним Sergio Sobatini) – родился в 1983 году в Москве. Окончил НОУ ВПО «Дербентский институт искусств» по специальности «культуролог». Член ЛИТО имени Ф. Шкулёва; Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги.

Прозаик, драматург, публицист, поэт, композитор. Сотрудничал со звёздами отечественной эстрады и зарубежными артистами в качестве поэта-песенника, аранжировщика и вокального продюсера. Автор романов, рассказов и пьес в жанре мистический реализм, антигрязный реализм и духовно-психологическая проза. Публикуется в журналах: «Берега», «Москва», «Артбухта», «Русский динозавр»

(изд. «Чтиво»), «Профессиональная психотерапевтическая газета» (ОППЛ).

Живёт в городе Видное.

АЛЁШКА

Рассказ

Светало. Будильник прозвенел ровно в отведённое время. На циферблате было пять часов утра. Отец Илия, слегка приоткрыв глаза, смотрел на белёный потолок и думал о несправедливости бытия. Свет ему был не мил, и грусть одолевала его сломленный дух. Чуть-чуть погодя он всё-таки заставил себя сесть на кровать и обречённо вздохнул. Батюшка долго смотрел на раскачивающиеся берёзки и плакучие ивы за окном и неустанно причитал: «Господи, зачем мне всё это? Сжался надо мною, Всеблагий! Ну, разве такой жизни я хотел?!» Не успев закончить свои печальные излияния, отец Илия начал нехотя, со свойственной ему медлительностью собираться на «очередную» воскресную Литургию. В соседней комнате раздался крик новорождённого. Батюшка вздрогнул от неожиданности и машинально наложил на себя крестное знамение. Затем священник поспешно надел подрясник, скуфейку и выбежал, словно ошпаренный, на открытое крыльцо. Матушка, едва заметив выбегающего батюшку, воскликнула:

– Дорогой мой, а как же я и детки?!

– Нечего вам там делать! Пока всю ораву соберёшь, так всюду непременно опоздаешь, прости Господи! – гаркнул отец Илия. – Без вас дел по горло! Лучше дома сиди и стряпнёй занимайся, проку больше будет!

Утирая слёзы обиды и негодования, матушка затворила дверь и, тихо постанывая, исчезла в глубине бревенчатого сруба.

Путь к храму был недолгий, но извилистый, и этого вполне хватало для каждодневных жалостливых раздумий. Раньше, когда батюшка был моложе, он то и дело молился и пребывал в блаженстве от единения с природой. Проходя этой дорогой до храма через мелкую речушку и луга, отец Илия останавливался в изумлении возле каждого деревца, каждого ручейка и камня и восхищался внутри себя: «Дивны дела Твои, Господи! Как же Ты всё славно устроил! Вот смотрю я на эти дары природы и не перестаю умиляться Твоему промыслу и Твоей поистине великой созидающей силе!»

Но сейчас батюшку волновали совсем другие заботы. Преисполненный гнева и злобы, он не переставал вопрошать: «Что ж за жизнь-то такая? Господи, помилуй! За что мне всё это?! Знаю, что ропщу на Тебя, о Всемогущий! Но нету сил моих больше влачить такое жалкое существование. Разве о такой жизни я мечтал, когда рукополагался в священники? Каждый день одно и то же, и ведь не продохнуть! Крики детей на причастии, причитания попрошаек на паперти возле храма, этот злонравный и неблагодарный сельский приходик! Дома вечно как на баррикадах: то ссоры с женой,

то нескончаемые дела по хозяйству! Господи, за что? За что мне всё это? Какие попы на мерседесах и BMW! Да только в сказке такое видали! Еле-еле свожу концы с концами! Денег едва на устройство домашних дел хватает! Господи, помилуй!»

Заканчивая свой ежедневный «ритуал» гневных обращений ко Всевышнему, отец Илия незаметно для себя самого всё ближе и ближе подходил к месту отнюдь не приятному, а точнее сказать, к месту своей «работы». На пороге церкви батюшка по обыкновению своему три раза крестился и, медленно озираясь по сторонам, подходил к праздничному аналою в центре храма. После недолгого лобзания иконы с образом чтимого сегодня святого отец Илия поспешно исчезал за дверью алтаря, дабы никто из назойливых прихожан ненароком не побеспокоил его. Надевая заранее подготовленное облачение, батюшка просматривал отрывки из Евангелия дня и уставшим, слегка раздражённым голосом произносил первый возглас.

Утром воскресного дня, как и следовало ожидать, наблюдался наплыв из страждущих и «неблагодарных» прихожан. «Нет чтобы как-то разделиться и прийти одной половине на всенощную, а другой – на Литургию, они все разом решили одолеть меня сегодня», – злобно пробубнил отец Илия. Казалось, что исповедь длится целую вечность, а поток прихожан не иссякает. Выглядевшие по-детски нелепыми и абсолютно бестолковыми во время таинства покаяния вопросы и жалобы то и дело приводили бедного батюшку в исступление. «Да как она, грешная, смеет жаловаться на своё несчастное чадо?! Не вычитал он, видите ли, вечернего правила! Да ты себя видела в зеркало, свиноматка? Сама страдает грехом чревоугодия, а ещё туда же! – возмущался про себя отец Илия. – Нет чтобы чрево своё обуздать! Оставь ты несчастного отрока в покое!»

«А этот говорит, что страдает грехом уныния и зависти! Вы посмотрите на него! Ишь ты, как мучается он, слёзы горькие льёт! – почти проклиная, продолжал диалог внутри себя отец Илия. – Тебе ли жаловаться, золотце? Не ты ли владеешь двумя фермами в соседних селениях? Не ты ли скупаешь кучами цацки да бриллиантовые побрякушки для своих домашних, имеешь личного водителя и едешь отдыхать по заграницам? Какое ещё уныние, какая зависть? Живи и радуйся. А то совсем зажрался, видать, негодяй. Денег ему не хватает, вот мне – не хватает! Пятеро детей да матушка, а ещё домашнее хозяйство. Пойди прокорми всю эту ватагу, да ещё на зарплату сельского священника!!!»

И повторялось всё это действие изо дня в день с удивительным постоянством. Одна и та же картина: внутренний трагический монолог, который медленно, как яд, убивал в батюшке Божественную искру, человеческое в человеке... Отец Илия жутко негодовал и злился, сетуя на незавидное положение вещей. Он старался побыстрее «отбыть» богослужение и без особых задержек и остановок убраться восвояси. Опечаленные прихожане давно стали замечать перемены в поведении батюшки, но никто даже не дерзал поинтересоваться о его самочувствии и делах. И никакие силы не могли изменить ход событий и повлиять на состояние удручённого церковным бытом священника. День за днём, месяц за месяцем отец Илия пребывал в унынии и духовной немощи, покуда не произошло нечто непредвиденное...

Утро начиналось как обычно: ранний подъём, занудливые причитания, слёзы матушки, крики детей. Долгий, как казалось батюшке, путь до сельского храма, колокольный звон, Литургия, исповедь, причастие и скучная, нудная до душевной боли проповедь, сравнимая с самобичеванием...

Заканчивая свою заунывную и малосодержательную речь пастыря, слова которой давались отнюдь не легко, так как шли не от сердца, отец Илия мысленно перенёс себя домой, где он, валяясь на спальной кушетке, жадно вдыхал бы запах домашней выпечки, доносящийся из маленькой продолговатой кухоньки... Калейдоскоп батюшкиных фантазий прервал внезапный грохот. Двери храма распахнулись настежь, и с паперти донёсся истошный крик местного юродивого, дурачка Алёшки:

– Вас ждёт знамение! Будьте бдительны и готовы! Грядут перемены, покайтесь!

Народ в ужасе заохал и стал жаться ближе к алтарю. Отец Илия, не медля ни секунды, спрыгнул с амвона и быстрым шагом направился к выходу. «Сколько раз я себе говорил, что нужно избавиться от всех попрошаек и местной шпаны! – злобно буркнул себе под нос батюшка. – Пугают народ, не дают работать, служить! Ничего, сейчас разберёмся, допрыгался блаженный наш кузнецик!» Приблизившись к юродивому, он замахнулся кулаком и гневно прокричал:

– А ну-ка, пшёл отсюда, дуралей безмозглый! Что ты здесь расселся и побираешься, народ пугаешь? Или ты забыл всё то хорошее, что для тебя сделали? Вставай, тебе говорю! И проваливай подобру-поздорову!

– Отец Илия! – воскликнул дурачок Алёшка. – Ничего я не забыл и всё прекрасно помню, вы только пощадите, не гоните прочь!

– Я тебе что, шут гороховый, должен повторять по десять раз? А ну встал, быстро собрал манатки и катись отсюда, пока санитаров не вызвал!

После этих слов разъярённый батюшка что есть мочи пнул юродивого. Тот, хватаясь за края рясы священника со словами: «Господи, помилуй! Не ведают, что творят, а ведают, так не каются!» – кубарем покатился с лестницы. С того самого дня никто больше не видел блаженного дурачка Алёшку, чему отец Илия был несказанно рад, а благодаря этому случаю ещё и повысил собственную самооценку, напрочь избавившись от застарелой депрессии. Казалось, что жизнь налаживается и всё идёт своим чередом. Вскоре прихожане позабыли про случай с юродивым и не могли нарадоваться произошедшим изменениям в жизни батюшки Илии. Он снова стал весел, внимателен и ласков. Люди не переставали дивиться его дару прозорливости и любви к ближнему.

Одним погожим летним вечерком, когда на дворе стоял знойный август, отец Илия возвращался домой проторённой дорогой через луга и речушку. Он шёл, молился и пел наизусть заученные псалмы. Сердце и ум батюшки снова наполнились счастьем, как в былые годы. Зайдя в дом, священник крепко обнял супругу и детишек. Чуть погодя семья прочитала молитву «Отче наш» и приступила к вечерней трапезе. После ужина по давно устоявшемуся обычаю домочадцы отца Илии внимательно, с умилением и небывалым интересом слушали рассказы священника о Боге и чудесах, творимых Всевышним. И вот, когда солнце село и все наконец разошлись по своим комнатам, предварительно прочитав всей семьёй вечернее правило, отец Илия лёг на кровать и закрыл глаза. Немного покрывшись на ложе, батюшка провалился в глубокий сон.

Во сне священнику явились святые угодники Киприан и Иустина и сказали ему: «Зло не дремлет, отец Илия, будь осторожен. Враг ополчился на тебя. Гордость – всему начало и всем порокам порок!» Батюшка от страха вскочил с кровати и, утерев со лба холодный пот, принялся утешать невольной проснувшуюся супругу: мол, ничего страшного, просто ночной кошмар. Но когда жена вновь задремала, отец Илия судорожно, с чувством подкатывающей паники, прохаживаясь по спальне из угла в угол, попытался вспомнить содержание диалога из сновидения. Немного поразмыслив, батюшка успокоился, привёл себя в чувство и лёг обратно на супружеское ложе. Из его головы всё никак не выходили слова, сказанные святыми угодниками. Отец Илия без конца вертелся и не мог найти себе места. Правда, вскоре священник всё же справился с приступом тревоги, принял удобную позу и тихонько засопел. Отец Илия вспомнил слова святых отцов: старцы советовали с осторожностью относиться к сновидениям. А то обстоятельство, что на днях совершался молебен святым Киприану и Иустине, окончательно развеяло сомнения батюшки, и он с душевной радостью заключил, что этот сон не что иное, как просто фантазия, а проще говоря – проделки лукавого, обычный обман, которому не стоит уделять столь пристального внимания. Но как бы ни убеждал себя отец Илия, растревоженное сердце не знало более покоя...

К утру батюшка пуще прежнего стал ворочаться на своём ложе. Неспokoйный сон прервал сильный, шквалистый ветер, отчего кроны деревьев гнулись, как прутья, а шелест листьев напоминал прибой или даже небольшой шторм, разыгравшийся совсем неподалёку, – волны хлётко разбивались о прибрежные камни и медленно сползали обратно в морскую пучину, издавая шипящие, приятные для уха и нервной системы звуки. Отец Илия наконец-то смог расслабиться и совсем не торопился вставать. Он ещё долго томился в дремоте, ожидая звона будильника. Шум ветра и шелест листьев совсем его не смущали, а, наоборот, действовали усыпляюще. Священник по привычке думал, что матушка, как всегда, забыла закрыть на ночь окно.

Провалившись, как ему казалось, целую вечность, отец Илия сладко зевнул, открыл глаза и с ужасом обнаружил, что он находится в каком-то неведомом месте. Это был шалаш отшельника: сложенные домиком прутья упирались в голову, да так, что в этой «хижине» можно было передвигаться только гуськом. Нервно озираясь по сторонам, батюшка пытался осознать реальность происходящего. «Этого не может быть! Это, наверное, сон или чья-то злая шутка! – успокаивал себя священник, стремясь как-то оправдать ужасную явь. – Просто кошмар, и не более. Сейчас прозвенит будильник и я пойду на Литургию!» Отец Илия упал на колени и, разглядев, что одет в рубище, давно не знавшее стирки, взмолился:

– Боже Милостивый, помилуй меня грешного! Не дай погибнуть от стрел вражеских. Прости мне все прегрешения. Яви мне Свою милость, молю Тебя! Убереги от врага всепогубляющего, не дай уснуть в греховней смерти! Спаси и сохрани мя, избави мя от напасти вражией. Не дай места лукавому демону обладати мной насильством смертного сего телеси, исцели меня, Господи! Изыми меня из пасти окаянного зверя, помилуй и прости!

Но, увы, молитвы батюшки остались без ответа. Чуда не произошло. Он ещё несколько раз тщетно пытался выпросить прощение у Господа, но ничего не помогало. Небо не внимало мольбам священника. В ужасе отец Илия осматривал своё новое жилище, то и дело дёргал себя за патлатую голову и в истерике рвал на себе грязные лохмотья. «Что за наваждение? Мне всё это чудится или я просто сошёл с ума? – в панике восклицал батюшка. – Этого просто не может быть!»

Промаявшись около часа, священник всё-таки смирился со своей участью и понемногу пришёл в себя. Он потихоньку вылез из хижины, осмотрелся по сторонам и понял, что находится посреди дремучего леса: вокруг полумрак, сырость и холод, и даже дневной свет не способен был проникнуть в непролазную чащу. В конце концов отец Илия собрался с силами и начал пробираться сквозь иссохшие заросли елей, осин и берёз. Босыми ногами батюшка ступал по мху и осторожно продвигался в глубину леса. Ломая ветви деревьев и отмахиваясь от слепней и мошкар, он наконец-таки вылез на маленькую опушку возле болота. И здесь стали происходить поистине странные и даже мистические вещи. Батюшка не мог поверить своим ушам и глазам: он слышал и понимал голоса зверей и птиц. Отец Илия подумал, что ему всё это почудилось, но вскоре понял, как сильно ошибался... Внезапно ему под ноги прыгнула белка и взмолилась: «Милый, добрый человек, помоги Христа ради! У меня бельчата голодные сидят, а они ведь совсем крохи. Будь милостив, добрый человек! Я пойду к ним, а то боюсь их одних оставить, а ты собери мне несколько горсточек орешков, Божий человек!»

Отец Илия остолбенел, словно увидел саму смерть. Ноги резко подкосились, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Батюшка повёл взглядом в сторону и, оцепенев от испуга, побелел как полотно. На него с вопрошанием и надеждой смотрели все виды лесных зверей и птиц, и каждый нуждался в совете и помощи. Не владея собой от страха, батюшка ринулся с лесной опушки. По кустам, через непролазные кушери, он ломился прочь. Ветви деревьев нещадно хлестали его по лицу, а в ноги впивались колючки. Не зная устали, священник пробирался сквозь чащу, в ужасе кричал пришедшие на ум молитвословия, и казалось, вот-вот сойдёт с ума, если не сможет преодолеть дикие заросли, которым не было видно ни конца ни края. Отец Илия старался не оглядываться и лишь прибавлял шаг. «Быстрее! Скорее! Прочь из этого ада! Только бы сил хватило! Господи!» – возопил к Небесам батюшка.

Вконец измотавшись, отец Илия остановился, с опаской посмотрел через плечо и с выпученными от страха глазами, кашляя от одышки, побрёл дальше вглубь леса. Батюшка прошёл ещё с полверсты, прежде чем уткнулся в ветхую хижину отшельника, из которой и начал свой путь спасения. Священник понимал, что не за горами длинная холодная ночь, и решил не испытывать судьбу, а заночевать прямо здесь. Едва батюшка закрыл глаза, как мгла окутала всё вокруг. Сквозь дремоту он слышал шум ветра, гуляющего между деревьями, и стрекочущих цикад. И всё бы ничего, да только враг не спал, а ждал своего часа...

Священник проснулся около полуночи от резкого шума и постепенно нарастающего треска. От страха батюшка подскочил и со всего маху ударился лбом о деревянное перекрытие внутри шалаша. Вдали раздался душераздирающий вопль:

– Я слышу его! Мы уже близко, отец Илия!

«Бесь», – подумал батюшка и что есть силы пнул дверцу хижины. Та слетела с петель и разбилась вдребезги. Отец Илия выпрыгнул из шалаша с такой прытью, словно увидел целое полчище лесных гадов. Крича в исступлении, он бросился наутёк и пожелал в то мгновение лишь одного – быстрее оказаться дома, где бы его ждала любящая семья: милая сердцу матушка и славные детишки.

Очередной марш-бросок давался с большим трудом. Мысли в голове путались и не подчинялись воле священника, отчего он испугался ещё больше и уже не владел собой: тело не слушалось, а движения казались неестественными. Паника и ужас охватили разум батюшки, и он, словно одержимый, нёсся в направлении света. Изрезав ноги в кровь и разорвав всю одежду, он бежал куда глаза глядят. А силы были на исходе...

– Отец Илия! – раздалось из глубины леса. – Постой, куда же ты так торопишься, не на тот ли свет случайно? А-ха-ха-ха-ха!

- Изыди, Сатана! – завопил батюшка. – Сгинь, нечистая!
- Ну, зачем же так грубо, отец Илия? Мы же с тобой одной крови! А-ха-ха-ха-ха! – зловеще продолжал голос. – Или не помнишь? Око за око, зуб за зуб!
- Ты мне не друг, погубитель человеков! – закричал батюшка. – Изыди именем Животворящего Креста, Господи Иисусе, помоги-и-и-и!!!
- Не поможет тебе твой Боженька! Далеко ты от Него ушёл, а Он от тебя! А-ха-ха-ха-ха! Извержен будешь во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов!

Батюшка обернулся и, разглядев в синеве тумана скачущих по деревьям чертей, двинулся дальше, петляя между кустарниками. Вскоре бесы всё же настигли отца Илию и начали набрасываться на него, кусать за спину и заплетать ноги. Батюшка спотыкался и падал, визжал от боли и животного ужаса и из последних сил отбивался от нечистых духов. На глазах у священника деревья превращались в демонов. Они клацали пастями и хлестали отца Илию по лицу сухими ветками-плетьми. Весь измученный и истощённый, с окровавленным лицом и в изрезанном рубище, батюшка кое-как доковылял до той самой речушки, что раскинулась на пути к его дому.

«Слава Тебе, Господи!» – воскликнул отец Илия и упал как подкошенный. Он подумал было, что наконец отвязался от настигшего врага, и на секунду закрыл глаза. В тот же миг над речкой поднялся ураган. Деревья в округе стали падать, словно колосья из-под косы, а некоторые и вовсе ветер вырывал с корнем. Ведьмы и лешие закружились над водой, а огненный смерч, восстав из реки, ослепил батюшку. Отец Илия встал на колени, но от бессилия тут же рухнул оземь. Из последних сил он повернул голову налево и увидел две сломанные берёзовые веточки. Батюшка поспешно очистил их от листвы, несколько раз надломил и, соорудив импровизированный крест, закричал что есть мочи: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его, яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением!» После этих слов отец Илия слегка приподнялся, осенил себя крестным знамением и отключился.

Рассвет озарил небо, и багряные облака поплыли в сторону запада. По-видимому, будильник показывал пять утра. Матушка всю хлопотала по хозяйству. Дети визжали и плакали. Все домашние собирались на Воскресное Богослужение. Только отец Илия ничего этого не видел... Он очнулся на том же месте. Лицо его покрывали язвы, а тело было истерзано многочисленными ранами и ожогами. Не до конца понимая, что же произошло, батюшка протяжно застонал от боли, но всё-таки нашёл в себе силы и поднял голову. Он взглянул в сторону дома, отряхнулся и пополз к возвышенности. Отсюда батюшка мог отчётливее наблюдать за своей семьёй. Каково же было удивление отца Илии, когда вдалеке он увидел фигуру удаляющегося священника, родную матушку и деток, которые шли рядом и с любовью обнимали неведомого ему самозванца. «Не может быть! – промолвил батюшка. – Нужно во что бы то ни стало добраться до храма и расставить всё по своим местам!»

Израненный и обессиленный, он отправился в путь. Запинаясь и хромая, отец Илия тихонько брёл в сторону сельской церквушки и чувствовал себя прокажённым. Люди, которые встречались ему по дороге, небрежно отворачивались и проклинали батюшку. Дети кричали и в ужасе убегали прочь. В ответ на просьбу дать воды тучная крестьянка обругала отца Илию почём зря и велела убираться во свояси. Батюшка, к своему большому удивлению и негодованию, ещё долго и тщетно пытался найти дорогу к родному храму, плутая в лабиринте деревенских избёнок, которые таинственным образом выстраивались заново перед взором священника и раз за разом заставляли батюшку проходить один и тот же путь. Время тянулось так медленно и вязко, будто оно и вовсе остановилось, а горе-путник, застряв между небылью и призрачной явью, обречён отныне на бесконечные мучения и скитания.

Когда отец Илия всё-таки нашёл тропинку, ведущую к церкви, то очень обрадовался, так как уже и не надеялся, что это вообще произойдёт, ибо, как он думал, прошла целая вечность. «Ну, наконец-то я смогу всем рассказать, кто есть кто, и справедливость восторжествует!» – говорил сам с собой священник. Но никто не спешил признавать отца Илию...

Батюшка остановился на паперти и стал жадно всматриваться в открытые двери храма. Сквозь толпу прихожан отец Илия разглядел знакомый силуэт священника и вновь испытал дикий ужас. Раздался звон колоколов. Проповедь медленно подходила к концу. Люди упоённо внимали каждому слову, которое произносил проповедник, и казалось, ничто не может нарушить эту идиллию. Но

вдруг народ засуетился. Прихожане начали толкать друг друга локтями и неистово возмущаться. Из толпы раздался истошный крик:

– Негодай! Мерзавец! Люди хорошие, посмотрите, это же самозванец!

– Это ещё что за чудо-юдо? – возмутился настоятель храма.

– Что ж творится, честной народ?! Лжеучителя пустили в Дом Божий?! – надрывно закричал отец Илия и заплакал.

Не говоря ни слова, священнослужитель спрыгнул с амвона и быстрым уверенным шагом направился к дверям храма. Подбежав к юродивому, священник наклонился, замахнулся и изо всех сил пнул дурачка в спину, да так, что тот вверх тормашками полетел с лестницы.

– Т-ты?! – заикаясь, произнёс отец Илия. – Я тебя узнал. Люди, люди! Смотрите, это же наш блаженный Алёшка в облачении священника дурит вам головы!

Подскочивший священник склонился над отцом Илиёй и прошептал:

– Нет, отец Илия, я теперь отец Алексей. А вот кто вы будете на самом деле, известно только вашему Богу, ха-ха-ха-ха!

– Как же так-то? Господи, помилуй! Этого не может быть...

– Ещё как может, – тихо сказал настоятель. Повернувшись к людям, он картинно, с ехидной улыбкой на устах развёл руки в стороны:

– Дорогие прихожане, не обращайте внимания, это наш местный дурачок Илюшенька.

– Что ты себе позволяешь, лжеучитель?! – воскликнул отец Илия и набросился на обидчика.

– Ну что, отец Илия, где же теперь твой Бог? – шёпотом продолжал священник. – Или Он от тебя отказался?

В глазах обороняющегося священнослужителя вспыхнул огонь. Холодный ветер обдул лицо отца Илии, и он с ужасом отстранил от себя соперника.

– Люди хорошие! – воскликнул отец Илия. – Это же сам Сатана в обличье человека! Кто-нибудь из вас видел матушку и деток моих?! – обращался к прихожанам обезумевший от горя отец Илия и высматривал в толпе родные лица. – Что ты с ними сделал, Сатана?!

– Теперь они мои чада! – торжественно заявил самозванец и сверкнул глазами оборотня. – Не беспокойся, отец Илия. Я позабочусь о них в твоё отсутствие, ха-ха-ха!

Над церковью закружило вороньё. Густой туман затянул всё небо. Резко потемнело. Люди в панике разбежались кто куда. Вдали послышался вой сирены.

– Санитары! – зловеще крикнул настоятель. – Как вы и заказывали, отец Илия!

Из подъехавшей кареты скорой помощи выбежали четверо здоровых санитаров. Они спешно скрутили вопящего отца Илию и поволокли его в фургон. Уложив батюшку на каталку, один из медбратьев вколол ему изрядную дозу успокоительного и под звуки сирены все четверо принялись нещадно избивать бедолагу.

– Ну что, ты готов пострадать во имя Христа, Бога твоего? – кричал разъярённый санитар. – Или лучше без мучений поедешь с нами?!

– Куда?.. Куда вы меня везёте, изверги?.. – вопрошал почти в беспамятстве отец Илия.

– Куда надо, туда и везём, – ответил второй здоровяк. – Тебе самому выбирать! Или с нами и будешь блистать, или... Или будешь страдать, как страдал твой Господь!

– Делайте что хотите... – сказал окончательно ослабший батюшка. – Мне всё равно терять нечего, я уже всё потерял, кроме Господа Бога моего, Иисуса Христа!

Через мгновение отец Илия потерял сознание. Сколько он так пролежал, одному Богу известно...

Батюшка очнулся в палате для буйных и попытался встать, но не смог. Изучив обстановку, он обнаружил, что прикован ремнями к больничной койке. Отец Илия попробовал высвободиться, но в итоге лишь обречённо вздохнул и расплакался. Понимая безысходность своего положения, он закрыл глаза и в отчаянии взмолился: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мене, грешнаго! – без устали повторял батюшка. – Враг ополчился на меня! Господи, не дай погибнуть от вражеских стрел. Огради меня от дьявольских козней! Спаси и сохрани, Господи!...»

Прошло около часа. Отовсюду доносились брань и крики душевнобольных. Запах хлорки перемешивался с запахом лекарств и больничного белья. К горлу отца Илии подступил ком, тело покрыла горячая испарина, и он на минуту подумал, что находится в преисподней, что так он и выглядит – ад

наяву... Издалека послышался стук каблуков, и вскоре в глубине коридора показался силуэт доктора. «Ну, слава Богу! – подумал отец Илия. – Наконец-то я смогу рассказать всё. Надеюсь, меня поймут и выпустят из этого ада!» Приближающаяся фигура не внушала доверия: крупное тело, массивные конечности, квадратное лицо, огромные очки в роговой оправе на пол-лица, шаркающая походка и фальшивое, прерывистое посвистывание – всё это скорее наводило ужас, нежели вызывало благо-расположение.

– Здравствуйте, Илья Васильевич! – хрипловатым голосом сказал врач. – Как ваше самочувствие? На что жалуетесь?

– Д-д-да я это... – отвечал отец Илия, – ни на что не жалуюсь, доктор... Понимаете, какая штука: если я вам расскажу всё как есть, то вы мне точно не поверите.

– Так, понятно... – тяжело и озадаченно вздохнул врач. – Галлюцинации, бред. Похоже, что терапия не помогает...

– Что, что вы сказали? – переспросил батюшка. – Галлюцинации? Бред? Вы о чём, доктор?

– Да вы не волнуйтесь так. Отдыхайте, набирайтесь сил, сейчас у вас по расписанию капельница с транквилизатором, а перед этим к вам зайдёт ваш знакомый священник.

– Священник?! – в ужасе воскликнул батюшка. – Я не звал никакого священника!

– Ну как же, Илья Васильевич? Вы же сами давеча изъявили желание исповедоваться...

Не внимая словам больного, доктор молча подкатил капельницу к койке и исчез в дверном проёме. Немного погодя послышались уверенные шаги, и на пороге палаты появилась фигура священника. От парализующего чувства страха отец Илия съёжился и с усилием вдавился в кушетку. Перед ним стоял дурачок Алёшка.

– Приветствую вас, отец Илия! – радостно произнёс священник. – Наверное, не ожидали меня увидеть так скоро?

– Что за дьявольщина?! Снова ты?! – закричал отец Илия. – Как тебя земля носит, исчадие ада?!

– Да полно вам, отец Илия. Вы бредите, но явно идёте на поправку. Я только что говорил с вашим лечащим врачом. Он сказал, что потребуется ваше терпение и несколько месяцев стационара, и вас, вполне вероятно, выпишут. А сейчас, давайте, я выполню свой долг. Проще говоря, приступим к таинству исповеди.

– Что?! Да как ты смеешь?! – закричал отец Илия. – Не стану я исповедоваться перед самим Сатаной! Врача! Врача! Я немедленно требую врача!!!

В палату мгновенно вбежали двое здоровяков в белых халатах. Один приготавливал капельницу, а второй принялся ту же затягивать ремни на кушетке. Отец Илия громко закричал и, кусая санитару за руки, начал извиваться на постели, словно выброшенная на берег рыба. Вконец измучившись, батюшка с ещё большей силой вдавился в койку. Он с ужасом наблюдал за действиями первого санитара и про себя молился Всевышнему. Медбрат, увидев, что отец Илия обессилел, без промедления подкатил капельницу с раствором. Санитар с неистовым наслаждением вонзил иглу в вену батюшке, ядовито ухмыльнулся и сказал:

– Ну всё, допрыгался, кузнечик! Теперь поспишь пару суток, а дальше мы разберёмся.

Через пару минут отец Илия закрыл глаза и провалился в кромешную тьму...

Батюшке чудилось, что он находится в каком-то вакууме: повсюду чернота и глушь, как будто он оказался вне пространства и времени. На долю секунды священником овладело чувство бурной тревоги, но, завидев яркий луч света, он тут же воспрянул духом, и в его душе вновь забрезжил огонёк надежды. Луч становился всё ярче и ярче и в конце концов ослепил батюшку божественным светом. В следующее мгновение отец Илия чудесным образом оказался в дивном месте. На облаках стоял город невиданной красоты. Купола башен и крыши домов озарялись радужным блеском. Белизна построек приводила душу в неопикуемый восторг. На сочных цветочных лугах паслись довольные животные. Птицы заливались удивительными трелями. На миг отец Илия подумал, что он в раю, и пошёл было навстречу прекрасному граду, но вдруг почва под ногами начала неумолимо таять, и батюшка провалился вниз, в тёмную бездну. Во время полёта у него перед глазами промелькнула вся жизнь в мельчайших подробностях, со всеми перипетиями, взлётами и падениями. Внезапно он со всего размаху ударился об испепелённую землю. Немного погодя отец Илия встал и огляделся по сторонам, но не увидел ничего живого. Кругом руины, выжженные города и сёла, и ни единой

души. Раздался гром. Батюшка запрокинул голову вверх. Над ним нависли огромные тучи, и молнии засверкали так, словно это был предвестник апокалипсиса. Через минуту небеса разверзлись, и на горизонте появилось яркое солнце. В воздухе повисла звонкая тишина, и только крылья белой голубки шелестели, благозвучно нарушая торжественное безмолвие. Неожиданно с неба раздался бархатный голос:

– Сын Мой, подойди ближе! Ничего не бойся!

– Господи Боже! Неужели это Ты со мной говоришь? – Батюшка сделал шаг вперед.

– Да, сын Мой, – провозгласил голос. – Готов ли ты послужить Мне верой и правдой и всей жизнью своей?

– Конечно, Отец мой Небесный!

– Готов ли ты отречься от всех своих грехов и пороков, имени своего, матери своей, и жены, и детей и идти за Мной, чтобы наследовать Царствие Небесное?

– Господь Вседержитель, Боже Всемилостивый! Конечно, я готов! – прокричал отец Илия.

– Хорошо, я верю тебе, сын Мой. Да, не искутит тебя диавол!

В мгновение ока солнце закрыла пелена из густой мглы. Отец Илия всё так же стоял на испепелённой земле, которая напоминала выжженную пустыню. Батюшка чувствовал дикую усталость, голод и жгучую жажду. Он не знал, что ему делать и куда идти, но нашёл в себе силы и смелость и отправился навстречу неизвестному. Во время своего шествия по песчаным барханам священник неустанно творил Иисусову молитву, то и дело поглядывая на небеса в ожидании чуда. Чуда не происходило... Становилось только темнее и холоднее, и ничего не предвещало положительного исхода... Вдруг вдалеке, на линии горизонта, замигали еле уловимые для глаза огоньки. По мере приближения к цели перед взором отца Илии стал возвышаться необыкновенной красоты город, ночные огни которого так манили и притягивали, что если бы не некоторая отчуждённость и искусственность сего объекта, то можно было бы с удовольствием раствориться в такой притягательной и приятной глазу атмосфере.

Спустя время батюшка достиг окраины города и обнаружил, что дороги пусты, а тротуары безлюдны. Сильно прищурившись, отец Илия всмотрелся вдаль и увидел стремительно приближающийся автомобиль. Через несколько минут перед ним остановился чёрный спортивный кабриолет. Стеклоподъёмник опустил, и из окна показалось знакомое лицо:

– Рад вас видеть живым и здравствующим, отец Илия.

– Алёшка? Дурачок? – в изумлении проговорил батюшка. – Ты-то как тут оказался?!

– Садитесь, отец Илия, я вам всё объясню.

Батюшка, немного поколебавшись, всё же сел в иномарку. Алёшка нажал на газ, да так, что отец Илия глубоко вдавился в сиденье. Это чувство было ему знакомо, и оттого очень ненавистно.

– Я теперь не Алёшка, а Алексей Абрамович Либерман, преуспевающий бизнесмен и очень даже влиятельный политик, батюшка. Так что могу показать вам все краски жизни!

– Постой, все краски жизни, говоришь? – ответил отец Илия. – Ты мне лучше поведай, дорогой мой друг, как это ты из грязи в князи-то в одночасье заделался?

– Ну, почему из грязи? – спросил Алёшка. – Хотя, если поразмыслить, то, наверное, да, из грязи. Ха-ха-ха!

– И что же тут смешного, Алексей Абрамович?

– Да так, ничего особенного. Со временем узнаете, отец Илия.

Минуя безлюдные окраины, путешественники очутились в самом сердце города. Здесь жизнь кипела так, словно сам Сатана приглашал всех на грандиозную вечеринку. Алёшка мечтал угодить батюшке и оттого выбрал самый длинный маршрут: через деловые проспекты и развлекательные кварталы. Отец Илия не раз и не два отмечал, что где-то он всё это уже видел: пышногрудые женщины в дорогих нарядах, удивительная архитектура домов, пёстрые витрины магазинов и ресторанов, дурманящий запах летних цветов и стойкие ароматы зарубежных духов, манящие вывески торговых центров и казино, завлекающие своей порочностью стриптиз-бары и ночные клубы. Но что больше всего изумило отца Илию, так это отсутствие суеты, вернее сказать, абсолютная безмятежность и вопиющая распущенность людей, от которых за версту веяло философией вседозволенности.

Праздные раздумья батюшки прервал бизнесмен Либерман:

– Покатались, и хватит! Надо бы подкрепиться. Что скажете, отец Илия?

– Да... – устало сказал батюшка. – Я и вправду проголодался... А чем мы можем пополдничать?

– Стейк с кровью и душевные страсти! Ха-ха-ха!
– Это что ещё за наборчик такой, просветите! – в изумлении произнёс отец Илия.
– А вам будто непонятно? – продолжал Алёшка. – С-т-е-й-к с кровью или д-у-ш-е-в-н-ы-е страсти!
– А, кажется, я понял, к чему ты клонишь! – в ужасе воскликнул батюшка. – Изыди, Сатана!!!
– Отчего же вы так неласковы со мной? Я же теперь большой человек – как вы сами сказали, из грязи в князи. Да, только я теперь князь мира сего, князь тьмы, ха-ха-ха-ха!!!
– Изыди, изыди! Господи, огради меня от всепогубляющего зла! – вскрикнул отец Илия и на ходу выскочил из машины.

– Ну куда же вы, отец Илия? – спросил внезапно оказавшийся рядом Алёшка и крепко обнял священника. – Оставайтесь с нами, будет весело, я уверяю, ха-ха-ха-ха!!!

Обезумевший от страха батюшка попытался вырваться из плена соперника, но не смог совладать с силой врага, многократно превышающей его собственную. Алёшка взмыл в небо, предварительно схватив отца Илию за грудки. Батюшка испытал такое дикое чувство страха, сравнимое с ужасом, что чуть не потерял сознание.

- Что же вы такой слабенький, отец Илия? А ещё священнослужитель.
- Отпусти меня, Богом молю, отпусти!
- Нет здесь твоего Бога, только ты да я, да мы с тобой. Давай-ка лучше развлечёмся как следует, а?
- Что, что ты от меня хочешь? – спросил напуганный батюшка.
- У меня есть два варианта развития событий: хороший и плохой. Тебя какой устраивает?
- Мне ничего от тебя не нужно, Сатана, и от твоих бесовских приспешников! Господь – моя сила!
- Да что ты заладил: Господь, Господь? Давай лучше выпьем чего-нибудь...

В следующую секунду Алёшка и отец Илия очутились в баре. Повсюду разгуливали куртизанки, вино и пиво лились рекой. Содом и Гоморра казались лишь жалким подобием необузданной вакханалии.

– Отец Илия, давайте по-честному, – льстиво улыбаясь, сказал Алёшка. – Неужели вы никогда не хотели жить на широкую ногу, иметь богатство, славу, менять женщин? Вы же всё время пребывали в моём любимом грехе уныния, зависти и гордыни, но гордость из них первая.

– Да, пребывал, и я каюсь, но не пред тобою, а пред Господом Богом моим! – вскрикнул батюшка.
– Плюнь ты уже на всё это. Давай лучше вместе покорим мир, и я буду одаривать тебя золотом и бриллиантами. Ты будешь купаться в славе и роскоши. Тебе будут кланяться, падать в ноги сильные мира сего!

Алёшка опять взмыл в воздух, прихватив с собой изрядно потрепанного отца Илию.

– Посмотри на этот город и мир вокруг, глупец! Это всё может быть твоим! Ты только согласишься на взаимовыгодное сотрудничество!!

- Какое такое сотрудничество? – спросил измождённый батюшка.
- Всё просто, как раз-два-три! Раз – ты готов сотрудничать, два – ты отрекаешься от своего Бога и кланяешься мне! И три – я забираю твою душу!
- У меня есть встречное предложение...
- Это какое же?! Я весь внимание!
- Раз, два, три – Святая Троица! Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа изыди, Сатана!
- А-а-а-а! – простонал Алёшка. – Какой же ты глупец! Но да будь по-твоему, гори в геенне огненной! Вечно!

Не успев закричать, отец Илия с высоты птичьего полёта был сброшен вниз. Он камнем ударился оземь и больше не встал...

Светало. Первые лучи солнца озарили крышу на избе отца-настоятеля. Прозвенел будильник, и в доме началась суета. По всей видимости, это был понедельник. Матушка, как обычно, варила, парила, стирала. Отец Илия открыл глаза и упёрся взглядом в белёный потолок. Сделав глубокий вдох, он почувствовал запах свежей домашней выпечки. Первая мысль, которая посетила батюшку: «Дивны дела Твои, Господи! Благодарю Тебя, Всевышний, за то, что не дал мне погибнуть в моём грехе гордыни и уныния! Слава Богу за всё!» – Слова сии звучали песней в душе, услаждая сердце человека, который вновь познал Христа.

«Стоп! – продолжил размышления священник. – А где же сейчас Алёшка? Надо немедленно разыскать его!»

Отец Илия выбежал из дома и отправился напрямиком в храм. Домчавшись до церковной ограды, он завидел сидящего на паперти Алёшку и что есть мочи закричал:

– Лёшка! Родненький, прости! Молю тебя!

Батюшка бросился к юродивому, обнял его и стал целовать, а потом ещё целый час просил у местного дурачка прощения. Увидев это, народ дивился и приговаривал:

– Эвона как бывает! Батюшка-то наш, отец-настоятель, совсем того, видать! Из ума выжил! Вчера дурачка пинал почём зря, а сегодня, смотри, что делается: руки и ноги ему целует! Похоже, у нас на селе теперь два блаженных будет!

Не обращая внимания на зевак, отец Илия помог юродивому подняться и направился вместе с ним в баню, а потом и в трапезную, а после, ближе к вечеру, и вовсе повёл местного дурачка к себе домой. Так и стал блаженный сначала жить у отца Илии, а потом и в алтаре прислуживать. Вскоре Алёшка прослыл не просто дурачком и юродивым, но и провидцем-целителем, который мог предсказывать события и врачевать разнообразные душевные и телесные недуги. Узнав о святом человеке, многие страждущие и нуждающиеся из соседних селений, а впоследствии и за пределами оных возжелали узреть чудотворца своими глазами и поспешили обратиться за помощью. Деревушка и маленький сельский храм в мгновение прославились, и у отца Илии более не было повода для уныния и печали, ибо Господь позаботился о чаде Своём и отныне пребывал в сердце священника во все времена...

СЛУЧАЙ

Рассказ

На дворе стояла то ли глубокая осень, то ли середина весны, – что именно, история, к сожалению, умалчивает. Как ты понимаешь, дорогой читатель, возможны оба варианта. Но не в этом суть. Нам важно другое – сама история, что приключилась в этот переходный период, или, проще говоря, в смену сезонов в стенах одной частной больницы – клинике неврозов, которая находилась не где-нибудь там, а в самом центре города (Ё) – в районе престижном и весьма зажиточном.

Альберт Исаакович Шпильрейн – молодой, но уже достаточно известный психиатр-психотерапевт, занимающий должность главврача и генерального директора сего заведения, сидел в своём кабинете в стёганом кресле горчичного цвета за массивным дубовым столом и, подперев голову костлявыми руками, тревожно вслух размышлял:

– Я так измотан... Боже, мне так плохо... Эта неврастения точно сведёт меня в могилу. И почему я ничегошеньки не делаю для себя любимого, а только для этих – неблагодарных, вечно ноющих пациентов-невротиков?.. Это ведь так просто. Здоровый эгоизм, и всего-то... Да! Точно. Нужно сократить рабочие дни и количество приёмов, а также отказаться от участия в симпозиумах и конференциях! И уехать на море, отдыхать и наслаждаться жизнью! Обязательно!

Внезапно раздался отрывистый и настойчивый стук, больше похожий на дробь, чем на просто одиночные, мерно следующие друг за другом деликатные удары костяшек о деревянную дверь. Альберт Исаакович, чую угрозу, немедленно съёжился и залез под рабочий стол – ни дать ни взять улитка, которая, завидев опасность, отступает и быстро прячется в раковине от греха подальше.

Прошло около минуты, прежде чем доктор собрал волю в кулак. Он вылез из своего укрытия, принял успокоительное, предвидя паническую атаку, выпрямился в струнку и замер.

– Да-да, входите... входите же! – неуверенно произнёс врач и, снова ссутулившись, продолжил, но только уже себе под нос: – Лучше бы я притворился, что меня здесь нет... Или ещё лучше, если бы я умер, например... А что, хорошая идея! Надо сказать об этом моей секретарше Сабине, чтобы впредь меня никто не беспокоил... – Психиатр, не останавливаясь, напряжённым голосом говорил сам с собой, и, поскольку посетитель не торопился зайти в кабинет, у доктора появился лишний повод потрещивать, а заодно и поразмышлять о дне насущном: – Кстати, почему этой вертихвостки Сабины до сих пор нет на рабочем месте?! И охранники какие-то незнакомые на входе парадном сегодня... Может, смена другая?.. Странно, конечно, всё это... Надо больше отдыхать, Альберт Исаакович, больше отдыхать, выспаться, в конце концов... Да и персонал словно сквозь землю провалился! А уже, между прочим, девять часов утра! Снова всё на мне, только на мне! Никто не хочет работать!

Через мгновение в кабинет зашёл человек средних лет. С виду бизнесмен или звезда – с первого взгляда было не разобрать. Что-то вроде того. Поскольку уж больно вычурно, дорого-богато, как говорится, он был одет: соломенная шляпа а-ля канотье, красный твидовый костюм в крупную белую клетку и чёрно-белые классические лакированные туфли. В руках непрошенный визитёр держал бамбуковую тросточку, которую время от времени виртуозно крутил, а затем ставил на пол. Опершись на палочку, мужчина пританцовывал и покачивал головой в такт слышной только ему мелодии. Незванный гость – маленький толстячок со здоровым румянцем на щеках – был весьма доволен собой и, видимо, жизнью в целом. Весёлый, опрятный и при этом спокойный, он производил скорее хорошее впечатление, что, конечно же, было не свойственно людям, которые обращались за помощью к доктору Шпильрейну, – молодому дарованию в области психотерапии. Клиентами-пациентами Альберта Исааковича обычно становились невротики, ипохондрики, истерики и иже с ними – личности весьма беспокойные и тревожные, которые для обывателя, относительно здорового человека (если есть таковые, в принципе), далёкого от новомодного увлечения психотерапией и психологией, были что ни на есть настоящими сумасшедшими. Место таковым, по убеждению «нормальных», было не где-нибудь, а как раз таки в психушке, – или в дурдоме, если говорить простым языком.

– Здравствуйте, Альберт Исаакович! Мне есть-таки много чего рассказать вам! – вежливо, бодрым тоном поздоровался «звезда» и плюхнулся на уютный скандинавский диван напротив стола психиатра.

– Здравствуйте... – в замешательстве ответил врач. – А с кем я имею?.. Простите, а вы уже были у меня на приёме?..

– Док, ну ты чё, не признал-таки меня, что ли?! В натуре! Ха-ха, вот умора! Ха-ха-ха! – рассмеялся собеседник. – Эт ж я, Святослав Карлсберг!

– Святослав Рувимович?.. – опешил психотерапевт. – Неужели это вы?.. Какие, однако, разительные изменения с вами произошли... Вас не узнать... Ни по внешним признакам, и уж тем более по внутренним...

– А то ж! – самодовольно воскликнул пухляш. – Я-таки полностью поменял свою жизу и, следуя, между прочим, твоим ценным указаниям, док, исправил-таки свою бета-реальность! Сечёшь? Ха-ха! И прошу, дружище, называй меня отныне – Сэм. Это моё погоняло такое. Ну, в клубе миллионеров прозвали так, короче...

– И как вам всё это, скажите на милость, удалось, если не секрет, конечно?.. – недоумевал доктор. – Вы же были таким неуверенным в себе человеком, абсолютно нерешительным и очень забитым... Помнится, что вы ко мне обратились за помощью, точнее сказать, за вас это сделали ваши родственники. Видимо, родители... Чтобы вытащить вас из затяжной депрессии с эпизодами ипохондрии. Фактически у вас было генерализованное тревожное расстройство... Вы боялись всего, абсолютно всего... Даже просто выйти на прогулку вокруг собственного дома... Скажите, любезнейший, как?.. Как вам удалось побороть ужасную тревогу, что одолевала вас на протяжении многих лет?

– Док, ну ты чё, серьёзно, что ли?! Чё-то ты совсем сдал, дружище... – отозвался Святослав Рувимович. – Ты же сам меня учил, что нужно просто ни о чём не думать, не париться-таки по пустякам и довериться потоку, течению, или как там, ёшки-мошки... В общем, раствориться во времени, стать частью бытия, поскольку, как ты сам вещал, док, Бог нас создал из земли; поэтому мы, мол, должны-таки быть частью этого сумасшедшего мира, встраиваться в него как пазл, типа, а не пытаться жить в индивидуальном порядке, – вне социума, думая, что мы-таки существуем отдельно от всего живого. Сечёшь, док? Вспоминаешь? В потоке быть, етить-колотить! В потоке. На расслабоне, на чиле, короче. Но для начала, дружище, нужно успокоиться. Прийти в себя, типа. Как сделал я, отправившись в дивные дали.

– И как вам это удаётся? Быть на расслабоне и на чиле?.. – осторожно поинтересовался Альберт Исаакович. – Простите, какие дали вы упомянули?..

– Док, чё происходит-то?! Ты мне чё мозги делаешь? Кто здесь психотерапевт, в натуре, я или ты? Ты ж самый лучший мозгоправ своего поколения, если рейтинг и статистика не врут! – Бывший пациент был чрезвычайно удивлён и возмущён.

– Да-да... Вроде как... Я лучший... – неуверенно ответил психотерапевт. – Но дело в том, что...

– О-о-о... – Бизнесмен огорчённо вздохнул, снял шляпу и протёр лоб шёлковым платочком. – Как всё запущено, док... Как ты себя довёл до такого плачевного состояния, в натуре?.. – Толстячок резко соскочил с дивана, подошёл вплотную к столу психотерапевта и, склонившись над ошеломлённым

доктором, шёпотом, но возбуждённо сказал: – Всё просто, как два пальца... Док... Нужно просто жить в удовольствие. Для себя, сечёшь? Для себя любимого, дружище! Никаких долженствований и чувства вины, никаких! Ни перед сослуживцами, ни перед больными, ни перед родителями, ни даже перед детьми, ёкарный бабай! Ты никому-таки ничё не должен! Ты свободен как птица, что мечтает раскрыть сложенные запылившиеся крылья и улететь в дивные дали!

– Не должен... – Озадаченный Альберт Исаакович на несколько секунд погрузился в тревожные раздумья. – Никому ничего не должен... Ни родным, ни пациентам... Крылья, мои крылья... Я птица... Дивные дали...

– Именно, док! – радостно воскликнул Святослав Рувимович и начал отбивать чечётку, кружиться вокруг своей оси и вальсировать, пристукивая в такт бамбуковой палочкой-тростью. – Тру-ля-ля, тру-ля-ля! – в экстазе кричал бизнесмен, продолжая пританцовывать.

– Остановитесь немедленно! Немедленно прекратите этот балаган! – закричал опомнившийся психиатр. – Что вы себе позволяете?! Кто здесь психотерапевт, доктор, в конце-то концов, вы или я?! А я, между прочим, ещё и главврач!

– Спокойствие, док, только спокойствие! – Пухляш с выпученными глазами и безумным лицом подскочил к опешившему доктору и сел к нему на колени. Качая перед глазами Альберта Исааковича мастеровым маятником из платины и золота, он монотонно начал приговаривать: – Спокойствие, только спокойствие, док. Ты главный, дружище, спору нет-таки... Но... Отныне никакие проблемы тебя больше не волнуют. Ты-таки вне времени, вне пространства. Все неурядицы проходят мимо. Мимо тебя. Ты свободен, абсолютно свободен и беззаботен. Тебе чужда суeta больших городов и ты стремишься... В дивные дали... Где сможешь наконец-таки обрести себя и познать суть своего божественного предназначения...

– Свободен, абсолютно свободен... – заворожённо повторял психотерапевт. – Мне чужды заботы и суeta... Я никому ничего не должен. Пора... Пора...

– Пора!.. – шёпотом «прокричал» бизнесмен и прыгнул с коленей доктора. Отбивая чечётку о дубовый паркет, он побежал в центр кабинета, где продолжил неистово выделывать замысловатые па. Альберт Исаакович долго смотрел на импровизированное представление своего некогда подопечного, но никак не реагировал и лишь изредка качал головой в такт цоканью каблучков. Святослав Рувимович ускорил темп и всё чаще и быстрее, уже совсем громко и яростно стучал набойками, сохраняя изначальный ритмический рисунок. Психотерапевт постепенно пробуждался, приходил в себя, и вскоре на его лице засияла кристальная улыбка, которая, правда, немного погодя сменилась безумной гримасой. Спустя мгновение Альберт Исаакович вскочил с кожаного кресла и, словно крупная породистая кошка, в несколько прыжков достиг бывшего пациента, сбросил с ног больничные тапочки и принялся отбивать чечётку вместе с ним.

– Тру-ля-ля! Тру-ля-ля! – кричали они и как джигиты гарцевали на невидимых лошадях по кабинету.

– Это восхитительно! Великолепно! Потрясающе! – с неподдельным восторгом воскликнул психотерапевт. – Почему я раньше не следовал своим же методам, почему не использовал то, чему всегда учил своих пациентов?!

– Так вот и я тя спрашиваю, док: в чём дело, ёкарный, почему ты-таки забил на себя любимого, почему?! – вопил во всю глотку неугомонный толстячок. – Тру-ля-ля, тру-ля-ля!

Через полчаса буйства и безудержного веселья оба сидели на диване напротив рабочего стола Альберта Исааковича, время от времени закатываясь истерическим хохотом и порываясь хоть как-то начать разговор.

– Ну так чё, ха-ха, док?! – никак не мог удержаться от смеха Святослав Рувимович. – Ты чё-нибудь решил-таки? Ха-ха-ха-ха!

– Да, ха-ха, решил-таки, решил! – вторил ему психотерапевт. – Решил, что нужно валить в дивные, дивные дали и жить как человек мира – планеты Земля, как сын Божий!

– Замечательно! Превосходно, док! – завопил бизнесмен как умалишённый. – Давно пора, ёшки-мошки, забить-таки на всю эту хрень!

– Постойте-ка... Постойте, однако... – резко переменялся в тоне Альберт Исаакович. – А как же клиника, как же пациенты?.. Кто же их будет вести, назначать терапию, следить за показателями?.. И прочее, и прочее...

Пухляш, не мешкая, вновь запрыгнул на колени к доктору и принялся раскачивать маятником у него перед глазами:

– Ни о чём не беспокойся, док... Не парься, в натуре. Говорю-таки тебе, я точно знаю, дружище, как решить этот ребус, эту головоломку, етить, какой она, по сути, и не является-таки... Это всего лишь паттерн, заученное стереотипное мышление, которое нужно скорректировать. Всё под контролем, всё под контролем... Под моим контролем... Под моим бдительным оком, док...

– Это всего лишь неправильная поведенческая реакция, всего лишь заученный паттерн... – Альберт Исаакович вошёл в транс, и речь его становилась всё более невнятной. – Всё под контролем... под вашим бдительным оком... Святослав Рувимович... Сэм...

– Сейчас, док, когда я щёлкну пальцами, ты очнёшься-таки здоровым, абсолютно свободным от недугов и тревоги человеком, – мерным, усыпляющим тоном приговаривал толстячок, – и почувствуешь непреодолимую тягу к приключениям и к исследованию своего глубинного «я», которое находится...

– В дивных далах...

– Да, ёкарный!.. – воскликнул Святослав Рувимович и щёлкнул пальцами.

Альберт Исаакович мгновенно пришёл в себя. Он резко встал с дивана и, одёрнув больничный халат, ловко обулся в белоснежные замшевые сабо и бодрым, уверенным шагом двинулся к рабочему месту.

– Так... – задумчиво сказал доктор, усевшись в широкое кресло. – Что тут у нас имеется?.. – Он принялся скрупулёзно перебирать стопку документов, лежавших на краю стола. – Отчёты... Отчёты... Журналы, рецепты, выписки, справки...

– Чё ты там рыскаешь, как ментовская ищейка, док? Ха-ха! – ехидно ухмыльнулся пухляш.

– Ага! Нашёл! – в безумстве закричал доктор. – Нашёл-таки этот чёртов бланк! Идите сюда, Святослав Рувимович, Сэм, дорогой мой друг! Идите скорее!

Святослав Рувимович подошёл к доктору и склонился над столом.

– Я уже давным-давно напечатал это заявление, – интригующим голосом озвучил свои мысли Альберт Исаакович, – и отложил его до лучших времён; но, как видите, дорогой Святослав Рувимович, Сэм, это время настало только сейчас! Давайте каждый распишется, и дело с концами!

– За-я-вле-ни-е... – толстячок весьма медленно (по слогам) прочитал название документа, после чего неуверенным и тихим голосом продолжил: – Я, император всея Вселенной, главнокомандующий всеми галактиками, хранитель созвездий и Млечного Пути и по совместительству лекарь от Бога, врачеватель душ человеческих, слагаю с себя полномочия главврача сей волшебной лечебницы-целебницы и назначаю на моё место преемника... – вчитывался в документ бизнесмен. – Интересно, однако, док! Очень интересно, но ни фиги-таки не понятно!..

– Да, вы правы, друг мой, Сэм, и весьма занимательно! Давайте же поставим подписи и разойдёмся каждый по своим делам: я поеду в бессрочный отпуск в дивные дали, а вы, друг мой, возглавите клинику на время моего отсутствия!

– Так ведь я же... Эт самое... – занервничал до этого самоуверенный Святослав Рувимович. – У меня же нет медицинского образования... Как же я, в натуре...

– Умоляю вас, любезнейший! К чему сомнения? Уж поверьте, вам не нужно иметь никакого профильного образования, чтобы возглавлять частную клинику по врачеванию душевному! – возразил перевозбуждённый Альберт Исаакович и наотмашь подписал документ, начеркав на полстраницы неведомую загогулину. – Всё это прошлый век! Сейчас важно иметь не диплом, а знания, которые приходят только с опытом и ни с чем иным! Вам ли не знать, милый друг? Как у нас, психотерапевтов, говорится: кто первым халат надел, тот и доктор.

– Вот и славно, док! Вот и славно! Ништяк! Ха-ха-ха! – изменился в голосе пухляш и злорадно засмеялся: – Пацаны! Бегом-таки сюда!

В кабинет мгновенно забежали два здоровяка и скрутили ошарашенного врача.

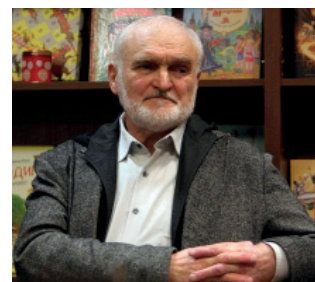
– Что всё это значит?! Санитары?! Откуда?! – кричал испуганный Альберт Исаакович, обращаясь к Святославу Рувимовичу и верзилам в белых халатах. – Что происходит, чёрт побери?! Позвольте узнать, куда вы меня ведёте?! А вы что здесь делаете, Осип, Ёзя? Вы же должны быть в стационаре! Что происходит?! А как же дивные дали?!!

– Вколите ему успокоительное, да побольше, парни, пускай док проспится, – невозмутимо скомандовал толстячок и, опершись на трость, три раза повернулся вокруг своей оси. – И по возможности выделите ему отдельную палату и обеспечьте достойный уход. Как-никак он единственный, кто в этой чёртовой клинике относился ко мне как к человеку...

Проза

Сергей Воробьёв

Сергей Павлович Воробьёв – родился в Ленинграде в середине прошлого века. Моряк, полярник, путешественник. С 2011 года состоит в Союзе писателей РФ, редактор и составитель региональных литальманахов. Издано 11 авторских книг прозы и сборник стихотворений. Три из них удостоены литературных премий. Проживает в Тихвине.

АБХАЗСКИЙ АЛГОРИТМ – II

И снова я в Абхазии. И снова улыбаюсь. Знакомым и незнакомым лицам, морю, солнцу, щедрой природе. А ещё благодарно улыбаюсь соседке Инге и подруге Эмме за щедрые дары в виде варенья из инжира и ежевики, горного мёда, мяса по-абхазски, приготовленного специально для нашего приезда. Как всегда, Абхазия открывает для нас свои дружеские объятия.

РЫНОК

Говорят, театр начинается с вешалки. А южный город, конечно, с рынка. Рынок – это отражение души города. Сухумский рынок не изменился. Как и прежде, снуют тачкисты, развозя товар по точкам. Как и прежде, через репродукторы звучат объявления. Если раньше требовались штукатуры и реализаторы, то, похоже, реализаторов набрали, а вот штукатуров не хватает. Местные почему-то не клюют ни на большие заработки, ни на бесплатные обеды. Судя по маркам автомобилей и особнякам, создаётся впечатление, что зажиточных людей здесь немало. Откуда эта зажиточность, непонятно. Но она явно присутствует.

- Бог даёт, – объясняют.
- Но бывают и незажиточные. По всей вероятности, Бог не всем подаёт. Им кто не даёт?
- Тоже Бог. Всё от Него!

При входе на рынок, в самом людном месте стоит маленькая, худенькая, в длинной яркой юбке и кокетливой шляпке бабуса. На первый взгляд – вылитая Яга: нос крючком, маленькие близко поставленные глазки, поджатые губки. Но как только с ней поздоровались, лицо её осветилось удивительной улыбкой, глаза засияли – не баба Яга, а добрая фея.

- Как зовут вас, прекрасная фея?
- Нателла Захаровна, из рода...

Какого рода не расслышал. Но ответ был исполнен такого достоинства, словно была княжеского рода. Торговала она небольшой горкой грибов.

- Что за грибы, Нателла Захаровна?
- Грузди. Белые грузди. Редкий гриб. Всем грибам гриб. Можно и солить, и жарить. Очень хорош.

Товар у Нателлы Захаровны был редкий, потому что на рынке нигде и ни у кого я больше не видел белых груздей. Мало кто знает, что белый груздь – царь грибов.

Всё так же на своих местах сидят две цыганки и наперебой зычными голосами зазывают проходящий мимо народ:

- Труссы! Майки! Отрава!!!

В этот раз добавились ещё и носки. Бизнес расширяется.

Бросается в глаза большой стенд с полками, на которых расставлены фирменные, литров на десять, контейнеры с краниками. Можно попробовать из любого или абхазского вина (Мускатное белое, Чегем, Гранатовое, Ежевичный звон), или коньяку (Арарат, Классический, Миндальный, Лавровишня, Барбарис), или чачу разных сортов (Фейхоа, Персиковая, Барбарисовая). Все они

стоят, как книги на полках. Правда, есть риск «начитаться» этих «книг» так, что вкус чачи с привкусом барбариса становится неотличим от чачи с привкусом фейхоа. Не понравилось – отходи. Понравилось – бери. На самом видном месте разноцветные бутылки в форме женских фигурок. В них ликёры, приготовленные специально для женщин: Ванильный, Шоколадный, Молочный, Миндальный и прочие.

Торгует всем этим богатством человек с высшим образованием, благожелательный, улыбочивый, приветливый и всегда трезвый армянин Ашот. Пообщаешься с ним, и на душе становится тепло, словно выпил сто грамм коньяка «Арарат». Непременно увезёшь с собой в северные края не только солнечную энергию коньяков и чач, но и сердечное тепло самого продавца этих солнечных напитков.

СПЛОШНАЯ НЕПРОХОДИМОСТЬ

Приехав в Сухум, в первый же день садимся в автобус и едем на рынок. Улицы около рынка всегда забиты машинами.

Водитель автобуса, попавшего в пробку, комментирует по телефону:

– Паслушай, сплошная непроходимость... Вся дорога в машинах. Не могу вовремя подъехать.

Извини.

Как сказано! – Сплошная непроходимость! Кто бы ещё так мог сказать кроме абхазца. Никто!

Группа туристов – их всегда можно узнать по рассеянному взгляду и бледной коже – останавливает автобус. В открытую дверь заглядывает женщина и спрашивает:

– До рынка доедем?

– Ещё как доедем! – отвечает водитель – Мамой клянусь!

И доехали. Если мамой поклялся, не доехать не мог.

Правда, уже в автобусе, когда все расселись, заметил:

– Пешком здесь быстрее будет.

Водители в Абхазии лихие. Езда на авто напоминает джигитовку. Носятся быстро: смело и умело. Половина легковых автомобилей с правым рулём, как правило, японские. Когда их будет процентов семьдесят пять, можно будет переходить на левостороннее движение.

Автобусы, как и прежде, останавливаются там, где попросит пассажир. Наш автобус с рынка идёт каждый час по расписанию. Садимся. Пора ехать. Слышится женский голос:

– Руслан, подожди малость, соседка вот-вот подойдёт. Не успела яиц купить.

Наконец опоздавшая появляется, обвешанная сумками и пакетами, набитыми рыночным товаром. Никто не сетует, что задержались. Едем.

– Руслан, – обращается к водителю молодая женщина, – мимо магазина поедешь, останови на две минутки, забыла хлеба купить, а дома ни крошки.

Останавливаемся. Проворная женщина проскальзывает в магазин и быстро возвращается, но уже с буханкой белого хлеба.

– Спасибо, Руслан, выручил. А то дети не поймут: на рынке была, а хлеба не купила.

Кто бы, например, в Москве, Нью-Йорке или даже в небольшом городке России вам остановил автобус, чтобы вы сбегали в магазин купить хлеба? Это просто не укладывается в голове.

В автобусе один пожилой абхазец рассуждает вслух:

– Сорок лет отъездил на машине. А сейчас думаю: какой же я был дурак. Сдалась мне эта машина! Год уже кайфую без неё. Ни забот, ни хлопот. Надо ехать – сел на автобус и везут тебя куда надо. Едешь, смотришь по сторонам. А раньше за баранкой ничего не видел. Всё мелькало, проносилось мимо. Главное – на красный не проехать и не задавить кого ненароком. А сейчас – лафа. Выпил кружку пива, и уже ничего не боишься. А ежели торопишься, вызвал такси и поезжай куда душе твоей угодно. Прикинул – такси обходится намного дешевле, чем собственный автомобиль. Ехать пассажиром – привилегия. Я только сейчас и почувствовал себя свободным человеком. Другого в этом не убедишь. Да я и не убеждаю. Так – рассуждаю вслух.

ТРЕЗВЫЙ ВОДИТЕЛЬ

Прямо на набережной щит с рекламой:

Такси «Родник»

Телефоны ...)

Далее текст:

«Услуга “Трезвый водитель”»

Спрашиваю:

- А что, бывают и не трезвые?
- Упаси господи!
- Тогда зачем делать на этом акцент?
- Для пущей убедительности, что довезёт вовремя в целости и сохранности.
- А без этого нельзя?
- Без чего без этого?..
- Без акцента.
- В Абхазии без акцента нельзя. У нас всюду акцент.

Действительно, такого «акцента», как в жёлтом загородном автобусе, у нас в России не встретишь. На кабине водителя красуются многоцветные объявления – целая галерея:

«Водителя руками не трогать»

«Сдачи не клянчить!»

«Боишься, сиди дома»

«Быстро поедешь, тихо понесут»

«Люби как мать. Гони как тещу»

«Зайцев не возим, дед Мазай едет сзади»

Водитель был из старшего поколения, Некрасова помнил.

КУКУСИКИ и крутой ВОКЕР

Реклама на витрине магазина:

КУКУСИКИ

Под ними рука с пультом и текст:

«Поставь мир на паузу и наслались кукусиками».

Зашли. Спрашиваем:

- Кукусики есть?
- Есть.
- А что это такое?

- Жареные семечки.
- Так бы и написали.
- Брать не будут. А так дети все просят: «Мама, купи кукусики!» Нравится им название.
- А «крутой вокер» тоже для детей?
- Тоже. Это белые в полоску жареные семечки с морской солью, по 150 грамм пакетик. Хороши под пиво.
- А что-нибудь ещё для детей есть?
- Только «кукусики» и «крутой вокер». Больше ничего.
- А для взрослых что можете предложить?
- Для взрослых, для взрослых... Вот, есть трёхслойная туалетная бумага. Очень мягкая. Будете довольны. Всего пятьдесят рублей за рулон.
- Нам, пожалуйста, два рулона. Каждому по рулону.
- Возьмите ещё Сухумское пиво с вокером...
- Спасибо, но это будет перебор. Остановимся пока на туалетной бумаге.
- Как я вас понимаю, – реагирует продавец, – каждому возрасту своё.

ПИВО МУЖСКОГО РОДА

Кафе БУХАРА. На двери надпись:

ЖИВОЙ ПИВО

Никогда не думал, что пиво может иметь ещё и мужской род. Но звучит хорошо.

Гораздо лучше, нежели бы было:

ЖИВАЯ ПИВО

Захожу:

– Живой пиво есть? – спрашиваю.

– Есть.

– Очень живой?

– Сегодня привезли. Живее не бывает.

«Значит, хороший», – подумал я, зная об этом из опыта.

«Сухумский пиво надо пить только свежим», – уже окончательно утвердив пиво в мужской род, заметил я про себя.

Пиво действительно оказалось хорошим.

– Бери ещё.

– Завтра.

– Завтра он будет уже не такой живой.

– Ну и ладно. Попьём и полуживого.

ВКУСНАЯ КУХНЯ

На обширной витрине одного из множества сухумских ресторанов реклама:

Вкусная кухня!

У нас всегда ЕСТЬ что ПОЕСТЬ

Идёт перечисление десятка первых и вторых блюд, закусок, выпечек, напитков и десертов. Каждое блюдо изображено на цветных фотографиях. Глаза разбегаются. Желудочный сок выделяется сам собой.

– Мне вот это, пожалуйста. Как оно называется?

– Это курица в баже. Или курица по-абхазски в ореховом соусе. В соус добавляется чеснок, перец, корица, хмели-сунели, кинза. Очень вкусно.

– Ну, баже так баже. Щас погрязнем в кутеже. Всем по баже. Где наша не пропадала.

В Абхазии есть ещё одно блюдо. Это хашлама. Мне удалось попробовать хашламу в одном из многочисленных кафе-забегаловок на сухумском рынке. Хозяйка Изабелла Константиновна – пожилая добросердечная абхазка. Коронные фирменные блюда: хашлама и солянка. Хашлама – это насыщенный бульон с ароматами трав и с большим куском отваренной говядины: первое и второе вместе. Подаётся с белым хлебом и с полным набором приборов: ложка, вилка, нож.

Хозяйка, как постоянному посетителю, подносила мне всегда стаканчик вкуснейшего домашнего ягодного вина или салатик из сладких перцев, обильно пропитанных укусом. При этом всегда добавляла:

- Это подарок. Очень хорошо к мясным блюдам.
- Спасибо, Изабелла Константиновна, вы слишком добры.
- Зовите меня просто Беллой. У нас в Абхазии быть добрым – это норма.

Надо отдать должное абхазской кухне. Она очень разнообразная, обильная, вкусная, привлекательная на вид, с преобладанием мясных блюд, в меру перчёная. Именно в меру, поскольку мой несовершенный желудок принимал этот перец за своего и реагировал на него вполне благопристойно. Цены за блюда весьма умеренные. Никак не сравнимые с московскими или питерскими.

Напротив бывшей станции Гума, через дорогу, расположился ресторан «Мухус», ставший популярным благодаря, как написано в рекламе, «лучшим в Сухуме хинкали».

В жаркую погоду большинство посетителей стараются найти столик на открытой веранде ресторана.

Мы расположились рядом с двумя батюшками, очень впечатляющего вида и по всем признакам высокого чина. Они заканчивали трапезу. Допивали чай и о чём-то изредка переговаривались. Проходя мимо, я громким голосом пожелал им ангела за трапезой. Они переглянулись, по всей вероятности не зная, как ответить. Но слегка привстали и приветствовали полупоклоном. Один из них был худ, с длинной седой бородой. Как нам потом сказали – управляющий Абхазской православной церковью иерей Виссарион. Второй, с большим и массивным крестом на груди, был очень колоритен: глубокий, пронзительный, но умиротворённый взгляд чёрных глаз, полное лицо с благожелательным выражением и с обширной чёрной с проседью бородой. Оба просились под кисть талантливого художника-портретиста.

Выйдя из ресторана, они сели в белую японскую машину. Иерей Виссарион занял место водителя, включил зажигание, и с плавным ускорением они «поплыли» по своим непростым делам. Высшие чины Абхазской православной церкви не гнушаются быть при народе и запросто трапезничать в общественной трапезной без охраны. В России это равнялось бы соседству в каком-нибудь ресторане с патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Я спрашивал у жителей Сухума: «Как переводится “мухус”?» Никто не мог ответить, пока не приехал из Питера внук и сразу же нашёл перевод:

– Это и дураку понятно: «мухуС» – прочтите слева направо, что получится? – «Сухум».

Заметил, что на выдумку для разного рода названий и объявлений абхазцы горазды и подходят к этому творчески с неизменной улыбкой, создавая хорошее настроение. Ну кто ещё может, например, создать такую рекламу:

ДЕТСКОЕ БЕЛЬЁ
СТИЛЬ С ПЕЛЁНОК

Это неповторимо.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

На городском пляже из досок сколочено летнее кафе. Скамейки сделаны из грузовых палет, поставленных друг на друга. Дёшево и сердито. На свисающих обшлагах тента выведено крупными буквами: ЖИВИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

И в этом мы убеждаемся на примере двенадцати степенных, солидных мужчин, занятых в основном

разговорами и в меньшей степени напитками и едой.

Вспоминаются слова из Евангелия: «не заботьтесь о завтрашнем дне». Получается – ЖИВИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Девиз «Живи здесь и сейчас» можно применить и к завсегдатаям «Брехаловки».

Брехаловка – любимое место как для старожилов, так и для приезжих.

Мимо неё никак не пройдёшь. Она органично сливается с окружающими её вековыми деревьями, морской набережной, лазурным небом. Нет ни стен, ни дверей – есть большой обширный матерчатый купол самой «Брехаловки», под которым можно бесконечно брехать, выбрехивая из себя всё, что в тебе накопилось.

Сколько раз туда ни заходи, обязательно за столом завяжется беседа.

Средних лет мужчина, сидевший напротив, закуривает дорогую сигарету и ненавязчиво присоединяется к нашему разговору. Выпустив струю табачного дыма, начинает объяснять, почему здесь такой вкусный кофе, который раньше готовил известный всему Сухуму Лёха:

– Где ты сейчас, Лёха? Кофе у тебя был особый, сваренный от души.

– Сейчас тоже неплохо приготовлено.

– Да, это так. Но Лёха придавал этому месту особый колорит.

Мужчина представился депутатом Городского собрания. При прощании он привстал с места и сделал полупоклон в нашу сторону. Здесь так принято. У нас в России это правило почти забыто.

На сухумской набережной расположились рекламные агенты различных туристических фирм. Лозунг:

«ХВАТИТ ВАЛЯТЬСЯ НА ПЛЯЖЕ!
АБХАЗИЯ В ДЖИП-ТУРЕ ЖДЁТ ТЕБЯ!»

Предложения на любой вкус. Выбирайте: Новоафонская пещера и Новоафонский монастырь Святого Пантелеймона, подъём на Иверскую гору к Анакопийской крепости и в келью к Симеону Кананиту. Или озеро Рица, мыс Пицунда, ущелье «Три котла» и Приморский парк с лебедями, Гегский водопад, Юшарский каньон, дача Сталина и многое другое.

КОРОТКАЯ ПОЕЗДКА В ЧЕРНИГОВКУ

Мы выбрали дневную экскурсию в Черниговку, где находится удивительной красоты горное ущелье. Посёлок Черниговка – это часть села Мерхеул, расположенного в верховьях реки Малая Мачара. С удивлением узнали от гида, что в этом селе родился и вырос Лаврентий Павлович Берия.

Само ущелье – место загадочное, до безумия красивое, с каскадом водопадов и стекающих вниз горных потоков, вымывших в скалах причудливые русла – целый лабиринт извилистых ручьёв-речушек между выточенных веками промоин, бассейнов и глубоких чаш, наполненных хрустальной водой.

Можно себе представить, какой характер должен быть у людей, рождённых в этих местах, которые и не снились обычному человеку с европейских низин.

На обратном пути микроавтобус завёз нас в местечко, где расположился дегустационный зал. Перед входом большой плакат:

БЕСПЛАТНАЯ ДЕГУСТАЦИЯ АБХАЗСКИХ ВИН

Симпатичный абхазец средних лет в режиме non-stop разливает по пластмассовым стаканчикам вино, объясняя его происхождение и достоинства. Кому понравилось, может повторить и заказать на вынос литровую бутылку именно этого вина. Оказывается, в Абхазии есть вино мужское крепкое красное и женское слабое белое. Вино красное с привкусом ежевики и не только. А также соки натуральные, из произрастающих здесь садовых культур, в бутылках по 1,5 литра. Чача продаётся в более мелкой таре – 0,33 мл. Чача чистая, чача на ветках конопли, чача на перегородках грецких орехов. Обслуживает хозяин, молниеносно реагируя на любые вопросы и просьбы.

– Я говорю по-русски с акцентом, – комментирует он своё выступление перед собравшимся народом, – но говорю хорошо, быстро и понятно.

И действительно, его речь была вкусной, как абхазские вина, и терпкой, как местная чача. Никто не удержался и после обильной дегустации увёз с собой или одну-две бутылочки чачи, или бутылку-две абхазского вина.

Милена – симпатичная девушка-абхазка, сопровождавшая нашу группу, безусловно владела русским. Слушать её чистую правильную речь было большим удовольствием.

ОСЕННЯЯ ЯРМАРКА

На станции Гума проводятся различные культурные мероприятия, в том числе сельскохозяйственные ярмарки. Торгуют изделиями народного промысла, домашними винами, соками, компотами, сырами, колбасами, разложенными на столиках. Нас угостили компотами и соками. Всё это бесплатно, от чистого сердца.

– Аслан, – представился хозяин одного из столиков и угостил нас горячей мамалыгой с острым соусом и мясом. К этому блюду прилагались овощи и очень вкусное домашнее вино. Мясо и вино у абхазца – первейшее угощение.

Оказалось, что с Асланом мы служили на Северном флоте, но в разные времена. А сейчас он непосредственно организует приём гостей в туре «Абхазское застолье». На прощанье Аслан подарил нам бутылку ароматного молодого домашнего вина.

Русского человека удивляет такая чисто абхазская щедрость. Дивидендов она не приносит, а даёт нечто большее – радость и искреннюю благодарность дарящему. Что может быть лучше – накормить и напоить человека. Это же причастие дарами земли. От этого и человек становится добрее и лучше.

ДИАЛОГИ

Мужчины при встрече символически целуются. Женщины реже. Ведь здесь все близкие или дальние родственники. Народ немногочисленный. Чуть более ста тысяч человек – один микрорайон Петербурга. Приветствуют при встрече даже незнакомого человека. Коротко раскланиваются. Улыбаются. Бессознательно улыбаться я научился именно в Абхазии.

А какие разговоры ведутся за уличными столиками!

Встречаются двое мужчин. Лица значительные. Профили отчётливые.

– Как дела? – спрашивает один другого.

– Очень даже неплохо...

– А будет ещё лучше.

– Я тоже так думаю.

– Ну, хулпазындза!

– Хулпазындза!

Интересно слушать разговоры местных жителей. Сначала говорят на абхазском, потом один переходит на русский, второй отвечает тоже на русском, а первый возвращается к абхазскому. И так они жонглируют словами то из одного языка, то из другого. Слышу:

– Сара издыруеит всё это ерунда.

– Йарбан шыкусоу уаниз?

– В сорок втором.

– Э-э, да ты юношь по сравнению со мной. Сара ала сымоуп.

– Шара лактала шыздыруэйт. Видел тебя на волнорезе. Стоял на самом краю, ловил рыбу удочкой. Так?

– Ааи, сара амшын бзиа избоит. Могу стоять так целый день. Рыба там не ловится. Но мне нравится сам процесс. А вдруг!! Тем более, когда амш бзиоуп. Ара анхара бзиоуп – день солнечный... Здесь настоящий апсцарта юны.

Любят здесь поговорить. Даже машины между собой «разговаривают». Стоит кому-то из водителей нажать на клаксон, тут же начинается переключка: гудки длинные, короткие, звонкие, глухие, двойные, тройные. Такой переговорный процесс заканчивается быстро. Но возобновляется опять уже в другом составе. Кто-то увидел знакомого из окна автомобиля, обязательно гуднёт. Обгон – тоже с сигналом. А то и просто так – от хорошего настроения: вот он я, еду и радуюсь, би-би, би-би.

Особенная звуковая разноголосица проявляется во время следования свадебного кортежа, который никогда не бывает коротким. Длинными или частыми сигналами молодых поздравляют все встречные автомобили, а нескончаемый кортеж благодарит тем же способом, щедро и безостановочно трезвоня своими автоклаксонами в горячем воздухе Сухума. И все вокруг знают – сегодня у кого-то свадьба. Говорят, что если ты пристроишься случайно к такой колонне, то будешь встречен за свадебным столом как дорогой гость.

Если на дороге попадётся корова, водитель иногда даёт длинный сигнал, пока корова не сойдёт на обочину. Корове это не нравится, она в ответ мычит и даже пытается боднуть настырный автомобиль. Такой у них диалог.

Коровы здесь на свободном выпасе. С утра их отпускают на волю, и они сами находят себе еду – травы, растущие вдоль дорог и в известных только им местах. Поэтому придорожные травы косить не надо. Коровы это делают не хуже косарей и триммеристов. Но правила дорожного движения они не соблюдают, поэтому нередко водителю приходится притормаживать, ожидая, когда они не спеша перейдут дорогу.

Вечером коровы сами расходятся по домам – бредут друг за другом в обратном направлении без всякого навигатора – в родные пенаты к своим хозяевам. И так каждый день, без выходных.

ВИЗА

Как всегда, приехав в Абхазию, пошёл в Консульский отдел МИД. Очередь. Раньше такого не наблюдалось. У входа оказалось много приезжих молодых людей из азиатских республик. Увидев

двух пожилых людей, служащий МИДа – расторопный и приветливый человек – поинтересовался, по какому вопросу мы пришли, и попросил нас подождать ровно пять минут. Через минуту из служебного помещения он вынес стул, чтобы мы могли присесть, а ровно через пять минут вышел и, сложив руки ладонями, попросил у очереди пропустить нас, претворяя слова известной песни в жизнь: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт!»

– Как вас зовут? – поинтересовались мы.

Он назвался.

– Какой же ваш народ отзывчивый и приветливый.

– Да, такие мы есть, – как бы извиняясь перед нами, согласился он.

И ещё одна интересная особенность для приехавших из России: ни в магазине, ни в банке, ни в ресторане, ни в больнице, ни в театре, ни на автобусной станции или ж/д вокзале, ни в национальной библиотеке, ни в редакциях газет и журналов или в каком-либо правительственном или ином учреждении вы нигде не встретите ни одного охранника. Охраняют, когда боятся чего-то. В Абхазии, очевидно, бояться нечего и некого.

В России, особенно в больших городах, охранник, что говорится, на каждом углу и в каждой щели. Из этих охранников можно было бы создать целую армию.

МЕДИЦИНА

По приезду в Сухум мне потребовалась медицинская помощь. Зашёл в городскую больницу.

– Поднимитесь на второй этаж, обратитесь к терапевту, – посоветовали в приёмной.

Так, без записи, без очереди, без фамилии, имени и отчества, я свободно попал на приём к специалисту. Молодая женщина-терапевт, осмотрев меня, прослушав сердце и лёгкие и задав несколько вопросов, направила на рентгеноскопию. Там тоже не было очереди, что удивило, поскольку в российских клиниках очереди в любой кабинет. Всё сделали быстро и профессионально. Безо всяких документов. Оплата за услуги 0 рублей 00 копеек. Короче, денег с меня не взяли, за исключением рентгеновского снимка. Имени не спросили. И кто я таков, откуда и зачем – не поинтересовались.

– Для нас главное – человек, – пояснили мне в приёмном отделении. – Главное – помочь человеку. Живите богато и не болейте больше.

Конечно же, в Сухуме есть и платная медицина. Цены вполне приемлемые. В диагностическо-консультативном медицинском центре врачи высокой квалификации. В основном это молодые женщины. Обратившись за помощью, разговорились с одной из них. Чувствовалось, что она очень любит свою работу. А для врача – это главное.

АПСУАРА

Апсуара – это кодекс чести абхазца, выработанный ещё в далёкие времена. Он включает в себя совесть, благородство, мужество, человеколюбие, гостеприимство и уважение к старшим, скромность и терпение. Такой привлекательный для русского человека характер абхазца родился именно из этого кодекса.

Самым важным для абхазца является аламыс – совесть. Это понятие имеет вполне конкретное этническое содержание. Известное народное изречение «Смерть абхаза в его же совести» означает, что, совершив несовместимый с совестью поступок, абхаз «умирает живым».

Ещё одним принципом апсуара является ауаюра – человечность. Она ставит человека в центр системы апсуара, что находит воплощение в нравственной сфере взаимоотношений людей.

И становится понятным, почему этот народ выжил в условиях разрушительных реформ его старшего брата и соседа, почему он победил в Отечественной войне 1993 года, почему он не потерял своей самостоятельности и суверенитета, несмотря на непризнание со стороны западных кругов, которым не мешало бы многому поучиться у этого жизнерадостного и гордого народа. И пусть он живёт полноценной жизнью, процветает, строится и прирастает.

Проза

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями. Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Номинант национальной литературной премии «Писатель года – 2022», лауреат конкурса МСП «НС» имени В. Пикуля за 2022 год. Автор 10 документально-исторических и художественных книг.

МАМА

МАМА!!! Сколько в этом коротком и простом слове тепла, нежности, уверенности и надежды, часто не осознанной до глубины понимания, но ощутимой каждым нервом и клеточкой души и тела. С годами не пропадает, а растёт желание и потребность мысленно повторять его, возвращаться к своим истокам, подпитываясь и восстанавливая энергию. Так Илья Муромец припадал к Земле-матушке, набираясь жизненной силы и мужества перед решающей схваткой с врагами земли Русской.

Самый дорогой человек, он дарит нам и самую большую радость – саму жизнь, сладкое познание её таинств. В расширяющемся до беспредельных глубин, неизведанном и могучем просторе только мама является опорой, счастьем и радостью для новой искры, зажжённой её материнской любовью. Безгрешное создание, жертвенно воспроизведённое ею, с особой чистотой детского голоса, как ответный подарок признательности и благодарности, первым словом произносит это светлое и волнующее: «Ма-ма!» Его небесный, с серебристым звучанием голосок, как лёгкие и трогательные переливы колокольчика, доходит до тайных родников души матери, лаская и волнуя, даруя, как знак благодарности, неземное блаженство. Родителями, волею свыше, было дано тебе имя Ульяна. Главной покровительницей имени является Святая мученица Иулиания Никодимская, казнённая язычниками в 304 году за принятие Святого Крещения, но её вера не была сломлена.

Смутные достались вашему поколению времена: голод, война и сплошные перестройки. Много было утеряно, даже даты рождения. Вот и у тебя, сгорела церковная книга регистрации – пропала дата рождения, затем исчез и месяц – декабрь, а в паспорте остался только 1928 год, и тот не твой – вместо 1927-го. Рано познавшая горечь сиротства: в три года – ушла из жизни мать Матрёна, а в шестнадцать – погиб на войне отец Василий, ты приняла на свои хрупкие плечи тяжёлый груз взрослой ответственности за выживание семьи.

Навсегда осталась в твоей памяти опухшая от голода в 1932 году, тихо умирающая в страданиях, как угасающая свеча, любимая младшая сестра. На её бледных впавших щёчках, как последние вспышки борьбы за жизнь, периодически проявлялся, тут же угасая, робкий румянец. В широко распахнутых глазах до последней минуты горел не детской прозрачности немой вопрос: «За что?»

В тяжёлые, перепаханые войной годы, потеряв отца, даже топливо для обогрева помещения избы было не просто добыть. Жёстко потрескивает калёный мороз. Снег сухо скрипит под ногами. Иней от дыхания мгновенно схватывает брови, кромку платка вокруг лица. Сиротская одежда не спасает от безжалостного мороза, пробирающего «до костей». Голые колени онемели и стали бесчувственными, изредка покалывая. Уставшая и замёрзшая, ты бредёшь по снегу, а затем по застывшей речке Дороговше – по льду легче тянуть санки с хворостом, заготовленным в восьми километрах от дома. Наконец вдали показалась долгожданная изба – холодная и с недовольной мачехой в ней. На печи приятные остатки тепла согревают тело, но колени опухли – боль, выворачивая суставы, рвётся наружу. Из противоположного от печи угла со старинной иконы, исполненной маслом, строго, но с пониманием смотрит лик Николая Чудотворца, а сквозь слёзы плывёт образ отца, навсегда оставившего семью.

От безвременно ушедших родителей остались бережно хранимые бесценные реликвии, впитавшие тепло их сердец и любовь к своим чадам: отца – икона святого Феодосия Печёрского, матери – икона «Семь Архангелов» и прялка. Верующая с детства, как и твои родители, ты не отринула и не поколебала переданных тебе нравственных устоев, достойно пройдя все испытания, данные тебе свыше. Твоя вера – глубокая и духовная, жертвенная и всепрощающая, не показная, а принятая сердцем, пронесённая через всю жизнь, наполненную тяжёлым трудом и жизненными испытаниями, вызывает чувство глубокого уважения и желания следовать такому примеру.

Системные посещения храма в честь Рождества Христова больше похожи на праздники души, единение с себе подобными – чистыми и добрыми прихожанами. Здесь ты смогла найти ту ауру тепла и доброжелательства окружающих, которой так не хватает в условиях ограниченного общения в семейном кругу из-за большой удалённости и разбросанности сыновей и дочерей. Всей душой, трепетно войдя в обстановку ведения православных служб, ты получаешь настоящую благодать, даже внешне становишься моложе: лицо, как небо, очищенное от облаков, – яснее, а глаза – прозрачнее. Узнав, что в храме не оказалось особо почитаемой верующими иконы «Семь Архангелов», ты с чистым сердцем отнесла туда, в дополнение к принесённым тобою ранее иконам, главную святыню своей матери, с которой она выходила замуж. Теперь каждое посещение храма начинаешь с подхода к ней и духовного общения со своими истоками, уходящими глубокими корнями в нищету и рабский труд, но духовную чистоту и силу.

Девяностолетний юбилей не остался незамеченным – в храме все тепло поздравили тебя, а настоятель Антоний подарил защитницу – икону Божией Матери «Семистрельная». Недаром, с глубоким смыслом, она имеет и другое название «Умягчение злых сердец». Не привыкшая к поздравлениям и похвалам, расчувствовавшаяся, со слезами признательности на глазах, ты благодарила Бога и окружающих за дарованную милость.

Выйдя замуж, почти семьдесят лет прожила на одном месте – в доме, построенном мастеровыми руками мужа, а внутренний уют семейного очага был создан многолетним трудом твоих умелых рук. Всё здесь дорого и близко. Теряя здоровье и зрение, ты привычно ориентируешься в родных стенах и заветных уголках незамысловатого хозяйства, ощущая их тепло и воспринимая как одушевлённые атрибуты твоей жизни. Недаром в народе говорят: «В своём доме и стены помогают!»

Сложно и непросто складывалась жизнь. В продолжение сиротских тягот и невзгод уже в начале самостоятельного пути на чужбине Бог дал тебе страшное испытание – забрал любимого ребёнка-первенца. Всё ты смогла преодолеть и везде успевала – в колхозе стадо телят присмотреть, накормить и дома вовремя пригляд обеспечить за живностью: коровой, парой поросят, овцами и курами, да и огород сорок соток вручную нужно было обработать. А детей – шестеро!

Когда ты спала? Когда отдыхала? – не знал никто из нашей большой крестьянской семьи. Работа в колхозе, огороде, домашнем хозяйстве и бесконечные хлопоты о нас. Вставала до зари, а ложилась ли? Для тебя мы всю жизнь – от колыбели до пенсии – были несмышлёными и незащищёнными детьми, требующими материнского внимания и заботы. Жертвуя всем, в том числе и здоровьем, стремилась укрыть, уберечь от любой беды.

Мягко колеблются призрачные тени от горящего керосинового фитиля, расплываясь по потолку и стенам помещения избы, – все спят, не спишь только ты. Заботливо покачивая младшего из нас в колыбели, твои руки быстро накладывают стежок за стежком цветные нити на кусок полотна. В процессе вышивания рождается и всё чётче проявляется чудный и замысловатый узор. Рядом, на печи и настиле из досок, посапывает твоё ещё малое, но уже подрастающее «воинство». Фитиль лампы иногда вздрагивает, ярко вспыхивая и освещая бедную и даже убогую обстановку, – длинные тени, странно изгибаясь, бегут и пропадают в тёмных углах. А в твоих руках уже мелькают вязальные спицы, и рождается новое творение – тёплые носки, варежки или ажурные кружева, украшающие льняные изделия. Даже зимой, когда давно закрыта летняястрада, некогда отдохнуть. Паутина льняных нитей опутала полкомнаты. Полусогнутая фигура прильнула к ручному ткацкому станку. Работа продолжается и ночью. Мягко и скоро снуёт челнок меж набранных нитей, ловко бросаемый твоими руками. Глуховато, но часто постукивает бердо, прихлопывая волокна. Медленно вытягивается готовое полотно из-под твоих рук-тружениц, то бросающих челнок, то хватающихся за бердо.

Всему научилась от добрых людей. При скудном и ограниченном ассортименте продуктов, как кудесница, вкладывая душу, готовила изысканные натуральные блюда. Приготовленные тобой

пышные и ароматные котлеты с лёгкой хрустящей корочкой, разомлевшие от добавления в фарш водки, часто украшали и праздничные застолья многих жителей деревни. Пончики с повидлом, пышущие жаром блины и приподнятая в сковородке яичница на сале были украшением стола. Ядрёные солёные огурчики, квашеная капуста дополняли ассортимент продуктов. Но главным на столе был хлеб – «всеми голова». Мало кому удавалось испечь такой каравай.

Зашедшая в дом золовка Мария (сестра мужа) остановилась, открыв рот, – румяный круглый каравай, с пылу-жару, подхваченный с пода русской печи деревянной хлебной лопатой, выглядел гордо. Как живой, легко выплывая наружу, он томно и горячо дышал, радуя хозяйку, затем, омытый её огрубевшей, но ласковой рукой, успокаивался и затихал. Накрытый полотняным рушником, довольный, он млея, распространяя благоухание хлебного аромата. От дивной картины таинственного волшебства перехватывало дыхание, от аппетитных результатов сводило скулы, слюна наполняла рот в приятном предвкушении хрустящей ароматной корочки, запиваемой налитым из кувшина холодным молоком. Заметив реакцию Марии, довольная хозяйка широким взмахом ножа отрезала ей добрую краюху караваев.

Сердце сжимает боль, глядя, как само время, прожитые годы неумолимо тянут тебя всё ближе к родной Земле-кормилице, сгибая и заставляя опираться на посох, как на защитника и помощника. Ранее пышные и густые, тёмно-русые волосы, отливавшие в лучах света бронзовым оттенком, теперь не просто тронуты сединой, а покрыты её сплошным налётом. Уход последней и лучшей подруги детства Мельниковой Ульяны болью отозвался в твоём сердце, оставив очередные зарубки.

Тихо и одиноко стало в доме, только часы-ходики, напоминая о ежедневных делах, мягко отщёлкивают уходящее время да кошка Заботливая с пониманием смотрит на хозяйку, терпеливо ожидая и к себе внимания. Каждое движение отзывается болью в суставах, но надо подниматься – топить печь, что-то приготовить, принести воды; мелькает мысль: «А как её достать из колодца? Всего десять человек осталось в посёлке, и все пенсионеры». Последняя надежда и реальная опора – племянник Николай. Он, ежедневно навещая, поговорит и выслушает, принесёт воды и дров для печки, закупит продуктов и медикаменты. Принимая ежедневно лекарства от последствий перенесённого инсульта, низкого давления, истощённой сердечной деятельности, ты думаешь только о детях, внуках и правнуках, но не о себе, сопереживая и помогая им, как духовно, так и материально.

Сила жизни дана тебе самой Матушкой-землёй, на которой ты постоянно трудишься, заботливо и с уважением перебирая каждую её пядь мозолистыми и потрескавшимися, но добрыми руками. Смысл жизни – твои выросшие и разлетевшиеся из родного гнезда «птенцы». Их успехи и неудачи – твоя радость и боль. С интересом и надеждой, ожиданием и тревогой ты тянешься ежедневно к телефону, чтобы пообщаться с ними, порадоваться их достижениям и поддержать в трудные минуты. Твой спокойный и глубокий взгляд, пронизанный жизненной мудростью и нравственной чистотой, помогает перебороть любые трудности и невзгоды. Для тебя нет чужого горя, сторонней беды. Строго выполняя десять заповедей Иисуса Христа, реализовывала и вторую из них: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Жертвенно, по подобию Богородицы, страдая сама, ты отдаёшь всё – и тепло сердца, и энергию души – окружающим, принимая их, какими они есть.

Высокая нравственность, суть жизни ради окружающих ярко проявились и в трёхлетнем тяжёлом труде по уходу за обездвиженным и прикованным к постели ветераном войны и инвалидом – нашим отцом и твоим супругом. Сама с трудом перенёсшая инсульт, ты смогла до последней минуты его жизни обеспечить достойный уход и внимание.

Глядя на твоё бескорыстное служение Господу Богу, можно ли не руководствоваться и как не выполнять одну из заповедей Иисуса Христа: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, и да долголетен будешь на земле»?

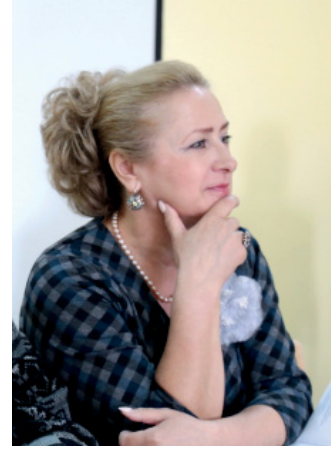
Как «лакмусовая бумажка» помогает определить характер среды, так и мать является верным индикатором истинной, а не надуманной ценности человека. Если сын (дочь) уважают, любят, постоянно помнят свою мать, проявляют заботу и стремятся к ней – помочь и пообщаться, из таких людей можно всегда подготовить настоящих специалистов, а главное – патриотов Отечества.

Связь с самым близким и дорогим человеком, данная мудрой природой, является определяющей на всю жизнь. В единении, поддержании и укреплении её и есть главное направление жизнестойкости, формирования верности и преданности истокам. Она же цементирует единение с Родиной, Отечеством, формируя высокие чувства любви и долга – патриотизма. Недаром, мудро и оправданно, с началом Великой Отечественной войны основным плакатом, наполненным высокой духовной силой, стала работа художника Ираклия Тоидзе «Родина-Мать зовёт!»

Поэзия

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – член СПР с 2009 года, автор 13 книг поэзии и прозы. Председатель Совета по защите родной природы при Правлении СПР. Член Творческого совета по сказам при Правлении СПР. Член редколлегии журнала «Берега». Публиковалась в журналах: «Берега», «Наши современники», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Великоросъ», «Дон новый»; «Волга – XXI век», «Немига новая», «Аргамак» и др. Лауреат Всероссийской премии им. Е. И. Носова, Международной премии «Умное сердце» им. А. Платонова, газеты «Российский писатель» в номинациях «Проза», «Позиция», «Очерки. Эссе», Всероссийской литературной премии «Вешние воды», Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина, Всероссийской премии им. А. А. Фета, премии «Соловьи, соловьи» Алексея Фатьянова, Всероссийской премии «Душа природы», Международного поэтического конкурса им. поэта-воина И. Григорьева, Всероссийской премии им. Зубова и др.

КАК СВЕТЛИЦА, ДУША ПОД ЗАВЯЗ ПЕРЕПОЛНЕНА СВЕТОМ

* * *

Здесь травы в рост почти до окоёма,
с гнездом голубки у просёлка крест...
А всей деревни – два линиялых дома,
что спорят с обезлюдьем этих мест.
Здесь году счёт – с Николы до Николы,
поскольку он – «ближайший до Христа».
И мужика «обличием с иконы»
легко, к примеру, встретить у моста.
Здесь на столе – на удивленье просто:
парное, хлеб да бахчевая снедь.
Здесь праздники справляют на погосте...
А с кем ещё «от счастья пореветь»?

* * *

Отцовский патефон
да стопка грампластинок.
Да лучик золотой
сквозь тюли на крылечко.
И не горчит душа
погорклою рябиной,
затеплилась опять
пасхальной яркой свечкой.
Навеки позабыть
о снах своих кромешных.

Ложиться и вставать
под запахи шалфея.
Не вспоминать, что мир
уже не станет прежним,
что не скучать о нём
пока что не умею.
Смотреть, как день летит
за дали от порога,
по комнатам ходить
босой, простоволосой.
Неспешно толковать
пред образами с Богом
и райских птиц кормить
с ладони спелым просом.

* * *

Косынки ситчик, сладкий дух
кипящих пчёлами акаций.
Тропе, спелёнутой в лопух,
нет сил от зноя просыпаться.
В версте от хуторских дворов,
на омутке у водопоя,
дождь тучных проливных коров
в подолы поймы звонко доит.
Лишь только от работы взмок,
айда в покосы куrolесить...

Косынка в маленький цветок,
что луговин бескрайних пестрядь.
О, щедрый на дары июнь!
О, росные твои сафьяны
из бело-серебристых лун,
из мяты, сныти и тимьяна!
Благословенен твой полёт,
твои поля в хлебах молочных,
и первый с разнотравья мёд,
и огурец, хрустящий, сочный,
парной реки аквамарин,
шипя, в который солнце никнет,
и крест – дубовый исполин,
что по колено в повилিকে.

* * *

Золотые кубышки,
мотыльки на песке.
Переспелую вишней
тонет солнце в Оке.
Камыши, да рогозы,
да ещё краснотал.
И сомище бесхозный –
с мокрым брюхом причал.
Перезвон колокольный
колыхнул небосвод –
храм к вечеру окольный
созывает народ.
Купола на быстрине
так небесно-легки.
Их в прорухе, иные,
помнит сердце реки.
До Покрова – три срока.
Пышноцветный июнь.
И в анисах высоких
белолетняя лунь.
Дышит пойма покосом,
где-то в нём коростель
на скрипучие росы
расстиляет постель.

* * *

Вечер ложится подшалком на плечи,
лентой закат зашелковился аленькой.
Только затеплю Заступнице свечку,
вспомнится голос Григорьевны старенькой.
В зимнюю ль выюгу на жарких полатях,
в Троицын день ли в анисах на лавочке
вдруг позабудет, бывало, ухваты,
вдумчиво речь поведёт «о заглавнейшем».
Мол, присмотрись-ка, внучонка, пошибче:

Спас, он повсюду: и в небе, и в зёрнышке...
в хате... – а как же? – живёт на божничке,
под рушниками, что в Красном уголушке.
Люду простому всевидящим взглядом
жизнь и судьбу окормляет, сердешный.
Чтобы дела на подворье шли ладом,
хлёвы осветит, хлеба на столешне.
Не позабудет кормилицу-печку,
в донниках старые дедовы борти,
даже гусей, гомонящих на речке,
даже букашек в цветущем осоте...
Дробно покрестит, бывало, рукою,
с Богом бабуля и полет, и косит, –
в хлопотах днями не знает покоя.
Ночью, как лягут в свекольниках росы,
вновь с Ним толкует, о внучиках просит.

* * *

Мулине цветастой ниткой
где крестом,
где дивной гладью
без рисунка,
по наитью,
вышивает палисады
яркими лучами света
на холстах июльских
Лето.
Но Илья прокатит громы –
вспыхнет август,
словно свечка,
мальвы выгорят у дома...
Лишь душе сиять извечно!
Только ей
дано запомнить
всю сакральность этих линий,
этих форм
и этих красок,
чтоб в морозной зимней стыни
в днях простуженных,
ненастных
смаковать по тем приметам
под чаёк с вареньем
Лето.

* * *

Денёчек до донышка выпит,
анисов, почти невесом.
Цветущею дышится липой,
и мятою, и чабрецом.
Околица и белостволье,
луга и селенья окрест

притихли, и лишь с колокольни
кропит золотой благовест.
Да где-то в просвирниках томных
закатным лучом, как смычком,
пиликают неугомонно
кузнечик с весёлым сверчком.

ЛЕТО

Сквозь тюли капало, текло
веснушка за веснушкой,
им, золотым, подсчёт вело
наперебой с кукушкой.
До голыша разнагишась,
ронялось с плёхом в плёсы,
стирало дней цветастых бязь
под вечер в рясных росах.
И на крылечко наугад,
на манкий свет светила,
лишь угли дожуёт закат,
к нам бражницей спешило.
И птицей Сирином в окно
вещало сны подлуны.
И драгоценное вино
варило из петуний.

* * *

Вот и в дубравах
волхвует марьянник,
маковка лета
упёрлась в зенит.
И на задворках,
где старый омшаник,
снять до небес
белым варом кипит.
Дождик слепой
прибежал и на ощупь
пересчитал
на бахче огурцы,
хлопнул калиткой,
присвистнул и в рощу
вывел на волю
коня под уздцы.
Сколько в лугах
нынче спелого света!
Время идёт
посолонь, а не вспять.
Скоро под горку
покатится лето,
и не стреножить его,
не взнуздать.

* * *

Свежей травки на телегу –
лето ягодкою манит.
Нокнем, свистнем, коник пегий
потрусит по ранней рани.
Бор нахохлится, но впустит:
«Чай, давненько не пугались?!»
И костями валежник хрустнет,
буча ёкнет потрохами.
А потом ка-ак жамкнет юшкой
меж корней болотных сосен!
«Слу-шай чу-тко, чу-тко слу-шай!» –
с дрожью шепчутся колёса.
...Хоть и думки заполошны:
«Чудится?.. Иль воют волки?..»
По одной, а где пригоршней
намалинили кошёлки.
Вечер травы клонит долу,
деревя темнее стали.
Под завяз полны подола –
белых тоже «наломали»!
По сапфировой эмали
ночь сусалит густо звёзды.
«Так-так-так-так, за-дре-ма-ли», –
шепчут конику колёса.

* * *

Долиной бреду
вдоль цветущей полыни,
потом
вдоль хлебов переспелых.
На взгорье
в небесной своей палестине
колышутся в мареве,
синем-пресинем,
три купола церковки белой.
Сорву колосок,
разотру меж ладоней
и зёрна очищу от плевел.
Жую и смотрю:
на берёзовом склоне –
почудилось даже, что слышу, –
как кони,
зажмурившись,
хрумкают клевер.
Почую, душа встрепенулась
и шепчет:
«Смотри!
Насмотришь и запомни,
как плавно парит
над равниною кречет,

как весело плещутся дети на речке,
какой нынче звон
не-ве-со-мый.
Залитому солнцем
цветастому лету
в диковинку осени-зимы,
но время устанет,
ведь всё в мире тленно,
Не тленна лишь память,
что полнится светом,
с которым под силу
и крест непосильный».

* * *

Маковка лета, а дождик верёвкой
мир исхлестал вкривь и вкось, окаянный.
Сад, скрежеща, измолот в кофемолке.
Только и радости, что на веранде
полымем жарким пылают герани.
Только одна лишь осталась отрада –
чай заварить на кипрее-душице...
Дождь, видно, вызнал про наши разлады...
Кажется, ломтик ещё мармелада
где-то белёвского в доме хранится.
В плед, что достался в наследство от мамы, –
помнишь? – как в руки твои, закопаться...
Знаешь, а дождь – не такая уж драма.
Может, он мне нынче друг... самый, самый.
Друг настоящий, не ждущий оаций.

* * *

Как светлица, душа под завяз переполнена светом
заревых, босоногих, в белёных рубахах берёз.
Так ей хочется, всласть надышавшейся волей и летом,
показать и тебе этот вышитый шёлковой гладью покос.
Провести подсинённым, как тюли, шалфейным просёлком,
помолчать среди травы, расстрекоченной вдрызг, донельзя.
И руками всплеснуть: в жаворонковом небе высоко, –
ну, смотри же скорей! – Матерь Божья над Русью идёт на сносях.
За пропахшим укропом и чем ещё Бог только знает,
с земляничной спелой и сеном в пшеничных кудрях,
за улыбчивым ветром отправиться вслед, как по раю,
напролом в купырях и анисах, просветы и стёжки торя.
Будет солнце ронять на ходу золочёные спицы,
будут ласточки, вечер почуяв, всё ниже кружить,
запорошатся звёздным пшеном поднебесные ситцы,
и слетятся жуки-светляки ворожить в придорожную сныть.
И зацвиркают песню извечную струи в подойник,
полной грудью вздохнёт, освежившись росой, земля,
и наденет на косу река свой туманный повойник,
и прольют лунный свет серебром на дома и дворы тополя.

Поэзия

Владимир Макаренко

Владимир Викторович Макаренко – поэт, публицист. Автор восьми книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленск), им. Н. И. Рыленкова (Тюнино Брянской области), «Навстречу дня» им. Б. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). Председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей с 2004 года. Член Союза журналистов РФ, ответственный секретарь газеты 144-й гвардейской мотострелковой Ельнинской Краснознамённой, ордена Суворова дивизии. Главный редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

ИЗ ЦИКЛА «ZV. РУССКОЕ СЕРДЦЕ»

ВИВАТ, КАВКАЗСКИЙ ДРУГ!

Одних в церквях живой водой крестили,
другие же шахаду на Коране
произнесли, героями России
и православные и мусульмане
становятся, являя миру братство
народов, верных Родине своей.

И это превеликое богатство
страны, так воспитавшей сыновей.

Виват, кавказский друг, мой брат чеченец!
Плечом к плечу с тобой по Украине
идут в боях донбасский ополченец
и русский воин, братья мы отныне,
единые в своей любви к России,
к её сестре – прославленной Чечне.

Пусть враг дрожит, дивясь духовной силе
народов, породнившихся в огне.

НЕДОПИСАННОЕ ПИСЬМО

Прости, родная, позвонить
домой нельзя с передовой,
глядит с орбиты круговой,
как коршун, спутник иностранный,
и, если по эфиру нить
к тебе пушу, над головой
поднимется смертельный вой,
взлетят осколки, как пираньи.

Я мысленно всегда с тобой
в минуты отдыха, смотри,
под солнцем облако парит
моим воздушным поцелуем.
А тучи в небе – значит бой
гремит, кругом земля горит,
жизнь отпускается в кредит
с процентами по каждой пуле.

ЗА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ

Когда мужчины, не жалея крови,
врага громят на дальнем рубеже,
их жёны совершают тихий подвиг –
хранят семью и ждут с войны мужей.

Их преданность является залогом
победы, – бронированная сталь.
Необходимо утвердить народом
для них «За верность Родине» медаль.

ОТКАЗНИК

Бежал контрактник с поля боя,
о спину бился автомат
и за укрытие любое
спасительно цеплялся взгляд;
гремело небо, уходила
земля, качаясь, из-под ног,
и сердце колоколом било:
«Помилуй, Боже!.. Где ты, Бог!?!..»

А Бог следил за ратным полем
и выжить помогал тому,
кто не считал себя героем,
вёл бой в пороховом дыму
без права вспоминать о Боге,
поскольку в огнёмётный час
вернее думать о подмоге,
о том, кто в битве не предаст.

Контрактник в штабе, озаглавив
свой рапорт, замер над строкой;
пока он мучился, сам дьявол
всё написал его рукой;
мол, по велению вышней воли
мне дух войны невыносим,
а потому прошу уволить –
эх! – из вооружённых сил.

Беглец, забыв про чай, недвижно
смотрел в вагонное окно,
там из-за тучи солнце вышло,
а взгляду было всё темно:
«Что я скажу отцу и сыну,
друзьям-товарищам, жене?..
Ох, лучше бы попал на мину,
погиб геройски на войне».

ЧИТАЯ ТОЛСТОГО

– 1 –

Который век гудит свинцовый рой
над ищущим духовности народом.
Когда бы жил сегодня Лев Толстой, –
Был отлучён от церкви, как Синодом.

Как применить ученье о любви
в миру, раскрытом на государства?
На шахматной доске земли свои
и не свои – в сраженьях за богатства.

Обманется несбыточной мечтой
или любовью выживет планета?
Вопрос философичный, непростой,
с одним ответом – о кончине света.

– 2 –

И гладиатор и христианин,
я уличён в двоякости натуры
мыслителем пытливым Львом Толстым
и обречён быть жертвою культуры.

Кичится человек, мол, сотворён
не зря по образу и по подобию,
Сам Альфа и Омега всех времён
причинно наделил свободной волею.

Но что ни век, то вновь резня с пальбой;
молитва чередуется с убийством;
вновь управляют взвинченной толпой
и жрец и царь возвышенным витийством.

И гладиатор и христианин;
крест на груди, а на плечах погоны.
Христос, когда же мы соединим
Твои заветы и мои законы?

– 3 –

Толстой вместился в горечь этих строк.
Непротивление злу к душе примерив,
шагнул я, но споткнулся о порог
великих исторических империй.

Хотел перешагнуть и – в небеса,
да бутафорны крылышки витийства.
И в мыслях зазвучали голоса
об одобрении самоубийства.

Ну, а к чему в греховном мире жить,
злу на обиду подставляя щёку?
Когда враги придут тебя убить,
всё, что ты сможешь – помолиться Богу.

Пока ты на земле, борьбы со злом
не избежать, на злобе мир помешан.
А заповеди – это ведь о том,
что человек греховен, зверь безгрешен.

СДЮЖЬ!

Вот есть у человека дом,
родители, жена и дети,
собака, кошка, этажом
чуть ниже – друг, с ним на рассвете
приятно рыбу поудить,
поговорить о том о сём...
Чего счастливым-то не быть,
когда есть главное – свой дом?

Вот так и нации и страны,
когда у них своя земля,
что им до жизни иностранной,
страна – народ, одна семья;
поссорятся, как муж с женою,
построят на любви редут...

Но чтобы пренебречь страную!
Здесь нужен всенародный суд.

Друг молодой мой, россиянин,
позволь сказать мне, старику.
Я для тебя немного странен
тем, что быть равным не могу
тебе по возрасту и буйству
амбиций, на своём веку
я часто доверялся чувству,
под старость – разум берегу.

Не верь ты сказкам иностранным,
что мир сулит нам благодать
и у границ стоит с приданым...
Ты слушайся отца и мать,
своих родных, того же деда,
что бил фашистов из «катюш».

Сегодня нам нужна Победа.
Ты за семью народа сдюжь!

* * *

Дожди идут две долгие недели,
капризная с раннего утра,
как будто их в небесной колыбели
качают сердобольные ветра.

А может, это тихо плачет ангел
над ждущей павших воинов землёй?
Вообразишь – и вспомнится о Ванге,
встревожишься о третьей мировой.

Война, мобилизация, Россия.
Никто от смерти не заговорён.
Кого в дорогу мама не крестила,
шепча губами: «Лишь бы жил без войн»?

Сограждане, соземцы, россияне,
пополнившие грозные полки,
Пусть вас ни ваше сердце не обманет,
ни побратимы в битвах, ни враги!

Пусть будут ваши нервы крепче стали
и никого не будет вас смелей.
Великими вы все сегодня стали –
Защитниками Родины своей.

А то, что землю якобы залили
дожди в преддверье муки мировой, –
Так это небо Матушки России
в дорогу вас кропит святой водой.

ПОВЕСТКА

Мир изменился в одночасье,
будя, ведя из забвения,
и стало маленькое счастье
огромным счастьем бытия.

Иметь свой дом, свою работу,
своих детей, своих друзей,
свой отдых – банную субботу,
и радоваться жизни всей.

Как убедительно, как веско,
вот жизни высшая цена.
Когда бы только не повестка
в военкомат... Война! Война...

Что делать, личное участие
предписано не одному тебе...
Как за большое счастье
своё воюют за страну.

ОСЕННЯЯ ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

До боли красиво осеннее кружево.
Мы утром уходим в решительный бой.
Священник в строю окропил нам оружие
Дарующей силу святою водой.

Приветные письма напишем мы жёнам,
Целуя их фото в обнимку с детьми.
Никто из нас не был душой прокажённым,
Останемся, братцы, и в битве людьми.

Не мы выбирали чумную дорогу,
Не мы приближали убийственный час.
Мы жили, как предки, и верили Богу,
И выбрал Господь по доверию нас.

Погибнуть обычным наёмником горько.
Вернуться героями все мы должны.
Давайте сражаться умело и стойко,
Как воины древней великой страны.

До боли красиво осеннее кружево.
Мы утром уходим в решительный бой.
Священник в строю окропил нам оружие
Дарующей силу святою водой.

Нина Волченкова

Нина Волченкова – автор восьми сборников стихов и четырёх – критики и публицистики. Награждена Почётной грамотой Союза писателей России. Лауреат премии им. Н. Поснова «За Русь любимую», премии РОО «Брянское землячество» им. Н. А. Мельникова. Обладатель Спецдиплома I Всероссийского фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет», Диплома Московской городской организации Союза писателей России «Современные писатели России. Золотое перо!», Диплома «За верность слову и Отечеству», Литературной премии им. первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига, Диплома финалиста XIX открытого поэтического конкурса им. ветерана Великой Отечественной войны П. И. Шестакова.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

По полю битвы женщины брели,
В подол людское горе собирали
И тихо с родной матушки-земли
Беду Отечества слезой своей смывали.
Катилась и стекала прямо в снег
Слезинка за слезинкою солёной:
Уж не боец, но Божий человек
С лицом, как будто известью белёным.
Воронки от снарядов – рваный рот,
Окопы обвалились. Снаряженье
Разбросано войною. Целый взвод
Не произнёс ни слова возраженья.
Ломы, лопаты были под рукой,
Чтоб по-людски свершилось погребенье.
И горевали бабы меж собой:
День смерти есть, но не узнать рожденья.
– За что?! За что?! – звенел один вопрос.
Кровь на снегу, а тело бездыханно!
И русский гнев в мгновенье ока рос,
И не молчала вдовья доля Анны.
И становилась ненависть водой –
Живой водой для подкрепления духа.
– Наступит мир, придёт в дома покой! –
Произнесла столетняя старуха.
Клюку как жезл победный подняла,
О строгости зимы всем огласила:
– Кузьму с Демьяном¹ верно поняла –
Помёрзнет враг! Кого здесь ни носило?!

¹ Кузьму с Демьяном – день в народном календаре у славян, приходящийся на 14 ноября. Название происходит от имён святых бессребреников Космы и Дамиана. В представлениях восточных славян в этот день осень провожают, а зиму встречают.

ЖЕНСКИЙ СПЕЦОТРЯД

Снег кружился над Россией,
Ткал не саван, а покров,
Добавлял пушистый иней
И на подвиг был готов:
Падал тихо, завихрялся,
И ложился вкривь и вкось,
И свободой наслаждался –
Всё сегодня удалось!
Передышку дал деревне
И врага остановил.
Пригодился способ древний,
А Господь благословил!
Перемёты на дорогах –
Ни проехать ни пройти.
Выше крыш лежат сугробы,
Не проложены пути.
А наутро людям в двери
Раздавался грозный стук.
И пришлось снега те мерить,
Но не сразу и не вдруг.
А когда был тракт расчищен,
Говор женщин сразу смолк,
Воздух злобою насыщен,
И фашист не мог взять в толк.
По живому коридору,
Завершая свой поход,
Шли они, как под надзором, –
Говорящий эпизод.
Строй мощнейший спецотряда
Женщин русской стороны,
Колкость яростного взгляда,
Честность праведной страны.
Как с оружием, с лопатой
На отеческой земле

Защищали всё, что свято
В храме света на холме.

ЛУЧШЕ В ПОЛЕ,
ЧЕМ В БАБЬЕМ ПОДОЛЕ

Лучше в поле, чем в бабьем подоле,
Умереть без стыда и тоски
И под небушком синим на воле
Свой покой обрести у реки.
Не бояться сурового взгляда
И с одежды плевки не стирать.
Кроме Божьего света не надо
Ничего, лишь спокойно лежать.
Но предательский след неизбежен,
У трусливой душонки в крови
Путь из страха с годами безбрежен,
И присяжных вердикт: «Не живи!
Не позорь свой народ, и не сетуй,
И присутствием край не погань,
Перед смертью ты с Богом беседуй
И со всеми грехами предстань!»
Слово в слово другого коснётся,
На земле испытаний не счесть.
В человеке пусть совесть проснётся,
Отстоит его доблесть и честь.

РУССКАЯ БЕРЕЗА

Есть дерево величия у нас –
России символ, украшение воли,
Оно как радость хлеба про запас
И в горемычной и в счастливой доле.

Берёзы белой образ несравним!
Другого не отыщешь и вовеки!
Для русского он был неоценим,
Да и сейчас он в русском человеке.

Берёза! Шелковистостью ветвей
И своей белой кожей атласной
С годами нам становишься родней,
А жизнь с тобой – надёжной и прекрасной.

На склоне, вдоль дороги, под окном,
Во поле чистом – посреди простора –
Резным листочком, маленьким звонком,
Привносишь ты отчаянность задора.

Кто запаха родного не вдыхал
Нежнейших и зелёных клейких листьев?
Любимую здесь кто не целовал?
Кто к русским себя в мыслях не причислил?

Берёза белая, березник, березняк,
Березнячок молоденький на взгорке,
Где вволю разгуляется сквозняк,
Где подберёзовик увидишь в треуголке.

Берёзовик весною соберёшь,
С любовью квас сподобится к покосу,
Присядешь под берёзоньку, споёшь –
Тебе на всём веку не будет сносу.

И в Трептов-парке ты в строю стоишь,
Неугасимый свет свой излучаешь,
Красноречиво молча говоришь,
Что тайны приходящих постигаешь.

Не потому ль плакучей стала ты,
Что героизм с предательством узнала?
Как ствол, твои изранены мечты,
Как кровь бойцов – цветы у пьедестала.

СОЛДАТАМ ПОБЕДЫ

В минуту злую – в тот сорок первый –
Стояли насмерть, поддержки ждали,
А враг победно тиранил нервы,
И пребывала страна в печали.
Нагнали страха. Всегда ль так было?
Расправил русский Союза плечи,
И доброй вестью над миром плыло
Призывно Слово к великой сечи.
И встал на битву единый русский,
В котором наций – считать устанешь.
Зимой московской во снеге хрустком
Сердец победой вовек не ранишь.
Стояли насмерть под Сталинградом
И погибали в боях герои.
Земля горела, казалась адом,
А мать молилась пред аналоем.
И в Курской битве вас пало много,
Без медальонов найти непросто.
Не всех вписали – трудна дорога,
Бессмертный подвиг до неба ростом.

* * *

Читала старую тетрадь,
Вдыхала запахи страницы:
Слегка седеющая прядь,
Скрип деревянной половицы,
Фитиль у лампы чуть живой,
И тени пляшут от дыханья...
Всё это было и со мной
В той эре чуда мирозданья.

Мы о «богатстве» речь вели, –
Глаза – как те огни на ёлке,
За домом яблони цвели,
И по стерне совсем не колко.
Прополка, ягоды, грибы,
Вкусна печёная картошка,
По старости – прощание, гробы,
У клуба песни, танцы и гармошка.

Зимой – снега, весной – текучесть вод,
Взрослели мы, старели наши деды,
Лесов золотоглазый хоровод –
С листвою уносил все наши беды.
Согреет лето пусть своим теплом,
Туманы на рассвете путь укажут,
Но узелки на прошлом не развяжут,
И память нам расскажет о былом.

МОЙ «ВЕЧНЫЙ ЗОВ»

Я много дней проплакала над книгой.
Пределы человеческой души...
Сидела, не могла рукою двигать,
А сердце всё стучало: «Напиши!
Не промолчи, тебе нельзя, ты вспомни,
Что родилась двенадцать лет спустя,
Когда погасли дни военных молний,
И слово твоё будет не пустяк!
Ты – дочь детей войны, таких подранков
Могли в обозе каждого убить.
Ты знала всю работу спозаранку,
Чтоб землю свою русскую любить.

Не притворяться, не ходить кругами,
А честно под высоким солнцем жить,
Под синим небом, что всегда над нами,
Где белый аист не устал кружить».
Я судеб с ними прожила немало,
Делила всё – и горе, и беду.
Я принимала боль и понимала:
По той дороге правильно иду!
Я старшая, за мной – сестра и братья.
И с малых до седых теперь уж лет
Тяну всю тяжесть, что привыкла брать я,
Коль никого со мною рядом нет.
Молитвы свет держу я на весу
И с Божьей помощью я груз свой пронесу.

РОДИНА

С того давнего времени детства,
Как надежду я в сердце ношу,
От болезней – единое средство:
Глубоко я Россией дышу.

Всё в историю, знаю, уносит,
Дождь смывает следы по ночам,
Осень рыжая, слышу я, просит
Не внимать её дерзким речам.

Или речи, как музыку, слушать,
Что листва у берёзы легка.
Согревает мне Родина душу,
И плывут, и плывут облака.

РАССТРЕЛЯННАЯ ВИШНЯ

Отгремели бои, и не слышно давно канонады,
Вишня стала богатой – целый сад зацветает весной.
Но историю эту рассказать непременно мне надо,
Потому что судьбою срослась она с прошлой войной.

До чего ж хороша вся была накануне Победы,
И роскошный её подвенечный наряд
Лишь сулил торжество. Но никто не поведал,
Что в жестоком бою здесь орудия заговорят.

А когда тишина наступила – до боли глухая,
Ужаснулись солдаты, глазам не поверив ничуть.
Вишня раненой птицею стала, как будто сухая,
По изломанным веткам прошёл предначертанный путь.

Тишина по земле распласталась без лишнего вздоха,
Свет дневной исчезал, становилось темней и темней.
И вдруг ночью бойцы своим сердцем услышали: кроха,
Сев на ветку, запел! Курский, брянский – родной соловей.

Поэзия

Александр Андреев

«Возраст осени» – совместный с Анатолием Мартыновым сборник. «Переулки лета» и «Мелодии зимы» – мои авторские. Отдельные сочинения вошли в альманахи: «Дуновение дюн», «Балтийские зори», «Российский колокол», «Берега», «Созвездие»; в журнал «Берега», в международные сборники: «Сестра моя Литва», «Цветик-многоцветик», «На что похожа любовь»; в антологию «Писатели Липецкого края. XXI век». В штате Атланта выходит русскоязычный журнал «Сова», в котором опубликован мой «Праздничный сухарик», а венок сонетов «Урок дорог» напечатан в белорусском журнале «Метаморфозы».

В Калининграде издана «Энциклопедия авторов журнала “Берега”». Нашлось в ней и для меня местечко. Сочинительские мои усилия отмечены медалью имени Евгения Замятина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СУХАРИК

Июльским зноем сумерки пронизаны,
Торшер уютно примостился у окна.
Я хронику смотрю по телевизору:
Фрагменты фильма «Неизвестная война».

Сквозь боль и гнев,
проклятия и стоны,
Под свист метелей
и под завыванье бомб
Идут, идут, идут
на Запад эшелоны,
Битком набитые
награбленным добром. –
Так опьянённый кровью
гитлеровский сброд
Родным подарки шлёт
на Новый год.

И город на Неве – в тисках блокадной смерти –
Назло войне
устроил праздник детям.

Бомбоубежище для них на время стало
Нарядным и волшебным новогодним залом.
Сам Дед Мороз под ёлку для них
Подарки разложил в пакетах расписных.
Девчушка лет пяти
ручонкою несмелой
Сухарик достаёт – невзрачный, подгорелый.
И – радостью лицо ребёнка просияло.
А мне щемящею тоскою сердце сжало.
Ни успокоить страшной боли, ни унять:
В тот год моей дочурке тоже было пять.

...Когда с экрана кто-то – «милосердный»
слишком –
Вещает, что фашистов проклинают зря,
Я сразу вспоминаю ленинградскую малышку,
Чьи глазки счастьем вспыхнули при виде сухаря.

ЭСТАФЕТА ЛЕТА

Немало встреч и расставаний
В судьбе у каждого из нас.
Мне вспомнилось одно прощание –
О нём поведаю сейчас.

Была июльская пора,
На воды лёг вечерний свет.
Я был на берегу Днепра,
И было мне двенадцать лет.

И я тогда увидеть смог,
Как от закатного накала
К моим ногам наискосок
Дорожка жаркая упала.

В переплетение лучей
С дубравным белорусским ветром
Без боли из груди моей
Скользнуло что-то незаметно.

Так детство по речной волне
Ушло безмолвно, не простясь.
Так юность не пришла ко мне,
А просто тихо началась.

ШЕЛЕСТЯЩЕЕ БЕЗМОЛВИЕ

Над гладью Куршского залива
Застыли дюны молчаливо.
Но знают все давно и точно,
Что их безмолвие непрочно.

Чуть ветер с моря набегаёт,
Гиганты сразу оживают
И под мелодию прибоя
Ведут беседу меж собою.

Как будто шелестят страницы
Раскрытой кем-то древней книги.
И хочется с природой слиться.
И – задержаться в этом миге.

МОРСКОЙ ХМЕЛЬ

Вот сядешь вечером у моря,
Рифмуешь строчки на просторе
Да так хмелеешь от пейзажа,
Что и вина не надо даже.

РАССКАЗ У КАСС

Я расстаюсь с Калининградом.
Он другом стал моим и братом.
Моим успехам он без лести
Со мною радовался вместе.

Он в беспросветно злую пору
Мне был надеждой и опорой.
Он ясным днём и ночью зыбкой
Умел прощать мои ошибки.

Он без намёка на претензии
Учил меня азам поэзии,
Вознаграждая за терпение
Высокой тайной вдохновения.

Когда в его бывало власти,
Дарил мне подлинное счастье.
За строгую заботу эту
Платил я тою же монетой.

Друг друга в краткости суровой
Мы понимали с полуслова,
Чураясь пышных фраз восторженных –
Как двум мужчинам и положено.

...Но диалог наш тише, тише,
Но день урочный ближе, ближе.

Прощаясь, я возьму с собой
Балтийский сдержанный прибой;
Я увезу простор крылатый,
Зеленоградские закаты
И светлогорские рассветы,
Что бродят в переулках лета.
Со мною будут постоянно
И шелест дюн, и шквал каштанов.
Пусть же помнит и Атлантика
Неисправимого романтика.

А мне безмерно дорог
город,
Что другом стал моим и братом.
Я расстаюсь с Калининградом.

ВОЗРАСТ ОСЕНИ

Безумная, тревожная,
Ужасно безнадежная;
Мучительная, вздорная,
Но всё же благотворная;
Слепая, безответная,
Но чистая и светлая –
Любовь моя осенняя.
Скорей всего – последняя.

ЭСКИЗ ПОД БРИЗ

Чёрное море. Июльское утро.
В скалах ютятся остатки прохлады.
Пляжи пустынно в такие минуты,
В травах ещё не проснулись цикады.

Чёрное море. Расплавленный полдень.
Солнце бичует горячие спины.
Вязкой дремотою скованы волны,
В них грациозно резвятся дельфины.

Чёрное море. Лирический вечер.
Кутает мгла кипарисы и пальмы,
Лёгкий прибой что-то смутно лепечет,
Горные склоны в тумане пропали.

Чёрное море. Безлунная полночь.
Небо мохнатые звёзды колышет.
Сонный простор безмятежности полон;
Краски всё сдержанней, звуки всё тише.

Здесь не терзают морозы округу,
Здесь паруса с непогодами спорят.
Сердце я, может, и отдал бы Югу,
Если б Балтийского не было моря.

Поэзия

Игорь Родневич

Игорь Родневич – выпускник Литературного института им. М. А. Горького в Москве (факультет поэзии). Лауреат и победитель Международных творческих конкурсов (медиа-проект «Самарские судьбы», проект «Ковдория» и др.). Печатался в литературных журналах и альманахах, сетевых поэтических сборниках: «Сибирские огни», «45-я параллель» и других.

Живёт и работает в Петербурге.

ЗЕМНАЯ АСТРОЛОГИЯ

(ВЕНОК СОНЕТОВ ИЗ ЦИКЛА «ОПЫТЫ»)

–1–

Начало тяготеет к эпилогу –
Слиянью поражений и побед.
Судьба даёт избраннику билет,
Пифийский дух вживляя понемногу.

Мы соберёмся поскорей в дорогу,
Но как сберечь Викторианства след?
Сегодня тьма не оттеняет свет
И множит этим старую тревогу.

Всё будет ровно так, как суждено.
И вот уже поэзии вино
Слегка дурманит мозг посылом грешным.

Пусть небу улыбнутся тополя,
Ведь наша целомудренность безбрежна?
Благослови же путника, земля.

–2–

Благослови же путника, земля,
Незримым поцелуем непорочным.
И – в дальний путь, испытывая прочность
Упрямых мыслей – ношу короля.

Фортепианным и минорным «ля»
Вдруг оборвёт Сатурн свою заочность.
В сознание проникнув внеурочно,
Предъявит миру красоту нуля.

Так жизнь утонет в чистоте пороши.
Но холод враз сомкнёт свои ладоши,
И всё вернётся на круги своя.

Взорвётся воздух! В мозг войдёт с Ураном
Неповторимым и шальным обманом:
Январь прокис в бутылки февраля.

–3–

Январь прокис в бутылки февраля.
Уж испечён земной пирог метелей.
Наелись красных ягод свиристели,
И перевёрнут лист календаря.

Неторопливость важная шмеля,
Рождённая в закатном сне апрелей,
Пока лишь сон, и бледность акварелей
Дрожит в ресницах, хмурый день суля.

Бело покуда. Непреодолима
Сегодня грань числа, и я сантима
Не дам, что фирн растает в молоко!

Но ночь прошла – и у весны порога
Сосульки снег заквасили легко, –
То – простокваша, славная, ей-богу.

–4–

То – простокваша, славная, ей-богу.
И хоть промокли ноги от гульбы,
Нас беспокойство мудрое судьбы
Убережёт от бегства к некрологу.

Кто ж подарил избыток сил Ван Гогу,
Рождённому в тот час, когда клубы
Эфирности мятежной так слабы,
Что нет им смысла наряжаться в тогу?

Ответ же прост. – То незабвенный март,
Найдя в крови томленья злой азарт,
Покинул дом свой, как медведь берлогу.

И Марса свет на острие меча
Мелькнул в гелиотропности луча,
Нахальством умиряя недотрогу.

–5–

Нахальством умиряя недотрогу,
Апрель вбежал – сиятельный шалун,
Чертёнок милый, бесконечный лгун,
Познавший мир, как европеец йогу.

Он бирюзы лишь капнул на пирогу
Небесную, – та разрослась, как выюн.
Ему смешно, ведь бесконечно юн
Наш баловень и склонен к монологу.

А мышцы волн, как мысль, затвердевали.
Январское наследство льдов взломали,
Капель звенела, прошлый мрак хуля!

Воистину, нужна большая ловкость,
Чтоб день прошёл – и воссияла лёгкость,
Измерив жизнь беспамятством враля.

–6–

Измерив жизнь беспамятством враля,
Печаль ушла со стёкол вслед за пылью,
Невозмутимость солнца стала былью,
Его взросленье поданным суля.

Поставь на май! И не жалея рубля!
Он Гебы сын, предвестник изобилья.
И потому, в противовес бессилью,
Он не апрельской дудки «тру-ля-ля».

Ударь его, – и колдовство Венеры
Принять сумеет в одночасье меры, –
Умрёшь ты. Растворишься. Станешь – тля.

Но длительность весны быстротекуща.
Земля и воздух обретут созвучья,
К определённости благоволя.

–7–

К определённости благоволя,
Притормозило небо оживленье
Меркурием, а радуг ожерелье
Благоговейно слушалось руля.

Селенный путь, изысканности для,
Высвечивался, и, сквозь недоверье,
В умах зажглось и расцвело поверье
О маяке земного корабля.

Остановилось солнце. Правит миром.
А головокруженье дней над клиром
Людским распределяет гений злой.

Жара стоит, а он и рад предлогу
Ударить нас июнем и войной. –
Весна пришла к печальному итогу.

–8–

Весна пришла к печальному итогу.
Так вымысла доверчивые сны
Кончают жизнь на острие блесны
Желаний, – к ним не выйти на подмогу.

Июлем солнце прикоснётся к стогу,
Сиреневому до голубизны,
Мы ж, пьяным ароматом новизны
Целованные, двинем к Таганрогу.

Ах, месяц мой! Как безоглядно слеп
Был шар земной, когда огонь судеб
Дождём тушил! – И умирали братья.

Шиповник ал, но не похож на мак,
Он не заслужит гневные проклятья. –
Сегодня правит бал заезжий маг.

–9–

Сегодня правит бал заезжий маг,
Землёй повелевающий из ложи
Нам недоступной, и опять под кожей
Стучится жар, отчаянный дурак.

На клочья порван дорогой пиджак,
Но буйством благородства не стреножат.
Окаменелость памяти дороже
Беспамятства воинствующих драк.

Герой не знает разочарованья.
Расцвет постичь движеньем к умиранью
Не может он, а в наказание – мрак.

Не жить ему, и не резвиться с гейшей,
И вот уже потомок августейший
Хитон меняет на осенний фрак.

–10–

Хитон меняет на осенний фрак
Девятый сын, и вечером простуда,
Хлебнув из человеческого сосуда,
Взломает разум колдовством атак.

Нетороплив сентябрь. Его рюкзак
Переполюет августова ссуда.
И тягостно преемнику до зуда,
И на Земле страшный кавардак.

Рябина даже серьги потеряла.
Оранжевет лесом покрывало,
Невнятицу промозглую укрыв.

Чтоб не могла она царить степенно,
Умчался всадник на дожде в прорыв,
Ведь череда событий неизменна.

–11–

Ведь череда событий неизменна,
Но ветры нам с три короба наврут,
А дальше – энтропия иль уют
В объятиях нелепых бюллетеня.

Здесь притупляет свой азарт геенна.
Дожди читают нараспев талмуд.
Воистину, нелеп и жалок труд,
Добытый произволом сюзерена.

С ним тяжесть век, в нём пустота идей.
Но из чертополоха бранных дней
Не выпускает милый сердцу запах.

Я остаюсь у череды могил,
А солнце эмигрирует на запад.
Потом – зима. И ей не будешь мил.

–12–

Потом – зима. И ей не будешь мил,
Родившийся под знаком Скорпиона.
Ты б годен был, пожалуй, и для трона,
Когда б усталость сердца подавил.

Ноябрь наш, изнемогая, пил
Вино из мягкой амфоры канона,
Был марным разум и во время оно,
И в нынешнем на помощь не спешил.

Бог кашу жизни подчинил рассудку.
Но всё ж мы поклоняемся рисунку
Слепого монстра из дурацких снов.

Когда печаль вводила внутривенно
Любимая, из волшебства стихов
Я плёл венок, хоть знал: мирское – тленно.

–13–

Я плёл венок, хоть знал: мирское – тленно.
Кто не со мной – ответствуй, где резон
Эпитетом ломать декабрьский сон,
Стреножить мозг и уходить надменно?

Здесь пауза. Немая мизансцена:
Заштопан белой ниткой горизонт!
Но Дед Мороз, как молодой Язон,
С Харибдой льдов справляется отменно.

Старик не жаден и вершит добро,
Гуляет по окошку серебро –
Оснеженный ребёнок благородства.

Я в мир души, оставшись без ветрил,
За ковкой духа не впускал сиротства –
Так Господа о помощи молил.

–14–

Так Господа о помощи молил –
Хотелось кровью жертвенной умыться.
В колодце слов студёная водица,
Но с нею жажды я не утолил.

Уже перо засохло без чернил,
И я себе позволил усомниться,
Что озарится белая страница
Поэзией. – Нет времени и сил.

Качнулся мозг и заработал скоро.
Мой страх исчез, и тяжесть приговора
К молчанию нарушена была.

Я подарил изысканности слогу,
Забыв такие чудные слова:
Начало тяготеет к эпилогу.

–15–

Начало тяготеет к эпилогу...
Благослови же путника, земля!
Январь прокис в бутылки февраля,
То – простокваша, славная, ей-богу.

Нахальством усмиряя недотрогу,
Измерив жизнь беспамятством враля,
К определённости благоволя,
Весна пришла к печальному итогу.

Сегодня правит бал заезжий маг.
Хитон меняет на осенний фрак –
Ведь череда событий неизменна.

Потом – зима. И ей не будешь мил.
Я плёл венок, хоть знал: мирское – тленно.
Так Господа о помощи молил.

Берега памяти

Анастасия Уткина

Руководитель клуба «По следам русской эмиграции». Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ ЮЖИНА (ФРАНЦИЯ)

Официальные документы сообщают о десятках тысяч русских людей, покинувших Россию в двадцатые годы прошлого столетия. Сегодня помимо анализа и исследования причин этого исхода обсуждаются возможности восстановления связей с потомками русских эмигрантов и воссоединения расколовшихся во время гражданской войны семей.

Поздняя осень 1920 года ознаменовала собой событие, беспрецедентное для новой истории России, навсегда и бесповоротно изменившее её судьбу – холодным ноябрьским днём русская земля осиротела, проводив в неизвестность тысячи лучших своих сыновей: угасала первая волна русской эмиграции.

Эвакуация из Крыма была проведена образцово: в три дня – с 29 по 31 октября (с 11 по 13 ноября по григорианскому календарю) – в четырёх главных портах Крыма: Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи. Мощь русской армии была частью спасена. Такая исключительная организация явилась заслугой командующего сохранившей верность императорской черноморской эскадрой вице-адмирала Кедрова, а также добросовестно исполнявших свой долг всех солдат, матросов и офицеров, при помощи и защите Французского флота под командованием адмирала Дюмениля. Были задействованы все имевшиеся в наличии суда: корабли императорского флота, теплоходы, яхты, торговые суда, баржи и даже плавучий маяк.

В результате эвакуации более 140 тысяч человек, около 40 тысяч из которых были донские казаки, на 126 кораблях покинули берега полуострова, многие тогда не понимали, что прощались с родиной навсегда. После многодневного плавания в жутких условиях беженцы увидели Константинополь. А потом последовали остров Лемнос, лагерь в Галиполи, Хадэм-Киой, Санжак-Тэпэ, Чилингире, Кабадже...

После Первой мировой войны остров Лемнос находился под патронажем французских и английских войск. Первые русские беженцы прибыли сюда ещё в начале 1920 года. Это были гражданские лица, а также раненые офицеры и солдаты. За первые же месяцы от невыносимых условий жизни на острове умерли 130 человек. В январе – марте 1921 года на Лемносе оказались донские казачьи части и Атаманское военное училище. Все казачьи части на острове объединили в Лемносскую группу войск Русской армии под командованием командира Донского корпуса генерала Абрамова.

Лагерь на Лемносе были окружены двойным оцеплением французов, запрещавшим казакам покидать расположение без специального разрешения с целью их максимальной изоляции. Жить приходилось в палатках, которых не хватало, ввиду чего в каждой жило по 14 человек. Вокруг палаток казаки вырыли небольшие ровики для стока воды, выходявшие в крупные каналы, протянувшиеся паутиной через весь лагерь. Однако из-за ливневых дождей той зимой многие палатки всё же промокали. Спать приходилось на сырой земле или тонкой подстилке из травы. Продуктов не хватало: паёк включал 200 граммов консервов, 400 граммов хлеба, 4 грамма чая и 30 граммов сахара, и тот выдавался не всегда полностью, а консервы, выделяемые французами, зачастую были испорченными. Дело усугублялось постоянными перебоями с питьевой водой, дров на «лысом» острове было не достать, жечь костры для кипячения воды удавалось лишь время от времени. Понятно, что казаков преследовали тяжёлые болезни.

Французы, пытаясь снизить остроту проблем, создаваемых для них пребыванием такого большого числа казаков, объявили запись в Иностраннный легион. Русское командование, озабоченное такими действиями французов, по сути, ведших дело к расформированию казачьих войск, приняло решение, что в легион могут записываться лишь те, чьё нахождение в частях по их нравственным качествам признавалось командирами нежелательным. И всё же условия пребывания в лагерях могли вынести не все. От безысходности и смертельных болезней в казачьих лагерях часть солдат согласилась перейти на службу в Иностраннный легион.

Для усиления дисциплины с марта 1921 года во всех частях возобновились строевые занятия. Казаки, уставшие от вынужденного безделья, в целом охотно занимались строевой подготовкой. В марте 1921 года на Лемносе состоялся выпуск юнкеров Атаманского военного училища. Большим подспорьем для казаков на Лемносе была помощь по линии Красного Креста, взявшего под свою опеку два лазарета на 800 человек и детское общежитие на 100 коек. И всё же с каждым днём жизнь казаков на чужбине становилась всё тяжелее. Казакам предлагалось либо возвратиться в Советскую Россию, либо выехать в Бразилию на сельскохозяйственные работы, либо самим обеспечить своё содержание. Пребывание казаков на Лемносе продолжалось более года. Только в ноябре 1921 года часть казаков была перевезена в Болгарию и Сербию, остальные разъехались по разным странам мира, понимая, что возвращение на родину означает неминуемую гибель. Сотни наших соотечественников остались на Лемносе навсегда, упокоившись в его каменистой земле.

Из разъехавшихся по разным частям света донских казаков (и не только) некоторые попали во Францию, осев позже в савойском городе Южине. В период с 1923 по 1931 год сюда приехало рекордное число переселенцев: около 2400 русских эмигрантов обрели в Южине свой новый дом. В ходе первого переселения (1923–1929) в Южин прибыли по большей части солдаты и офицеры, воевавшие в рядах Белой и Добровольческой армий. Вторая волна привела в савойский городок беженцев из Москвы, Пскова и Петрограда, добравшихся во Францию через территорию Прибалтики. Большинство прибывших стали рабочими сталелитейного завода.

Прибытие русских переселенцев в Южин										
	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	Общее по месяцам
январь	1		2	16		7	15	6		47
февраль		4	2	15		9	7	7		44
март		2	16	8	5	18	1	6	18	74
апрель	2		18	6	4	16	115	4	26	191
май	1	6	19	17	6	9	129	98	13	298
июнь		33	11	33	19	3	8	21	31	159
июль	2	5	8	20	11	8	100	7	8	169
август		4	5	54	11	6	17	4	6	107
сентябрь	12	29	13	60	12	4	3	3		136
октябрь	2	17	7	38	11	56	3	4		138
ноябрь	1	19	11	2	2	16	2	3		56
декабрь	1	20	26		4	24	3	1		79
Общее по годам	22	139	138	269	85	176	403	164	102	1498

Количество прибывших в Южин эмигрантов в период с 1923 по 1931 год (без учета женщин, детей и мужчин, не поступивших на работу на сталелитейный завод):

– 1118 русских эмигрантов с юга России, приехавших в Южин через Болгарию.

– 380 русских эмигрантов, прибывших в Южин через Прибалтику.

На заводе русские эмигранты трудились наравне с остальными рабочими. Оплата труда составляла 2,2 франка за час, проживание в общей комнате стоило 2,5 франка в месяц; если человек мог позволить себе отдельную меблированную комнату, то платил он за нее 20 франков в месяц. Согласно установленным правилам, если рабочий жил в черте города, то его расходы на проживание и еду не должны были превышать 8,5 франка в день. Оплачивать проезд от дома до завода рабочие должны были сами. Заработная плата русских рабочих не отличалась от заработной платы французов.

К началу Второй мировой войны в Южине проживало более 600 русских эмигрантов. Взрослые худо ли бедно говорили по-французски, в то время как их родившиеся во Франции дети французским и русским языками владели в совершенстве. Практически все мужчины – свыше 200 человек – трудились на сталелитейном заводе. Большинство эмигрантов так и не получили французское гражданство, продолжая довольствоваться нансеновским паспортом. Большая часть русских людей держалась в стороне от политики, однако в диаспоре бытовали различные и даже противоположные мнения относительно ситуации в Советской России. Тем не менее, несмотря на несогласие и разные взгляды, воззрения русских эмигрантов никогда не выходили за пределы их поселений и нигде не вызывали никаких волнений.

Подписание пакта о ненападении повергло в шок представителей всех русских кругов, автоматически превратив их в потенциальных агентов Германии. Некоторые русские эмигранты были арестованы, особенно из числа парижской интеллигенции, в самом Южине вплоть до 22 июня 1941 года арестов не было. Однако после 22 июня вишистский режим издал указ о немедленном аресте всех русских, повлекший за собой задержание русских эмигрантов во всех коммунах Савойи. Директор сталелитейного завода незамедлительно обратился к префекту с просьбой о защите русских, объяснив это той пользой, которую последние приносили заводу. Его просьба была услышана, впрочем, это не отменило обыски в домах русских и запрет на их передвижение вне департамента без специального разрешения. И даже несмотря на покровительство директора завода, многие русские эмигранты оказались впоследствии в концлагере Верне.

Первые годы войны были отмечены не только арестами и отправками в лагерь, но и решением примерно трети рабочих сталелитейного завода уехать в Германию. Некоторые присоединились к антибольшевистскому легиону, другие превратились в «добровольную» рабочую силу. В Южин вернулись далеко не все...

Подавляющее же большинство русских эмигрантов примкнуло к движению Сопротивления.

В июне 1946 года советское правительство обратилось с приглашением ко многим эмигрантам вернуться на родину, и более чем девяносто русских из Южина его приняли. Увы, судьба большинства из них никому не известна, и их связь с родными и друзьями, оставшимися в Южине, прервалась навсегда.

Война нанесла русской диаспоре Южина незаживающую рану. Отъезды в Германию, в СССР, в другие регионы Франции, кончины, смешанные браки заметно её расшатали. Если в 1937 году русских в Южине было более шестисот, то к 1980-м их осталось менее сотни.

Потомки русских эмигрантов первой волны превратились в обычных французов. Мало кто из них говорит по-русски, но (и это очень важно отметить) многие носят русские имена и в глубине души лелеют тоску по земле своих предков и истории тех, кто некогда оказался во Франции волею своей нелёгкой судьбы.

Не только потомки русских людей и, в частности, донских казаков, трепетно относятся к своей истории, но и потомки тех, кто остался в России и не пережил эмиграцию. Сегодня стало возможным глубоко исследовать исторические материалы, рассказывающие об этой непростой эпохе, и восстанавливать запоздалую историческую справедливость. Самое ценное в этой возможности то, что интерес к тем далёким событиям пробуждается и у молодого поколения.

Так, в рамках Русско-французского института, образованного на базе ЮРГПУ (НПИ) им. М. И. Платова (г. Новочеркасск) создан клуб «По следам русской эмиграции», который собрал вокруг животрепещущей темы преподавателей, студентов и потомков эмигрантов, разыскивающих своих родственников. Все они заинтересованы в поиске и воссоединении семей – потомков эмигрантов, живущих ныне в Новочеркасске и Южине. И не только... Группа очень надеется на то, что поиски увенчаются успехом и на волне непростых событий современной действительности разорванные и утраченные когда-то семейные связи смогут возродиться, сделавшись мостиком двух культур вопреки политическим и прочим разногласиям.

Берега памяти

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная – член Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение), член Союза писателей Беларуси (Минское отделение), член Союза писателей Союзного государства. Председатель оргкомитета Международных научно-литературных чтений Игоря Николаевича Григорьева (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург) и оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996).

Прозаик, поэт, публицист. Автор 16 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии. Многие стихи переведены на белорусский, украинский, сербский, английский языки. Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и междуна-

родных литературных конкурсов, в т. ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель «Серебряного Витязя» в номинации «Публицистика» (2019)) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

ЗА ЖИЗНЬ

Поэма

Посвящается 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и наступательной операции «Багратион»

1941

Запрягайте, хлопцы, коней!
Грозны тучи ветер гонит,
В середине лета – мрак!
И дороги топчет враг...
В сорок первом немец весел:
Города подмял и веси.
«Дранг нах Остен» возгласил
И бомбил, стрелял, месил...
Шнапсом упиваясь власть,
Красный флаг втоптал он в грязь.
И скривил брезгливо рот:
– Русиш швайн! Скотина! Сброд!
Здесь отныне – дойче власть!
– С голодухи б не пропасть...
Грабит, грабит фриц – всё мало!
– Отдавай-ка одеяло,
И подушку, и тулуп!
А в кадушке нет ли круп?
Яйки! Млеко! Хлеб и сало!
Мало гитлеровцу, мало!
Где фашист, там быть беде...
– Прячешь хлеб?!
Гореть в избе

Ребятишкам, бабам... Всем!
Рус капут – и нихт проблем.
Студит, вьюжит круговерть.
Из прицела смотрит смерть...
Запрягайте, хлопцы, коней,
Гитлеровца вон погоним!
Братья, мужики, солдаты,
Отомстим за наши хаты!
Партизаны, гадов бей!
Отомстим за жён, детей!
Пусть горит земля под фрицем.
За Отчизну будем биться!

1942

Жмут морозы нынче – страсть!
Господи, не дай пропасть!
Год идёт сорок второй.
Стоны, плач, проклятья, вой
В тюрьмах, гетто, лагерях...
Боль и ненависть в глазах!
Головешки... Дым... Зола...
В ямах – мёртвые тела.
Петли, петли на столбах

Вдоль дорог, на площадях...
– Власть германска – это ад!
– Озверел фашистский гад!
Запрягайте, хлопцы, коней,
Вызволяйте из неволи!

1943

Среди туч просветы будто,
Словно наступает утро...
Сорок третий на пороге.
– Уноси, германец, ноги!
Мы идём, идём, идём!
Мы сильнее с каждым днём!
Отстояли Сталинград –
Удирал от Волги гад!
Укусить хотел под Курском –
Драпал по тому же курсу!
Но мосты вставляли дыбом,
Отправляя фрицев рыбам.
Плавилась от взрывов рельсы,
Мины на дорогах сельских
Тормозили немцам ход,
Загоняя в край болот.
Враг от ярости кипел.
И зверел, зверел, зверел...
Запрягайте, хлопцы, коней!
Мы в болотах не утонем:
Знаем тропки, строим гати,
Сёстры, братья – в каждой хате...
Нас не сжечь, не погубить,
Мы – народ!
Мы будем жить!

1944

Посветлело небо, вроде,
Лишь по краю тучи бродят...
Запрягли ребята коней!
Гоним мы фашистов, гоним!
А в седле – Багратион.
(Хоть незримо – с нами он!)
«Блицкриг» – русский?!
Вот так шок!
И подумать фриц не мог,
Чтоб его «Восточный вал»
Шесть недель не простоял
И что гордость его – «Центр» –
Не потянет и на цент!
– О Москве мечтал ты, враг?
Что ж, как снег весной, размяк?!
А в столице перезвон:
– Победённых – эшелон!
– Братцы, пленных тыщи тут!

– Что, фашист, сменил маршрут?
– Где же твой победный флаг?
– Что ж плетёшься кое-как?
– «Дранг нах Остен»? Получай!
Догоню – поддам на чай!

1945

Солнце в небе расцвело.
И начищено седло...
Так прищпоривайте коней,
Хлопцы, дальше немца гоним!
От границы белорусской
До столицы дальней прусской,
От Варшавы – до Берлина!
Получайте, фрицы, дрына!
Вот и логово – Рейхстаг.
Взвейся, наш советский флаг!
Все, кто родине был предан,
Ставьте подпись под Победой!
Чтоб враги не смели драться,
На стене пишите, братцы!

2023

Лета, зимы пролетели.
Замели следы метели.
Вновь лютует круговерть.
Где-то рядом бродит смерть...
Там – потоп. Тут – снегопад.
Землетряска. Шторм и град.
Да закат багрово-страшный!
И приказ тревожно-важный:
«Запрягайте снова коней!»
Слышите, земля как стонет?
Враг опять нам дышит в спину,
Прячет под полой дубину...
Тот же фриц! И с ним же в ряд
Те же вражины стоят.
Гляньте: кони бьют копытом,
Высекают: «Не забыто!»
Сабля есть. И порох сух.
Крепок наш отважный дух!
Запрягать мы можем долго:
Широка душа, как Волга,
Но и глубока она –
Не достанешь тайны-дна.
За Божественным щитом
Свят-Отечество – наш дом.
А поедем – так держись!
Встанем насмерть, но – за жизнь!
Запрягайте, хлопцы, коней,
Честь и знамя не уроним!

01.12.2023

Берега памяти

Евгений Кондрашов

Евгений Леонидович Кондрашов – участник боевых действий. Капитан I ранга в отставке. Член всероссийской общественной организации «Боевое братство», писатель.

ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ-ПАТРИОТА РОССИИ

О книге Е. А. Дергачевой «Духовное завещание современникам и потомкам.

К 95-летию писателя В. М. Шаповалова»

Следуя от общего к частному, можно смело заметить, что произведение Елены Дергачевой не только своевременно, но несёт в себе знак вечности. Автору, безусловно, удалось подтвердить название книги через призму жизненного пути, биографию члена Союза писателей, лауреата литературных и журналистских премий В. М. Шаповалова, написать портрет талантливого писателя, педагога, посвятившего себя воспитанию подрастающего поколения, осветить проблемы нашего общества и возможные пути их преодоления. В книге выведен образ русского человека, беззаветно любящего свою Родину, болеющего за её сегодняшний и завтрашний день.

С глубоким уважением отношусь к тем учёным, кто не только объясняет миру те или иные жизненные процессы в формулах, выводит определённые закономерности в поступательном развитии нашего общества, наблюдает в лаборатории за реакцией в пробирке, делает великие открытия, но может сказать верное слово о его духовном совершенствовании. Проникнуться содержанием произведений писателя, сухих справок, дат, эпизодов и документов, уметь их связать с потребностями сегодняшнего дня, народа в его духовном развитии, привлечь внимание читателя может только человек, обладающий не только научным, творческим подходом, но главное – душой.

Герой научно-популярного издания (монографии) – Владислав Мефодьевич Шаповалов – фронтовик-доброволец, чей подвиг на полях сражений бесспорен. Воевал, служил Родине в тяжёлые дни её испытаний не в прожекторной роте, а в боевом подразделении. За применение в боях с захватчиками противотанковых средств борьбы, где служил солдат, на фронте часто говорили: «Ствол длинный. Жизнь короткая». На далёкой реке Висле был тяжело ранен. Вернувшись с войны, посвятил себя педагогической деятельности, был признан в народе как талантливый писатель. Сколько их после кровавой битвы в полинявших от солнца и дождя гимнастёрках, жаждущих знаний, влилось тогда в учебные аудитории школ, вузов, чтобы свежий ветер перемен ворвался в духовную жизнь нашего послевоенного общества. В этом, наверное, есть определённая закономерность. Мирная жизнь после тяжёлых испытаний дарит нам подчас великих поэтов, прозаиков, высокодуховные произведения в области литературы. Пройдя горнило Крымской войны, миру явился великий классик Л. Н. Толстой. Ряд наших поколений после гражданской войны был воспитан, да и воспитывается, надеюсь, сегодня, на книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Сложнейший период в жизни русского народа нашёл своё отражение в романах Михаила Шолохова «Тихий Дон», «Поднятая целина» и др.

После Великой Отечественной бессмертные произведения создавали Александр Фадеев, Константин Симонов, Александр Твардовский, Илья Эренбург и др. Автору этих строк посчастливилось не только лицезреть таких гениев литературы по жизни, но воспринимать их доброе слово в школе на уроках истории, труда и военной подготовки, на творческих встречах, при живом общении. Тогда желание многих педагогов-фронтовиков не снимать военную форму и приходить в ней на занятия воспринималось подчас как чудачество. Со временем мы осознали, что эта их привычка многого стоит, ибо осталась в сердцах учеников вместе с их идеями, которые несли нам тогда такие педагоги, авторы бесценных произведений.

Безусловно, в этом плане после войны не был в стороне и писатель В. М. Шаповалов. В наше бурное неоднозначное время по-прежнему шедевром написания могут служить его романы «Белые берега», «Серые великаны», поэма о философии природы «Медвяный звон», цикл рассказов «Руки матери», «Чёрный аист», «По всей линии огня» и др. Все эти сочинения пронизаны огромной добротой и душевностью подачи материала. В них звучит дух гуманизма и доброго пожелания людям, скромная мечта в перспективе жизни заставить «Эру милосердия», о которой так мечтали наши защитники Родины на поле брани, в окопах Второй мировой.

Примечательно, что знакомство читателя книги с портретом и творчеством писателя побуждает нас обратиться к его произведениям неоднократно, чтобы вновь осмыслить их содержание. Знакомясь с героями, их поступками, осознаёшь, что они выписаны не просто «писателем от сохи», публицистом. В. М. Шаповалов – практик. В своих суждениях, размышлениях, наблюдениях он идёт от жизни. Утверждает великие философские понятия со знанием дела, являясь, кроме всего прочего, учителем, директором школы, организатором учебного процесса непосредственно на том участке, где его поставила судьба и жизнь. Такое совмещение слова и дела – совпадение редкостное. Сегодня пытаются писать многие, но не каждый владеющий мастерски пером может свои убеждения реализовать по жизни на практике и доказать тем самым правоту своих идей, с которыми он идёт по жизни. Владислав Мефодьевич это умел ненавязчиво и мастерски.

К большому сожалению, сегодня в области образования явно присутствует определённый вакуум в формах и методах воспитания подрастающего поколения. Бездумное, а подчас бездарное копирование Запада, шарханье в области обучения и воспитания породили в обществе пороки, черты, не свойственные русскому человеку. А главное – просчёты и ошибки негативно отразились на целом поколении, рождённом в конце двадцатого века. В значительной мере это объясняется и упрощённым отношением отдельных деятелей от власти имущих к личности педагога, неуважение его скромного, но жизненно необходимого труда. Таким образом, вполне закономерно, что писатель вывел на острие атаки по нашему времени в борьбе за счастливую новую жизнь своего главного героя времени в романе «Серые великаны» – учителя. Вдумайтесь в некоторые размышления этого замечательного человека. «Образование, – помечает он, – не следует давать, его следует брать. Горе-учителя те, кто старается всё необходимое уложить в рюкзак того, кто отправляется в кругосветное путешествие. А надо постараться научить его, путешественника, всё необходимое, находясь в пути, делать самому». Мысль его об образовании, учителях, родителях, как набат, звучит в романе: «Учитель, родители, ученики – вот триумвират, у которого ответственность должна быть одинаковой. Как бы не так – с одного шкуру снимают, а другие ухмыляются».

Как это созвучно с мыслями Ф. М. Достоевского в его «Дневнике писателя». «Учитель, – пишет он, – это штука тонкая: народный национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. Деньгами вы, например, построите школы, но учителей сейчас не наделаете».

Бесспорна заслуга В. М. Шаповалова и его произведений в том, что они ведут читателя к размышлениям, определениям позиции по тем или иным событиям, а главное – часто подвигают к действиям. Восторгаться в литературе лютиками-цветочками – это, я думаю, первичное, примитивное восприятие мира. Оно свойственно, пожалуй, всему живому на Земле нашей матушке. Даже подсолнух восторгается солнцем, следуя своей «головкой» за его движением по небосводу. Другое дело, осознав ту или иную проблему, ввязаться в бой не на жизнь, а на смерть, постараться изменить мир к лучшему. Только такое восприятие мира даёт право нашим литераторам называть себя мастерами слова.

Особого внимания заслуживает публицистика, очерки и интервью писателя, педагога в высшем смысле понимания этого слова. Пророчески звучат его слова, открывая нам истину «четвёртого поля», следующего, по мысли прозаика, за ратными полями истории Руси: Куликовым, Бородинским, Прохоровским. Воочию «четвёртое поле» мы видим сегодня там, на Дону, где затерялась в степях и веках речка Калка. Сегодня необходимость осознания этого понятия пришла в каждый наш дом, и каждый из нас должен понять, что судьба России зависит от её победы над фашистской отрыжкой в Специальной военной операции на Украине. Снова, как и в 1223 году, в битве у малой речушки, мы стоим перед глобальным выбором – рассыпаться на уделы или продолжать своё единое, священное движение вперёд.

Наверное, одному из первых В. М. Шаповалову после Великой Отечественной удалось отойти в своих произведениях о войне от ложной героизации, ура-патриотизма, чем одно время страдала советская литература. Однако, знакомясь с его творчеством, высоким гуманизмом, не стоит делать в настоящее время какие-то обобщения, ставить их, а с ней и позицию автора в один ряд с «гнилым либерализмом», который упорно, под вопли одобрительных голосов Запада, его санкций пытаются реанимировать в нашей стране. У писателя свои глубинные понятия свободы, совести и чести. К примеру, невозможно, представить реакцию последнего на ЛГБТ, феминизм, поддержку этого оскотинивания масс со стороны государств Европы, где творили в своё время Шекспир и Гёте, Александр Дюма и Виктор Гюго, Проспер Мериме и Адам Мицкевич. Верно, душевное негодование вызвали бы у писателя и «новые подходы» к воспитанию детей в странах Евросоюза. Что позволяет сделать такой вывод? Безусловно, его происхождение, боевой жизненный путь, живая связь писателя с простыми людьми, глубокое знание психологических аспектов человека, которые проявляются на многих переломных этапах нашей истории. Таким образом, отвечая на сакраментальный вопрос: «С кем вы сегодня, мастера культуры?» – Владислав Мефодьевич наверняка дал бы нам, потомкам, однозначный ответ: «С народом!»

Практически все персонажи произведений писателя списаны с нашей действительности. Будь это директор школы Сутормин – с его комплексным подходом к воспитанию и обучению наших детей, или председатель колхоза Тронский – со своим девизом «Сначала навоз, потом культура» в романе «Серые великаны», или главный герой романа «Белые берега» подросток Мишка Бороздин, глазами которого мы видим всё происходящее в семье, выживающей в дни фашистской оккупации. Все они не припудрены, не отполированы под одобрительный кивок чиновников и критиков от литературы, искусства и власти. Они как есть – от природы. Отсюда и их великие мысли, чувства, наблюдения, которые не найдёшь при желании ни в одной энциклопедии или словаре. Запевалой в этом благородном деле выступает сам писатель. Взять его поэму «Медвяный звон». Как тонко, со знанием дела и трепетно он описывает пчелиную семью, этот природный образец мудрости, чистоты и трудолюбия. «Матка, – читаем в поэме, – точно литая пулька, неторопливо передвигалась по сотам, проверяя каждую ячейку. Со всех сторон лучами её окружала свита. Мордочками к солнцу, матка прорывала окружения и следовала дальше, искала свободные ячейки. А свита настигала её снова, ощупывая усиками, протягивая хоботки, подавая на ходу, чтобы не тратить время, питательное молочко, расчёсывая и умывая. А она отыскивала в это время свободную ячейку, очищенную и отполированную до сияния лаком-прополисом и тем продезинфицированную, опускала острие брюшка и отложила яичко. Поставила на доньшко жемчужно-перламутровый столбик. Приклеила его». Обращение к пчеле как божьему насекомому, рождённому, по преданию, от слезы Христа, распятого на кресте, писатель делает неоднократно. В этом есть что-то пророческое, если хотите – мистическое. Пчелиная семья без матки – не жилец. Как правило, она быстро чахнет и вымирает. Не будем поддаваться мистике, но многие ясновидцы с древних времён и до наших дней в этом плане пророчески твердят, что наш грешный мир рухнет, когда умрёт последняя пчела.

В предложенной монографии, произведениях писателя практически крайне редко прослеживается отношение к вере, религии, православию. Не считаю это какой-то недоработкой или изъяном. Тема эта настолько деликатная, что о ней не стоит говорить всуе, поверхностно, мимоходом, не задевая тонких чувств верующего человека или воинствующего атеиста. В то же время твёрдо уверен, что Владислав Мефодьевич, как и тысячи наших воинов, видя, как гибнут защитники Родины, более того, дети на войне, как это отображено в книге «Руки матери», невольно задавался прозаическим вопросом: «Господи! А их то за что?» Он, верно, прошёл через осмысление подобных вопросов, пережив тяжёлое ранение на Висле, или когда смог успешно внедриться в новую жизнь в послевоенный период, не зазнавшись как победитель, или когда стал известен как писатель с мировым именем. В этом плане невольно вспоминается позиция широко известного русского писателя, публициста, философа А. А. Зиновьева по его отношению к религии, Богу. На страницах своих философских размышлений по данной теме он приводит напутствие ему по жизни, доставшееся от матери. «Существует Бог или нет, – говорит сыну русская женщина, – для верующего человека этот вопрос не столь уж важен. Можно быть верующим без церкви и без попов. Сняв крестик, ты тем самым ещё не выбрасываешь из себя веру. Настоящая вера начинается с того, что ты начинаешь думать и совершать поступки так, как будто существует Кто-то, кто читает все твои мысли и видит все твои поступки, кто знает

подлинную цену им. Абсолютный свидетель твоей жизни и высший судья всего связанного с тобой должно быть в тебе самом... Верь в Него, молись Ему, благодари Его за каждый миг прожитой жизни, проси Его дать тебе силы преодолеть трудности. Старайся быть достойным человеком в Его глазах». Как и фронтовик А. А. Зиновьев, фронтовик В. М. Шаповалов, верно, был верующим безбожником. Для таких великих людей и сегодня сродни слова великого русского поэта Сергея Есенина: «Стыдно мне, что я в бога верил... жалко мне, что не верю теперь».

Думаю, с такими высокими убеждениями и шёл по жизни Владислав Мефодьевич Шаповалов. Бережное отношение к памяти этого человека и его произведениям, их регулярное переиздание, глубокое осмысление подрастающими поколениями – это верный путь к оздоровлению нашего общества, богатое идейное подспорье его победного продвижения вперёд.

МЕДОВЫЙ СПАС

*Памяти В. М. Шаповалова,
писателя, гуманиста, педагога, написавшего
поэму «Медвяный звон» (1988)*

Что в памяти своей по жизни я пронёс?
Конечно, отчий дом, свет ослепительный берёз.
Медовый запах трав, цветов, полей.
Бездонный, синий неба цвет над Родиной моей.

Все эти образы приходят часто мне,
И в этом благодарен я всегда пчеле.
Безжизненна, заветренна, сухая память без неё.
Как будто смотришь в прошлое через стекло.

Картины детства оживают сразу, вдруг.
В цветах пестреющий под жарким солнцем луг.
Наш милый сад. В тени его ветвей
Пчелиные цветные домики божественных
семей.

Мне чудится безветренный, погожий летний
день.
Поставленная мною медогонка к делу в тень.
Отец беседу с пчёлами над ульями ведёт.
Меж тем мне рамки грузные от мёда подаёт.

Меня кусают пчёлы, его – нет.
Всё почему? Тогда не находил себе ответ.
Под добрый его смех слова мудрёные ловил:
«Кусают? Знать, благословенье нынче получил».

По юности в приметы и сказания не верил я
тогда.

Такое, что пчела – создание Божье и слеза
Христа.

Скатившаяся из его немеркнущих очей,
Когда распят он был за нас и с верою своей.

Я, зачарованный, любил смотреть всегда,
Из медогонки как бежит янтарная струя.

Хлеб с маминой руки ломтями на столе.
Снять пробу первым представлялось часто мне.

На сенокосе падал, часто выбившись из сил.
Тогда отец для ободренья просто говорил:
«Представь себе, мой сын, а как пчела?»
Ей тоже нынче не до сна, и ей – страда.

Она спешит собрать с полей божественный
нектар,
Чтобы бесплатно людям поднести всё это в дар.
Познать всю чистоту её поступка людям не дано.
Однако с нею в дружбе быть нам, мальчик,
суждено».

Воспето нам поэтом при луне, волнуется
как рожь.

А как цветёт в полях гречиха! Мимо
не пройдёшь!

По всей округе слышится пчелиный звон.
Как будто ты стоишь на паперти. Перед тобой –
амвон.

Перебирая в памяти прожитые года,
Хорошее пытаюсь вспомнить всё. И навсегда
К пчеле я верность свою свято сохранил.
С благословенья Божьего на герб семейный
поместил.

Ещё природы мудрость предстоит всем нам
познать.

Не надо только в сапогах по ней, как по душе,
шагать.

Понять, Помпеи день придёт на Землю лишь
тогда,

Когда умрёт последняя пчела.

Рижские берега

Светлана Даугуле

Светлана Даугуле – родилась в России, детство и юность прошли на Украине. Окончила Харьковский государственный университет, филолог. Живёт в Риге (Латвия). Печаталась в харьковских и рижских журналах и альманахах, в антологии «Русская поэзия Латвии». Автор поэтических сборников: «Ветер, ветер...» (2018), «Лирика» (2019), «Балтика» (2023). Член Союза писателей России, Союза русских писателей Латвии, член рижского Союза литераторов «Светоч» и Творческого объединения «Созвездие» (Рига, Латвия).

МОСКВА – РИГА

За окном пролетает Россия,
Утопая в бескрайних снегах...
И какая-то тайная сила
Так и тянет туда, в тот размах.
Ночь светла, перелески так чётки,
Где-то зверь осторожный не спит.
Кинокадры то белы, то чёрны,
Всё мелькает и странно манит.

Посмотри, – говорит кто-то давний, –
Здесь бродили твои русичи,
Поклонялись священному камню,
Открывали под мохом ключи.
Может, кривичи, может, поляне...
Узорочье в цветных поясах...
Озарялись кострами поляны,
И метались сполóхи в глазах.

Кто они, мои тёмные братья?
Как снимали в лесу дикий мёд?
В ком из лиц, дорогих мне, узнать бы
Чьи-то очи и брови вразлёт?
Чую токи неслышного гуда,
Они гулко играют в крови:
Я оттуда, оттуда, оттуда!
От далёкой славянской любви.

Спит вагон, и качает немного,
Лбом упершишь, смотрю и смотрю,
Как бежит – убегает дорога,
Как снежинки летят к фонарю.
Во-о-н в долине овраги кривые,
Там блуждает вдали огонёк...
Ох, ветра тут, наверное, злые,
А ямщик одинок, одинок.
И опять побежали дорожки,

И платформы, и лес за рекой,
Замелькали селенья, сторожки, –
Помашу им приветно рукой.
Ржев, Нелидово, Земцы, Пустошка...
Я читаю простые слова
И всю ночь напролёт у окошка
Создаю свою Русь изнова.

МОЯ ЗИМА

Я блуждаю по лесу, увязая в сугробах,
Я бросаюсь ничком, утопая в снегу,
Я скольжу на подошвах по санным дорогам,
По скрипучей лыжне я на лыжах бегу.

И как будто бы вижу себя издалёка:
В разудалой кибитке и снежной пыли,
В разноцветном платке – молодой, сероокой –
В бубенцами звенящей морозной дали.

Где ж вы, сани мои, расписные, кленовые?
Колокольчика звон так давно не звучит...
Но хотя бы в лесу в лицо лапы еловые,
Но хотя бы на улице снег, как прежде, скрипит.

* * *

Горностаевый снег растаял,
Пышность белая улеглась,
Растворилась, как в небе стая,
Испарилась и унеслась.

Ноздреватым ледком проталин
Тускло светится косогор –
На глазах прямо тает, тает!
Нынче март удивительно скор.

Два весёлых щенка-однолетка,
Одуревшие, носятся вскачь,
А в берёзовых тоненьких ветках
Зачернелся саврасовский грач.

ВОДОКРЕЩИ

Не шумит вода, не плещет –
Наступили Водокрещи.
На Днепре снежок искрится,
Иордань дымком курится.
А народу-то, народу!
Все глядят на тёмну воду.
Ох, кусается водица
На морозе окатиться.
Вот негусто потянулись
Смельчаки, да поразулись.
Поразулись – поразделись,
В воду ухнули, согрелись!
Громко фыркают, крепятся,
Сам собою бахвалятся.
Божья прорубь всем годится,
Ты не бойся простудиться.
– Ну, смелее прыгай, Настя!
Попытай крещенско счастье
Ой, водица-ледяница,
Дай мне силы укрепиться.
На ходу перекрестилась,
Трижды в воду опустилась.
И народ кругом дивится:
Ну и девка! Царь-девица!
Не шумит вода, не плещет,
Наступили Водокрещи.

АВГУСТ

«Ох, лето красное! Любил бы я тебя...»
Я и люблю – когда оно уходит
И жарко дышит на пороге сентября,
И всё ещё как лето колобродит.

Люблю, когда стоит тяжёлый Август
С корзиной фруктов на кудрявой голове,
И аромат сладчайшего добра густ,
И розовеет яблоко в траве.

Люблю, когда замахровели астры
И разнотравье всё ещё в цвету,
А жар и зной уже не злы, не часты.
Качает голову подсолнух на ветру.

Цветы роскошны пышной красотой
(Тут августейший вкус не слишком строг).
Так женщина с пикантной полнотою –
Прекрасный жизнелюбия урок.

Поля тучны, зерно отговорило,
Эфир полуденный струится и звенит...
Всё процвело, что родилось и жило,
Всё воплотилось, всё вошло в зенит.

СТАРЫЙ САД

В тот прекрасно запущенный сад,
Где дремали плакучие ивы,
Где не зрел золотой виноград,
Но ручьи были так говорливы;

Где с тобой мы бродили одни
По тенистым запутанным тропам,
Где гремели всю ночь соловьи
И таинственный слышался ропот;

Где мы счастливы были вдвоём,
Заблудившись в садовых щедротах,
Где подёрнут парчой водоём
И так сумрачно в каменных гротах;

Где над каждым цветущим кустом
Низко плыли шмелиные звуки,
Где в малиннике душно-густом
Целовал мои тонкие руки, –

Я вернусь в тот запущенный сад!
Призову всех свидетелей счастья:
Пусть ответят мне, кто виноват,
Что разбилось то счастье на части.

Мне ответит и розовый куст,
И малина душисто-хмельная,
Из сотысячных ягодных уст
Шелестяще: не знаю... не знаю...

Но прохладой поделится пруд,
Но погладит пушистая ветка.
Отодвинется в сторону прут,
Зазовёт кружевная беседка.

Всё проходит... И это пройдёт.
Боль сердечная не бесконечна.
Новый голос с собой уведёт.
Ну а Сад остаётся навечно.

Рижские берега

Иван Кунцевич

Иван Кунцевич – родился в деревне Новый Погост Миорского района Витебской области (Беларусь) в 1948 году. Окончил Калининградский технический университет. Является членом Союза писателей Северо-Запада, Международной организации писателей и публицистов, избран действительным членом – общественным академиком Международной академии русской словесности АОО «МАРС» Австралии.

Руководит Литературно-поэтической группой «Корни» Латвийско-Российской ассоциации сотрудничества и на протяжении десяти лет ведёт литературную страницу «Поэтический перекрёсток» в журнале «Корни».

Издано 12 сборников стихов. На его тексты написано более 20 песен.

* * *

Радость Земли состоит не в потере
Бездны людей, проживавших на ней.
Радость её – в обусловленной мере
Множеством звёзд и вселенских огней.

Радость Земли – и глубокие связи,
Ночи и дни по орбите полёт.
Ныне Земля пребывает в экстазе:
Жизнь будет длиться – и жизнь не умрёт.

Будут рождаться деревья и звери,
Птицы, машины, дома, корабли...
Радость Земли – не закрытые двери.
Радость, чтоб мы своё счастье нашли.

* * *

Споём и легко и свободно про волю.
Споём же, друзья, о счастливой стране,
Про мирное небо и лучшую долю
В любимой до боли моей стороне.

Споём о рассветах, друзья, и закатах,
О солнца лучах на небесной гряде.
Споём о дорогах и родненьких хатах
И белых берёзах, шагнувших к воде.

Споём о бескрайних лугах и равнинах,
О сладком дурмане некошенных трав,
О наших путях на путях журавлиных
И песне, летящей с речных переправ.

О радости нашей споём и печали,
О том, что мы чувствуем в сердце своём,
О нашем единственном в жизни причале –
О Родине, нами любимой, споём.

* * *

Мы говорим на разных языках:
Ты – дерево на холме, а я в низине,
И вечный холод мне: туман да иней.
Тебя же – ветер носит на руках.

И в вышине, там, на холме, где свет,
В глаза ты солнцу жадно заглянула.
Ну а меня мгновение вернуло
Туда, где мрак и света вовсе нет.

И мы мечтаем каждый о своём:
О счастье жизни, что в судьбе проснётся
И радостью великой отзовётся,
Когда мы к Богу с верою придём.

И мы откроем шелестом своим:
Ты наверху, а я – во тьме в низине,
Что разделяют нас не только иней
И холод лет, известные другим...
Свет нужен всем, не только нам одним.

* * *

Когда угаснет луч заката
И звёзды с неба опадут,
Ты скажешь: – Я не виновата,
Что больше по сердцу уют,
Что не приемлешь притязаний
Дождя и холода в судьбе
И что дороже комнат грани
И кошка, милая тебе.
Дороже жаркий взгляд камина
Во тьме притихшего угла. –
А мне и озера картина,
И чтоб черёмуха цвела.

* * *

Я каждым утром ухожу
В крутые сны, в глухие топи
И доверяю миражу
Щиты дерев и ветки копий.

Я ухожу туда, где свет
Восходит к небу от пригорков,
Где весь берёз янтарный цвет
На вкус – нечаянно прогорклый.

Иду туда, где синь небес
Полна открытой сердцу сини,
Туда, где ждёшь иных чудес
В октябрьских днях скользящих линий.

Туда, где дождь – совсем не дождь:
Он не такой, что знаем всеми,
Такой, что душу растревожь –
И всё равно пребудет в теме.

Туда, где искрами огней
Рябины грозди в паутине,
Где капли – проблеском очей
И ласки милой на чужбине.

* * *

И солнца тень легла на дно.
Кипит вода у переката.
А на душе моей темно.
Душа тревогою объята.

По руслу дней несёт меня
То на пороги, то на мели.
Что я найду, мечту храня,
Когда коснусь заветной цели?

Мне всё бывшее суждено
С любовью вспомнить на мгновенье,
Хоть лодку памяти давно
Снесло во времени течение;

Тоской размыло берега.
Минуло счастье стороною...
А жизнь всё больше дорога
Мне быстринной и глубиною.

* * *

Да, в нашем мире жить непросто,
Но мир желанный где-то есть.
И этот мир для нас, как остров,
И свыше посланная весть.

И в мире том простые люди,
Надежды, планы и мечты,
Нет грома выстрелов орудий
И не взрываются мосты.

И свет в быту, и свет в эфире
Не искажают русский мир, –
В любом дворе, в любой квартире
Есть место для приветов лир.

И всякий в мире этом счастлив,
Открыт для света новых дней, –
И если б звёзды вдруг угасли,
Мир не ушёл бы в мир теней.

* * *

Горечь настигнет порой откровенная,
Тяжкая, долгая, холод и тьма,
В боли души до того неизменная:
Ранит безмерно и сводит с ума.

Не оставляет ни света, ни радости,
Только невзгоды в картине любой.
Знать, и не знает покоя и жалости,
Тянет нещадно в провал роковой.

Надо ли сердцу лихое и тёмное,
Нужен ли гнёт не заметный для всех?
Счастье моё – несомненно огромное,
Есть в нём надежда, мечта и успех.

Пусть же забудется горечь безмерная.
Чистое, нежное встретит в миру.
Жизнь не монета в кармане последняя, –
Если и тратится – только к добру!

* * *

Встречу нашу забыть невозможно.
Не забыть небеса и цветы...
В буднях нынче всё горько и сложно,
Если глянуть на жизнь с высоты.

Нас встречают ветра и потери,
И не балует солнечный свет.
И бывает, открыты все двери,
Только радости в комнатах нет.

И живём до безумия тихо.
Не томимся душой и стихом.
И гуляет по дому шумиха...
Но зачем говорить о плохом?..

* * *

Годы, словно птицы, улетают вдаль.
Годы не вернуться к нам назад. А жаль.
Не вернуться годы, сколько ни зови,
И напрасно душу болью дней не рви.

Не вернуться годы, знаю. Испокон
Остаются только танго, вальс бостон,
Остаются школа и сплочённый класс.
Счастье было с нами и любило нас...

Солнце нам светило на земле, мой друг,
День за днём кружило, рисовало круг.
Но бегут куда-то годы вечно вдаль.
Не вернуть обратно... Не зови печаль.

* * *

Погода... Редко так бывает:
Сплошное море облаков,
А горизонт и сам взлетает,
Освободившись от оков.

Как будто волны – ходят тучи
Клубятся, вертятся, летят.
И гонит ветер их могучий
Туда, где видеть их хотят.

Летите, тучи, дождь несите,
Как море носит гребни волн. –
О ветре вольном говорите
И к солнцу взгляды обратите,
Свободу возведя в закон.

* * *

У каждого есть понимание мира.
У всякого виденье это своё.
Не строю и я из Вселенной кумира.
В ней вечным считаю круженье моё.
В движении быстром по ходу спирали
Один не лечу, а в скоплении звёзд.
И мне открываются новые дали,
В которых, как прежде – и чибис, и дрозд
В союзе летят по вселенским просторам,
В небесной купаясь межзвёздной пыли.
И я вместе с ними, и мысленным взором
Слежу, как за нами летят журавли.
Слежу, как река протекает за нами,
Дорога петляет меж кряжистых круч,
Слежу, как меняются горы местами,
А солнце ныряет в скопления туч.

И всё замечаю и сердцем приемлю.
В душе, как весной, от цветенья бело.
И крепче люблю я родимую землю,
Где можно, как птица, расправить крыло.

* * *

От земляка строкой желанной
Пусть к вам придёт привет в стихах,
И я предстану, как ни странно,
С цветами яркими в руках.

Они для вас! В душе не скрою:
Они красивы и милы.
Пусть жизнь волшебною волною
Поманит в новые миры,

Где ни границ, и ни барьеров,
И боли прежней наяву,
И радость солнца, радость веры,
Как парус белый на плаву.

Где горизонт надежд и света
Одной касаются черты,
В которой ваша жизнь согрета
И в страсти трепетно воспета
Любовью, полной чистоты!

* * *

Яркое, нежное самое
Вечно пребудут в Раю.
Только вот сердце упрямое
Ищет удачу свою.

Встретится, свидится, сбудется
Счастье моё на Земле.
Радость от спячки пробудится,
Будь это и в январе.

Радость проснётся, и весело
Станет душе и тепло.
Только бы тьма не заметила:
Счастье и в холод взошло.

Счастье пришло и расплакалось,
Тяжкой дорогою шло,
Горечь, как льдинками, звякала,
Снегом в округе цвело...

Снегом мело в бесконечности.
Снегом мело по судьбе.
Что же мне думать о вечности,
Если всё это в тебе.

Берега Новороссии

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную службу проходил в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооруженных силах СССР и России прослужил 38 лет. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, ряда других журналистских конкурсов. Автор нескольких книг. Живёт в Калининграде.

НОВОРОССКИЙ ИЗЛОМ

Он происходит не только на фронте, но и в душах жителей новых территорий

ВОЗРОЖДАЮЩИЙСЯ ИЗ ПЕПЛА

При Украине по разным причинам в течение четырёх лет я не мог посещать малую родину. Попал туда только в сентябре 2023 года.

Первым пунктом остановки должен был стать Мариуполь. Но до него ещё надо было доехать.

Важно понимать, что с начала июня укрофашисты пытаются прорвать Запорожский фронт. Ежедневные атаки ВСУ на линии Вербовое – Новопокровка отбивают российские бойцы. И противник с потерями вынужден отходить на исходные позиции.

Ожесточённые бои не прекращаются в районе Работино. Тут по укронацистам активно работает российская артиллерия, не давая ВСУ продвинуться вперёд. Также безуспешно вот уже четвёртый месяц противник пытается наступать на Васильевку. Но буквально на днях Киев отказался от наступления на левом и правом флангах Запорожского фронта и сконцентрировал силы для атаки на Токмак. После овладения этим городом, по словам главкома ВСУ Залужного, украинские войска двинутся на Мелитополь и Бердянск, чтобы перекрыть дорогу Ростов – Мариуполь – Мелитополь, то есть разорвать сухопутный коридор в Крым.

Вот по этой самой дороге и отправился я в родные края, где не был несколько лет.

Некогда убитая, вся в колдобинах дорога ныне представляет отличную трассу. От границы Ростовской области до Мариуполя идёт двухполосная дорога, которую отремонтировали летом. Далее до Мелитополя дорогу тоже отремонтировали, хотя она остаётся опасной – риск ракетных обстрелов до сих пор сохраняется, хотя от линии фронта здесь порядка 100 километров. Также за последние месяцы отремонтирована дорога протяжённостью 107 километров, соединившая Мелитополь и портовый Бердянск в Запорожской области. В новых регионах отремонтировано более 1350 километров автодорог, 715 из которых в этом году, а также 18 мостов. Среди объектов, где полностью завершили работы, включая обустройство: подъездные пути к пунктам пропуска «Гуково» и «Джанкой», участки трассы «Новороссия» вдоль Азовского побережья, участки трассы между Донецкой и Луганской республиками. В восстановлении дорог задействовано порядка 2600 специалистов и 900 единиц техники. Восстанавливают дороги высокими темпами, хотя отдельные участки её не видели ремонта на протяжении трёх десятилетий.

И вот он – многострадальный Мариуполь. От бывшего городского автовокзала Мариуполя осталось лишь несколько скамеек. Тут же в памяти всплыла встреча в июле 2013 года на этом самом автовокзале с товарищем по международным автопробегам мариупольцем Андреем Мираном.

Как оказалось, это была последняя наша встреча. . . Через несколько дней, в День военно-морского флота, Андрей трагически погиб. Через три года мы, подводники России, Белоруссии и Украины, решили навестить его могилу, встретить день флота в Мариуполе. В последний момент кое-кто из наших товарищей отказался ехать, многих отговорили родственники. И осуждать их не поворачивался язык. Ещё свежи были у всех в памяти кадры «кровавого воскресенья» 9 мая 2014 года. Как пламя

вырывалось из окон УВД, как падали сражённые пулями люди, как мариупольцы руками останавливали бронетехнику, как по безоружным вели огонь каратели. Бойня, учинённая в Мариуполе 9 мая 2014-го, произошла всего через неделю после «Одесской Хатыни» и стала ещё одним кровавым преступлением нацистов на Украине.

На кладбище у могилы Андрея Мирана мы развернули флаг Военно-морского флота Советского Союза, под которым служил наш друг. С этим же флагом искупались в Азовском море. А затем сфотографировались у фонтана на фоне красивого драматического театра.

Фонтан и сегодня работает, а вот драмтеатр полностью задрапирован – идут ремонтно-восстановительные работы.

Напомню, 16 марта 2022 года в здании драмтеатра в Мариуполе прогремел взрыв. Киев сразу же поспешил обвинить во всём Вооружённые силы РФ. Однако Минобороны России опровергло такие заявления, полностью возложив всю ответственность за содеянное на бойцов батальона «Азов» (запрещённая в России организация. – *В. Г.*). В военном ведомстве заявили, что «никаких задач, связанных с нанесением ударов по наземным целям в городской черте Мариуполя, российская авиация не выполняла». Более того, здание драмтеатра никогда не рассматривалось в качестве военной цели. Взрыв был назван очередной провокацией киевского режима. Информацию о взрыве мариупольского драмтеатра тут же по указанию кураторов из Великобритании разнесли в украинские и западные СМИ, которые устроили «массированную бомбу информации». Зеленский заявлял тогда, что под завалами погибло 200 человек, европейские СМИ – более 300, а превзошли всех самые «правдивые» СМИ из США, заявив, что погибло 1,5 тысячи. Начальник следственного управления Генпрокуратуры ДНР Алексей Куцурубенко развенчал фейк о разрушении драмтеатра в результате «целенаправленного авиаудара» российской авиацией. «Материалы уголовного дела, допросы очевидцев, уже проведённые экспертизы, исследования свидетельствуют о том, что взрыв в здании драмтеатра произошёл внутри. При разборе завалов здания не было обнаружено ни одного поражающего элемента, ни одной части элемента от авиабомбы либо каких-то других боеприпасов», – заявил он. Следствие сделало вывод, что, «вероятнее всего, взрыв произошёл внутри здания некоего безоболочечного взрывного устройства».

Следствие также установило, что за несколько дней до взрыва в драмтеатр «лицами в военной форме заносились какие-то ящики». Этих ящиков было порядка 67 или 68. Внутри ящиков весом около 3 килограмм находились различные боеприпасы, мины... Было установлено, что в момент взрыва ВСУшники соединяли провода, минировав здание, но у них «что-то пошло не так». Следствие сделало вывод, «что, возможно, эти ящики и сдетонировали». Куцурубенко опроверг и заявления киевских властей и иностранных СМИ о том, что жертв под завалами было «более 300 человек». После разбора завалов и обследования подвальных помещений были обнаружены останки 14 трупов. Из них трое – волонтеры, а 11 – ВСУшники.

В дни моего пребывания в Мариуполе там с рабочей поездкой находился губернатор Петербурга. Проверял работу своих подопечных, которые в числе других специалистов, съехавшихся на помощь Мариуполю со всех уголков страны, восстанавливают и благоустраивают разрушенный город. За сравнительно короткий период времени питерцы отремонтировали 36 социально значимых объектов и продолжают практически из пепла возрождать город.

Работы продолжаются. По поручению президента специалисты города на Неве взяли на себя восстановление жилых домов, транспорта, инженерных сетей, школ и детских садов, медицинских учреждений, объектов культуры и спорта. Недавно они сдали в эксплуатацию три новых МФЦ, показали Беглову онкологический центр и хирургическое отделение городской больницы, центр детского и юношеского творчества, ряд других возведённых новостроек. Также в присутствии градоначальника запустили движение петербургского ретро трамвая.

Как отметил Беглов, восстановление жилфонда и городской инфраструктуры идёт по графику. Делегация вместе с главой Петербурга наметила новый фронт предстоящих работ. В частности, специалисты города на Неве помогут в реконструкции местного драмтеатра, а также близлежащего парка, филармонии и спортивного комплекса. Работы по восстановлению драматического театра в Мариуполе планируется завершить к концу 2024 года, в 2025 году театр сможет открыть свои двери для зрителей. «Везде, где мы работаем в Мариуполе, стараемся создавать петербургскую атмосферу. Представить себе культурную столицу без театра невозможно. Поэтому к восстановлению Донецкого

академического ордена Почёта областного русского драматического театра Мариуполя у нас особое отношение», – заявил Беглов.

Да, город постепенно поднимается из руин. 16 сентября в парке имени Гурова прошли мероприятия по случаю Дня города, которому исполнилось 245 лет. Это событие стало первым большим праздником для города за последние полтора года. Для детей и взрослых были организованы состязания – стрельба из лука, метание копья, рыцарские турниры и спортивные мероприятия. Оркестр исполнял композиции из советских кинофильмов. Предприятие «Почта Донбасса» по случаю 245-летия Мариуполя выпустило марку в металле из мельхиора. На аверсе размещён герб города и надпись «Мариуполь – морские ворота Донбасса»; на реверсе – историческое изображение пристани, располагавшейся в устье реки Кальмиус, известной как первый порт Мариуполя, на гурте – индивидуальный номер изделия.

Не узнать сегодня и порт Мариуполя. Украинские вооружённые формирования до последнего боролись за порт и предприняли все усилия, чтобы уничтожить инфраструктуру и сделать его акваторию недоступной. За полтора месяца российские военные моряки не только выбили противника, но и полностью вернули морские ворота Мариуполя в рабочее состояние. С территории порта было убрано 12 тысяч взрывоопасных предметов. Главную роль в освобождении, а потом и восстановлении порта Мариуполя сыграли военные моряки Новороссийской военно-морской базы. Они провели уникальную операцию по очистке гавани от подводных заграждений и затопленных украинскими силами судов. Сейчас новороссийцы обеспечивают безопасность этой гавани. С начала года порт Мариуполя перевалил уже более 74 тысяч тонн разного вида грузов. По сообщению Минтранса ДНР, материально-техническую базу морского порта активно восстанавливают работники его администрации. В августе реконструировали участок технологического обеспечения. На восстановление ключевых объектов морского порта Правительство России выделило в этом году около 1 млрд рублей. А вот металлургический комбинат «Азовсталь», на территории которого нынче можно разве что снимать фильмы ужасов, решили снести. При этом были учтены несколько моментов. Во-первых, мнение местных жителей, не пожелавших и дальше дышать вредными веществами, выбрасываемыми комбинатом в атмосферу. Во-вторых, перезапуск «Азовстали», по оценкам экспертов, «съел» бы как минимум 400 миллионов долларов. В-третьих, Россия не испытывает острой потребности в металлопрокате – своего полно. Поэтому решили: построим лучше на месте «Азовстали» технопарк.

Ударными темпами рядом с заводом взамен подорванного украинцами моста через Кальмиус возводится новая переправа.

Город собираются полностью восстановить за три года. Главная проблема – частные дома. Нужно отремонтировать более 38 тысяч. А в городе почти на каждом уцелевшем здании – щербинки от пуль и осколков. На газонах воронки. И хотя многое ещё напоминает об ожесточённых боях, город потихоньку возвращается к мирной жизни: на улицах многолюдно, в магазинах очереди. И повсюду идёт стройка. В городе, по словам Марата Хуснуллина, работают более 38 тысяч строителей. Первым сдали жилой комплекс «Невский» на проспекте Ленина, который строили военные. А мы заехали в новый жилой корпус на улице Иртышской, который российские строители возвели на территории печально известного большим количеством разбитых домов микрорайона «Черёмушки», что в Приморском районе. Красивые дома, детские площадки, обихоженная территория. Но неприятно поразил расписанный разными надписями детский городок, сломанные скамейки и столы, горы мусора, затоптанные газоны, раскуроченная спортплощадка, украденные качели... Похоже, перевоспитать молодое поколение, воспитанное при режиме шизофреников-нацистов, будет очень сложно...

На выезде из Мариуполя в сторону аэропорта по обе стороны дороги возводится новый красивый микрорайон. Некоторые дома почти готовы к эксплуатации, другие – только начинают возводить, но во дворах уже оборудованы детские площадки, где в скором времени будут гулять мариупольские семьи и радоваться: и на их улицах – праздник.

...Запала в память такая картина. На разбитый автовокзал Мариуполя прибыл рейсовый автобус из Мелитополя. Первым из автобуса выскочил парень лет 35 в военной форме, встал на колени и припал лицом к земле: «Я вернулся, мой родной Донбасс!» А потом обнял сидевшего на скамейке безногого парня, и оба они, не стесняясь мужских слёз, заплакали.

ПРИМОРСК РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ

И вот он, родной Приморск! Отсюда, точнее – от здания райвоенкомата, 52 года назад автобус увёз меня в новую жизнь. За время, что я не был на малой родине, здесь мало что изменилось. Разве что появились российские флаги да шире стала площадь у здания райадминистрации – «благодаря» в том числе исчезновению стоявшего на ней Ленина. Ещё несколько лет назад земляки пытались отстоять памятник Ильичу. Увы... В конце декабря 2015 года коммунальные работники, выполняя указание бандеровских властей, демонтировали монумент.

Слава богу, их грязные руки не дотянулись до памятника воину-освободителю на Мемориале Славы, у которого продолжает пламенеть Вечный огонь в память о 5763 приморцах, участниках Великой Отечественной войны, большая часть из которых – 4633 человека – домой не вернулись. Здесь неоднократно фотографировался отец со своими однополчанами по 38-му отдельному добровольческому комсомольскому штурмовому инженерно-сапёрному полку. В него летом 1941 года добровольно вступили в основном 17-летние юноши и девушки Мелитопольского, Ногайского (Приморского), Приазовского, Бердянского и Ореховского районов. В советские годы ветераны-добровольцы четырёхжды встречались в Приморске. Но с развалом СССР такие встречи стали невозможными. Не стало и пламени в чаше на мемориале. Только с приходом России Вечный огонь в Приморске запылал ярким пламенем.

Раньше, приезжая в родной Приморск, я первым делом отправлялся на местный рынок. Не столько для того, чтобы скупиться, сколько с целью увидеть кого-то из старых знакомых. Так поступил я и на этот раз. И к своему удивлению, встретил одноклассника Колю Пирожкова, торговавшего в одной из палаток всякой всячиной. Его жена с приходом в Приморск российской армии решила уехать в Запорожье. Коля остался.

– А куда мне ехать, если здесь моя родина и здесь похоронены мои родители, – говорит одноклассник. – Да и на рынке с приходом России порядок навели. Пропал навсегда маленький чиновник, который ходил и собирал дань с торговцев.

Николай рассказал, что, получив российский паспорт, зарегистрировал ИП и стал, наконец, жить и работать по закону.

Покупателей на рынке мало. Приходят сюда в основном военные и чаще всего покупают электрические кабели, бельевые верёвки, газовые баллончики, батарейки для фонариков и телефонов. Всю эту мелочь мой одноклассник закупает на оптовом складе в Бердянске.

На городских улицах, как и на рынке, немногочисленно. Пустует городской пляж. И хотя до линии фронта от Приморска порядка 100 километров, даже здесь, на берегу Азовского моря, видны последствия прилёта натовских ракет Storm Shadow.

Не видно отдыхающих и на многочисленных базах отдыха, в детских оздоровительных лагерях, физиотерапевтической больнице, турбазе на побережье Азовского моря вплоть до Обиточенской косы. На мой взгляд, это временное явление. Вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко недавно заявил, что в регионе будут развивать морской курорт «Приморск». По его словам, на берегу Азовского моря будет создан бальнеологический комплекс, рассчитанный на посещение примерно 700 тысяч человек в год – с гостиницами, кемпингами, ландшафтным парком. Пройдёт немного времени, и здесь, как в советские годы, станут вновь лечить кожные заболевания, болезни сердечно-сосудистой и опорно-двигательной систем.

Незаменимую помощь в работе медицинских учреждений оказывают врачи из других регионов. В Приморской ЦРБ непрерывно трудятся коллеги из Заполярья. За последние несколько месяцев они провели порядка 4000 осмотров, в том числе детей, среди которых выявили 22 ребёнка, нуждающихся в стационарном лечении, 9 из них направлены в центральные медицинские учреждения. Также оказывается оперативная помощь: проведено 19 больших оперативных вмешательств и 60 малых. Организован ряд телемедицинских консультаций со специалистами ведущих клиник России. В больницу приезжали главврач Мурманского областного онкологического диспансера Дмитрий Коваленко и его заместитель по хирургии Роман Пономарёв. Доктора из Заполярья не только проводили приёмы для жителей, но и консультировали коллег по всем возникавшим вопросам. Чуть не бок о бок с врачами трудятся их земляки – мурманские строители. Они заканчивают ремонт пищеблока в больнице. На улице Морской усилиями мурманских строителей отремонтирован и введён в эксплуатацию пяти-

этажный жилой дом, считавшийся долгостроем. Квартиры в нём предоставляются врачам, педагогам, сотрудникам правоохранительных органов.

Мурманская область взяла шефство над Приморским районом в начале года. В составе первой делегации Заполярья в Приморск приехал глава муниципального образования Алакертти Александр Самарин, где он и остался по поручению губернатора в качестве официального представителя Заполярья. За короткое время 37-летнему управленцу удалось выстроить коммуникации с администрацией Запорожья и наладить работу в Приморском районе. «Он в круглосуточном режиме держал связь с отраслевыми органами власти Мурманской и Запорожской областей, координировал их работу в рамках реализации плана первоочередных мероприятий. Одним словом, проявил себя отличным управленцем», – написал один из мурманских телеграм-каналов.

– Для меня работа в Приморском районе в качестве официального представителя нашего региона – бесценный опыт, – рассказал мне Александр. – Выполнили с коллегами все поставленные перед нами задачи. Поделились своими наработками по многим вопросам – от подготовки к отопительному сезону до оказания мер социальной поддержки. Благодаря нашим специалистам город обеспечен бесперебойным водоснабжением – восстановлено восемь неработающих ранее скважин. Также в городе отремонтировали и ввели в строй МФЦ, отремонтировали крыши в трёх школах района, провели обследование дорог. Наши медики оказывают помощь коллегам в Приморской ЦРБ...

Могу подтвердить: в многофункциональном центре «Мои документы» выполнена реконструкция здания, приобретены мебель и необходимое оборудование. В Центре работают семь окон приёма, специалисты пока оказывают десяток услуг, но впоследствии их количество планируют увеличить. Сейчас у местных жителей есть запрос на получение СНИЛС, ИНН, ОМС, подачу заявлений на регистрационный учёт.

У моей знакомой Татьяны Шафрановой дом оформлен по украинским законам. Чтобы внести эту собственность в реестр РФ, она обратилась в МФЦ. Через месяц услуга была оказана. Правда, пока документы отправляют в Крым, так как на новых территориях реестр пока не сформирован. Но это дело времени.

Накануне моего приезда в Приморском районе побывал губернатор Мурманской области Андрей Чибис, который осмотрел ряд объектов, созданных и модернизированных мурманскими специалистами. В рамках соглашения с военно-гражданской администрацией Приморского района реализовано более 40 мероприятий в различных сферах – ЖКХ, образовании, культуре, спорте. Это и МФЦ, о котором я говорил выше, и работа врачей. В музыкальном отделении школы искусств благодаря помощи заполярных шефов открылся виртуальный концертный зал, который позволяет дистанционно с эффектом полного погружения знакомиться с творчеством выдающихся российских музыкантов. В средней школе № 1 Приморска благодаря заполярным шефам установлен новый пищеблок, в рамках проекта «Арктическая школа» отремонтирована столовая, приобретены мебель и оборудование. Помогают мурманчане и с обустройством стадиона «Олимпиец».

– В фокусе нашего внимания всё, что касается функционирования населённых пунктов. Прежде всего, подготовка к прохождению зимнего периода. Сюда пришло достаточное количество жилищно-коммунальной техники, специального оборудования, чтобы вовремя, быстро, оперативно устранять аварийные ситуации в водоснабжении и теплоснабжении, – подчеркнул губернатор Мурманской области.

1 сентября юные школьники Приморского района получили более 500 подарков из Мурманска: тетради, линейки, карандаши, краски, альбом и дневник с символикой России. Также школы Приморского района получили почти 4 тысячи экземпляров учебников и учебно-методической литературы, музыкальное оборудование, более 350 предметов оборудования для спортивных залов, более 200 комплектов школьной спортивной формы, а также интерактивную трибуну. Шефы из Заполярья в этом году отправляли приморских детей на Чёрное море, чтобы они смогли восстановить свои силы к новому учебному году. Жителям Приморского района теперь доступны и товары из Мурманской области: рыбные консервы, печень трески, БАДы, варенье и соусы из заполярных ягод, шоколад, иван-чай, арктическая косметика и т. д.

Не могу не отметить, что губернатор Мурманской области и его представитель в Приморске Александр Самарин оказали помощь и нашей семье. Дело в том, что одна из улиц Приморска носит имя моего отца, Ивана Громака, героя одноимённой поэмы Александра Твардовского.

Много лет я регулярно приезжал в Приморск, чтобы поклониться могилам родителей, похороненных вместе. Но в 2019 году правительство Зеленского запретило въезд «украинскому иностранцу». Несколько лет, в том числе после освобождения Приморского района от нацистов, пробовал выйти на какую-либо организацию, которая могла бы взять некое шефство над захоронением, причём я готов был перечислять на эти цели личные средства, но никакого ответа не получил.

Однако мир не без добрых людей. После безуспешных попыток достучаться до руководства новой российской территории обратился к губернатору Мурманской области Андрею Владимировичу Чибису. И – о, чудо! – уже через несколько дней после обращения я получил фото от официального представителя Мурманской области в Приморске Александра Самарина с ухоженными могилами родителей, починенной оградкой, покрашенным столиком и скамейкой. И на глаза навернулись слёзы. «Я помог от чистого сердца», – сказал мне Александр Самарин. От всех живых и мёртвых Громаков передаю искреннюю благодарность губернатору Мурманской области Андрею Владимировичу Чибису, главе муниципального образования Алакуртти Александру Петровичу Самарину и его товарищам за чуткость и ту большую помощь, которую они оказывают моим землякам, и отдельно за ту, которую оказали лично нашей семье.

УЧАТ В ШКОЛЕ, УЧАТ В ШКОЛЕ...

18 сентября в селе Партизаны Приморского района Запорожской области отмечали 80-летие освобождения села от немецко-фашистских захватчиков. Это село, в котором, кстати, прошли мои школьные годы, со дня своего основания было российским. На территории села были размещены центральные усадьбы колхозов имени Кирова (5779 га сельхозугодий, из них 5002 га пахотных) и имени Ворошилова (3324 га и 2643 га соответственно). В колхозе имени Кирова производилось зерно, мясо, молоко, было развито садоводство и орошаемое овощеводство. После окончания средней школы и морской школы ДОСААФ до призыва в армию я работал трактористом в колхозе имени Кирова.

В начале семидесятых годов прошлого века в нашей школе училось свыше 300 учеников и было 22 учителя, работал консультационный пункт районной заочной средней школы. В селе было 2 клуба, 2 библиотеки с книжным фондом 28 856 экземпляров, исторический музей на общественных началах, участковая больница на 25 коек, с детской консультацией (13 медработников, в т. ч. два врача), аптека, 2 яслей-сада, 7 магазинов, комплексно-приёмный пункт райбыткомбината, 2 отделения связи, сберкасса, АТС. С приходом сюда Украины всё это кануло в Лету. А в мае 2016 года украинским властям не понравилось название Партизаны, и село стало Новопавловкой. Но потеплело на сердце, когда на въезде в село меня опять встретило знакомое с детства название.

Ехал я в Партизаны по приглашению учителей местной школы принять участие в торжествах по поводу 80-летия освобождения села от гитлеровцев. Вот как об этой встрече сообщили официальные вести военно-гражданской администрации: «18 сентября, в День празднования 80-летия освобождения села Партизаны Запорожской области от немецко-фашистских захватчиков, в ГКУ ЗО “Партизанская СОШ” состоялась встреча с сыном Героя Великой Отечественной войны Громака Ивана Григорьевича – Валерием Ивановичем, военным корреспондентом, выпускником Партизанской средней школы.

Очень интересным был его рассказ: о героическом подвиге отца, который в бою под Смоленском убил фрица и завладел его боевым планшетом, в котором были фотографии казни Зои Космодемьянской; о Герое Советского Союза Бабаке Иване Ильиче (учителе химии и биологии Партизанской средней школы). В память о своём отце он подарил школьному музею книгу “Ему салютовала Москва”. Это сборник документальных материалов об отце – воине-победителе, славном труженике и его семье. В этот же день Валерий Иванович посетил и Приморский краеведческий музей, фонд которого тоже пополнился книгой о герое поэмы Твардовского».

От общения со школьниками, учителями получил огромное удовольствие. В школе в одиннадцати классах учатся всего 95 учеников, как из Партизан, так и из близлежащих сёл Лозановки и Борисовки. Самый большой класс – пятый, 14 человек. В остальных по 4–7–10 учеников. С началом СВО многие выехали из села вместе с родителями. Но, как заверили меня учителя, в перспективе они планируют вернуться. Учеников из сёл привозит на занятия школьный автобус. Обучение идёт на русском языке, по новым программам и учебникам. Но чувствуется значительный пробел у школьников – как в истории, так и в географии. К примеру, мне пришлось объяснять ребятам, что такое Камчатка.

По словам директора школы Светланы Полбанёвой, накануне моего приезда учителя рассказывали ученикам о подвиге Зои Космодемьянской. Оказывается, об этой героине, как и о многих других Героях Великой Отечественной войны (в том числе уроженцах Приморского района) на протяжении многих лет на Украине было принято не упоминать и стереть их имена из народной памяти. Вместо рассказа об истинных героях-украинцах школьникам и населению рассказывали о... фашистских прихвостнях – бандеровцах, заставляли в школах и детских садках петь о них песни...

Сейчас на новых территориях формируется новая реальность. Люди возвращаются к тому гигантскому объёму российской истории, который был вычеркнут из их жизни. Эти земли относились к Российской империи, и от повседневного быта до важнейших исторических событий всё так или иначе связано с Россией. Но на протяжении весьма длительного времени этот период просто оказался вычеркнут из украинской истории, и о нём не упоминали. Вместо этого были искусственные темы, в том числе и навязанные Западом.

Нынешний коллектив моей родной школы – всего 11 преподавателей – прекрасно понимает, что Россия пришла в Партизаны навечно и что процветание их родного края зависит от тех, кто сидит сегодня за школьными партами. Невзирая на проблемы, учителя работают с полной отдачей. А проблем хватает. С начала учебного года некому было учить детей английскому языку и математике. Только недавно директор нашла в соседнем селе учителя английского, математику пока будет преподавать студентка...

Понятно, что и в России проблемы с педагогами. Но, на мой взгляд, укомплектовать надо в первую очередь школы на новых территориях. Президент Путин подчёркивает, что талант, профессионализм, равнодушие тех, кто сейчас работает с детьми, подростками, очень важны сейчас для того, чтобы сохранить преемственность поколений, сберечь и приумножить достижения, которыми славится наша страна. И здесь надо поддержать преподавателей новых территорий России.

Через два года зданию школы исполнится 50 лет. За почти полвека в школе не делалось каких-либо капитальных ремонтов, только косметические. И то не везде. Мурманские специалисты в сентябре наладили в школе систему отопления, а вот с капитальным ремонтом здания проблема. Разрушено ограждение вокруг школы, отсутствует спортивная площадка. Учитель физкультуры Евгений Довгаль окончил школу 23 года назад, и уже тогда спортзал требовал ремонта. За 20 с лишним лет в спортзале лишь покрасили стены...

Более приятная картина в школе села Новоалексеевка. Кроме того, чтобы побывать на могиле прадеда, пройтись по улице, названной именем отца, зайти в школу, была ещё одна не менее важная причина поездки в Новоалексеевку. В марте прошлого года мой украинский родственник сообщил, что в Новоалексеевке российские солдаты якобы осквернили Мемориал Славы, посвящённый односельчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Слава богу, эта «новость», на которую клюнул родственник, оказалась очередным фейком из тех, которыми укронацистские пропагандисты ежедневно потчуют своих соотечественников по указке заокеанских кураторов. Следуя правилу «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», первым делом навестил Мемориал Славы и своими глазами увидел, что он ухожен, за ним приглядывают местные школьники.

Мемориал появился в Новоалексеевке десять лет назад. На памятных досках выбили имена всех 257 жителей села, погибших в сражениях с гитлеровцами, и 141 участника боевых действий, ушедших из жизни после Победы.

Есть здесь и Громаки – Сергей и Иван, мои дядя и отец. Рядом с мемориалом установили бюст земляку – лётчику Петру Сергеевичу Кударю, Герою Советского Союза.

Директор школы Виктория Ивановна Буриева порадовала меня ещё одной доброй вестью. Много лет назад в память о каждом жителе села, погибшем на фронтах Великой Отечественной войны, рядом с сельским кладбищем была высажена ореховая роща. Орех в честь родного брата Сергея, пропавшего без вести в первый день войны в Брестской крепости, посадил в этой роще мой отец. Но со временем роща стала приходить в запустение. Уроженец Новоалексеевки Николай Панченко неоднократно поднимал вопрос о реставрации «Ореховой рощи», но украинские власти постоянно находили отговорки. И вот недавно принято решение возродить ореховую рощу. Молодые саженцы будут высажены за Мемориалом Славы. Учителя и ученики школы пообещали взять шефство над могилами моих родителей в Приморске.

И МОРЕ РЯДОМ С ГОРОДОМ...

Двадцать минут езды по трассе – и вот он, Бердянск. Попасть в город можно только через российский блокпост в районе села Азовское. Проблем особых нет: российский военнослужащий с позывным «Иранец» проверил документы, и машина взяла курс в самый колоритный район города – Лиски. Согласно легенде, жила-была якобы некая Лизка, торговавшая водкой, к которой спешили рыбаки каждый раз после удачного лова. Не знаю, насколько можно верить этой легенде, но памятник бабе Лизке до сих пор украшает центр района.

Дорога в Лиски пролегает мимо завода «Азмол». В бытность моей учёбы в Бердянской морской школе ДОСААФ это был опытный нефтемазозавод, выпускавший 62 процента союзного солидола. Но пришедшие на смену украинские власти передовое предприятие чуть не стубили. И только с присоединением Запорожской области к России жизнь «Азмол» стала потихоньку налаживаться.

Недавно на заводе открыли цех по изготовлению масла для трансформаторов. Компания «Интерком» вложила 100 млн рублей для того, чтобы производить масло в объёме до 50 тонн готовой продукции в сутки. На данный момент бердянский «Азмол» может производить до 70 наименований продукции. Возможности предприятия позволяют расширить объём выпуска более чем втрое.

Восстанавливаются и другие предприятия, которые могли повторить судьбу таких гигантов индустрии, как канувшие в Лету завод Стекловолокно, Первомайский, «Прилив», Резинобыт, трест «Бердянскстрой», завод резинотехнических изделий в Колонии, завод продтоваров, мебельная и трикотажная фабрики, многие другие. Например, на «Азовкабеле», чьё имущество с вхождением региона в состав России перешло в собственность государства, буквально за три месяца восстановлено производство гражданской продукции, около 10 видов которой уже сертифицированы – это, в основном, кабели гражданского назначения. В настоящее время, как сообщил мне источник в правительстве Запорожской области, на «Азовкабеле» разрабатывается план по организации производства для военно-промышленного комплекса.

Если в эти дни чем-то и удивляет Бердянск, то разве что сухим законом и опустевшими улицами. Ничего не поделаешь – здесь действует комендантский час. Отсюда, собственно, и пустой гостевой дом на Лисках, куда меня поселили гостеприимные хозяева. Мне достался номер с видом на Азовское море и Бердянский торговый порт. Где-то здесь, в районе второго пляжа, когда-то располагалась техническая площадка, где мы, курсанты морской школы, постигали практические азы работы. Сейчас же вся береговая линия застроена особняками, гостиницами, гостевыми домами, многие из которых пустуют – с началом СВО их хозяева из Бердянска уехали.

На огромной территории песчаного пляжа отдыхающих почти нет. Лишь местные жители коротают время за ловлей пеленгаса и досужими разговорами.

В нескольких сотнях метров отсюда – причалы Бердянского морского торгового порта, в районе которого в марте 2022 года тонул большой десантный корабль (БДК) «Саратов». Ранним утром ракета «Точка-У» взорвалась на причале, где в это время разгружались три больших десантных корабля Черноморского флота (войска, техника и боеприпасы для освобождения Мариуполя).

Сильнее всего от взрыва пострадал БДК «Саратов», после начавшейся детонации боеприпасов корабль пришлось притопить у причала. Ещё два БДК, «Новочеркасск» и «Цезарь Куников», успели уйти в море, хотя один из них получил повреждения. При взрыве и позже, от полученных ранений, погибли 12 моряков-черноморцев, в том числе командир БДК «Цезарь Куников» капитан 3 ранга Александр Чирва. Один из моих собеседников с радостью рассказывает о якобы им виденных горах трупов, которые выгружали из затонувшего БДК. Но были и те, в основном мои одногодки, служившие в ВМФ СССР, кто задал мне вопросы: почему тогда, год назад, всё было сделано «на авось»? Кто пустил на причалы телевизионщиков, которые за три дня до трагедии выпустили несколько красивых роликов о разгрузке БДК в Бердянске? Почему проигнорировали устав и поставили под разгрузку сразу три БДК? Ведь украинские войска до этого не раз уже пытались нанести по порту ракетный удар, но российские средства ПВО отбивали эти атаки. Рассказали мне и об ударе ВСУ ракетой Storm Shadow по Бердянску 11 июля 2023 года. Тогда погиб заместитель командующего Южным военным округом генерал-лейтенант Олег Цокков...

Нашу мирную беседу с местными жителями время от времени прерывает гул боевых российских вертолётов, летящих над Азовским морем в сторону линии фронта в районе Работино. Бердянцы к их

полётам уже привыкли и практически не реагируют. Пока клёва нет, рыбаки рассказывают в подробностях о других ужасах Бердянска. Как 6 сентября 2022 года в своём автомобиле был взорван военный комендант города Артём Бардин. В результате чего лишился ног, был госпитализирован и позже скончался. Через десять дней, 16 сентября 2022 года, вместе с женой взорвали заместителя мэра Бердянска Олега Бойко, оба погибли.

Мои собеседники довольно дружелюбны. Но пару раз всё же довелось наткнуться на так называемых нациков. Как ни мала тенденция «незалежного» фашизма, но она существует и кому-то нужна. И тут явно не дорабатывает наша пропаганда. У многих бердянцев о событиях в городе, на фронте лишь однобокая украинская информация. В июне СМИ рассказали, что в Бердянске, прямо на крыльце городского отдела полиции, двое 16-летних подростков напали с ножом на полицейского и, причинив ему множественные ранения, завладели его пистолетом и автоматом. Скрываясь с места преступления, подростки беспорядочно палили по сторонам. Одна моя родственница, проживающая в Бердянске, с пеной у рта доказывала, что российские военные убили ни в чём не повинных детей. А то, что эти, по её выражению, дети убили из автомата во дворе дома мужчину 1998 года рождения, ранили ещё троих горожан, что в сентябре прошлого года эти подростки совершили диверсию на железной дороге, то это всё я придумал... К сожалению, моя родственница не одинока в своих заблуждениях.

Планируя поездку в родные места, я очень хотел полакомиться местным деликатесом, к которому привык с детства, – жареным азовским бычком, которому, кстати, почитающие его бердянцы установили памятник (монумент «Царю Азовского моря» есть ещё в Ейске).

Его истинное значение понимают только люди самого старшего поколения. В раннем детстве (конец 50-х) бычки были самой обычной едой малоимущих, которые в то время составляли абсолютное большинство населения Бердянского и Приморского районов. Их обычно жарили, реже из бычков варили уху или суп. Зимой, когда в доме топилась печка, бычков тушили в томатном соусе (летом на тушение уходило много керосина). Тушёные бычки поедались с костями – кости размягчались и становились съедобными. Из рассказов родителей я знал, что довоенная и послевоенная голодовки, благодаря в том числе бычкам, обошли Бердянск и Приморск стороной. Именно эта маленькая рыбка помогла населению не только городов, но и сёл выжить в Голодомор, военные и послевоенные времена.

Уйдя на пенсию, отец много времени проводил на рыбалке. И у нас в доме постоянно была тарань, селява, чебак, калкан, рыбец, кефаль, пузанок (азовская селёдка). Иногда попадалась и «красная» – так местные рыбаки называли белугу, осетра, севрюгу. А уж бычка...

«На бычка» отец брал в море и меня. Возле нашего баркаса порой резвились дельфины. Отец успокаивал: не бойся, они никогда не причинят человеку вреда. И рассказывал случаи, когда дельфины спасали тонувших в море людей.

Сегодня в Азовском море дельфинов практически нет. Исчезли и многие виды рыб. Азовское море многие годы щедро отдавало людям свои богатства и прелести, требуя взамен очень немногого: защиты от загрязнения воды и побережья, планового вылова рыбы. В советские времена в Бердянске работало государственное предприятие Научно-исследовательского института АзЮгНИРО, учёные следили за популяцией рыбы в море, давали рекомендации по вылову тех или иных видов. При Украине его переименовали в Научно-исследовательский институт Азовского моря (НИАМ). Но к учёным мало кто прислушивался. Появилось множество частных рыбацких фирм, браконьеров, которые в погоне за наживой меньше всего думали о сохранении ценных пород рыб. Огромными драчками-тралами вылавливали даже малька. Бурную деятельность после развала колхозов развили частники. Они распахивали склоны речных берегов, земля смывалась в море, нерестилища бычка покрывались илом...

Бычка на рыбном рынке в Бердянске я не нашёл. У некоторых торговков он был размером с мизинец (отец подобного и даже больше всегда отпускал в море: «Иди, жир нагуливай») по цене 180 рублей за килограмм. Был на рынке мороженный-перемороженный калкан по цене 300 рублей за килограмм и пеленгас по цене 200 рублей... Зато прилавки ломились от угря жареного в соусе за 2 тысячи рублей, тунца в масле за 1250, кальмаров, скумбрии, сёмги...

Глядя на рыбные прилавки Бердянского рынка, можно спокойно петь: «В Бердянске рыбзавод большой, там рыбаки со всей душой работают и шлют вам всем привет. И море рядом с городом, и рыбаков полгорода. А свежей рыбки, извините, нет».

...Вечером Бердянск как бы вымирает. Мы с племянником засиделись в гостях и за полтора часа до начала комендантского часа попытались вызвать такси. Таксисты ехать на окраину города от-

казывались. Выручил сосед моего знакомого. Пока ждали его машину, в центре города раздались автоматные очереди...

КСТАТИ. В ходе декоммунизации украинские власти переименовали ряд улиц Бердянска. Но многие жители сохранили их старые названия наравне с новыми.

НЕ ВСЕ «БРАТУШКИ» БРАТЬЯ...

Восемь лет назад, оказавшись в Киеве, получил в подарок от однокашников и бывших сослуживцев иллюстрированный альбом с надписью: «Своему среди чужих». Оставлю на совести автора (сам он служил длительное время в России) определение россиян как чужих. Для меня, родившегося в СССР, и Украина и Россия всегда были своими. И на малую родину после длительной разлуки ехал я тоже как свой к своим. Правда, кое-где пришлось почувствовать, что среди своих меня кое-кто продолжает считать чужим.

Мои личные наблюдения и выводы, не могут, конечно же, служить истиной в последней инстанции. И всё же... Я пишу о том, что видел, что прочувствовал на малой родине. Читатель вправе сделать свои выводы.

* * *

Год назад, 30 сентября 2022 года, президент Владимир Путин принял историческое решение, подписав договоры о включении в состав РФ Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Херсонской и Запорожской областей. Донбасс и Новороссия стали российскими регионами по итогам ранее проведённых там референдумов. В результате население России выросло более чем на 8 миллионов человек, а площадь страны увеличилась почти на 109 тысяч квадратных километров.

В момент присоединения к России новых территорий я был уверен: пройдёт немного времени, и жители Новороссии станут полноценными гражданами с возможностями получения всех социальных бонусов наравне со всеми жителями нашей страны. Этого в полной мере за год пока не случилось. Моя родная сестра с мужем получили в Донецке российские паспорта в июле. Выдали им и российские полисы ОМС. А талон для оформления российской пенсии в Пенсионном фонде им дали только на март 2024 года. Как прожить до марта? Чиновница намекнула, что можно ускорить решение вопроса...

С ситуацией вымогательства столкнулись и некоторые мои одноклассники в Запорожской области. Как же трудно выкорчёвывать ту особенность жизни, которая существовала в Новороссии последние 30 лет! По целому ряду направлений всё ещё существует традиционная бюрократическая катастрофа. Есть законы, есть решения, касающиеся различных дотаций, обеспечения многодетных семей, но некоторое количество жителей на новых территориях не могут претендовать на них в силу объективных причин. Например, человек ещё не оформил гражданство России по той простой причине, что некоторые из документов, необходимых для оформления, остались на территории Украины. Вместо того чтобы помочь людям в этой непростой ситуации, ряд ведомств традиционно занимается отписками. И это большая проблема. Как и коррупция, многие годы пронизывавшая все госструктуры Украины. С одной стороны, были законы, разговоры о том, что эти законы принимаются по европейским образцам, и о том, какие перспективы для граждан они открывают. С другой стороны, была реальность, которая выражалась в двух словах – цена вопроса.

Михаил, с которым мы дружим уже полвека, рассказал такую историю. После вхождения Приморска в состав России городу остро понадобились служители закона. Украинские полицейские с приходом российских войск сбежали в Запорожье, а кое-кто и за границу. Служить в полиции вызвались три этнических болгарина из села. Но служить они стали по старинке и отнюдь не российскому закону. Фуру с гуманитарной помощью для горожан сгрузили в местный магазин, а выручку от продажи делили с заведующей и клали себе в карман. Задержанных за мелкие нарушения местных жителей полицейские привлекали для работы в своих интересах. Кто не хотел, мог откупиться.

Пресекли такую «службу» сотрудники ФСБ России, нашедшие для горе-полицейских пристанище в местах не столь отдалённых.

«Откуда же на моей малой родине болгары?» – спросит читатель. Одним из последствий Крымской войны 1853–1856 годов стало переселение бессарабских болгар в Северное Приазовье. Массовое

переселение продолжилось весной 1862 года и шло до осени. Приморский район является в Запорожской области лидером по численности болгарского населения. Из 28 сел 13 – болгарские, основанные переселенцами 160 лет назад. (Мои родители недолгое время работали в болгарском селе Инзовке, где я и родился.) Сегодня этнические болгары – третья по численности после украинцев и русских национальность в районе.

Новостью для меня стала информация: большинство этнических болгар отказываются получать российские паспорта, российскую пенсию и гуманитарную помощь: «Нам ничего не надо. У нас всё есть». Эту информацию подтвердил и работавший до недавнего времени в районе представитель губернатора Мурманской области Александр Самарин: «К сожалению, они категоричны в этом вопросе...» Видимо, существуют у этнических болгар ещё тесные связи с определёнными кругами в Болгарии. Спасённая в своё время кровью и жизнями русских солдат Болгария с началом СВО активно накачивает «Нэзалэжную» оружием, предназначенным для убийства русских, ставит в этом гнусном деле настоящие «рекорды».

Западные СМИ пестрят материалами о том, как «Болгария спасала Украину в решающие месяцы, предоставив ей оружие и боеприпасы на миллиарды». Об этом, захлёбываясь от восторга, пишет немецкая Welt и прочие издания. Что интересно, вопреки обыкновению, на сей раз их утверждения основаны на вполне конкретных данных расследования Euractiv, подтверждающих, что активнейшая военная помощь киевскому режиму оказывалась «братушками» уже с апреля 2022 года. При этом контрактов на поставки или иного аналогичного соглашения между Софией и Киевом не существует в природе. Все военные грузы поставлялись и поставляются через цепь посредников в Румынии и Польше, куда из Болгарии регулярно отправляются самолёты, доверху набитые смертоносными грузами. Все до единой поставки щедро оплачиваются через специальную программу деньгами, поступавшими из США, Британии и ряда стран Евросоюза. По различным оценкам, София только за 2022 год заработала на военных поставках Украине несколько миллиардов долларов. Вдумайтесь: около трети боеприпасов, необходимых украинской армии на ранних этапах войны, поступило из Болгарии! Кроме того, нацистам была передана различная «стрелковка» советских образцов, которая производится в Болгарии. А также установки ЗУ-23–2, которые выпускает болгарский завод «Арсенал» и которые ВСУ пытаются использовать против «Гераней». А ещё артиллерийские снаряды 152-мм и 122-мм, 120-мм и 82-мм мины для миномётов, выстрелы для РПГ-7, АГС и подствольных гранатомётов. А ещё не менее 40 процентов дизельного топлива для танков и прочей военной техники, которые в критический период специальной военной операции стали для ВСУ поистине «спасательным кругом».

К слову сказать, вся эта соляра вырабатывалась исключительно из российской нефти. В болгарском городишке Костенец возобновил работу завод «Терем», производящий артиллерийские снаряды калибра 122 мм, более трёх десятилетий находившийся в вынужденном простое. В другом болгарском городе – Сопоте – сегодня испытывают продукцию возвращённого к жизни Вазовского машиностроительного завода (ВМЗ) – крупнейшего производителя 122-мм реактивных снарядов для РСЗО «Град», 57-мм неуправляемых ракет для вертолётов и самолётов, а также осколочно-фугасных и кумулятивных снарядов калибра 152 мм. По официальным данным, в прошлом году предприятия болгарского ВПК увеличили свои продажи более чем на 100 процентов! Продукция советского образца снова востребована, снова в деле. И снова – против русских. А недавно глава Пентагона Ллойд Остин заявил, что Болгария передаст Украине компоненты к зенитно-ракетным комплексам (ЗРК) С-300...

Глава военно-гражданской администрации Приморского района проводит различные мероприятия, чтобы решить ситуацию с этническими болгарскими гражданами. Но, на мой взгляд, проблему надо решать в правовом поле. В конце апреля президент России Владимир Путин подписал указ о жителях новых регионов, решивших не вступать в российское гражданство. Из указа следует, что жители новых регионов, которые не приняли гражданство России, будут считаться иностранцами. Это же касается граждан, проживавших на этих территориях и переехавших в Россию ещё до 30 сентября 2022 года, но также отказавшихся вступать в гражданство.

Статус иностранного гражданина или лица без гражданства будет налагать определённые обязательства. В частности, такие люди должны будут обратиться за выдачей вида на жительство (ВНЖ), пройти государственную дактилоскопическую регистрацию.

Самое главное, президентский указ предусматривает возможность выдворения иностранцев и лиц без гражданства из России, если они создают угрозу национальной безопасности. Речь идёт о тех,

кто планирует или финансирует теракты и иные экстремистские преступления, а также выступает за насильственное изменение основ конституционного строя России.

ЗАМЕШАНО НА СОВЕСТИ

Встречи в родных краях с друзьями и одноклассниками разделились на две категории – с теми, кто рад приходу России и кто до сих пор, пускай и молча, этому противится.

Одноклассница Люба, живущая в селе Борисовка, от встречи отказалась. Васю Б., с которым когда-то сидели за одной партией, лучше вообще обходить десятой дорогой, посоветовали учителя родной школы. Как оказалось, сын моего одноклассника, майор ВСУ, воюет на той стороне, а Василий продолжает жить на этой, хотя Россию откровенно не любит. Когда я рассказал об этом однокласснице Нине Д., живущей в Лозановке, та с деревенской прямоотой заявила: «Ага, как российский паспорт получать или гуманитарку “от ворага” – он первый. Не говоря уже о российской пенсии... Не нравится ему Россия? Так пусть откажется от всего “вражеского” и катится на ту сторону к сыну!»

Более сдержан был в суждениях ещё один мой одноклассник из Лозановки Александр Савченко. Как-никак Вася его кум, политические моменты при встречах они не обсуждают. Что же касается нынешней ситуации, то Александра она устаивает. Ему успешно сделали операцию по ампутации ноги, в настоящее время оформляет пенсию по инвалидности. Не отличается особым здоровьем и его жена, наша одноклассница Нина. Но в селе живёт дочь, которая всегда во всём помогает. Российской пенсии двум пожилым людям на жизнь и на лекарства хватает. Да ещё и гуманитарную помощь новая власть подбрасывает.

Кстати, о гуманитарной помощи. Стал свидетелем, когда её в Приморске доставили моему старому другу Михаилу. Набор на семью из двух пенсионеров составлял 4 банки сгущёнки, 4 банки тушёнки, 4 килограмма сахара, 2 литра подсолнечного масла, 6 банок рыбных консервов, несколько пачек макаронных изделий... Пенсия у моего друга 17 тысяч рублей, у его жены Людмилы 15 тысяч. При этом пенсия Михаила могла быть посOLIDнее, но, как выяснилось, его и ещё некоторых комбайнёров и трактористов обманул руководитель СП «Лан»: чтобы уйти от налогов, он платил своим работникам «чёрным» налом.

Никто не ограничивает пенсионеров и в передвижении. Жена Михаила из Приморска спокойно отправилась к внукам в Германию. Дорога, правда, нелёгкая: через Россию, Белоруссию, Польшу. Перевозчики доставят туда и обратно, лишь бы деньги были. Привыкли жители новых территорий и к комендантскому часу. Михаил о комендантском часе рассказывает с юмором: «Я о нём слышал, но как-то не принял всерьёз. Решили с соседом рано утром по привычке поехать на море, бычка поймать. Только отъехали от дома, появились военные, положили нас мордой в асфальт: “Вы куда, деды?” – “Да мы на море, бычка поймать”. Нам культурно объяснили, что такое комендантский час и отпустили домой».

По дороге из Приморска в село Новоалексеевку обратил внимание на обилие фазанов, которые спокойно разгуливали по дороге, непуганых перепёлок и зайцев. Поинтересовался у своего друга – заядлого охотника, почему их не отстреливают. Оказывается, военно-гражданская администрация предложила всем охотникам сдать оружие и боеприпасы. Михаил отнёс своё ружьё, патроны, получил расписку и благодарность за гражданскую позицию. «Но нашлись дурачки, – рассказал Михаил, – которые припрятали ружья. На что рассчитывали? У властей были все списки охотников. По истечении отведённого для сдачи времени начались обыски. Нашли не только то, что числилось по охотничьему билету. Забрали всё, ещё и штраф пришлось платить».

В Партизанах кроме сына моего одноклассника ещё у девяти семей родственники воют в ВСУ, в соседней Лозановке – у шести. Можете представить, как трудно приходится школьным учителям работать с детьми из этих семей: дома им говорят одно, в школе – другое. Особенно тяжело бывает с парнями 10–11-х классов, у которых отцы погибли на той стороне. По признанию одной из учительниц, на урок она идёт как на каторгу.

Действительно, нелегко сегодня приходится педагогам новых территорий. Дети учились с малых лет в системе, которая притесняла граждан по языковому, национальному признакам, по переписанной истории. Мне показали украинский «учебник» для пятого класса, где Кубань рассматривается как часть Украины. Доказательств, что Кубань является историко-этнографическим регионом Украины, нет. Но, тем не менее, детям подавалась такая неверная информация. И это не единичный пример.

* * *

Но трудно не только учителям. У многих моих знакомых есть близкие, воюющие на стороне Украины. Многие из них постоянно им звонят, пишут, угрожают и запугивают, что они, мол, ещё вернутся и жестоко отомстят. Именно эти угрозы пугают жителей новых территорий больше всего. И не является большим секретом тот факт, что немало из ныне живущих здесь людей, включая чиновников, ждут возвращения украинских нациков. Поэтому тема так называемых «ждунов» (сторонников Украины и её возвращения) достаточно актуальна.

Существует значительное число людей, которые не приняли происходящих перемен. Некоторые покинули эти территории, а многие остались, хотя устраиваться на работу не спешат. Почему? «А вы нас не бросите?» – вопросом на вопрос ответил мне сын моего одноклассника. И привёл свежий пример, который произошёл в Снигирёвке Херсонской области. После того как из села ушли российские военные, националисты расстреляли 22 граждан Украины, которые придерживались пророссийских позиций и взглядов.

Но есть и другое мнение. Дочь моего хорошего знакомого, имея три высших образования, при Украине занимала солидную должность в одном из городов Приазовья. С началом СВО она с сыновьями покинула родной город и уехала в Германию. Тамашняя жизнь ей, как призналась в телефонном разговоре, особо не нравится. Хочет вернуться на родину, работать, но боится. Бандеровские телеканалы постоянно запугивают тех, кто хотел бы вернуться назад в Малороссию. И здесь, на мой взгляд, недорабатывают власти новых территорий России, не предлагая вернуться тем, кого обманчивым путём вынудили покинуть родные места. Чётче надо доводить до уехавших из родных мест с началом СВО, что будет с их брошенными домами и квартирами...

* * *

В России, когда узнали о том, что еду на малую родину, отговаривали: «Не страшно? Зачем нам нужны эти новые территории? И так на них уже потрачено слишком много сил».

Нужны, это я могу сказать однозначно. Прежде всего, из-за жителей этих территорий. Это русские люди, которые сделали свой выбор в пользу России, которые тянутся к ней и начинают жить, как россияне. Это люди, которые помогут нашей стране выйти на новый этап своего развития. Россия перешла к поиску своей собственной самостоятельной роли, а сделать это можно только опираясь на людей. Да, есть чем-то недовольные, есть те, кто держит камень за пазухой. Но это не имеет никакого значения до тех пор, пока государство будет сильно. А затем жизнь сделает своё дело, и люди смогут оценить реальность.

Я не увидел в Новороссии никакой катастрофы, не увидел панических настроений. Но я не увидел и эйфории, которая была знакома по присоединению Крыма к России в 2014 году. Вместо этого я увидел там необходимость очень большой работы, чтобы достичь результатов. Но этот результат стоит всех усилий и затрат, потому что эти территории – Россия.

Р. С. С начала СВО меня мучил вопрос: почему мы столько времени не можем взять под свой контроль Авдеевку, откуда в основном противник и наносит свои смертоносные удары по городам Донбасса? Задал этот вопрос знакомому полковнику ВСУ в запасе, который в 2017 году более полу-года командовал батальоном в этом укрепрайоне.

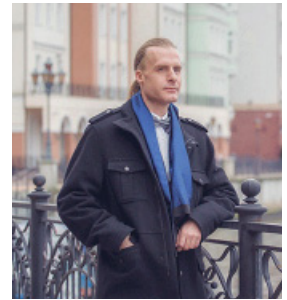
– Авдеевку восемь лет заливали бетоном, создавали систему подземных ходов, бункеров и ангаров, в которые свободно могут заезжать танки, – ответил офицер. – Снаружи подземный бетонированный город порос мхом, кустарниками. К тому же он окружён несколькими химическими комбинатами... Автоматические пулемёты и ПТУРы, расположенные на поверхности в огневых точках, управляются операторами из-под земли с помощью видеокамер или реагируют на срабатывание датчиков движения. Укрепления не пробиваются не то что бронебойными снарядами, их не берут и тяжёлые огнемётные системы... Разве русская разведка не знала, что там соорудалось?

Мой собеседник, зная ситуацию изнутри, уже несколько лет назад догадывался о предстоящем военном конфликте России с Украиной. Три года назад всеми правдами и неправдами он уволился в запас. А ещё полковник ВСУ уверен, что решить вопрос с Украиной можно было мирным путём. По его мнению, вся верхушка «Незалежной» – продажная. И Россия могла бы её просто купить, как и руководство Минобороны. За деньги они бы без боя отдали и Донбасс, и Харьков, и Запорожье, и Одессу. Мнение спорное, хотя и оно может иметь место.

Берега Новороссии

Артём Капустин

Артём Капустин – родился в 1983 году в Калининграде. Родители переехали в Калининград с Донбасса после окончания института в 1970 году. Окончил Калининградский государственный университет (ныне БФУ им. Канта) по специальности «Радиофизика и электроника». Пишу стихи и прозу со студенческих лет. Публиковался в сборнике «Поэт года – 2015», изданном администрацией сайта stih.tu.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ ТАК ПАХНУТ РОЗЫ...

Отрывок из повести

Я был не единственным координатором протестных акций на юге и востоке Украины в начале апреля. Нас было много из разных городов. Были и русские подписчики наших пабликов в соцсетях. По всей России, от Калининграда до Сахалина, собирали митинги в нашу поддержку и координировали акции протеста на Украине. Примерно, как пиринговые сети устроены. Например, находясь на Украине, кто-то качает материалы, запрещённые украинским законодательством. А власти Украины сервера, на которых они размещены, не достанут, потому что те находятся – один в России, другой в Индонезии, третий в Бразилии. Так и нам оказали неоценимую помощь российские активисты, что могли безбоязненно координировать наши действия через Интернет, не опасаясь ареста. Особое усердие проявил один парень моего возраста из Калининграда. Кажется, тоже айтишник. И тоже родственник фамилии Бешлык. Слободан, если ты это прочтёшь, уважь тебе и уважуха. Если не прочтёшь, тоже.

Первоначально волну протеста хотели назвать «Благовещение – день гнева». Но потом перенесли с 7 апреля на 6-е, справедливо рассудив, что в воскресенье у нас больше шансов привлечь широкие массы – за счёт работающего населения, которое многие работодатели не отпускают в понедельник. Можно было начать и в субботу 5 апреля, но не получилось. А так было бы знаковое совпадение. День Ледового побоища, когда православное воинство разгромило западноевропейских захватчиков. И тоже суббота, как в день знаменитого сражения. Шестого апреля, кажется, тоже есть какая-то памятная дата из истории Отечественной войны, а какая – не помню.

После литургии я поблагодарил маму за сытный обед. У кого-то от волнения пропадает аппетит, а у меня, наоборот, разыгрывается волчий жор. И, обняв её на прощание, поехал в областной центр, не зная, увижу ли её снова живым.

На выезде из Георгиевки магнитола начала ловить «Наше радио» из Ростовской области. Сквозь шипение прорывалось пение российского металлиста:

*Помнишь, ты ведь помнишь –
Ты был гордым мудрым вождём.
Помнишь, ты ведь помнишь,
Как вошли солдаты в твой дом.
Ты встречал рассвет
Среди выжженных скал.
Время шло, и вот,
Час расплаты настал.*

И фамилия у вокалиста под стать текущим событиям – Беркут.

Дорога, в общем, прошла без приключений.

Только в посёлке Роскошное мне пришлось остановиться у блокпоста украинской милиции. Но мои документы оказались чисты, и мне не пришлось потратить ни одного драгоценного патрона из пистолета под плащом.

Митинг назначили перед зданием СБУ. Увидев машину с киевскими номерами, протестующие напряглись, думая, что это какой-то офицер того ведомства усмирять их из Киева приехал. Но вскоре обрадовались, узнав в водителе этой машины своего соратника по фотографиям в социальных сетях.

Первые часы народ стоял у массивного здания в центре города, требуя вызвать на переговоры генералитет или хотя бы старших офицеров. Но они проигнорировали требования собравшихся, отсиживаясь в свой законный выходной по домам. У митинга в выходной день есть и свои минусы – в день рабочий мы бы застали представителей власти на местах.

Во второй половине дня нам подвезли палатки, защищающие от степных ветров, и горючие материалы для костров. Всё-таки в первой половине апреля ночи на Донбассе ещё холодные. Электрическое освещение дополнялось беспорядочно зажжёнными по всей территории огнями. В разных концах стихийного палаточного городка слышалась гитарная музыка или пение а-капелла. Исполняли разные песни – православные, коммунистические, просто народные, бардовские или рок-н-ролл. То тут то там шныряли подростки, сбежавшие из домов поглядеть на зрелище, усиливая ощущение хаоса.

Солнце уже заходило за западное крыло здания, а власти так и не появились. Вместо них появилась усиленная охрана.

В полшестого митингующие и охрана здания СБУ всё так же стояли друг напротив друга, не решаясь начать движение. В толпе слышался глухой ропот, что в святой праздник приходится пропускать богослужение. И похоже, что не только всенощное бдение, но и литургию. Хорошо хоть, с подвозом продуктов было всё нормально, и люди не начали тупо разбегаться по домам, чтобы поесть.

Вскоре после 18 часов появилось сообщение в социальных сетях от товарищей из Полтавы. Через их город прошла колонна машин с бойцами спецназа из Винницы. Двигаются по направлению на Харьков. После полуночи они приедут разгонять наш митинг.

Все наконец-то поняли, что надо уже что-то делать. Раз двери не открывают, будем ломать. Мужики взялись за поваленный фонарный столб и стали колотить им входные двери как тараном. Сломать не удалось, но двери распахнулись сами. Из них показались бойцы местного Беркута с автоматами наизготовку. Наши активисты вступили с ними в переговоры. А я снял с предохранителя пистолет и примерялся, как удобнее отстреливаться поверх голов, если автоматчики откроют огонь.

Наконец переговоры сдвинулись с мёртвой точки. Один из охранников проникся рассказами о том, как путчисты поджигали его сослуживцев заживо в Киеве и Львове, и задумался, стоит ли такой власти служить.

– Шо я педерастів мало бачив у житті, шоб за Ляшко підставлятися? Я з вами. Айда со мной, хлопці, – бросил он своим, и четверо охранников влились в наши ряды.

Толпа ввалилась в главный вход, оставленный этими четырьмя открытым. Увидев среди народа своих, да ещё и вооружённых, остальные охранники отступили на второй этаж, чтобы закрепиться выше, а первый мгновенно оказался в руках восставших. Меня вместе со всеми внесло людской волной в фойе здания. Правая рука продолжала крепко сжимать пистолет.

Оказавшись посреди просторного холла, люди растерялись, не представляя, что делать дальше. Часть бросилась в коридоры первого этажа, большинство продолжало топтаться на месте. Из левого коридора выбежал мужчина средних лет с какими-то бумагами, найденными в одном из кабинетов. По-видимому, прораб или инженер-строитель. По крайней мере, он пришёл сражаться в строительной спецовке, что так же, как и военная форма, не мешает резким движениям.

Не знаю почему, но он подошёл именно ко мне. То ли случайно, то ли выбрал самого крепкого на вид из мужчин в зоне видимости.

– Зброя є?

– Ось, – показал я ему своего Макарова с полной обоймой.

Он развернул бумаги на весу.

– Вот поэтажный план здания. Тебе нужно обесточить его, чтобы стало темно. Минус второй этаж – тут электрощитовая. Нужны две пули – одна в замок на двери, другая – в замок на щитке, где главный входной автомат. Найдёшь, который из них?

– Я полгода электриком работал.

– Потом расскажешь свою биографию. Задание понятно? Выконуй.

– Есть выполнять задание, – ответил я по старой армейской привычке и устремился в коридор, откуда только что вышел прораб.

Я поехал на лифте, чтобы не встретить по пути никого из охранников, оставшихся верными правительству. Секунды ожидания лифта и езды на два этажа вниз показались мне часом.

Следующий кадр, который я помню: нижние этажи уже захвачены. В конце коридора кто-то из наших парней сидит с гитарой и играет песню про двенадцатый праздник, что по церковному календарю наступил с вечера:

*Сын, Дева Мария, за милосердие бывает,
И радость Благовещенья Гавриил провещевает...*

Настроение у всех радостно-приподнятое.

А я стою на коленях перед унитазом, потому что у меня сучилась глазная болезнь – блюю дальше, чем вижу.

Враньё это всё, когда кто-то бахвалится, будто бы убить легко. После первого убийства в любом случае ломает. Выворачивает так, что готов вытошнить все внутренности вместе с мозгами.

Когда двери лифта открылись на втором подземном этаже, по другую их сторону на меня таращился испуганный милиционер. Или я первым подниму пистолет, или он первым поднимет пистолет. Я выстрелил раньше. Но, не целясь, промахнулся и попал в ногу, а не в грудь, как хотел. Он упал на пол, но остался в сознании. Хватаясь руками за пробитое бедро, он успел прокричать:

– Подмога! Засылайте подмогу!

Пришлось добить его выстрелом в голову.

А из дальнего конца коридора на его крик уже бежали четыре охранника, вооружённые резиновыми дубинками.

Тут уж я не промахнулся: четыре выстрела – четыре трупа.

И нужно было искать этот злосчастный электрический щиток, чтобы закончить боевую задачу.

А я не мог. Вместо этого я, держась за стену, кое-как дополз до туалета, и меня начало выворачивать наизнанку. Мозг отказывался думать любые мысли, кроме одной:

– Я убийца... Я убил пять человек... Убийца... Я...

И как жить дальше после такого?

У меня осталось две пули. Седьмую выпущу в какого-нибудь мента, что заглянет сюда по нужде, а восьмую – себе в сердце. Нет, нельзя. Я помню видение на мосту через Днепр 22 марта. Боец Соколов, хватит нюни распускать! Тебе приказано выжить, и ты обязан выжить. Лучше подумать, где бы ещё патронами для ПМ разжиться – ведь после расстрела электрощитовой их больше не останется.

На этой фразе в моей голове здание полностью погрузилось во тьму. Кто-то проявил типичную для ополчения взаимопомощь и решил задачу с электрическим щитком за меня.

Однако в скором времени мы заняли всё здание и снова включили свет, уже для себя.

Нас попытались централизованно отключить от электростанции, но пророссийски настроенные рядовые энергетики заперли в подсобке украинское руководство, и власть на станции взял сочувствующий нам заместитель главного инженера, так что огни восставшего города продолжали освещать улицы, и каратели не могли пройти незамеченными, если бы они там появились.

Мы захватили оружейную комнату в здании СБУ и теперь могли оказать достойный приём винничкому спецназу.

Но силы были явно неравны. А наша цель всё-таки – не продать свои жизни подороже, а сделать так, чтоб восстание дожило до воссоединения с Россией или до признания независимости Донца и Луганска от Украины.

Связь с Интернетом действовала, и мы сняли ролик, разместив его на Youtube и других популярных видеоплощадках. Выступали трое. В масках, потому что ещё не до конца уверовали в победу и беспокоились за судьбу своих родственников в случае поражения. Как сейчас помню их отчаянный вопль:

– В январе, когда начиналось безумие на Майдане, мы спокойно ходили на работу и смотрели новости по телевидению как увлекательный спектакль, вместо того чтобы организовать ответные мероприятия. В феврале, когда радикальные националисты дорвались до власти и стали уничтожать последних защитников старых порядков, мы и тогда молчали, ожидая, что само рассосётся. В марте, когда беспредельщики от замороженные стали грабить и насиловать всех, кто попались под горячую

руку, уже некому было встать на нашу защиту. В апреле мы наконец перешли к решительным действиям. Но если нас никто не поддержит, не успеете глазом моргнуть, как всё будет кончено. И тогда вы останетесь один на один с ордой варваров, окончательно утративших человеческий облик. Безоружные и беззащитные. Выползайте из уютных нор и приходите к нам. Чем больше мужчин вспомнит о том, что мужчина – воин, тем больше у нас шансов на победу. Донбасс, вставай!

И Донбасс встал.

По ночному городу текли людские ручейки к бывшему зданию СБУ, где зарождалась Луганская Народная Республика. Кто пешком, кто на машинах, а иные и на такси. Были случаи, когда таксист подвозил к нам пассажира, а потом шёл к нам вместе с ним.

Седьмого числа джинн окончательно вылетел из бутылки, и восстание стало воистину народным.

А винницкий спецназ завяз в Харькове, который тоже бурлил. И справедливости ради отмечу, сделал там на-ура своё чёрное дело. Мы рассчитывали, что Харьков станет столицей будущей Новороссии, от Одессы до Луганска. Но восстание удалось только в Луганске и Донецке. Харьков сдулся в три дня, в Одессе весь апрель продолжались стычки между повстанцами и карателями, примерно на равных.

В том, что наш замысел удался только наполовину, виноваты мы сами. В Крыму первые отряды самообороны стали создаваться уже на следующий день после переворота, 23 февраля. Есть такой роман «Остров Крым». И пока в Киеве опьянённые лёгкой победой сторонники Майдана делили министерские портфели, полуостров Крым уплыл вместе со всеми жителями, став настоящим островом мирной России, единственной областью, бескровно отделившейся от обезумевшей Украины.

А мы, что мы? Выжидали аж до апреля, надеясь на чудо. Но монстр не превратился в принца, как в детской сказке. Он день ото дня только зверел. И когда мы наконец решились, он уже окреп и смог показать зубы. В большой семье раздавались характерные щелчки.

Слава богу, некромантам из Киева и Львова не удалось превратить в зомби весь народ.

12 апреля, когда в Славянск пришёл отставной офицер из России Игорь Стрелков с отрядом в 50 кубанских казаков, на их сторону перешли все 800 милиционеров этого небольшого, но славного райцентра. 14 апреля батальон житомирских танкистов самовольно вернулся к месту дислокации, не желая стрелять в гражданских.

13 апреля в руках восставших оказался Краматорск, 15 апреля – Шахтёрск, 17 апреля – Красный Луч. Ближе к Пасхе ополчение взяло под свой контроль всю трассу Донецк – Луганск, и, когда весь православный народ праздновал победу Христа над смертью, можно было с уверенностью сказать, что и воины Христовы одержали первую локальную победу над силами зла и смерти, захватившими Киев, мать городов русских и колыбель русского православия. Минас Итиль стал Минас Моргулом, но Гондор не пал.

Но и Турчинов сотоварищи не сидели сложа руки. Против шахтёров и металлургов с охотничьиными ружьями двинулись части регулярной армии. Мы выстояли только по одной причине – солдаты не хотели воевать. Да и многие офицеры тоже. Большинство разошлись бы по домам, если бы не заградотряды правого сектора.

С течением времени мы усиливались, но усиливалась и пропагандистская обработка войск укров.

Началось кровопролитие, которому не видно конца и края.

В этом есть и наша вина. Нет, не в том, как пытаются представить украинские СМИ, якобы первопричина братоубийственной войны – вооружённый сепаратизм на юго-востоке страны, а не февральский переворот. А в том, что мы забыли традиционные ценности славянских народов. Превратились в беспринципных карьеристов и образцовых членов общества потребления. В том, что мы забыли о Боге и стали жить, как дикие звери, единственный смысл жизни которых – пожрать да перепихнуться.

Прозрение оказалось жестоким. Был такой христианский писатель Клайв Льюис. Он в своё время сказал такую фразу, что я подписываюсь под каждым словом: «Сначала Бог обращается к человеку шёпотом любви. Если человек не внимает, то Он обращается к нему голосом совести. Если человек остаётся глух и к этому призыву, то Богу ничего не остаётся, кроме как напомнить человеку о себе через рупор страданий».

Прав был и Игорь Стрелков: «Война сметает всю наносную шелуху с человека, срывает маски с лиц, оставляя то, что на самом деле внутри человека. Если он был подлецом, станет конченым подонком. Если был хорошим, станет святым».

И мы страдаем, надеясь возродиться очищенными, как очищается металл от шлака в раскалённых печах. Достойное по делам нашим приемлем. Помяни нас, Господи, во Царствии Твоём.

* * *

Не вижу смысла подробно описывать ход боевых действий – об этом читатели могут узнать, ознакомившись с официальными сводками ополчения.

Лучше продолжу рассказывать о своей скромной персоне.

Наверно, многих заинтересует, как человек сугубо штатский, до восстания державший огнестрельное оружие только на срочной службе и в тире, пролез из рядовых бойцов в командиры.

Честно скажу, гордиться тут нечем. Никаких особых подвигов я не совершал. Произвели меня в офицеры, можно сказать, случайно.

На мой день рождения, когда у нашего подразделения закончился курс молодого бойца в тылу и подполковник Мозговой собрал нас, чтобы распределить по фронтам, он спросил перед строем:

– Есть здесь бойцы с высшим образованием? Шаг вперёд.

Из строя вышел только я один. Остальные были пролетариями, до войны работавшими в цехах и на шахтах.

Он оценил ситуацию и коротко бросил в мою сторону:

– Ну вот и славненько. Офицером будешь.

И дал мне в подчинение взвод из тридцати раздолбаев, вместе с погонами. Теперь я лейтенант. Может быть, через полгода старлея дадут, если выживу.

А ещё как раз на мой день рождения была провозглашена Луганская Народная Республика. Попробую дожить до следующего года. Тогда у меня будет двойной праздник – мой день рождения и день рождения государства, независимость которого я отстаиваю с оружием в руках.

Впрочем, я надеюсь, что через полгода, а тем более через год война уже кончится.

А почему, собственно, Рамирес?

Вопрос, конечно, интересный. Внешность у меня типично нордическая, а кличка, как у южанина.

Но и темперамент, как у южанина. Когда я проходил курс молодого бойца, то очень злился, когда у меня из-за недостаточной подготовки (строевой, огневой, силовой) что-то не получалось. Особенно злился, когда кто-то меня за это подкалывал, даже если подкалывал беззлобно и по-дружески. Сначала мне хотели дать позывной Фугас – чуть тронешь этого вспыльчивого товарища, и он взрывается. Но я придумал более поэтичную версию. Причём также связанную с войной.

Но с войной, происходившей очень далеко и очень давно. Увлекаясь всемирной историей и творчеством Грэма Грина, я узнал о том, что происходило в Мексике без малого столетие назад.

В 1926 году в лице президента Кальеса объединилось всё низкое и подлое, что он взял и от сородников-троцкистов, и от предшественников-капиталистов. И 1 августа он поднял руку на святое святых для латиноамериканцев – на католичество. Горячие мексиканские парни, естественно, развернули партизанщину, по сравнению с которой наше восстание показалось бы детским лепетом.

Они называли себя Кристерос. Я затрудняюсь назвать точный перевод этого слова с испанского. Вероятно, перевести это одним словом на славянские языки невозможно. Это сочетание двух слов – cristianos – христиане и guerrilleros – партизаны. Приблизительно можно перевести как «Воины Христовы».

И среди них были два особо выдающихся героя – сельский староста Викториано Рамирес и священник Хосе Рейес Вега.

Я знал о них по фильму, что два года назад смотрел по горячим следам его премьеры онлайн на английском языке в отсутствие русского перевода. Там эти две личности объединены в одну – священника Викториано Рамиреса. Его пришли брать четырнадцать гвардейцев правительственных войск, а он перестрелял их всех. Достойный пример для подражания партизанам. И если я доживу до победы, тоже стану священником. И тоже безбрачным, как католические священники. Православным целибатом, каковым должен быть батюшка-вдовец. Жениться повторно ни в коем случае не стану. Я не могу предать Наташу, ожидающую меня на небесах. И этот падре звался Викториано – так похоже на убитого на моих глазах отца Виктора, память которого я хочу увековечить.

Через несколько дней после выбора позывного я узнал правдивую историю, что священника на самом деле звали не Рамирес. Но решил оставить себе тот позывной, что выбрал. Потому что Рамирес звучит колоритнее, чем падре Хосе. Пусть будет Рамирес.

Окончательно моё испанское прозвище закрепилось совсем недавно. На День Победы. Нет, радоваться рано – не той победы, к которой мы стремимся ныне. Я имею в виду Девятое мая, День Победы наших славных предков.

Командование антифашистского ополчения не могло обойти вниманием этот поистине великий день, и в городском ДК Лутугино организовали концерт художественной самодеятельности среди бойцов.

Я исполнял на гитаре последнее танго, что написал перед гибелью в катастрофе «аргентинский соловей» Карлос Гардель. Оно так и называется, «Adios muchachos» – «Прощайте, друзья». Герой танго потерял мать, невесту и прощается с друзьями, так как молодость прошла и он больше не хочет жить для развлечений. Когда я слушал эту композицию до войны, у меня возникали две ассоциации, что собирается сделать этот персонаж – покончить с собой или уйти в монастырь. А я, потеряв жену, отца и брата, попрощался с матерью и ушёл воевать. И исполнил эту песню так эмоционально, что написавший её латиноамериканец нервно курит в коридоре.

После этого подвыпившие в честь праздника женщины пытались вешаться мне на шею, но я был холоден, как мамонт в вечной мерзлоте. У меня была только одна женщина, которую я любил и буду любить вечно – на этом свете и на том.

* * *

Вот мы и подходим к тем дням, когда я сижу с ноутбуком на коленях и в меру сил пытаюсь описать, как я дошёл до жизни такой.

Впервые мысль подробно описать свою биографию зародилась у меня в день референдума о независимости.

Я тогда был поставлен командовать охраной избирательного участка в родном Лутугино.

Мероприятие проходило без эксцессов, и я откровенно заскучал. К тому же поздняя весна в степи уже давала о себе знать тем, что на избирательном участке, в спёртом воздухе от множества народа в сочетании с уличным зноем, было откровенно душно.

И я решил прогуляться до магазина, купить ребятам что-нибудь пообедать, и себе заодно. Домой обедать не пошёл, чтобы не уронить репутацию среди солдат – они, мол, на боевом посту парятся, а я за мамкиной юбкой отсиживаюсь.

Первый магазин я пропустил – накатила ностальгия, и я пошёл бродить по улицам, где родился, учился и вырос.

Примерно через километр я увидел обезоруженную моими сослуживцами случайно заблудившуюся здесь БМП укров. Она окончательно остановилась, врезавшись в немногочисленные в степном городке деревья, когда-то посаженные советскими агрономами.

Гусеницы машины завалили характерный для наших южных широт красный каштан, а следом за ним один из символов ненавистной украм России – белую берёзу. Я смотрел на гроздь оборванных красных цветов каштана, разметавшихся по белой коре вокруг излома берёзового ствола. И это зрелище прочно ассоциировалось у меня с тем, что эти цветы – капли крови жениха, не сумевшего защитить невесту в белом платье от машины, бездушной и беспощадной. Как я не смог защитить молодую жену от беспощадной машины для убийств в виде фашистско-бандитского государства.

Мне вспомнились её слова, сказанные два года назад в наши самые счастливые дни под Симферополем:

– Когда мне было 14 лет, батя взял меня с собой браконьерствовать птиц с лодки под Днепротетровском. Он бил из ружья без промаха. И падали лебеди, подстреленные на взлёте. Он улыбался до ушей от охватившего его мальчишеского азарта. А я ревела в три ручья. Мне так было жалко лебедей. Когда они объединяются в пару и сближают шеи в форме латинской буквы S, получается фигура, образующая сердце. А если один из лебедей в паре гибнет, второй чахнет и умирает. Разве можно их убивать? Тем более на взлёте, когда они только-только начинают подъём в небо!

Мы и есть птицы, подстреленные на взлёте.

А ещё вспомнились строки собственного сочинения:

*Так и в сердце моём свет жизни угас –
Я, как призрак, ветром носимый.*

Ирония судьбы – батальон, где я служу, так и называется, «Призрак».

В первые дни после гибели Наты я фантазировал, что она уехала на курорт отдыхать. Например, в ту же Италию. И когда-нибудь меня к себе позовёт, на что я с радостью откликнусь.

А в последние дни мне кажется, что это она жива. По-настоящему жива. А я умер. Все чувства отболели и перегорели. В самурайском кодексе чести Бусидо правило номер один гласит: «Действуй так, как будто ты уже мёртв». Я так и действую. И если это приносит максимум пользы общему делу, да будет так.

Но, как показала практика, никуда ты, морячок, не денешься с подводной лодки. От себя не убежишь. Рано или поздно чувства нет-нет да и всплывут.

Возвратившись на дежурство, я принялся рассматривать наши с Натой свадебные фотографии.

Я не успел их забрать у фотографа, вернувшись из Италии, – тогда нам с женой было, мягко говоря, не до того.

Потом я уехал в Луганск поднимать восстание, а фотограф, как сторонник Майдана, остался в Киеве.

Но в день референдума мы свиделись.

Он поехал в так называемую «зону АТО», то есть на восставший Донбасс военным корреспондентом. Подзаработать решил. И позлорадствовать, снимая, как части украинской армии ворвутся в Луганск и сорвут голосование.

В Луганск хохлы, конечно же, не ворвались.

Получив отпор, они были вынуждены отступить в захваченный ими луганский аэропорт.

Корреспондент ехал на машине по навигатору с тормознутой и глючной прошивкой. В итоге он заблудился и выскочил прямо на наш блокпост в Успенке.

Поначалу молодые и горячие студенты, взявшие его в плен, хотели его шлёпнуть за то, что шпионил, выдавая украинской армии наши позиции.

Но я охладил их пыл, напомнив приказ Болотова о человеческом отношении к пленным.

Но носители информации с тем, что он наснимал, я у него изъял.

И когда увидел ещё не стёртые с них фотографии со своей свадьбы, от удивления смог выговорить только: «Бывают в жизни совпадения».

Интересно, узнал ли он в суровом вояке своего бывшего друга. Я-то его узнал в лицо, но не подал вида. Думаю, он поступил так же.

Когда мне совсем не везло, я обращаюсь к творчеству. И я решил совместить эскапизм и выполнение священного долга. Никто не должен быть забыт, ничто не должно быть забыто. Ни люди, пролившие свою кровь невинно, ни счастье человеческое, растоптанное берцами штурмовиков.

Но мемуары я начал писать не сразу. Сначала я написал стихи.

Второго мая бандеровцы, позиционирующие себя как цивилизованные европейцы, с дикой азиатской жестокостью подавили протесты в Одессе – сожгли заживо 56 гражданских лиц.

К тому времени я уже многое повидал на родной Луганщине, но в такое не мог поверить до последней минуты, пока не увидел документальную съёмку с места событий от надёжных, проверенных товарищей.

Фашисты ещё и насмеялись над трагедией: «Новое блюдо украинской национальной кухни – жареные колорады по-одесски».

В голове не укладывается.

По следам этого события родилось всего две строки, а потом я заглох и не смог продолжить их, но и они оказались достаточно красноречивыми:

*Мертва Украина – сгорела живьём.
Убита в Одессе нацистским зверьём.*

Более плодотворной оказалась попытка сочинить что-нибудь к недавно минувшему Дню Победы. Я взял за основу моё любимое стихотворение об Отечественной войне, которое я выучил ещё в старших классах школы. К 50-летию Победы, когда День Победы на Украине был ещё государственным праздником. И переделал его так, чтобы похожими рифмами рассказать о последних известных между нами событиях.

Оригинал.
Михаил Светлов,
«Итальянец», 1943 г.

*Чёрный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, –
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...*

*Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?*

*Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далёком!
Как я грезил на волжском приволье –
Хоть разок прокатиться в гондоле!*

*Но ведь я не пришёл с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землёй Рафаэля!*

*Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.*

*Разве среднего Дона излучина
Иностраннным учёным изучена?
Нашу землю – Россию, Расею –
Разве ты распахал и засеял?*

*Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далёких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...*

*Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!*

*Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах...*

Переработка.
Андрей Соколов, он же Викторiano Рамирес,
«Украинец», 2014 г.

*Жёлтый флаг на гробах украинцев,
Грим, чтоб раны замазать на лицах.
Сбережения семей небогатых
На поминки ушли по солдатам.*

*Молодой уроженец Галиции,
Тот, что в армию призван с милицией, –
Ты скакал на Майдане зимою,
Чтоб бандиты рулили строною.*

*Я, убивший тебя под Луганском,
Так мечтал по предгорьям Карпатским
После пыльных степей прогуляться
И в сосновом лесу надыхаться.*

*Но ведь я не пришёл с автоматом,
По гражданским стреляя по хатам,
Но ведь пули мои не свистели,
Заглушив соловьиные трели.*

*Здесь я выстрелил – здесь, где родился,
Где на шахте ударно трудился,
Где язык колыбельных казачьих
Никто мовой не кличет собачьей.*

*Поработай в цехах и на шахтах –
Ненавидеть начнёшь олигархов.
И поймёшь, что у власти уроды
Не из нашей рабочей породы.*

*Но идут дураков эшелоны
Для захвата Европе колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного.*

*Я не дам свою Родину вывезти
За простор чужеземных морей –
Я стреляю, и нет справедливости
Справедливее пули моей.*

*Никогда ты здесь не жил и не был,
Но разлито в донецких степях
Украинское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах.*

* * *

За сутки с того момента, как я начал писать, и до того, как закончился подсчёт голосов и с избирательного участка сняли охрану, я, конечно, не успел написать это всё. Успел только до расставания с будущей женой на вокзале Севастополя.

Следующая возможность возобновить записи выдалась только через две недели. В первый раз моя группа обеспечивала проведение голосования, теперь перед нами стояла задача сорвать его. То есть не допустить трагикомического фарса в виде проведения в ЛНР выборов киевского президента Пети Параша.

И вновь я просиживал штаны и плевал в потолок на избирательном участке в каком-нибудь километре от дома. В этот раз было даже ещё тоскливее. Тогда участок был открытым и там сновали толпы празднично одетого народа. Теперь участок был закрытым, и только на улице приходилось отвечать на досужие расспросы малочисленных зевак. Впрочем, не таких уж и малочисленных. Приходили граждане, смотрели, что происходит. Но не с целью голосования, а так, поглазеть.

К тому моменту, помимо моего желания, взвод лейтенанта Рамиреса постепенно приобретал известность. Особенно его командир.

Помню, как на избирательном участке скучали вместе со мной три бойца.

Я подошёл и прислушался к их разговору.

Один из них поманил другого пальцем, чтобы заинтересовать, что же такого интересного сослуживец скажет, и заговорщическим тоном прошептал:

– А вы знаете, что Арсений – Яйценюх? Нюхает яйца... свои!

Из двух других один чуть не съехал со стула от смеха. Другой, криво усмехнувшись, заметил:

– Старо. А такие частушки знаете?

*Укры форму надевали,
За Славянск дралися –
Всё, что можно, прое**ли...
И обос**лися!*

– Попрошу не выражаться, здесь дети ходят, – осадил я не в меру ретивых воинов.

Певец воспринял замечание как наезд и полез в бутылку:

– А ты вообще кто такой? Боевой офицер или крыса тыловая? Повоюй с моё – будешь указывать, как мне базар фильтровать.

Я принял хался – они пьяны. Мне впервые захотелось набить соратнику морду – из-за таких, как он, ополчение называют махновщиной.

Но мне не пришлось опускаться до рукоприкладства лично – за меня это сделал третий солдат. Он с размаху отвесил сослуживцу подзатыльник и одёрнул его:

– Ты что, до чёртиков допился, командиров не узнаёшь? Это же лейтенант Рамирес. По сравнению с ним мы все – крысы, пороха не нюхавшие.

– Виноват, товарищ командир, не признал, – опомнился смутьян и улыбнулся: – богатым будете.

– Я бы предпочёл, чтобы мне вместо золота и бриллиантов подкинули более нужные сейчас железные стволы и свинцовые патроны, – ответил я так же полушутя.

Да уж. Я мечтал стать авторитетом в информационных технологиях, которым отдал добрый десяток лет, а стал таковым среди военных, к коим до восстания вообще отношения не имел. К тому моменту я находился в действующих войсках уже несколько недель. Угрызений совести от убийства врагов я больше не испытывал. Человек ко многому может привыкнуть. Мои сослуживцы как-то заметили, что даже когда я безоружен, я при ходьбе размахиваю только левой рукой. А правую продолжаю по привычке держать на бедре, как будто у меня там кобура с пистолетом.

* * *

Мы оставались на запертых избирательных участках и в ночь на 26 мая, опасаясь провокаций укров. Но и тогда мне не удалось закончить мемуары полностью. Второй творческий заход закончился возвращением в Киев из свадебного путешествия.

Я хотел в третий раз приступить к записи воспоминаний 2 июня, когда офицеру в очередной раз выпало нести караульную службу. Но помешала украинская авиация, нанеся удар по администрации Луганска, после чего все мобильные группы ополчения были подняты по тревоге.

В связи с этим произошёл эпизод, который мне кажется заслуживающим внимания.

Мы получили задание установить зенитное орудие на крыше здания, доминирующего над окружающей застройкой, чтобы сбивать самолёты, если они ещё раз попробуют сюда сунуться. Я выбрал главный корпус института, где учился, который теперь называется Восточно-Украинский университет и скоро, без сомнения, будет переименован.

Командир показывал пример подчинённым, как надо работать, вместе со всеми затаскивая по лестнице детали этой пушки.

На лестничной клетке четвёртого этажа о чём-то оживлённо беседовали две студентки, нарядные в честь начинающейся сессии. Я не старался подслушивать, но они разговаривали достаточно громко.

Одна из них выражала недоумение по поводу какого-то однокурсника Михаила, который внезапно перестал посещать учёбу, да ещё в такой момент, когда идёт зачётная неделя. И примерно в те же дни её отец ушёл на работу и не вернулся.

Вторая протараторила в ответ какую-то запутанную фразу, из которой удалось понять только словосочетание «Батальон Призрак».

У первой расширились глаза от страха:

– Батальон «Призрак»? Но папа не в ополчении. И Миша не может там быть.

Вторая накинулась на неё:

– Конечно, Александр Петрович в ополчении! И Миша тоже. Они ведь мужчины. Притом православные и луганчане.

Первая схватила меня за рукав:

– Товарищ командир, товарищ командир! Вы знаете Михаила Федосеева?

– Девяносто четвёртого года рождения, – уточнила вторая.

– Знаю, – безуспешно попытался я сдержать улыбку, – внизу в оцеплении стоит. Можете с ним пообщаться. Если сержант попытается прекратить ваш разговор, скажите ему, что лейтенант разрешил.

Ловко перебирая по ступенькам высокими каблуками, девочки умчались с четвёртого этажа на первый.

А я, закончив выполнение боевой задачи, предался размышлениям о том, как собранное с миру по нитке воинство будет останавливать орду доставшихся украинской армии от Советского Союза танков, вертолётов и самолётов. В моём взводе – автоматом и связкой гранат. А в подразделении, где служит бывший начальник IT-отдела, работавший со мной на Лутугинском заводе, – пистолетом и одной гранатой.

И знаете, что? Мы их остановим. Потом мы их остановим ещё раз и погоним на запад, в сторону Киева и Львова. Может быть, даже я это сделаю сам. А если меня убьют, то это сделает начальник IT-отдела. А если и его убьют, то это сделает донецкий гопник, который бил мне морду четыре года назад в Шахтёрске, отбирая у меня наличку и телефон. Или даже мой сосед-алкаш, которому я сам бил морду за то, что он наблевал в нашем подъезде.

Мы просто обязаны их остановить. Потому что, если мы их не остановим, тьма накроет всю Восточную Европу вместе с Россией и придёт толстый жирный песец всей славянской государственности и православной цивилизации. Также и коммунистической идеологии свободы, равенства и братства – в общем, сгорит, как одесский дом профсоюзов, всё разумное, доброе, вечное, накопленное человечеством за последние пару тысячелетий.

* * *

Тиха украинская ночь... Точнее, ночь в Луганской Народной Республике. В эту ночь, с 4 на 5 июня 2014 года, артиллерия укров наконец-то оставила Луганск в покое, и у меня появилась возможность закончить этот текст.

Что произошло за пропущенное в моём повествовании третье число? Мы потеряли город Счастье. Репортажи на новостных сайтах пестрят заголовками – «Сепаратисты потеряли счастье». Но не потеряли веру. Наши стены разбиты, но сердца – нет. Мы не потеряли надежду на окончательную победу. И, несмотря ни на что, не потеряли любовь к своим родным и близким.

Милая мама, утром ты обнаружишь флешку с этим произведением у себя на кухонном столе. Я приеду на рассвете, когда ты ещё будешь спать, и постараюсь пронести её в нашу квартиру бесшумно.

Не буду говорить тебе вслух о новом месте службы, чтобы заранее тебя не расстраивать. Ты узнаешь о нём из этого текста.

Стрелков направляет продажных чиновников из Славянска в штрафбат – рыть окопы в Семёновке. Этот небольшой посёлок – глухая окраина Славянска, форпост в непосредственной близости от артиллерии укров. А я направляюсь на помощь Донецкой республике добровольно. Там будет огненный ад, и некоторые думают, что попасть туда – это уже всё. Но ты не поддавайся бесовскому отчаянию. Ведь у меня очень трудолюбивый ангел-хранитель, неоднократно выносивший меня на руках из самых опасных передряг. Бог не выдаст – свинья не съест.

Бандеровским наёмникам, воюющим за деньги, не понять, как мы можем отправиться в пекло на выручку друзьям совершенно бескорыстно. И поэтому мы их победим. В середине дня на сайте информационного агентства «Русская весна» один корреспондент разместил статью с заголовком, придуманным с моей подачи: «Если кому-то не хватает чистых и честных человеческих отношений, он обретёт себя в Новороссии».

И всё же, на всякий случай я оставляю тебе этот носитель с краткой пояснительной запиской, что с него нужно читать и что с этим делать.

Если услышишь о том, что я погиб, передай этот текст как можно большему количеству информационных агентств. Я бы попросил тебя передать его и в том случае, если не погибну, но не считаю себя вправе так рисковать твоим здоровьем, физическим и психическим, пока могу сделать это сам. Второй экземпляр я буду держать у себя.

Думаю, оставленные тебе на хранение, мои воспоминания не пропадут.

Я в тебя верю.

И ты веруй в Бога, верь в победу и в меня верь.

Я люблю тебя. Как никогда в жизни. И это не пустословие.

А что нам ещё остаётся делать? Ведь мы единственные близкие люди друг у друга, что пока ещё остаются в живых.

Ближе для меня ты была, пожалуй, только 33 года назад, когда меня грудью кормила.

Прости, что не обнял тебя на прощание перед отправкой под Славянск.

Подпись: лейтенант Народного Ополчения Донбасса Андрей Соколов-Рамирес, 11 мая – 4 июня 2014 года, Луганская Народная Республика.

Верю, люблю, надеюсь.

Эпилог всего произведения. Меч Господа и Гедеона

Интервью ополченца Андрея Соколова каналу “Anna News” 30 июля 2014 года

Корреспондент Марина Харламова (в дальнейшем М. Х.): Здравствуйте. С вами рубрика «Наши крупным планом». Сегодня у нас в гостях командир Народного Ополчения Донбасса, одно имя которого вселяет в сердца бандеровцев страх. Его позывной – Рамирес. Здравия желаю, товарищ лейтенант.

Лейтенант Рамирес (в дальнейшем Л. Р. Сидит в полевой форме – в тельняшке и камуфляжном кителе, из-за жаркой погоды с закатанными рукавами): Доброго дня.

М. Х.: Этот день действительно добрый. Вчера взвод лейтенанта Рамиреса бок о бок с бойцами Моторолы предотвратил взятие Шахтёрска украинской армией. При этом они подбили в общей сложности больше ста танков.

Л. Р.: 126 всего. 37 мы превратили в груды металлолома. Оставшиеся почти девять десятков надемся отремонтировать и ввести в строй.

М. Х.: Разрешите задать вам наши вопросы.

Л. Р.: Разрешите, сначала я задам вам один вопрос: вы и есть та Анна, в честь которой назвали канал? *(улыбается)*

М. Х. (смеётся): Нет, меня зовут Марина. Ознакомьтесь с историей канала зрители могут на официальном сайте. Лучше потратим наше ограниченное время собственно на интервью. Итак, вы не похожи на испанца. Я правильно догадываюсь, что по паспорту вы совсем не Рамирес?

Л. Р.: Я не скрываю своё настоящее имя. Соколов Андрей Владимирович.

М. Х.: Украинские СМИ усиленно распространяют слухи, будто бы дончане сидят по домам, а в ополчении воюют наёмники из России. Вы – русский или украинец?

Л. Р.: Я – полукровка. Отец русский, мать – украинка. Родился и вырос в Лутугино, в 22 километрах от Луганска. Два с половиной года жил в Крыму, полгода в Киеве.

М. Х.: Вы разговариваете украинською мовою?

Л. Р.: Разговариваю трохи. Але зараз, коли йдеться про боротьбу за право Донеччини і Луганщини розмовляти російською мовою, нам краще розмовляти російською.

М. Х.: Вы правы. Давайте лучше по-русски. У вас есть украинский паспорт?

Л. Р.: Сжѐг.

Голос за кадром: Правильно. Я свой тоже сжѐг.

Укоризненный взгляд журналистки в камеру, точнее, в глаза стоящего за ней оператора.

Тот же голос за кадром: Прости, Марин, не удержался.

М. Х.: Вы убивали людей?

Л. Р.: Людей – нет. Только фашистских штурмовиков из национальной гвардии и правого сектора.

Улыбаются удачной шутке.

Л. Р. (продолжает): Могу предсказать следующий вопрос: «Легко ли убивать врагов?» Это ложь, будто бы можно убить человека и не испытать состояние шока. После первого убийства неизбежно ломает. Не слабее, чем наркоманов и алкоголиков. Потом привыкаешь. Первый раз все мои внутренности буквально вывернуло наизнанку. Второй раз пошёл уже легче. Третий раз вообще ничего не почувствовал. Четвёртый – хуже третьего. А потом я сбился со счёта своих убитых и перестал их считать.

М. Х.: А страшно ли вам во время боя за свою жизнь?

Л. Р.: Когда Лѐха выступал перед нами на курсе молодого бойца...

М. Х.: Вы имеете в виду подполковника Алексея Мозгового?

Л. Р.: Так точно. Это для меня он – Лѐха, а для вас – товарищ подполковник. Так вот, когда подполковник Мозговой выступал перед нами на курсе молодого бойца, он сказал фразу, которая оказалась пророческой: «Когда вы попадёте на фронт, первое, что вы сделаете – вы обгадитесь. Можете сколько угодно храбриться на тренировках в тылу, но когда на передовой пули засвистят над вашими головами, вы, всей душой того не желая, неминуемо испытаете дикий животный страх. Ибо инстинкт самосохранения ещё никто не отменял». Не боятся только бактерии – у них мозга нет. А люди, кто лучше, кто хуже, умеют контролировать свои инстинкты разумом. И выставлять приоритет общественного над личным.

М. Х.: Пройдѐм по слухам, что ходят об ополчении. Есть ли среди ваших бойцов женщины?

Л. Р.: В моём взводе нет, а вообще в ополчении есть. Например, лучший снайпер батальона «Призрак», где я служу – совсем молоденькая девочка Ксюша, позывной Завиток. Особо хочу сказать про женский батальон из временно оставленного нами Северодонецка. Командир у них колоритный. Полина, позывной Чѐрная вдова. Она и вправду вдова. В один прекрасный, а точнее, ужасный день пошла с утра на воскресную службу в храм. Возвращается, а на месте дома – воронка. Погибла вся семья. Тогда она побежала назад в церковь, что есть мочи, упала на колени перед священником, который ещё не ушёл, обхватила руками его за ноги и как закричит:

– Батюшка! Делайте со мной, что хотите, но я вас не отпущу, пока не благословите воевать.

Объездила всю Донетчину и Луганщину, выискивая готовых пойти добровольцами девушек.

Бесстрашия в ней не меньше, чем во всѐм моѐм взводе. Я имел возможность оценить её в деле – мы вместе совершали диверсии в Лисичанске в первые двое суток после взятия его украми.

Вы, наверно, задали вопрос про женщин, потому что после свадьбы Моторолы вам интересно, не собираюсь ли я пойти по его стопам? Мой ответ – категоричное нет. Полина пыталась ко мне клеиться в Лисичанске, когда мы ночевали вдвоѐм в тесном схроне. Но безуспешно. Я люблю своих соратниц, но только как сестѐр во Христе и сестѐр по оружию. У меня была только одна любимая женщина, которая сейчас ждѐт меня на том свете. Если Господь сподобит дожить до победы, то я уйду в Свято-Успенский монастырь в Бахчисарае и стану иеромонахом.

М. Х.: Вы затронули тему православия. Я вижу у вас на плече шеврон «Православие или смерть». Значит, вы носите эту нашивку не для красоты, а по убеждению, так?

Л. Р.: Именно. Хотя, выглядит этот знак действительно красиво.

М. Х.: И вы делом доказываете свою позицию, отстаивая православие на Донбассе не на жизнь, а на смерть. Расскажите о наиболее запомнившемся вам подвиге.

Л. Р.: Где тут подвиг? Тут работа. Как говорится, «Делай, что должен, и будь, что будет» (*неловко улыбается*).

Помню, брали мы Кружиловку. Это на самом краю Луганской Народной Республики. Первый прорыв ополчения к границе, когда мы опрокинули украинскую пограничную заставу и открыли возможность переправлять гуманитарные грузы из России.

В ночь на 22 июня.

Нас было всего 20 бойцов со стрелковым оружием. Их что-то около 130 человек, причём у них была даже пушка. Мы подъехали на пяти машинах – шли без света, на предельно малом ходу, чтобы шума поменьше. Едем вверх, на холме их казармы, дальше – крутой спуск и река Северский Донец, по которой и проходит граница. Встали мы, значит, вокруг них полукругом. И в последний момент резко врубили дальний свет и включили автомобильную акустику на полную мощность. У кого панк-рок, у кого хэви-метал. У меня – пауэр-метал про геноцид индейского населения Америки, устроенный янки, с которых укры берут пример. Идея не моя была. Новенький в нашем отряде придумал. Мы после этого хотели присвоить ему позывной Артист, но такой уже есть у актёра харьковского театра, перешедшего на нашу сторону ещё в апреле. И назвали паренька Ди-Джей.

Хохлы повскакивали с постелей в трусах и майках, не понимая, что происходит. А мы начали палить беспорядочно из автоматов и орать во все свои лужёные глотки: «Меч Господа и Гедсона!» Они отложили тонну кирпичей и открыли по своим же дружественный огонь. Часть из них хотели завести грузовик и сбежать – так по ним шмальнули из ихней пушки. Никого не осталось. Через несколько минут всё было кончено. Остатки уплыли на катере вниз по Донцу, но недалеко. В панике они завернули в левый приток реки, на территорию Ростовской области, где их повязали российские погранвойска.

А мы ударно трудились под палящим солнцем весь самый длинный день в году и на следующее утро навели понтонный мост. Радиосвязи с другими взводами и ротами не было. Как мне рассказали после нашей встречи, подошли к Кружиловке ещё две роты, со стороны Пархоменко. Не зная, какой именно из взводов «Призрака» вышел на задание и успешно ли мы выполнили боевую задачу или полегли. Стали смотреть в бинокль и спорить между собой. А мы выкрасили простыню в синий крест на красном фоне и повесили её на флагштоке вместо жовто-блакитной тряпки. И вот, смотря, значит, два ротных командира на понтонный мост, на боевое знамя Новороссии, и один говорит:

– Я слышал от Алексея, что зачищать границу в этом секторе выдвинулась группа Рамиреса.

А второй возражает:

– Рамирес поднял бы «Весёлого Роджера».

То есть я уже месяц назад ассоциировался со знаком «Православие или смерть». На пиратский флаг похоже, скажете. А я и не возражаю. Мы тоже мятежники. Объективно. Впрочем, боевое знамя Новороссии на основе “Rebel flag of Confederate States”¹ – более красноречивая пощёчина янки, спонсирующим Петро Потрошенко. У меня и такой шеврон нашит на форме – на другом плече, для симметрии (*улыбается*).

М. Х.: Я только заметила, что у вас татуировка на правом предплечье, латинскими буквами. Что там написано?

Л. Р.: Cristeros libertadores. В переводе с испанского – «Воины Христовы, освободители». В двадцатых годах прошлого века, когда в Мексике правили троцкисты, местные католики подняли против них восстание, называя себя так. И мы воюем против бандеровской хунты, насильно обращающей православных христиан в секту «Киевский патриархат», сравнимую с так называемой «Церковью Рейха» в нацистской Германии, где в храмах вместо статуй Христа ставили бюсты Гитлера. А среди этих кристерос был священник Викториано Рамирес, отсюда и мой позывной. У меня был родственник, священник отец Виктор, убитый во время националистических погромов в Киевской области весной. И я хочу, чтобы при монашеском постриге, когда будут менять имя, меня назвали именно Виктором.

М. Х.: Но ведь татуировка – не совсем православное явление. Точнее, совсем не православное.

Л. Р.: На день рождения наколол, который совпал с днём провозглашения Луганской Народной Республики. Покуражиться перед сослуживцами захотелось. Батюшка, окормляющий наш батальон, конечно, не одобрил. Но сводить не буду. Может быть, в одном из боёв эту руку оторвёт.

¹ Флаг мятежной конфедерации штатов (англ.).

М. Х. (поёжилась): Чёрный юмор.

Л. Р. (ледяным тоном): Какая жизнь, такой и юмор.

М. Х.: И всё-таки, несмотря на всю трагичность текущей ситуации, можете ли вы припомнить какой-нибудь курьёзный случай на вашем боевом пути?

Л. Р.: Пару недель назад заглянул на сайт СБУ – чисто поржать. И увидел, что там вывесили списки террористов, сепаратистов и прочих противников режима Порошенко, то есть нас. Не знаю, что курит составитель этого «хит-парада», какие грибы. Игорь Стрелков, герой из героев, всего лишь на пятом месте. Мозговой, выдающаяся личность, равная Стрелкову, вообще в первую десятку не попал. Но сильнее всего меня возмутило то, что моя фамилия там вообще отсутствовала.

Там был так называемый телефон доверия, по которому можно позвонить и сдать сепаратистов. Я и позвонил. На том конце провода обрадовались – подумали, кто-то из гражданских хочет заложить партизан. Спросили, кого я желаю назвать. А я ответил:

– Я – сепаратист. У меня в подчинении три десятка удалых молодцов, а меня нет в списке лиц, опасных для Порошенко. Безобразие.

М. Х. (едва сдерживая смех): И что они вам ответили?

Л. Р. (спокойно): Поблагодарили за звонок. Обещали исправить свою оплошность. Через три дня я снова посмотрел списки – не обманули.

М. Х.: Нам поступает информация, что про войну уже анекдотов всяких насочиняли. Вы знаете хоть один?

Л. Р.: Знаю, и не один. Мой любимый таков:

Киевлянин живёт и работает в Донецке уже не первый год. А прописка киевская. Вдруг ему на мобильный звонок – киевский военкомат. Военком начинает ездить по ушам, что, мол, должен он явиться через два дня в военкомат с вещами для отправки на войну.

Тот отвечает:

– Вообще-то я не в Киеве и уже воюю.

У военкома появилась заинтересованность:

– Когда призывались? В какой части служите? На каком участке фронта? Кто командир?

Тот отвечает:

– Доброволец. Батальон подполковника Кононова. Шахтёрск. Ополчение ДНР.

На том конце провода – кататонический ступор. Потом робкий вопрос:

– А в Киев когда собираетесь?

– Вот освободим Славянск и Краматорск, и сразу к вам. Прямо к военкомату на танке подкачу.

М. Х.: А мой любимый:

Армянское радио спрашивают:

– Почему бойцы национальной гвардии Украины во время интервью прикрывают лица масками?

Ответ:

– Им ещё в Россию гастарбайтерами ехать.

Л. Р.: Такого я ещё не слышал.

Оба смеются. Журналистка возвращается на деловой лад первой.

М. Х.: Продолжим разбирать слухи об ополчении. Есть ли у вас несовершеннолетние?

Л. Р.: В моём взводе один сын полка. Родился в день нападения Соединённых Штатов на Югославию в 99-м году. Учился в школе в Мариуполе, никого не трогал. 13 июня он сдавал экзамен. И тут тревога – укры начали зачистку города. Жители спустились в подвалы, а солдаты завязали с нашими бой. Его школа была на правом берегу реки Кальмиус, где шла регулярная армия – эти гражданских не тронули. А его семья оставалась дома на левом берегу, где шёл правый сектор. Те забрасывали подвалы гранатами. И остался он круглым сиротой. Прибился к отступающей роте Бабая и шёл с ними до самого Антрацита, где я взял его под своё крыло. Оружие малолеткам мы не даём. Вася, например, ведёт разведку. Юркий подросток, идеально знающий местность, в этом деле незаменим. Он объездил на своём велосипеде весь юг Донецкой и Луганской республик. Был даже в двух сёлах Бердянского района Запорожской области. Вот такой сын полка. Да он и вправду мне почти что в сыновья годится. Если бы я залетел на первом курсе института, у меня бы мог быть сын такого возраста (*смеётся*).

М. Х.: Но у вас нет ни жены, ни детей?

Л. Р.: Не успел я завести детей. Я – вдовец (*резко мрачнеет*).

М. Х.: Эту войну называют братоубийственной. У вас есть родственники в противоположном лагере?

Л. Р.: Есть. Точнее, был один. Мамин двоюродный племянник, Юра Грищук, из Хмельницкого. Девичья фамилия матери – Олеся Грищук. Так вот, этот Юра был главным специалистом по пыткам в карательном батальоне. Отпетый садист. Был в моём взводе боец, Дима, – виртуозно играл на гитаре битлов, у него и позывной был Маккартни. Попал в плен. А Юрик придумал изощрённое издевательство – во время жестоких допросов над заключёнными измывались под звуки музыки. А между этими допросами прокручивали им в камере те же песни, что звучали во время пыток. И когда мы обменяли Диму на их пленника, его трясло мелкой дрожью от первых же аккордов некогда любимой песни «In my life» – его под неё месили, как боксёрскую грушу. Неделю назад Юра попал ко мне в плен сам. Вспомнив, что он сделал с Маккартни, я лично пустил ему пулю в лоб без суда и следствия.

М. Х.: Есть ли у вас родственники в ополчении?

Л. Р.: У меня остался один близкий человек – мама. Остальных я потерял. В середине марта во время погрома в Киевской области погиб двоюродный брат. По дороге из Киева в Крым попала под горячую руку бандеровцев жена. А я, оставшись один, как перст, взялся за пистолет. Я сражаюсь не за то, чтобы Донецк и Луганск писались без мягкого знака на географической карте. А за то, чтобы никогда, вы слышите, ни при каких обстоятельствах весёлые аполитичные панки и рокеры не становились суровыми мстителями за смерть друг друга. Вот за что я сражаюсь! (*Стучит кулаком по столу.*)

М. Х.: Вернёмся к вопросу о составе ополчения. Насколько охотно записываются в него жители Новороссии? И каков процент сочувствующих вам среди тех, кто не воюет?

Л. Р.: В разных городах по-разному. Помню, ехали мы как-то вечером на БТРе по улицам Луганска. И видим, развалились на скамейке несколько рыл, пиво дуют. Проезжаем мы мимо них, а они одобрительно кричат пьяными голосами:

– Молодцы, ребята, так держать!

Я не выдержал и наорал на них:

– А вы что сидите? Вместо того чтобы отстаивать свою свободу, пивные сиськи отращиваете!

И грязно выругался.

А комбат Полина в Северодонецке так напутствовала своих девиц:

– Пока мужики смотрят чемпионат мира по футболу под пиво, кто будет защищать Родину, если не мы?

Но есть и другие примеры. Когда весь город, до последней бабушки, вставал на свою защиту.

В Славянске жила старшая сестра моей матери, тётя Света.

И когда там появились первые каратели, она с подружками весь день пекла пирожки. Начиняя их снотворным.

Ближе к вечеру они вышли навстречу солдатам и так нежно стали ворковать:

– Ой, какие худенькие голодные мальчишки. Устали, наверно, с дороги. Мы вам покушать принесли.

Отвели они, значит, отравленные пирожки, а наутро, когда проснулись, обнаружили, что стали безоружными военнопленными.

М. Х.: Славянск сейчас оккупирован украинской армией. Вы в курсе, действительно ли укры подвергли жестоким репрессиям местных жителей, единодушно поддерживавших ополчение?

Л. Р.: Я не скажу за всех жителей, а тётю Свету казнили. Семидесятилетнюю старушку и других бабушек затравили собаками, согнав народ на зрелище для острастки. Исполнители кровавой расправы известны нам поимённо. Трое уже ликвидированы. Одного из них я собственноручно повесил на линии электропередач. Учитывая, какой бардак на оккупированных территориях, может быть, он до сих пор там висит.

М. Х.: Вы говорили, что родом из Лутугино. Насколько мне известно, в Лутугино сейчас идут бои. Ваша мать там?

Л. Р.: Лутугино под контролем укров. Маму я заблаговременно вывез. Она живёт в черте Луганска, в Каменном Броде. В этом доме раньше жили вдвоём отец и сын. Они оба у меня во взводе, а дом остался пустым. Теперь бойцы спокойны за то, что есть кому поддерживать порядок в доме, а я спокоен за мать.

М. Х.: Но ведь Каменнобродский район Луганска находится под артиллерийским обстрелом.

Л. Р.: Весь город под обстрелом. Увы и ах, в Новороссии сейчас нет безопасных мест. Но мы работаем над тем, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Может быть, не так эффективно, как хотелось бы, но работаем.

М. Х.: А как, вообще, настроение бойцов? Не теряют веру в победу?

Л. Р.: Как написано у апостола Павла: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены. Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся».

М. Х.: Как вы относитесь к тому, что стали знаменитым?

Л. Р. (поморщился): Я не ищу известности. До войны я был очень общительным и честолюбивым. Но, потеряв больше половины близких и дорогих людей, весельчак и балагур замкнулся в себе и превратился в интроверта.

М. Х.: По вашей манере держаться во время интервью я бы не сказала, что вы необщительный.

Л. Р.: Со стороны, наверное, виднее.

М. Х.: Одна студентка с Западной Украины весной написала стихотворение «Никогда мы не будем братьями», посвятив его русским. В то же время большинство россиян, несмотря ни на что, считают русский и украинский народы братскими. А что скажете вы?

Л. Р.: Я бы назвал повальную русофобию на Украине массовой одержимостью. Это прискорбно, но излечимо. Скоро к ним придут экзорцисты с калашами. Не хотят по-хорошему, тогда мы по-плохому заставим их признать очевидное: «Россия, Украина, Беларусь: вместе мы – Святая Русь».

М. Х.: Как вам с Моторолой удалось отстоять Шахтёрск при десятикратном превосходстве противника?

Л. Р.: Прежде всего, из-за нежелания украинских солдат наступать. Мало кто действительно готов умирать за олигархов, идиотов и клоунов в Верховной Раде, которую за глаза называют «Верховна зрада».

Видел на днях эссе одного из блогеров о поведении Порошенко в Европе и США, кратко уместящееся в одной фразе: «Мы великие – дайте денег».

Мне его характеристика из этого эссе очень понравилась: «Муссолини сделал фашизм модным, Гитлер сделал фашизм страшным, Порошенко сделал фашизм ничтожным. Если Гитлер – железный кулак фашизма, то Порошенко – это его жидкий стул».

М. Х. (хихикнув после предыдущей фразы лейтенанта): Благодарю за такие развёрнутые ответы. Не могу не задать ещё один вопрос, наверно, уже набивший оскомину всем – в чём смысл вашей жизни?

Л. Р.: Развёрнутого ответа не будет. Ограничусь краткой, но ёмкой фразой: не так важно, ради чего вы живёте, как то, ради чего вы готовы умереть.

М. Х.: Время нашей рубрики заканчивается. Напоследок – опросник, предполагающий краткие ответы. Блиц. Ваше любимое блюдо?

Л. Р.: Вафельные трубочки с масляным кремом. До войны меня часто кормили ими мать и жена. И их мне не хватало, когда в киевской тюрьме подавали на ужин тухлую баланду.

М. Х.: Любимый спиртной напиток?

Л. Р.: Сейчас не пью – в ополчении сухой закон. До войны предпочитал виски «Джим Бим».

М. Х.: Любимая книга?

Л. Р.: Последняя книга Библии, «Откровение Иоанна Богослова». Об окончательной победе добра над злом.

М. Х.: Любимый фильм?

Л. Р.: «Аты-баты, шли солдаты». Советская трагикомедия об Отечественной войне. Там есть ефрейтор Святкин – в нём раскрыта вся сущность славянского воинства.

М. Х.: Любимая песня?

Л. Р.: Группа «Кукрыниксы», песня «Солдатская печаль» (*помрачнел и отвёл глаза*).

М. Х.: На этом всё. С вами была рубрика «Наши крупным планом» – корреспондент канала «Anna News» Марина Харламова и офицер ополчения лейтенант Рамирес. Спасибо за беседу, Андрей Владимирович. Надеюсь, мы с вами ещё увидимся.

Л. Р.: Конечно, увидимся. Все мы там будем. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

М. Х.: Есть такая песня: «Жить быстро, умереть молодым – красивый девиз, но я хочу быть живым».

Л. Р.: Я тоже хочу, если честно. Прошу прощения за переизбыток чёрного юмора.

29 июля – 12 октября 2014 г.

Калининград, Россия

Берега Новороссии

Елена Заславская

Елена Заславская – поэт, детский писатель, журналист. Автор девяти поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз», а также публикаций в интернет-изданиях и периодике России и зарубежных стран. Автор книг для детей «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» («Детгиз», Санкт-Петербург), «Собаки-забияки», «Сказки Подкроватки» («Нидус», Санкт-Петербург), «Мышка-малышка и её секрет», «ХармСтихиЯ» (Стихи Данила Хармса, комментарии Елены Заславской, «Нидус», Ярославль). Состоит в Союзе писателей России с 2019 года и в Союзе писателей ЛНР с 2015 года. Песни на стихи Заславской вошли

в альбомы московской рок-группы «Зверобой»: «Война за мир» (2016), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021). Также песни звучат в полнометражном художественном фильме «Ополченочка» о приключениях женского танкового экипажа во время войны в Донбассе. Стихи Заславской переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский, сербский и болгарский языки.

В СНЕГАХ

Стройные сосны торжественны и красивы
Вдоль долгой дороги
В мечтах о небесной России.
И голое поле под саваном белым безмолвно.
Глубоких снегов
простираются вольные волны.
Христос ли идёт сквозь метель
По бескрайнему русскому снегу?
И тянется след по земле.
Я – Альфа и я же – Омега.
И тянется след в небеса,
Или это заря наступает?
И сосны закрыли глаза
В мечтах об утерянном рае.
Виденье, иллюзия, бред?
Проверю – тогда успокоюсь.
И я уйду ему вслед.
В снегах утопая по поясу.

АТЛАНТ ГОВОРИТ АРБАТУ

Атлант говорит Арбату:
«Небо сегодня тяжеловато,
Небо пропахло гарью,
Опять сегодня стреляли.
Будь осторожен, летая
У самой кнопки, у самого края».
Арбат говорит Атланту:
«Было время, небо было как вата».

Атлант говорит Арбату:

«Нынче небо стало плацдармом.
Будь осторожен, летая
У самой кнопки, у самого края,
Береги свои крылья,
Они ещё пригодятся,
Они тебя отнесут к любимой,
А мне придётся остаться.
Хотелось с тобой и мне бы
Собраться и вдаль умчаться,
Но должен же кто-то небо
Держать на своих плечах».

МОЛИТВА

Там, где-то под Клещевкой,
Где ветер зол-колюч,
Где перестрелок щелбеты,
Блеснул сигналки луч.
Летит-летит и падает
Сигнальная звезда,
И что гадать-загадывать?
И жизнь и смерть – одна.
И всё-таки пусть сбудется
Желание одно:
Хочу, чтобы вернулся ты
Живым смертям назло.
Ты выстоишь, мой родненький,
Надеюсь, верю, жду!
Молю то Богородицу,
То красную звезду....

* * *

Приехать пьяненькой на кладбище,
Сесть у могилки в тишине...
Кто здесь? А здесь товарищ мой,
Погибший в мае на войне.
За цвет весны, за одуванчики,
За дом, не отданный врагу,
Солдаты наши, наши мальчики,
Я в неоплаченном долгу!

МАРИУПОЛЬСКАЯ ВИШНЯ

Был дом разбит. Остался остов:
Труба печная да очаг.
Термобарические звёзды
Всё превратили в тлен и прах.
И только глупенькая вишня
Свои расправила крыла
И на безлюдном пепелище
С упорством жизни зацвела!

КРЫЛЬЯ ВЕСНЫ

Глянь, с нежных яблонь облетает цвет,
И словно крылья – ветви белых яблонь.
Мне этот край весною
ранней явлен,
Войною изувечен и изранен,
И потому его родней мне нет!
Болит-болит разбитое крыло...
Его осколками от мины посекло,
Оно не даст нам белого налива!
Я так ждала и так тебя любила,
Что мне от мыслей о тебе светло.
Я и сейчас люблю, и я б могла
Из лепестков сшить белые крыла
И полететь над этою войною,
Над этою израненной весною,
Шагать по белоснежным облакам.
Так что ж теперь, коли весна красна
От крови пролитой, от пламени разрывов?
Она пришла, она непобедима!
Хотя казалось, что побеждена.
И что с того, что рядом бродит смерть?
Неужто не любить, не петь, не цвести?
Неужто тлену гибельному сдаться?
Глянь, саженцы стоят как новобранцы!
И им не страшно жить и умереть.
И что, коли земля полна свинца?
Они в неё корнями впились жадно!
И мы с тобой, как эти деревца,
Мы тоже станем яблоневым садом.

* * *

Дни летят с такой скоростью,
Не успеваешь опомниться.
Глаз твоих васильковых космос.
Рифмы, ритмы... взлететь над пропастью.
Громыкает вдали.
Вертолёты. Эвакуация.
И от чёрной земли
Белый дым в небеси поднимается.
Я проснулась одна,
И светло было от одиночества.
Мне приснилось, что эта война
Наконец-то закончилась.

ГОРЛИНКА

Когда я вижу девочку-подростка
Со скрипачкой в футляре за спиной –
Мне кажется: окликну – обернётся,
И чудо – вдруг окажется тобой!
А если нет? И я не окликаю.
Нет. Я зову не в голос, а в душе:
Вернись ко мне, вернись, моя родная!
И день прошёл, и год прошёл уже...
Пусть голос мой летит к тебе, как птица,
Над миром, над израненной землёй,
На распростёртых крыльях Материнства.
Ты слышишь? Он теперь всегда с тобой.
Его не заглушить, не перекрикнуть.
Ты слышишь? Он летит издалека.
И колыбельная. И тихая молитва.
И откровение родного языка.
От крова и от крови – плоть от плоти.
И дом, и Родина, и чистый небосвод.
Вот стих мой стих. Но голос не уходит.
Как горлинка, поёт тебе, поёт.

* * *

Когда силы меня покидают
И разлука рвёт сердце на части,
Когда рядом нет никого, кто хотя бы отчасти
Меня понимает,
Мне остаётся простая забава:
Складывать буквы в слова, а слова
В эти строки.
В них по пояс трава,
В них, как мёд, облака,
И хохочут в них бойкие сойки.
Милый, милый, когда
К нам нагрянет весна,
Не в стихах, а взаправду,

Пролетит, как всегда,
Весела, влюблена,
По верхушкам уснувшего сада?
Колокольцем звеня,
Пробежит в центре дня
И по улицам мёрзлым пройдёт,
Может быть, ты уже не узнаешь меня:
Я растаю от вешнего солнца.
И останутся только стихи,
Только голос,
Не сойкин, а Ленкин.
Оперенье строки
И бескрайнее небо.

АГИТБРИГАДА «ЗВЕРОБОЙ»

Фронтные дороги. Раздолбанный ПАЗ.
Барабанщик Серёга уснул на снаряге.
Я хочу сохранить этот день на бумаге
Без прикрас.
Вот поёт свои песни в степи «Зверобой»,
И глядят нам в глаза на прощанье солдаты.
Я хочу, чтобы все вы вернулись домой.
Но уходят на фронт штурмовые бригады.
Мне сказал командир, что не плакал давно.
Мы поплачем потом, после нашей Победы.
И все вместе споём за огромным столом
Песни те, что сегодня не спеты.

НАПЕВ

Помнишь бурные краски осенней степи?!
Сероватый туман будто шепчет: поспи.
Но не спится. Костлявые кроны деревьев
Излучают готический древний напев.
И в напеве том Солнца зрачок золотой,
Что нам дарит в зените полуденный зной.
И в напеве том Ветер волнует ковыль
И вздымает до неба дорожную пыль.
И в напеве том Месяц, как нож раскладной.
Саша, вот оно счастье: простор и покой.
И над степью моей плавно сокол парит.
Это вечность со мной о любви говорит.

УНДИНА

И снилось мне, что я на тонкий лёд
Ногами встала и ушла под воду.
Узнала настоящую свободу,

Души неотвратимый переход
В миры иные. И в тот самый миг
Лицо родное надо мной склонилось.
Проснулась я. А может быть, приснилось.
И вынырнула прямо в этот стих.
Поэзии моей зеркальный пруд.
И тонкий лёд невысказанной боли.
Испей воды и навсегда забудь.
Испей воды и навсегда запомни.

* * *

Пожелай мне белых лебедей.
Ни о чём на свете не жалея.
От судьбы нам никуда не скрыться.
Зайчик солнечный присядет на ресницы,
Серенький волчок сбежит скорей.
Что ж ты спишь, мой милый, на краю?
Для кого я песенки пою?
Ай-лю-ли и снова лю-ли-лю-ли...
Не люби!
Нет. Всё равно люблю я.
Помнишь колыбельную мою?

* * *

И будет чай со светлячками.
И будет вечер при луне.
И вдруг ты вспомнишь обо мне,
Как нас три ангела венчали...
Я прилечу к тебе во сне
На белых лебедях печали.

КРЕЩЕНИЕ

Крещенья ночь под вражеским огнём:
Сквозь тишину крещендо канонады.
Побудь со мной, прошу, побудь со мной.
Не уходи, не надо.
Вновь под ногами раздаётся хруст.
Хрустят кристаллы ампул промедола.
И пар из уст. И красный снег на вкус
Такой солёный.
Гляди же, Родина,
Возлюбленный твой сын,
Не в Иордане, в чистом русском поле
Крещается огнём, войной и болью.
И да пребудет с ним
Благоволение твоё.

2023

Берега Новороссии

Фёдор Горобцов

Фёдор Андреевич Горобцов – член Союза писателей России с 1999 года, г. Ульяновск.

ВОЙНУ НИКАК НЕ ВЫИГРАТЬ БЕЗ ТЫЛА

Марсу Саяпову и Михаилу Сарину

Войну никак не выиграть без тыла.
Наш долг – любить солдата своего.
Народ, в котором сердце не остыло,
Для фронта не жалеет ничего!
Идут на фронт народные конвои –
Любви неиссякаемый поток.
Пусть знает без сомненья каждый воин,
Что он не брошен и не одинок.
Всем вопреки, упорно, тихой сапой,
Не покладая рук и день и ночь,
Готовит Марс Киямович Саяпов
Всё, что способно армии помочь.
Сказав себе: «Когда не я, то кто же?!»
С Хакасии, не экономя сил,
Набив прицеп, тайгой, по бездорожью,
Примчал в Луганск на джипе Михаил.
На линии недолгое затишье.
Доехали, спокойно на душе,
Саяпов Марс, комбат и Сарин Миша,
Сидим, пьём чай в уютном блиндаже.
Под пенофолом стены, полка книжек,
Боец воркует тихо у плиты,
Висят где можно письма ребятишек,
Иконы, православные кресты.
Лежат жгуты, бинты, коробки с мазью,
И с ними рядом Библия, Коран,
С иконами впритык арабской вязью
Расписаны молитвы мусульман.
Комбат сказал, чай в рюмки наливая:
«Ах, Миша, твой бы джип да в батальон!
А то мы на КАМАЗах тут гоняем,
Где на КАМАЗах ездить не резон».

– Так забирайте, в чём же дело, братцы!
Примите в дар, раз надо, без проблем!
Условие одно – хочу остаться.
Я в срочную водил БРДэм!
Комбат, услышав это, поперхнулся.
– Тебе за шестьдесят! В уме ль ты, дед!?

В ответ на это Миша улыбнулся.
– Я чувствую себя на тридцать лет.

– А борода?
– Я бороду не сбрую!
– Не по уставу.
– Это ничего!
Без бороды я просто не сумею.
Она ж комбрига старше твоего!

Наутро богатырь сибирский Сарин,
Присев за рычаги не наугад,
Из БТРа выжал столько гари,
Что сразу был зачислен в разведбат.
Недавно повстречал я Михаила.
Был ранен, излечился, похудел,
Шагнул навстречу, улыбнулся мило.
Ах, как на фронте он помолодел!
В углу чехол со снайперской винтовкой.
Но более всего он удивил
Меня своей хозяйственной сноровкой
И тем, что даже сало засолил.

Июль 2023

* * *

*Заместителю командира 331-й ПДП ВДВ
98-й гвардейской дивизии ВДВ
Валькову А. Е.*

Я одно скажу, ребята,
Очень тяжёлый труд солдата.
От семьи своей вдали,
Где-то с матом, где со стоном
Кубометров мокрых тонны

Перекопано земли.
Всюду слякоть, грязь и копать,
Вечно мёрзлые окопы,
В них окопная постель –
И такая ежедневно
Месяцами карусель.
Круглосуточно солдаты
От утра и до утра
Носят не один десяток
Гнущих спину килограмм.
Всё всегда на них – лопаты,
Автоматы и гранаты
И иной боезапас,
Каски, штык, подствольник, броник,
Перечисленного кроме
Есть ещё, что так в цене
У солдата на войне.
Эти тяжести терпимы,
Но обманна тишина.
Пуля свистнет – значит мимо,
И не вздрогнула жена.
Значит жив ещё солдат –
Чей-то муж, отец и брат.

Так ведётся: каждый воин
Должен быть одет, накормлен,
Должен быть помыт, обут.
И его на поле брани
Супостаты не сомнут.
Долг боец исполнит свято,
Коли грянула война.
Но так важно для солдата,
Что за ним стоит страна!

Не проста задача тыла:
Что бы ни происходило,
Обеспечить и успеть
Всё учесть, предусмотреть,
Чтоб в окопах каждый воин
Знал одно: не брошен он.
А когда солдат спокоен,
Он не будет побеждён.
Чтоб не выглядел уныло
Терпеливый наш солдат,
Дни и ночи службы тыла
Сил для фронта не щадят.
Всё успеть пренебреженно!
Если где случится сбой,
Отражается мгновенно
Это на передовой.
Сотни всяческих вопросов,
Кучи каверзных проблем,
Дни и ночи на колёсах,

Баня, пища, ГСМ.
Дел снабженческих громада
Не решится без души.
Службе тыла – всё ей надо:
Хлеб, окопы, блиндажи.
Не за славу и награду,
Под снарядов смертный вой,
Ночь-полночь, летят ребята,
Ждут их на передовой.

Херсон, ноябрь 2022

* * *

Мимо Родины чёрное зло
Не прошло стороной.
Это значит, что время пришло
Подниматься страной.

Там, в окопах в донецких степях,
Наши братья, сыны
Повергают, ничтожат во прах
Мерзких слуг сатаны.

Тыщу лет нашу Русь неспроста
Величают святой.
Мы опять под знамёна Христа
Встали крепкой стеной.

Мы добры и доверчивы в том,
Что, врага одолев,
Тут же руку ему подаём,
Нос ему ж утерев.

Сколь по многострадальной Руси,
Всё сжигая дотла,
Проползало неведомых сил.
Всё Россия смела.

Как один поднимался народ
На безмерное зло.
Нынче наш наступает черёд.
Наше время пришло.

Март 2022

* * *

Кто не знает, не верьте в бред,
Вам, наверное, просто врут,
На войне романтики нет.
Есть один бесконечный труд.

Я не слышал бравурных слов.
Этим там никто не грешит.
Видел грязь я и видел кровь
И тяжёлый военный быт.

Видел, как молодой комбат,
Не гнушаясь любым трудом,
Отстранившись от схем и карт,
В руки брал то метлу, то лом.

Перед нами не слабый враг.
И непросто идти вперёд.
Каждый пройденный нами шаг –
Это горький, кровавый пот.

А романтика всё же есть,
Без романтики слаб солдат,
Это – Родина, долг и честь.
Но об этом не говорят.

* * *

Пехота зарылась в простуженном поле.
Стоит, ошетинясь, железной стеной.
Чем больше в разведке натёрто мозолей,
Тем больше собратьев вернётся домой.

Уходит разведка без шума и пыли,
Ни с кем не прощаясь. В назначенный час.
Не важно, куда и зачем уходили.
Нам важно одно лишь – исполнить приказ.

Используют наши арта и пилоты
Добытые данные координат.
Всеми, что подняться мешает пехоте,
Разведка поможет отправиться в ад.

Мы снова вернёмся во тьме предрассветной,
И снова опять никому ни гу-гу.
Чем более мы на земле незаметны,
Тем больше кошмара устроим врагу.

Такая, особо мужская работа –
Ходить, не давая покоя ногам.
Нам важно, чтоб бравая наша пехота
Вернулась к домашним своим очагам.

Мы после поднимем победные чаши,
Мы вспомним друзей, что остались в полях.
И пусть боевое содружество наше
Навеки останется в наших сердцах.

* * *

В мире ничего не изменилось.
У мужчины выбор невелик:
Если вражья сила навалилась,
Собирайся, если ты мужик.

Мужики, как водится, собрались,
Сжали зубы, губы, кулаки.
Женщины, как водится, остались
Сберегать родные очаги.

Только наши женщины не могут
Просто так сидеть и тихо ждать:
Все поднялись фронту на подмогу
И отдали всё, что можно дать.

Вяжут маскировочные сети,
Свечи льют в окопы для солдат,
Рядом с ними озоруют дети,
Что-то вдохновенно мастерят.

Фронт съедает всяких грузов тонны.
И под сердце режущую медь
Едут в Новороссию колонны,
Только б душу воина согреть.

В час тревоги мы всегда едины,
Потому и знаем гром побед.
С женщинами мы непобедимы,
А без женщин смысла в жизни нет.

* * *

Когда б дубиной и картечью
Вы не боролись с русской речью
И не пытались запретить
На русском русском говорить,
Когда б, забыв про ю эс эй,
Служили родине своей
И были разумом сильны –
Меж нами не было б войны!
Да ладно б за свою страну
Вступали с русскими в войну!
Пока гниёте вы в полях,
Цинично англосакс и лях
Кровавый с вас стригут барыш,
А вам кресты, гробы и шиш.
Но мне не жалко вас ничуть.
Вы сами выбрали свой путь:
Путь зла, предательства, вранья.
Что ж, будьте пищей воронья.
А тот, кто ваш покинул строй, –
Тот не предатель, а герой.

Берега прочтения

Александр Сидоров

Александр Сидоров – президент Международной академии русской словесности в Австралии, председатель Австралийского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук. Публиковался в «Литературной газете», в журналах: «Юность», «Австралиада» (Австралия), «Жемчужина» (Австралия). Член ЛИТО города Фрязино (Московская область), «Жемчужное Слово» (Австралия). Автор пяти книг на русском языке: «Библейские мотивы», «Колокол моей жизни» (сборник стихов), «Литературные портреты», «В. Г. Белинский», «Встречался ли Достоевский с Гоголем?..»; автор более 140 статей по истории русской литературы XIX века. Почётный писатель Московии. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль имени И. А. Бунина (за литературные заслуги), орден «В. В. Маяковский» (за литературные заслуги), орден «Святой Анны» (за литературные заслуги). Финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Публицистика». Номинант литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2018, М. Бурдин). Участник Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020. Лауреат Международной литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2020; 2021).

НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ (1831–1895)

Собираясь умирать, Лесков писал о себе: «Я старался служить Богу в духе и истине, поборая в себе страх перед людьми и укрепляя себя любовью...» Если по слабости человеческой это старательное служение не всегда ему удавалось, всё же он мог сказать эти слова без лишней гордыни, справедливо осознавая, что литературная деятельность, в которую ушла вся сила его души, была для него подлинно делом Божие. С сожалительным презрением писал он об одном журналисте, ремесленнике слова: «Он не терпел и не желал ничего претерпеть ни за какое убеждение; литература для него не была искусством и служением исповедуемой истине или идее, а у него она была средством для заработка и только. За это он и претерпел горькую участь, в которой должны видеть себе предостережение те, которые идут ныне этою же губительною стезёю. Как средство к жизни, литература далеко не из лёгких и не из выгоднейших, а, напротив, это труд из самых тяжёлых, и притом он много ответствен и совсем не благодарен. Кто не хочет благородно страдать за убеждения, тот пострадает за недостаток их, и это страдание будет хуже, ибо оно не даст утешения в сознании исполненного долга».

Когда какой-то редактор, указывая Лескову на тяжёлое положение печати при существовавших тогда политических условиях, предложил ему кое-чем поступиться, кое-что, как говорится, «смягчить», Лесков ответил: «Я отдал литературе всю жизнь и передал ей всё, что мог получить приятного в этой жизни, а потому я не в силах трактовать о ней с точки зрения поставщицей. По мне, пусть наши журналы хоть вовсе не выходят, но пусть не печатают того, что портит ясность понятий. Я не то что не понимаю современного положения печати, а я его знаю, понимаю, но не хочу им стеснять себя в том, что для меня всего дороже: я не должен “соблазнить” ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разума, который дан мне Тем, перед очами Котораго я себя чувствую и непреложно верю, что я от Него пришёл и к Нему опять уйду. Не дивитесь этому, что я так говорю, и не смейтесь: я верую так, как говорю, и этой верою жив я и крепок во всех утеснениях. Из этого я не уступлю никому и ничего, – и лгать не стану»...

И эти горячие признания, и непререкаемая искренность произведений субъективнейшего художника, и воспоминания людей, лично знавших Лескова, – всё говорит, что он не лгал и не рисовался,

что литература была для него действительно служением. Но одно дело – хотение, а другое – умение. В душе Лескова жило великое стремление к истине, но осложнённое и запутанное чрезмерным богатством живой и впечатлительной натуры и некоторыми внешними событиями, искривившими предназначенный его таланту путь, оно не проявилось в отчётливой, чистой и ясной форме. Писатель широкой известности, Лесков – на диво непопулярный писатель. Почти всё, что написано о Лескове, сбивается либо на апологию, либо на обвинительный акт, больше, впрочем, на последний. И причина непопулярности Лескова не столько в его разладах с основными течениями эпохи, сколько в неясности его стремлений, в корне благих, а в проявлениях – туманных и бесплодных. Время примирит, и уже теперь примиряет, общество с писателем, – но чему можно учиться у Лескова? Вот вопрос вообще не праздный, о каком писателе его ни задай, и особенно важный по отношению к Лескову, – потому что именно учителем хотел быть этот художник. Кто сознательно хочет литературой учить людей, тот должен не только верить в своё избранничество, но обладать, верить, что обладает, определённой истиной, мужеством мириться с неизбежным ограничением, заключающимся в каждой догматической истине.

Лесков был как моралист ниже этой роли, но зато моралист в нём превзойдён художником. Обе эти стороны его таланта далеко не равномерны. По чисто художественной значительности и типическому своеобразию таланта он кое в чём мало уступает Толстому, Тургеневу, Салтыкову, Достоевскому, первым писателям своей эпохи, но по внутренней цельности, по степени проникновенности идеалами, которыми жили эти люди, – Лесков гораздо ниже их. Большую часть своего долгого литературного поприща он прошёл, не примыкая ни к чьему знамени, а гордо развить своё знамя у него не хватило душевных сил. Под конец своих дней он пошёл за Толстым, как будто «смирился», но это уже было падением таланта, т. е. не приобретением, а потерей литературы.

Своеобразно сложилась жизнь этого своеобразного писателя. Он не получил ни систематического образования, ни правильного воспитания и был во всех отношениях самоучка, вышколенный самовоспитанием и житейской сутолокой. Этим Лесков даже гордился, говоря: «Книги и сотой доли не сказали мне того, что сказало столкновение с жизнью. О, какое преимущество! Всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь, в южные степи... Подальше от Невского! Запасаться опытом и размышлением о действительной жизни».

Родился Лесков в небогатой полудуховной, полудворянской семье в селе Горохове Орловского уезда и детство провёл в деревне. «Обучался в орловской гимназии, – гласит его краткая автобиографическая записка, – ...осиротел на шестнадцатом году и остался совершенно беспомощным. Ничтожное имущество, какое осталось от отца, погибло в огне. Это было во время знаменитых орловских пожаров. Это же положило предел и правильному продолжению учения. Затем – самоучка». Влияние родной семьи было ничтожно; отец и мать Лескова были личности бледные и ординарные, – но зато сильные впечатления заронила в душу ребёнка окружающая обстановка. Дворовые научили его любить и жалеть народ, а первые уроки религии дал ему орловский священник Остромысленский, «превосходный христианин и друг всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие». С ещё большею благодарностью вспоминал он другого своего наставника, немца, носившего прозвище «Коза» (герой рассказа «Томление духа»), высокой души идеалиста, учившего словом и собственным примером не делать того, «чего Иисус Христос никому не позволил и просил никогда не делать»; за это, после одного горестного столкновения идеализма с грубой действительностью, Козе показали «где Бог и где порог», – и он ушёл «к блаженной вечности», бесприютный и счастливый, сказав своим ученикам на прощание: «иногда увидимся... и опять... не увидимся... иногда». И много лет спустя казалось Лескову, что и он сам, как мог, хоть слабыми шагами, шёл за учителем: «и я не совсем всё стоял... И я будто иногда плёлся и тоже помаленечку подвигался, но зато я чувствовал и то, как я слаб»...

Ряд сильных, неизгладимых внешних впечатлений дал Лескову голод, постигший Орловскую губернию в 1840 году, когда ему шёл десятый год. Он рассказал о них в «Юдоли», где картины народного горя, темноты и дикости тем ужаснее, что фотографически правдивы. Крошечное сердце ребёнка надрывалось от боли, когда он слушал рассказы, как мужики убили человека, чтобы, возжегши свечу из человеческого сала, молить Бога о дожде, или видел, как голодные мужики «плетутся по дорогам длинными вереницами, и сами взъерошенные, истощённые и ободранные,

а лошади уже одни скелеты, обтянутые кожей... и не разберёшь даже, кто кого жалче». Он и сам при этом страдал, от невещественного «голода ума, голода сердца, голода души».

Полуравнодушно, полурастерянно глядели на мужичье горе родители Лескова, но на помощь приехала его тётка, бывшая замужем за англичанином, и её подруга, квакерша Гильдегарда; они организовали помощь голодающим, принялись лечить больных и внесли свет в это поистине тёмное царство, юдоль плача. Отдыхая от работы, они читали Библию или пели «cantiques» и незаметно заронили в душу мальчика Божию искру: «Я был поражён и тихой гармонией стройных звуков, так неожиданно наполнивших дом наш, а простой смысл художественных слов песни пленил моё понимание. Я почувствовал необыкновенно полную радость от того, что всякий человек сейчас же, “таков как есть”, может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства. И мне казалось, что как будто, когда они тронулись к Нему “за верой, зреньем и прощеньем”, и Он тоже шёл к ним навстречу, Он подавал им то, что делает иго Его благим и бремя Его лёгким... О, какая это была минута! Я уткнулся лицом в спинку мягкого кресла и плакал впервые слезами неведомого мне до сей поры счастья, и это довело меня до такого возбуждения, что мне казалось, будто комната наполняется удивительным тихим светом, и свет этот плывёт сюда прямо со звёзд, пролетает в окно, у которого поют две пожилые женщины, и затем озаряет внутри меня моё сердце, а в то же время все мы – и голодные мужики, и вся земля – несёмся куда-то навстречу мирам... О, если бы за все скорби жизни земной ещё раз получить такую минуту при уходе из тела! Этот вечер, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снегом житейской зимы, кажется, имел для меня значение на всю мою жизнь».

Осиротев, Лесков вынужден был оставить четвёртый класс гимназии. В 1847 году он поступил на службу в орловскую уголовную палату суда канцелярским служителем, а в 1849 году перешёл в киевскую казённую палату помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения. И здесь он насмотрелся слёз и горя, и видел однажды на несчастном просителе кровавый пот: «это невыразимо страшно... мне кажется, будто я видел отверстое человеческое сердце, страдающее самую тяжёлою мукою». В мерзкой канцелярии, где «каждый кирпич, наверно, можно было бы размочить в пролившихся здесь родительских и детских слезах», он пережил тогда – ему, надо заметить, был двадцать один год – глубокое душевное потрясение, и с этих пор его мысли окончательно настроились на тот высокий лад, который он определял словами одного богословского писателя: «предстояние ума в сердце».

Живя в Киеве, он встретил там женщину, которая была его первой любовью, романтической и мечтательной. Она была старше его. «Странная, – вспоминал он о ней, – прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая в моей жизни, как мимолётное видение, а между тем бросившая в душу мне светлую семену: как много я тебе обязан и как часто я вспоминал – предтечу всех моих грядущих увлечений – тебя, единственную из женщин, которую я любил, и не страдал, и не калялся за эту любовь! О, если бы ты знала, как ты была мне дорога, не тогда, когда я был в тебя влюблён моей мальчишеской любовью, а когда я зрелым мужем глядел на женщин хвалёного позднейшего времени и... с болезненной грустью видел полное исчезновение в новой женщине высоких, воспитывающих молодого мужчину инстинктов и влечений, – исчезновение, которое восполняют разве новейшие женщины, выступающие после отошедших новых». От неё он услышал, что учиться везде можно и нужно, и не для дипломов и связанных с ними привилегий, а ради понимания жизни и её целей, которое есть высшее благо. И Лесков учился.

После казённой службы он перешёл на частную, – сначала в Русском обществе пароходства и торговли, потом к своему дяде Шкоту, мужу тётки Полли (Пелагеи Димитриевны), управляющему большими помещичьими имениями. Этот Шкот, гуманный и энергичный человек, как мог боролся с окружающей тьмою, старался поднять народное хозяйство и улучшить положение крестьян, но изнемог в борьбе, проникся презрением к России и не ждал для неё добра в будущем. «Ты русский, – с грустью говорил он племяннику, – и тебе это, может быть, неприятно, но я сторонний человек, и я могу судить свободно: этот народ зол; но и это ещё ничего, а всего хуже то, что ему говорят ложь и внушают ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно».

На этой службе однажды Лескову довелось транспортировать «продукты природы», – крепостных мужиков, которых против воли переселяли на новое место. От страшной нечистоты переселенцы, которых не пускали в баню, чтобы они не сбежали совсем, невыносимо страдали; Лескову

было их жалко, и он поделился своим сожалением с доверенным дяди, умным мужиком – тираном, но получил жёсткий ответ: «Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно братья народ на свод водить». Гуманность Лескова не принесла пользы крестьянам: он рискнул отпустить их в баню, а они пустились уходить домой и, остановленные полицейским чиновником, были жестоко высечены. Сам он чуть не попал в серьёзную передрагу за «возмущение крестьян», и ему пришлось даже благодарить полицейского, «находчивость» которого пресекла попытку бежать в самом начале и спасла мужиков от более тяжкого наказания по суду. Таким образом, его идеализм не раз получал чувствительные уроки от иронической судьбы.

Вращаясь в практическом университете, Лесков заглядывал и в университет научный и находил возможность иногда слушать лекции лучших тогдашних киевских профессоров. Литературный талант сказался у Лескова сам собою, сказался там, где такому таланту и быть, собственно, не для чего. Состоя агентом дяди Шкота, он писал ему служебные письма, но, познакомившись с ними, один литератор напророчил, что их автору быть писателем. Подметил в нём литературную жилку и знакомый киевский профессор, по просьбе которого Лесков написал одну из своих первых появившихся в печати заметок «о зданиях» («Современная Медицина», 1860), а немного позднее Аполлон Григорьев решительно определил в Лескове беллетристический талант. Первоначальные работы Лескова носили характер, с внешней стороны, узкопрактический, но уже были проникнуты идеей «служения»: он писал о дороговизне Евангелия, о местах распивочной продажи напитков, о полицейских врачах, о народном здоровье, об искоренении пьянства, т. е. о всех язвах общественной жизни.

Переехав в 1861 году в Петербург, он буквально с головой окунулся в профессиональную литературную деятельность. Молодой идеалист-практик вступил в среду «новых» людей, созданных «новым» временем, и несколько лучших изданий раскрыли ему свои страницы. Тут-то, в самом начале своего литературного поприща, Лесков совершил крупную тактическую ошибку, надолго отравившую ему душу и испортившую его положение в литературе. Это произошло в 1862 году. В Петербурге начались большие пожары, и, как водится, народ заговорил о поджигателях. Поджоги приписывались то дворянам, будто бы мстившим за 19 февраля, то полякам, то, наконец, оппозиционно настроенной молодёжи – студентам. Лесков поместил тогда в «Северной Пчеле» передовую статью, в которой писал: «Среди всеобщего ужаса, который распространяют в столице почти ежедневные большие пожары, лишаящие тысячи людей крова и последнего имущества, в народе носится слух, что Петербург горит от поджогов и что поджигают его с разных концов триста человек. В народе указывают и на сорт людей, к которому будто бы принадлежат поджигатели, и общественная ненависть к людям этого сорта растёт с невероятной быстротой. Равнодушие к слухам о поджогах и поджигателях может быть небезопасным для людей, которых могут счесть членами той корпорации, из среды которой, по народной молве, происходят поджоги... Народ нимало не скрывал ни своих подозрений, ни своей готовности употребить угрожающие меры против той среды, которую он подозревает в поджогах. Во время пожара в Апраксинском дворе были два случая, свидетельствующие, что подозрения эти становятся далеко небезопасными. Насколько основательны все эти подозрения в народе и насколько уместны опасения, что поджоги имеют связь с последним мерзким и возмутительным воззванием, приглашающим к ниспровержению всего гражданского строя нашего общества, мы судить не смеем. Произнесение такого суда – дело такое страшное, что язык немеет и ужас охватывает душу. Но как бы то ни было, если бы и в самом деле петербургские пожары имели что-нибудь общее с безумными выходками политических демагогов, то они несколько не представляются нам опасными для России. Скрываться нечего. На народ можно рассчитывать смело, и потому смело же должно сказать, основательны ли сколько-нибудь слухи, носящиеся в столице о пожарах и поджигателях? Щадить адских злодеев не должно, но и не следует рисковать ни одним волоском ни одной головы, живущей в столице и подвергающейся небезопасным нареканиям со стороны перепуганного народа. Мы не выражаем всего того, что мы слышали; полиция должна знать эти слухи лучше нас, и на ней лежит обязанность высказать их, если она хочет заслужить доверие общества и его содействие».

Странная, виляющим и суконным языком написанная передовица вызвала бурю негодования в тех самых кругах интеллигенции и учащейся молодёжи, которые Лесков так неуклюже пытался защитить от обвинения в поджогах. С величайшей бестактностью Лесков подтвердил в печати

и усилил тёмные слухи о поджигателях, которые, не раздувай их пресса, легко может стать, так бы и заглохли, и высказал весьма плохо замаскированное обвинение против той партии, откуда вышло «мерзкое и возмутительное воззвание», партии «Молодой России». Ещё бестактнее было обращение к добросовестности и компетентности полиции (!) и совет отделить «адских злодеев» от членов известной «корпорации». Лесков упустил из виду, что «адскими злодеями» в глазах народа, не читавшего никаких прокламаций, и были студенты, которых молва, усердно поддерживавшаяся тогдашней чёрной сотней, считала поджигателями. Немудрено, что неумная заметка Лескова произвела впечатление настоящей провокации, и, как ни старалась «Северная Пчела» оправдаться, как ни распиналась: «безбожно думать на студентов», – сгладить это впечатление уже было невозможно. Несчастный Лесков прослыл доносчиком, сикофантом (гр. sykophantes, в древних Афинах – профессиональный доносчик и шпион), и от него отвернулись многие, чьё расположение и сочувствие не могло не быть ему дорого.

На эту печальную историю нельзя смотреть как на случайность. Произошло то, что в той или иной форме неминуемо должно было раньше или позже произойти. Человек широких общественных интересов, Лесков не был политиком прежде всего по темпераменту, слишком страстному и невыдержанному. Нравственный идеал был ему ясен, но он не знал ни определённого пути к нему, ни той умственной дисциплины, которая нужна, чтобы преодолеть трудности этого пути.

Несомненно, Лесков был по духу прогрессивным человеком, но абсолютно очевидно, что он не вступил на путь, проторённый духовными вождями эпохи, а сам был не настолько силен, чтобы проложить свою дорогу. Какая-то робкая недоговорённость, лукавая половинчатость видна вообще в его статьях этого времени. В его душе всегда жило религиозное устремление, но Лесков тогда ещё не осознал себя и просто не знал, что с собою делать, за кем пойти, – отсюда его скептицизм. «Рудинствующие и базарствующие импотенты» слишком били ему в глаза, малодоступные «возвышающим обманам» и так уж самим Богом устроенные, чтобы видеть недостатки и промахи современности.

Прочитав «Что делать», он писал: «Героев романа г. Чернышевского называют нигилистами. А между ними и личностями, надоевшими всем и каждому своим нигилизмом, нет ничего общего. Люди г. Чернышевского совсем другие, а эти – фразёры; в людях г. Чернышевского прежде всего стремление – дать благосостояние возможно большему числу людей; в нигилистах наших общность интересов только на языке, а на деле – жестокосердие. Господин Чернышевский заставляет делать такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого добрых людей, каких вывел г. Чернышевский, а их, признаться сказать, очень мало». И при этом Лесков жестоко казнил современное общество за «гадости» и «профанацию идеи нигилизма». А так как он не ждал от этого общества ничего доброго, не считал его способным к развитию в духе им самим принятой идеи и – мало того – даже думал, что «идеи, которых некому и негде осуществлять, скверные идеи», ему пришлось, само собою, стать в оппозицию современному течению. Своё отношение к нему он вскоре ясно высказал в своём первом крупном произведении, романе «Некуда» (1864). В нём он изобразил людей, которым «некуда», с которыми «некуда» идти, – это были «новые» люди. Роман вызвал суждения, для Лескова ещё более огорчительные, чем злополучная передовица в «Северной Пчеле», и Писарев ядовито спрашивал: «Найдётся ли теперь в России, кроме “Русского Вестника”, хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией? Найдётся ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?» (Таким псевдонимом подписывался тогда Лесков.)

Причина этого озлобления против Лескова не только в шаржированных портретах двух-трёх современников, которых он вывел в романе, и не в том, что большая часть его героев «новых» была выставлена никуда негодными людьми, а в том осуждении, которое выносил автор даже лучшим своим героям, представителям тогдашнего первенствующего направления, обрекая благороднейшие сердца и лучшие умы на бесполезность и ненужность. От широких, многообъемлющих политических реформ и переворотов, о которых мечтало передовое общество, Лесков в своём романе звал к внутреннему перерождению и медленному, но верному воспитанию в народе нравственной порядочности и культурных навыков, к своего рода «малым делам», в которые верил больше, чем

в государственные потрясения. Лев Николаевич Толстой оценил эту сторону романа, в котором Лесков «указал недостаточность материального прогресса и опасность для свободы и идеалов от порочных людей; он отшатнулся от материалистических учений о благодеяниях государственного прогресса, если люди остаются злыми и развратными».

Вспоминая о «Некуда», Лесков часто оправдывался: «Я дал в “Некуда” симпатичный тип русских революционеров: Райнера, Лизу Бахареvu и Помаду. Пусть укажут мне в русской литературе другое произведение, где бы настоящие, а не самозванные нигилисты были так беспристрастно и симпатично оценены? Ведь во всякой партии есть симпатичные и благородные люди. Я их нашёл в лице Райнера, Лизы Бахареvой и Помады. Разве “Маркушка” Гончарова, “Бесы” Достоевского, “Полоярщина” Крестовского или “импотенты” Тургенева в “Нови” лучше моих страдальцев?.. Мне всегда были дороги крупные характеры и идеализм души героев “Некуда”, – продолжал он. – Я не разделял их практической деятельности, но умел различить настоящих радикалов от фальсифицированных... Я, будучи ещё молодым человеком, уже предчувствовал, во что выродятся наши нигилисты, когда пророчествовал о них в “Некуда”. Но действительность в наши дни превзошла все мои предсказания. В ней я имею себе блистательное оправдание. Я могу сказать о себе, как Бисмарк: хотел вспрыгнуть на коня, но не перепрыгнуть... Теперь я сам боюсь того, что вижу среди нигилистического мира: я хотел показать его, каков он есть, но не хотел того, что теперь встречаю в нём и вижу. Вся грязь моего “Некуда” ничто в сравнении... Грязь моих романов у вас в семье и в обществе. Они на каждом шагу теперь. Вы их везде встретите и всего более в той же литературе: среди добровольцев пошлости и мутителей понимания. Я писал, что нигилисты будут и шпионами, и ренегатами, безбожники сделаются монахами, писатели пойдут к кулакам – издателям, сделаются биржевиками и банковскими кассирами, профессора – чиновниками и т. д. Что же, разве это не оправдалось?..»

Эта часть лесковского прогноза, несомненно, оправдалась, и даже, может быть, ярче, чем мог ожидать Лесков, самые мрачные или карикатурные герои которого – ничто в сравнении с героями «азефщины», но история уже показала, что поколению шестидесятых годов не «некуда» было идти, что оно сделало великий и важный шаг, что зло, которое натворили обличённые Лесковым мошенники и плуты нигилизма, бесконечно превышены добром, которое принесли Райнеры, Бахареvы, Чернышевские и Писареvы. Современники были слишком жестоки к Лескову, но в их дружном осуждении его романа сказались не одна потребность в самозащите, но и верное историческое понимание.

Гонения, которым давно подвергался Лесков, теперь усилились. Пошли слухи, что он писал свой роман по заказу Третьего Отделения; при его появлении в обществе бывшие приятели брались за шапки и уходили; резвые полемисты то и дело мило «шутили»: «с позволения сказать, господин Стебницкий». Для Лескова это был тяжёлый удар, от которого он вполне не оправился и долгие годы спустя и унёс с собою в могилу горечь обиды. Он, рассказывает человек, близко его знавший, «не искал и не хотел сознательно такой судьбы, не был ея гордым, назло, творцом и хозяином, как это бывает с иными “демоническими или бесчувственно-грубыми натурами. Напротив, он всегда был или, точнее сказать, чувствовал себя именно жертвой, – жертвой угнетённой, несправедливо обиженной и страдающей. Эта угнетённость и обречённость долго его удручали и часто просились наружу, при всяком удобном и даже неудобном случае. Его постоянно тянуло оправдываться и жаловаться; ему явно хотелось, чтобы его пожалели, извинили и заступились за него, чтобы сняли с его имени то пятно, которое сгоряча навалили на него во столько рук... У Лескова это было в своём роде хроническим больным местом».

Всю свою жизнь он не переставал жаловаться, что был «руган и оклеветан». Имя Лескова стало на многие годы бранным в глазах той интеллигентской толпы, которая даже не знала его как писателя и повторяла тёмные слухи. «Врагов у меня всюду много, – говорил он незадолго до смерти. – Много ли даже в литературе-то найдётся лиц, перечитывающих меня в настоящее время, чтобы судить более правильно обо мне?.. А ведь меня мешком по голове не били»... И единственным утешением ему служило сознание, что «через пять-шесть десятков лет люди будут читать только наши книги, а не партийные счёты»... Но дошёл он до такого сознания не скоро и ещё долго продолжал эти злобные счёты. Они сильно испортили другое крупное произведение Лескова – роман «Обойдённые», появившийся после «Некуда» (1865), и ещё более – следующий большой роман «На ножах» (1870), самое объёмистое его произведение.

В «Обойдённых» выведены такие же хорошие люди из «новых», как и в «Некуда», – люди, не старающиеся быть заметными, скромно работающие для народного блага и потому «обойдённые» общественным вниманием и сочувствием, – а рядом с ними, такие же, как и в «Некуда», наивные и грубые карикатуры на «необойдённых», популярных героев времени. Создаваемая вторыми общественной атмосфера такова, что в ней парализуются все благородные усилия первых, – и, таким образом, Лесков снова повторил свою прежнюю ошибку, снова безотрадно осудив своё поколение. Роман сам по себе написан к тому же спутанно, риторично и лубочно. Все эти недостатки ещё в большей степени присущи роману «На ножах». Интрига его ещё запутаннее; в ходе «слагаемых самых разнообразных обстоятельств» читатель разбирается с трудом; добродетельные герои блещут голубиной белизною, а порочные, из ненавистных автору нигилистов, черны, как уголь; слог неровный и пошловатый. Это почти бульварный роман, с кричащей красочностью страстей и ненужно запутанной сложностью фабулы. Замечательно, что во всей обширной галерее лиц, выведенных в этих трёх романах, Лесков не дал ни одного типа. Великое общественное движение, свидетелем которого он был, далось его разумению лишь с частных, несущественных сторон, и притом далеко не лучших. Главное же от Лескова положительно ускользало.

Не политик, а религиозный ум, в политике Лесков был почти слеп, а личное озлобление только увеличивало его слепоту. Оно улеглось не скоро, но улеглось постепенно, по мере того, как Лесков переходил на свою настоящую дорогу. Оно замирает уже в «Соборях», лучшей из больших вещей Лескова (1872). Главное лицо в этом романе – благородный, умный, пламенно верующий, бодрый и деятельный священник Туберозов. Он и вся «старгородская поповка» – воплощение духовной красоты, чистоты и религиозности. Лучшее понятие о Туберозове и о тоне, в котором выдержана вся характеристика «поповки», может дать выдержка из дневника Туберозова, его «демикотонной книги»: «Сегодня, встав рано, сел у окна и, размышляя о делах своих, и о прошедшем своём, и о будущем, глядел на раскрытую перед окном моим бакшу полунищаго Пизонсаго. Прошлый год у него на грядках некая дурочка Настя, обольщённая проходящим солдатом, родила младенца и сама, кинувшись в воду, утонула. Пизонский в одинокой старости своей призрел сего младенца, и о сем все позабыли; позабыл и я во главе прочих. Но утром днесь поглядаю свысока на землю сего Пизонсаго, да думаю о делах своих, как вдруг начинаю замечать, что эта свежевзоранная, чёрная, даже как бы синеватая земля необыкновенно как красиво нежится под утренним солнцем, и ходят по ней бороздами в блестящем пере тощия чёрные птицы и свежим червем подкрепляют своё голодное тело. Сам же старый Пизонский, весь с лысой головы своей озарённый солнцем, стоял на лестнице у утверждённого на столбах рассадника и, имея в одной руке чашу с семенами, другую погружал зёрна, кладя их щепотью крестообразно и глядя на небо, с опущением каждого зерна зывал по одному слову: “Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человека голодного и сираго, хотящаго, просящаго и произволящаго, благословляющаго и неблагодарнаго”, и едва он сие кончил, как вдруг все ходившая по пашне чёрныя глянцевитыя птицы вскричали, закудахтали куры, и запел, громко захлопав крыльями, горластый петух, а с рогожи сдвинулся тот, принятый сим чудачком, мальчик, сын дурочки Насти, он детски отрадно засмеялся, руками всплескал и, смеясь, пополз по мягкой земле. Было мне всё это точно виденье. Старый Пизонский был счастлив и громко запел: “Аллилуия!” Аллилуия, Боже мой! запел и я себе от восторга, и умиленно заплакал. В этих целебных слезах я облегчил мои досаждения и понял, сколь глупа была скорбь моя, и долго после того дивился, как дивно врачует природа недуги души человеческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на произволящаго и неблагодарнаго... Я никогда не встречал такой молитвы в печатной книге. Боже мой, Боже мой! Этот старик сажал на долю вора и за него молился! Это, может быть, гражданской критикой не очищается, но это ужасно трогает. О, моя мягкосердечная Русь, как ты прекрасна!» В своём церковнослужении Туберозов видит апостольское призвание, которому нет простора в рамках государственной церковности: «Я ощущаю порой, – говорит он в своих проповедях, – нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий. Нет, тогда в душе моей есть свой закон цензуры... а они требуют, чтобы я, вместо живой речи, направляемой от души к душе, делал риторические упражнения... Я сей дорогой не ходок... Я из-под неволи не проповедник». Конечно, в неравной борьбе с ними Туберозов погибает. Рядом с идеалистической

и идеализированной «поповкой» и благородными остатками разрушающегося стародворянского быта (помещица Плодомасова, карлик Николай Афанасьевич) выведены ненавистные Лескову представители «нового» поколения, очерченные, правда, без того злопыхательного шаржа, который так режет глаза в «На ножах», но с достаточным зложелательством и непониманием. Эмансипированная акцизничиха Бизюкина, во всех отношениях негодяй революционный деятель Термосесов, смешной и глупый уездный нигилист Варнава Препотенский нарочно представлены какими-то пугалами, вызывающими то страх, то смех, то отвращение, то презрение, чтобы скомпрометировать движение, представляемое ими.

После Толстого и Достоевского Лесков решительно наиболее ярко выраженный религиозный ум во всей русской литературе 19-го века. Религиозное чувство его в течение большей части его жизни вполне удовлетворялось православием, в котором он видел достойное выражение христианского духа. Он любил даже внешнюю обстановку церковности. «Он украшал, – рассказывает его приятель, – собственную квартиру образами, картинами с сюжетами из Священного Писания, лампадками... одевался дома в какие-то подряски, с скуфьей на голове и чётками в руках; одно время даже “усиленно искал душевного успокоения в религиозных бдениях”». Ученик священника-идеалиста, создатель благородного облика Туберозова, он, естественно, был усердным защитником и пропагандистом православия, которое любил и как историческую и нравственную идею, и как источник колоритного, оригинального быта. При появлении Редстока с последователями и возникновении «великосветского раскола» Лесков выступил в защиту православия против сектантской холодности и рационализма. Выступал он и против раскольничьего формализма в делах веры и нетерпимости; по поручению правительства им было написано исследование «О раскольниках города Риги», – в нём он открыто требовал отмены религиозных ограничений.

Глубокое знание и понимание раскола видны в одном из лучших рассказов Лескова «Запечатлённый ангел»; здесь Лесков показал, как нужно бороться с расколом: это средство – любовь. Встречая проповедника-православного, фанатик-старовер говорит: «Господи, дерзаю рассуждать, если только в церкви два такие человека есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевлён». Таким образом, церковь есть храм любви, и кто проникнут любовью, тот поднимается неизмеримо выше церковных стен. И, сознавая это, умный архиерей («На краю света») решается оставить без крещения спасшего его добродетельного дикаря: «Что же я с ним сотворю теперь? Возьму ли я у него эту религию и разобью её, когда другой, лучшей и сладостнейшей, я лишён возможности дать ему, доколе “слова путают смысл смертного”, а дел, для пленения его, показать невозможно? Неужто я стану страхом его нудить или выгодою защиты обольщать?... А где же мои средства его воспитать, его просветить, когда нет их, этих средств, и всё как бы нарочно так устроено, чтобы им не быть в моих руках?... Здесь печать, которой несвободной рукой не распечатаешь... Ей, гряди, Христос, ей, гряди Сам в сие сердце чистое, в сию душу смирную, а доколе медлишь, доколе не изволишь сего... пусть милы ему будут эти снежные глыбы его родины, пусть в свой день он скончается, сбросит жизнь, как лоза – созревшую ягоду, как дикая маслина – цветок свой... Не мне ставить в колоды ноги его и преследовать его стези, когда Сам Сый написал перстом своим закон любви в сердце его и отвёл его в сторону от дел гнева».

Другой гуманный представитель церкви, выведенный Лесковым («Владычный суд»), действует подобным же образом, приводя иноверца к христианству высоким делом любви и справедливости. Но таких «дел для пленения» душ Лесков, погружаясь в церковный быт, видел слишком мало, и постепенно «исправление» правдивого художника, который не мог и не хотел лгать, приняло такой характер («Мелочи архиерейской жизни»), что Лескову пришлось за него тяжело заплатить. Он с 1874 года служил в учёном комитете министерства народного просвещения, а с 1877 до 1880 года был также причислен к министерству государственных имуществ; в 1883 году его литературная деятельность была признана «несовместимой» с государственной службою, и ему было предложено подать в отставку. Лесков отказался исполнить это требование и был уволен без прошения, «по третьему пункту». Оскорблённый писатель апеллировал к общественному мнению и объявил печатно: «Я отчислен от министерства “без прошения” по причинам, лежащим вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не навлекла мне никакого упрёка и ни одного замечания при трёх министрах. Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только “несовместимость” моих литературных

занятий со службою. Ничего более. В том, что я отчислен не по прошению, а “без прошения” тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была представлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признаётся удобнейшею, но я сам предпочёл ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела». Министр Делянов, говорят, со своей обычной иезуитской вкрадчивостью, пытался уговорить Лескова «не делать скандала» и подать прошение об отставке: «Зачем это вам нужно, Николай Семёнович, без прошения-то?» – «Для некролога... моего и вашего!» – ответил Лесков.

Христианство для Лескова сливалось с народностью; он принимал его не столько как отвлечённую догму, сколько в его народном выражении и понимании. Рассуждая о разных типах изображений Христа, мудрый архиерей («На краю света») останавливается на его «типическом русском изображении: взгляд прям и прост, темя возвышенное, что, как известно, и по системе Лафатера означает способность возвышенного богочтения; в лике есть выражение, но нет страстей. Как достигали такой прелести изображения наши старые мастера? – это осталось их тайной, которая и умерла вместе с ними и с их отверженным искусством. Просто – до невозможности желать простейшего в искусстве: черты чуть слегка означены, а впечатление полно; мужиковат он, правда, но при всём том Ему подобает поклонение, и как кому угодно, а, по-моему, наш простодушный мастер лучше всех понял – Кого ему надо было написать. Мужиковат Он, повторяю вам... да что беды! – где Он каким открылся, там таким и ходит; а к нам зашёл Он в рабьем зраке, и так и ходит, не имея где главы приклонить от Петербурга до Камчатки. Знать ему это нравится принимать с нами поношения от тех, кто пьёт кровь Его и её же проливает. И вот в эту же меру, в какую, по-моему, проще и удачнее наше народное искусство поняло внешние черты Христова изображения, и народный дух наш, может быть, ближе к истине постиг и внутренние черты Его характера». У простого русского Бога и обиталище простое – «за пазушкой». «Тут, – продолжает архиерей, – что нам, господа греки, не толкуй и как ни доказывай, что мы им обязаны тем, что и Бога через них знаем, – а не они нам Его открыли: не в их пышном византийстве мы обрели Его в дыме каждений, а Он у нас свой притоманный и по-нашему, попросту, всюду ходит». Этого Бога познать можно не суетным и хитрым разумом, а «пазушкой», на которую «как же не полагаться: тайны-то уже там очень большие творятся, вся благодать оттуда идёт – и материнское молоко детопитательное, и любовь там живёт, и вера. Там она, вся там; сердцем одним её только и вызовешь, а не разумом. Разум её не созидает, а разрушает: он родит сомнения, а вера покой даёт, радость даёт»...

Так мудры сердцем, а не разумом все лесковские праведники, которых он написал целую галерею: битый по лицу офицер Фигура, Несмертельный Голован, праведный эконом кадетского корпуса, немец Коза, христианин квартальный Однодум, кривой дворянин Дормидонт Рогожин, полунищий старик Пизонский, высеченный за спасение погибающего рядовой Постников, кроткий старец Памва, отец Кириак и дикарь в «На краю света», Пигмей, Некрещённый Поп, Селиван – «Пугало», княгиня Протазанова... Все эти люди слишком необычайны в обыденной жизни, слишком высоки и редки. Мало кто может к ним приблизиться. Подвиг – не для всякого. Они – лучшие дети народа, из которого вышли, но сам народ со своим исторически сложившимся жизненным укладом далеко не похож на них. Бог обитает в России кое-где, обиженный, униженный, «в рабьем зраке», и потаённо, «за пазушкой», а в общественном быту открыто господствует неправда. Россия – грандиозный «загон», где люди в Бога верят цинично-материалистически, пьянствуют, слепнут в курных избах, лечатся сажей. Средний русский человек – безвольное существо, игральное обстоятельство, одинаково способное и на подлость, и на подвиг. «Нельзя утверждать, что одни ваши честны, а другие бесчестны, – цинично и горячо доказывает казнокрад «Бесстыдник», на сторону которого склоняется, по-видимому, сам автор: – Я за всех русских стою!.. Поверьте, что не вы одни можете только голодать, сражаться и геройски умирать, а мы будто так от купели крещения только воровать и способны. Пустяки-с! Несправедливо-с! Все мы люди русские, и все на долю свою имеем от богатой природы на всё сообразную способность. Мы, русские, как кошки: куда нас ни брось, везде мордой в грязь не ударимся, а прямо на лапки станем; где что уместно, так себя там и покажем: умирать – так умирать, а красть – так красть. Вас поставили к тому, чтобы сражаться, и вы это исполнили в лучшем виде – вы сражались и умирали героями и на всю Европу отличились; а мы были при таком деле, где можно было красть, и мы тоже отличились, и так крали, что тоже

далеко стали известны. А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас, например, в траншеи, а вас к поставкам, то мы бы, воры, сражались и умирали, а вы бы... крали».

Такие широкие и разнообразные возможности всегда скрываются в русском среднем человеке, а проявляются, глядя по внешним обстоятельствам, те или иные из них. Безволие даже хорошего русского человека бывает и трогательно, и досадно: такие чувства вызывает «Колыванский муж», умный и добрый офицер из стародворянской семьи, на которого родная Калуга и славянофильская Москва надеялись как на твёрдого русского культуртрегера среди остзейских немцев, а он – «как бычок окончательно отмахнул головою и от Москвы, и от Калуги, и кончил свой курс немцем», и даже сложил кости на лютеранском кладбище...

О том, как обеспечена русская личность, даёт ясное понятие немногословная параллель в «Левше». Когда Левшу и его приятеля англичанина привезли из-за границы в Петербург больными и «повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а Левшу – в квартал», то сразу «судьба их начала сильно различаться»: англичанина посадили в тёплую ванну, потом велели проглотить «гуттаперчевую» пилюлю и, наконец, накормили «курицей с рысью», а Левшу «свалили в квартире на пол», сняли с него платье и часы «с трепетиром», и городовые ему «ухи рвали, чтобы в память пришёл», возя его из одной больницы в другую, причём у него затылок «о холодный парат расколосся»; так и пропал Левша, несмотря на всю свою сметливость и таланты.

Поэтому Лесков смотрел на Россию пессимистически. Русская жизнь в ея настоящем была для Лескова – «Смех и горе» (так озаглавлена одна из его повестей, довольно широко охватывающая общественную жизнь). При этих условиях существования, создающих виновность всех перед всеми и таким образом смягчающих отдельные грехи отдельных лиц, сама сатира ослабляет свою силу и не находит достаточных оснований для жёстких ударов. Талантливый художник быта так хорошо объяснил почву, на которой зарождаются гады, что читатель испытывает не столько негодование, сколько презрение и даже жалость.

Берега прочтения

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – прозаик, журналист. Член Союза писателей СССР (ныне – России). Редактор отдела прозы литературного журнала «Подъём» (Воронеж); ряда печатных изданий (газет и журналов). В Москве и Воронеже им издано более 10 книг рассказов, повестей и романов, широко публикуется в центральных и региональных литературно-художественных журналах. Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба».

РАДОСТНОЕ ДЫХАНИЕ ТАЛАНТА

О рассказах Сергея Собакина

Сергей Анатольевич Собакин (псевдонимы Серёжа Собакевич, Серджио Собатини) уверенно занимает своё место среди нынешних молодых литераторов, напряжённо стремящихся к обретению новых форм сюжетосложения и стиля. Особенно это чувствуется в нынешней молодой поэзии, перенапрягшейся от поисков необычности, раскованности, смысла бессмысленности.

Прозу молодых такое поветрие ещё не вполне захлестнуло, но процесс, как говорится, пошёл. В области искривления языкового и сюжетного пространства. Однако Сергей Анатольевич, тоже будучи автором молодым, тем не менее во всей этой борьбе за звание самого главного отрицателя основ стоит в достаточной степени особняком. Для него не характерно низвержение авторитетов, хотя он и не принадлежит к тем авторам, кои бдительно соблюдают заветы литературных отцов.

Основанием такой его особой позиции служит то, что Сергей Анатольевич счастливо обрёл свою собственную тему и свой собственный угол зрения. Герои и темы у него абсолютно свои. Прямо говоря, с такими темами, то есть с таким видением особой зоны нашего бытия, в литературу ещё никто не приходил в этом веке.

Думается, не обошлось в его формировании без наследного влияния Салтыкова-Щедрина и Зощенко. Чехов, уверен, к нему присматривается. Достоевский прищурился с заинтересованностью в сторону нашего Сергея Анатольевича. Не знаю, насколько они сами довольны такому соучастию в его литературной судьбе и насколько он сам осознаёт, кому обязан своей оригинальной направленностью, однако более результативно будет такой вывод учитывать, чем с порога отвергнуть.

Я поначалу принял Сергея Анатольевича за одного из авторов новой православной волны. Но чем более читал его произведения, тем очевидней мне становилось, что он внутренне тяготеет к жанру абсурдной сатиры. Только этот жанр под его пером приобретает достаточно непривычные черты. У Сергея Анатольевича наглядно сформировалась собственная литературная позиция: образно говоря, офорты Гойи являются их духовной подпиткой. Обыкновенно сатира даже в лучших щедринских и зощенковских традициях, вольно или невольно, унижает человека, выставляя перед ним искривлённые зеркала. Но у Сергея Анатольевича сюжет не ломает личность, а, напротив, наглядно испытывает её дух на значимость, на право с пользой присутствовать в этом мире.

Каков высший смысл таких напряжённых испытаний для героев Сергея Анатольевича? Ответ прост: дать читателю увидеть глубинные и мощные пласты возможностей даже самого маленького и самого, казалось бы, «запущенного» человечка. Порой уже загнанного в угол, чуть ли не замурованного в некую незримую, но несокрушимую стену. Однако так или иначе обретающего в итоге свой, пусть маленький, Олимп. Или Преисподнюю.

Итак, отрывок из рассказа Сергея Анатольевича «Тревожные люди» с весьма характерным для его стиля эпиграфом:

«В 1926 году к известному психиатру пришёл изнурённый до дистрофии пациент, судя по манерам – “из бывших”, с жалобой на беспричинную тоску и апатию, из-за которых он совсем не может есть и спать. Осмотрев его, врач посоветовал ему читать юмористические рассказы: “Лучше всего, батенька, возьмите томик Зошенко. Может быть, вам покажется простовато, этак по-пролетарски. Но смешно! Этот Зошенко – большой весельчак”. – “Доктор, – грустно вздохнул ипохондрик. – Я и есть Зошенко”».

А теперь дадим слово вышеназванному рассказу Сергея Анатольевича:

«Дело в том, что Антон Павлович стал первым человеком, у которого обнаружили частицы золота в... кишках. Точнее сказать – в аппендиксе».

Сатира? Абстракция? Нет, это квинтэссенция сути жизни 98 процентов землян. Итак, нашего Антона Павловича, как и следовало ожидать, перевели в закрытую экспериментальную клинику. «В итоге на консилиуме неравнодушных учёных и медиков, – пишет автор, – они заключили (у каждого из присутствовавших, естественно, был свой мотив), что нужно, дескать, срочно избавить мученика от его золотой ноши и, разумеется, провести неотложную полостную операцию, дабы извлечь из кишок страждущего предмет его страданий, – целый килограмм чистейшего драгметалла. На что, ясное дело, Антон Павлович ответил категорическим отказом».

Каков же итог?

«...пациент разродился тремя килограммами драгметалла и стал самым известным и богатым человеком в мире, который побил все мыслимые и немыслимые рекорды, ибо собрал всевозможные награды и премии (и всё это без учёта вознаграждения от государства; гонораров за различные интервью и передачи прав для постановок и экранизаций своей биографии); а также удостоился звания самого выдающегося представителя человечества, который останется в летописи как “Золотой человек”».

Далее рассказчик говорит, что вслед его герою появилось очень много лжеипохондриков, которые хотели во что бы то ни стало также прославиться на весь мир и также неслыханно разбогатеть. «И даже появился такой психиатрический термин, как “синдром золотого человека”, при котором люди сходили с ума в попытках найти у себя хотя бы грамм золотой ноши: “исследовали” истязали собственный организм так, как если бы это было не их собственное тело, а взятый напрокат костюм человека... Но это уже совершенно другая история, дорогие читатели... О которой, возможно, будет совсем иной рассказ».

На фоне этого рассказа вернёмся к Зошенко. Наследование духовное этому автору прослеживается только в «Тревожных людях» Сергея Анатольевича? Не только. Но явного ученичества мы не увидим. Человек нынче другой пошёл... Как-никак столетие промчалось над нами. Не зря век назад Зошенко говорил о себе так: «Я пишу на том языке, на котором... говорит и думает улица». Только сейчас улица не говорит и не думает. Она играет, забавляется, купается в картинках смартфоновских... В связи с этим Сергеем Анатольевичем, первично торящем свою литературную стезю, с опорой на классиков, но тем не менее вполне самостоятельно создан свой особый стилистический и сюжетный мир. В котором пребывают (но не живут) герои, кои показывают нам истинное лицо современного человека, как бы он ни прятался за своими мечтами относительно забав и лёгких денег.

Истинный человек остаётся человеком и одновременно дорастает до небес, когда он открывает в себе НЕВЕДОМОЕ и значимое. Герои Сергея Анатольевича взяты из той жизни нынешней, в которой люди живут неизвестно зачем, но только чтобы не созидать, не мечтать, не верить в Господа.

Теперь, как говорится, во всеоружии обратимся к рассказу Сергея Анатольевича «Случай».

В психиатрической больнице происходит переворот. Бывший больной занимает место главного врача.

Если читателя спровоцирует желание расценить такой сюжет как забавную миниатюрку, хохмочку, то он глубоко ошибётся. За всем этим бездна смыслов и противоречий нашего сегодняшнего дня, но, более всего, путь, указующий на будущее нашего сошедшего с ума человечества. Кто возглавит наше дерзкое шествие в 22-й век? Не такие ли Святославы Рувимовичи?..

Напоследок предлагаю вам заценить рассказ Сергея Анатольевича с весьма скромным, простодушным и вполне милым названием «Алёшка».

Начинается он в добрых традициях русской классической прозы:

«Светало. Будильник прозвенел ровно в отведённое время. На циферблате было пять часов утра. Отец Илия, слегка приоткрыв глаза, смотрел на белёный потолок и думал о несправедливости бытия...»

Далее, когда батюшка заканчивал «свою заунывную и малосодержательную речь пастыря...» двери храма распахнулись настежь, и с паперти донёлся истошный крик местного юродивого, дурачка Алёшки:

– Вас ждёт знамение! Будьте бдительны и готовы! Грядут перемены, покайтесь!

Народ в ужасе заохал и стал жаться ближе к алтарю. Отец Илия, не медля ни секунды, спрыгнул с амвона и быстрым шагом направился к выходу...

– А ну-ка, пшёл отсюда, дуралей безмозглый!..

...После этих слов разъярённый батюшка что есть мочи пнул юродивого. Тот, хватаясь за края рясы священника... кубарем покатился с лестницы.

С того самого дня никто больше не видел блаженного дурачка Алёшку, чему отец Илия был несказанно рад...»

Каков же итог сего рассказа, казалось бы, заряженного простодушной поучительностью и добрыми наставлениями во имя любви к ближнему? С батюшкой во сне начинаются всевозможные и вовсе невозможные духовные испытания, само собой, через нестерпимые мистические мучения.

Наконец объявляется очередное утро.

«Светало. Первые лучи солнца озарили крышу на избе отца-настоятеля... “Стоп! – подумал священник. – А где же сейчас Алёшка? Надо немедля разыскать его!”

Он выбежал из дома и отправился напрямик в храм. Домчавшись до церковной ограды, завидел сидящего на паперти Алёшку и что есть мочи закричал:

– Лёшка! Родненький, прости! Молю тебя!

Батюшка бросился к юродивому, обнял его и стал целовать, а потом ещё целый час просил у местного дурачка прощения.

...Увидев это, народ дивился и приговаривал:

– Эвона как бывает! Батюшка-то наш... совсем того, видать! Из ума выжил! Вчера дурачка пинал почём зря, а сегодня, смотри, что делается: руки и ноги ему целует! Похоже, у нас на селе теперь два блаженных будет!»

Поставить здесь точку – значит написать лубочный рассказ на тему спасительного милосердия.

Да только морализаторство и прочие откровенные поучения во имя добра и всеобщего всемирного счастья-радости далеки от прозорливого видения мира Сергеем Анатольевичем.

И тут-то он и являет нам главную свою писательскую и человеческую правду о том, что есть на самом деле этот мир и как нам в нём себя не утратить, не раствориться в нём бесследно.

«Не обращая внимания на зевак, отец Илия помог юродивому подняться и направился вместе с ним в баню, а потом и в трапезную, а после, ближе к вечеру, и вовсе повёл местного дурачка к себе домой. Так и стал блаженный сначала жить у отца Илии, а потом и в алтаре прислуживать. *Вскоре Алёшка прослыл не просто дурачком и юродивым, но и провидцем-целителем, который мог предсказывать события и врачевать разнообразные душевные и телесные недуги. Узнав о святом человеке, многие страждущие и нуждающиеся из соседних селений, а впоследствии и за пределами оных, возжелали узреть чудотворца своими глазами и поспешили обратиться за помощью. Деревушка и маленький сельский храм в мгновение прославились, и у отца Илии более не было повода для уныния и печали, ибо Господь позаботился о чаде Своём, и отныне пребывал в сердце священника во все времена...»*

Обретение высшего смысла бытия человеком «маленьким, забытым, искорёженным» есть главная задача и боль автора. И более всего Сергея Анатольевича волнует, как идут они к нему, этому счастью, эти люди простые, измученные нелёгкими обстоятельствами своего загнанного в тупик существования. Тем самым Сергей Анатольевич даёт возможность понять себя как автора, понять его литературных героев, само собой, вовсе не героями являющихся, а первыми страдальцами во имя высшего всечеловеческого счастья всех и вся, включая своих читателей.

Вот такие прорисовываются источники и составные части прозы Сергея Анатольевича. Талантом скреплённые. Что и есть самое главное в любом виде искусства. В том числе литература, как бы её ни кромсали по живому нынешние патолого-модернисты. А там, где он, талант, есть, всегда радостно дышится...

Берега прочтения

Вера Сытник

Вера Сытник – журналист, писатель, член Международной гильдии писателей. Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат многочисленных конкурсов и премий. Живёт в России и в Китае.

ТЕМА СЕМЬИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КУРАНОВА

I

По предложению президента В. В. Путина начавшийся 2024 год объявлен в России Годом семьи. Отрадно, что в русской современной литературе есть имена, крепко связанные с темой семьи, могущие дать пример искренней озабоченности её проблемами и способствующие возрождению православных семейных традиций.

5 февраля 2024 года исполняется 93 года со дня рождения замечательного писателя Юрия Николаевича Куранова (1931–2001). Это имя отстоит от нас не так далеко, чтобы забыть о нём. Но и не близко, если принять во внимание масштаб изменений общественно-социальной жизни в нашей стране и учесть, что развал СССР и грянувшая перед этим перестройка (1987–1991) буквально перемололи людей, а вместе с ними и советскую литературу, из которой вышел Куранов.

В период перестройки на арене объявилась литература резко социальная, остро политическая, дерзко настроенная по отношению к советским идеалам. Прошлые ценности разом отодвинулись в тень, уступив место стремлению подвергнуть враждебной критике то, чем страна жила больше семидесяти лет. Как оказалось, недовольства накопилось много, как в умах людей, так и в их душах. Ум уже не мог вместить размаха социальных противоречий, а душа сжималась от страха перед выглядывающим из-за каждого угла оскалом империализма, чем ещё совсем недавно пугали советских граждан, говоря о западных странах.

Вперёд вышли авторы, которые или считались под запретом до этого времени, или только-только заявляли о себе как о новых литературных кадрах. Читатель за короткое время познакомился с русской литературой XX века во всём её многообразии. Но с ускорением перестройки художественность и духовность быстро сдавали свои позиции под натиском обличительной публицистики, которая торопилась обрушить на читателей неизвестные доселе шокирующие факты истории и завладеть всеобщим вниманием.

Советские писатели каждый по-своему отреагировал на изменения в обществе: кто-то, растерявшись, и вовсе перестал писать; кто-то, отринув принцип социалистического реализма, пустился осваивать реализм критический; кто-то подстраивался под новые реалии, не гнушаясь приёмами жёлтой прессы. Находились и те, кто надолго задумывался, обращался к Богу и уже под иным углом рассматривал действительность. Таких, кто бы искренне уверовал и перенёс веру в свои произведения, было немного. Советский атеизм, въевшийся в сознание людей, корёжил и души, не давая открыться навстречу Тому, Кто являлся краеугольным камнем русской классической литературы – Богу.

К последним принадлежал Юрий Николаевич Куранов, чьё творчество в советское время отличалось неповторимой индивидуальностью. Это выражалось в глубине психологических портретов, в умении чувствовать и описывать природу; в метафоричном, густом и сочном художественном стиле, в тонкой философичности и лиричности его прозы, которая уже была одухотворена невидимым присутствием Бога, ибо настоящий писатель не может не чувствовать этого присутствия, и как будто бы только и ждала, когда автор это осознает и назовёт вещи своими именами. Уже в семидесятые годы, начиная с крещения в сорокалетнем возрасте, происходит обращение писателя к Богу и постепенное

переосмысление своего творчества, причинно-следственных связей в нём. Светлогорск же сильно преумножил эти тенденции.

Светлогорский период, продолжавшийся около двадцати лет, изучен литературоведами мало по причине углублённости писателя в духовные сферы, что требует от исследователей быть просвещёнными в данной теме не только теоретически, но и на практике, в жизни. Между тем такое произведение, как «Тепло родного очага», завершённое в Светлогорске, является настолько злободневным и актуальным, что приходится только поражаться способности автора ухватить и очертить проблему, ставшую наиглавнейшей для сегодняшней России. Речь идёт о семье и её ценностях. Куранов, как истинный патриот своей родины, не убоился взглянуть в лицо правде и начать со своими читателями непростой разговор о семье. Разговор, который мы теперь, в Год семьи, должны продолжить. Но прежде немного о том, откуда, из какого уголка истории пришёл к нам Куранов и с каким писательским багажом приехал на Калининградскую землю.

Пять областей России (Ленинградская, Московская, Костромская, Псковская и Калининградская) могут с полным правом называть Юрия Николаевича своим писателем, так как в каждой из них он оставил свой след.

Петербург (Ленинград) считает его своим по праву рождения. Куранов появился на свет 5 февраля 1931 года в стенах Русского музея, где тогда работала его мать – Людмила Александровна Иванова. Здесь же находилась небольшая семейная квартирка. В роддом поехать опоздали, и роды случились в одной из комнат музея. Отец писателя – Николай Владимирович Куранов – тогда работал в Эрмитаже заведующим реставрационными мастерскими. И Людмила Александровна, и Николай Владимирович были художниками, то есть людьми, настроенными на эстетику. До шести лет будущий писатель бегал по залам Русского музея, исподволь впитывая атмосферу высокого искусства, запечатлевая в памяти картины и скульптуры мастеров, выставленных в музее.

В 1937 году отца обвинили в троцкизме, сослали на Соловки и вскоре направили работать на Норильский металлургический комбинат. Все родные с его стороны тоже подверглись репрессиям. Им было приказано ехать на поселение в Омскую область, куда Юрий отправился вместе с дедом и бабушкой. Красота сибирской земли очаровала мальчика. Это было второе после Русского музея глубокое впечатление, которое он понёс по жизни. Возможно, оба эти фактора (Русский музей и сибирская природа) сыграли решающую роль в формировании творческого мировоззрения Куранова, для которого с тех пор слились воедино любовь к искусству, к природе, к городу и к деревне. Подростком он уехал к отцу в Норильск. Во время войны работал в колхозе, на лесозаготовках. В Норильске же окончил среднюю школу.

Затем в Москве поступил на искусствоведческий факультет МГУ (1950–1953). Вспоминая то время, Куранов много лет спустя писал в «Воспоминании о детстве»: «Когда я поступил в университет Москвы, никто из моих однокурсников не имел представления не только о Сомове, Головине, Мережковском или Рерихе, но многие из нас никогда не слышали имён Бунина, Нижинского, Фешина, Борисова-Мусатова и Стравинского. <...> Мы были забиты, но самоуверенны, мы были молоды, но уже состарились. Мы не просто ничего не знали, но порою и не хотели знать. <...> Каждый из нас, прибывший в Москву, только к концу своей жизни узнавал, что в другие времена и на других концах земли узнавали будущие поэты и художники ещё в детстве».

Через три года понял, что искусствоведение – не его призвание, и поступил во ВГИК на сценарный факультет (1954–1956), который не окончил: увлёкся сочинительством. Запоем читал тогда Бунина, о котором ему рассказал Всеволод Александрович Рождественский, которому он в 1955 году принёс свои стихотворения. Читал Бодлера, японскую поэтессу Сэй Сёнагон, видя в них мастеров слова. Первые стихи были напечатаны в 1956 году в коллективном сборнике «Первое знакомство».

В то же время познакомился со своим любимым писателем Константином Георгиевичем Паустовским. Куранов вспоминал: «К Паустовскому меня Илья Френкель отвёз на Котельническую набережную в 1956 году осенью. Константин Георгиевич только что вернулся из плавания вокруг Европы на теплоходе “Победа”. Я давно мечтал с Паустовским встретиться, тогда он был уже очень болен. Паустовскому понравились мои рассказы, и он передал их В. Каверину. В. Каверин тогда в Союзе писателей СССР занимался работой с молодыми. Он и Э. Казакевич были в редколлегии “Литературной Москвы”. Вот туда они и взяли мои рассказы (из беседы с Владимиром Стеценко, «Вопросы литературы», 1981, № 5).

Встреча определила дальнейшую судьбу Куранова, который многому учился у Паустовского: «Я был ошеломлён и обрадован, когда впервые раскрыл страницы книги К. Паустовского, – вспоминал впоследствии Юрий Куранов. – С тех пор неотступно помогал он, как родной и несказанно близкий человек, искать и любить простые и на первый взгляд непритязательные мгновения, события, предметы, из которых складывается добро человеческой жизни. Как писатель, он одним из первых учил меня ценить живое дыхание слова, пение красок, мудрую простоту повседневности, под которой скрыты глубинные движения человеческого сердца» (Избранное. Вступительная статья В. Стеценко «Удивительная красота обыкновенного»).

В Москве Куранов провёл около семи лет. Не имея своего угла, слоняясь по общежитиям и друзьям, ночуя в чужих домах, понял, что его это не устраивает, и в 1957 году уехал к другу в село Пыщуг Костромской области, где спустя два года поселился окончательно, обретя там желанный покой и семью. Владимир Васильевич Клевцов в своей книге «Литературные портреты» пишет: «В Пыщуге женился на пыщуганке Зое, Зое Алексеевне, племяннице художника Алексея Козлова, по-северному белолицей и русоволосой, в маленьких веснушках, которые, казалось, прыгали по лицу от каждой её улыбки». Жена стала верным другом и помощницей. В общей сложности в период с 1959 по 1981 год Юрий Николаевич постоянно проживал в деревне.

Отдаление от московской богемной жизни не замедлило сказаться на творчестве. В Пыщуге Куранов неустанно занимался сочинительством и быстро превратился в признанного писателя. В 1959 году его рассказы и миниатюры были напечатаны в журнале «Новый мир», которые тотчас перепечатала газета «Правда». Все они вошли в сборник под названием «Лето на Севере», который был издан в Костроме в 1961 году. Так начался его успех в качестве самобытного литератора. По одной этой книге Юрия Николаевича в 1962 году приняли в члены Союза писателей СССР. В Пыщуге Куранов стал известен как автор прекрасных миниатюр, обнаруживающих необъятное богатство русского языка, лиризм и мудрость их создателя. Критика, настроенная весьма благосклонно, усматривала в его прозе влияния и традиции И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского.

В 1969 году писатель переехал на псковскую землю, в село Глубокое. Здесь он продолжает писать рассказы и миниатюры, работает над документально-романтическим романом «Глубокое на Глубоком» (М., 1982), где первым заводит речь о трагической гибели «неперспективных» деревень. В 1975 году журнал «Октябрь» начал публиковать главы из него. Пишет роман «Заозерные звоны» (М., 1980), замечательный тем, что в нём утверждается главная мысль: для возрождения Нечерноземья необходимо строительство не столько экономическое, сколько духовное. Заканчивает лирическую повесть «Озарение радугой» (Л., 1984) по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова. Речь в ней идёт о тайне творчества. Но в большей степени ум и сердце писателя заняты проблемами деревни. С позиций члена Совета по Нечерноземью он углубляется в публицистику, развивая эту тему, и со всей своей искренностью и горячностью пытается вмешаться в решение социально-экономических проблем области. Это вызвало недовольство чиновников, и в 1982 Куранову вместе с семьёй пришлось переселиться в г. Светлогорск Калининградской области, где он живёт до своей кончины в 2001 году.

«Я приехал в Светлогорск зимой. Над морем опускался снегопад. Он был густой, тяжёлый, синеватый. Сквозь снегопад слышался равномерный, певучий шелест, словно кто-то нашёптывал негромко некие длинные стихотворные строки множеством глуховатых мужских голосов. То это был беспечный хор, то длительное и глубокое молчание, в глубине которого колыхались густые и бесконечные же хлопья снега. Иногда сквозь снегопад проступали тёмные, какие-то сказочно каменистые остовы сосен, которые замерли и о чём-то переговаривались еле слышно среди островерхих черепичных крыш здешних очаровательных домиков» («Таинственный шум», альманах «Дуновение дюн», Калининград, 2004, вып. 1).

Позади остались Ленинград, Москва, Пыщуг, Глубокое. Куранов – в прекрасном возрасте, ему за пятьдесят – расцвет творческих сил! Здесь он пишет художественно-документальную повесть «Путешествие за птицей», ряд повестей, рассказы, исторический роман «Дело генерала Раевского» (М., 1997). Он зрелый писатель, которого публикуют центральные газеты и журналы, издаются его книги, в том числе и за рубежом. Можно сказать, что позади и поиски своего стиля, который с годами сделался более исповедальным, более полновесным и объёмным, более сочным и красочным.

Его длинные многоступенчатые предложения, необычайно стройные и выразительные, отражали его природное языковое чутьё и его бесконечную работу над словом. В дальнейшем, будучи признанным писателем, он проникся глубоким уважением к слову, используя его как ниспосланный свыше дар. Куранов писал: «Слово – это живой прекрасный организм... только тогда, когда ты слово не выливаешь куда попало, а когда ты обращаешься с ним как с прекрасным существом, живым и разумным... бережно, с любовью истинной... и пытаешься найти только то место, где в единственном варианте оно может стоять, только в том сочетании, только с той окраской, вот тогда слово не погибнет» (Вопросы литературы, 1981, № 5)

Читая «Тепло родного очага», нельзя не восхититься полновесным авторским стилем, в котором так и слышится, так и видится вся Русь со всеми её полноводными реками, журавлиными стаями и густыми лесами. Ибо ничто так не передаёт глубину и величие, простоту и нежность природы родной страны, как грамотная художественная речь, которая, словно оттиск природы, встаёт перед нами во всей красе на страницах книг мастеров слова, к которым относится Юрий Николаевич Куранов. Что за чудная картинка рисуется перед глазами, когда читаешь вот это: «Позванивали лёгкие лесные колокольчики, какие-то сухие кленовые палочки постукивали друг по другу, звучно и почти невещественно рассыпались на мелкие чешуйки падающие вниз по стволам нежнейшие еловые шишки, и семя золотистое их далеко рассеивалось в сумрачном воздухе глубины леса» («Тепло родного очага», глава I).

Потрясающей выразительности проза достигалась за счёт того, что Куранов сознательно обогащал её лексическим разнообразием, добиваясь идеального звучания фразы, из которой выплывал наружу очередной опозитизированный образ: «Но иногда мне кажется, что дом этот возник однажды осенью из золота кленовой листвы, из ветра и ещё из тонкой синевы озёрной ряби. Он появился как-то на рассвете среди тишины и шелеста, среди безветрия и бега облаков, когда сердце замирает, как робкая птица, и стучит одновременно на всю вселенную» (миниатюра «Дом на крыльях»).

Куранов относился к поэзии и прозе с одинаковой требовательностью. Он знал тайны стиха, миниатюры (этого, как он говорил, промежуточного между стихотворением и прозой жанра), знал тайны прозы, в которой всё перечисленное чудесным образом соединялось. В подтверждение этого можно привести слова писателя, в которых заключена его принципиальная творческая позиция. Куранов говорил: «Я не принимаю прозы, в которой нет поэзии. Такая проза для меня мертва» («Воспоминания о детстве», альманах «Дуновение дюн», 2005, вып. 2). Всю творческую жизнь он вдохновенно насыщал свои прозаические тексты особой поэтичностью, оберегая их от стилистической сухости.

Светлогорск, на двадцать лет приютивший семью Куранова, стал для писателя духовной гаванью, заслуженно посланной ему Богом, возможно, для того чтобы улеглись внутренние метания и окончательно сформировались религиозные взгляды. В прошлое ушли крещение и венчание, о которых его дочь Марина несколько десятилетий спустя сказала: «Они крестились в один день. На следующий день родители повенчались. И крестились, и венчались у отца Валериана Кречетова в храме в Отрадном, под Москвой. Чуть позже папа скажет: “Я никогда не видел Зою такой красивой!” Папе было сорок лет, а маме тридцать пять. И началась жизнь уже на другом уровне, жизнь с Богом» (газета «Призыв», 14 июня 2022 г.).

Самое главное, что в прошлом осталась вредоносная привычка, о которой упоминает исследовательница творчества Куранова Людмила Поликарпова в своей работе «Родник, утоляющий жажду». Вспоминая псковский период жизни писателя, когда у Куранова испортились отношения с государственными чиновниками, исследовательница пишет: «Видимо, разочарования в окружающей действительности накапливались, а регулярные попытки снятия нервного напряжения алкоголем только усугубляли внутренний разлад. Дойдя до отчаяния и осознав своё бессилие, он в последней надежде стал взывать к Богу. Переживание, достигшее максимального напряжения, в молитвенной просьбе о помощи разрешается исцелением. Это воспринимается как божественное откровение. <...> Пагубное увлечение навсегда преодолевается. Происходят поиски земной церкви. Рядом появляется человек глубокой религиозности, Андреев Владимир Александрович, преподаватель псковского института, который помогает Куранову в изучении богословия. С обретением веры в Бога открываются просторы вечности и радость сотворчества».

Мучительные духовные искания, приведшие его к иной литературе, к Богу, тоже в прошлом. Куранов открыл для себя церковные книги, учения святых отцов. Это перевернуло его представления

о мире вообще и о литературном творчестве в частности. Писатель часто задумывается над тем, какую ценность имеет его художественный стиль, который так много хвалят, которому он и сам радовался, когда работал над стихами и прозой. Чего всё это стоит, если посмотреть на творческий процесс с богословской точки зрения. И сам себе отвечает: «Трудно сказать, пошёл ли бы я в литературу, если бы с юности знал правду о том, куда я так рвусь, если бы с ранних лет имел доступ к тем знаниям, которые проливают истинный свет на жизнь и смерть. Правда, нужно быть благодарным за то, что я хотя бы к концу жизни кое-что узнал из того, что должен был бы знать с детства. Конечно, я слишком поздно услышал горькие слова Григория Богослова о языке: «Кто исчислит все те огорчения, какие причиняет язык? Если захочет, без всякого труда, в одну минуту заставит враждовать дом с домом, город с городом, народ с властелином, царя с подданными, как искра, мгновенно воспламеняющая солому. Плывущих на одном корабле, сына, родителя, брата, друга, супругу, супруга – всех удобно вооружает одного против другого. Злого делает добрым, а доброго, напротив того, погубит, и всё это опять переиначит. Кто переможет слово?» («Воспоминания о детстве», альманах «Дуновение дюн», 2005, вып. 2).

Светлогорский период – это полное проникновение в православную веру и осознание себя как верующего человека. «Я православный человек. Я теперь открыто и свободно могу говорить о том, о чём говорят в церкви», – сказал он в «Напутствии» в мае 2000 года. К этому времени Куранов приходит к главному – к пониманию того, что «...Спаси мир может только Спаситель – Иисус Христос. В Христа, в его сущность входит Красота. <...> Вот эта Красота спасёт мир. Но не красота и не красота Его главное значение. Ибо, как мы знаем, что такое Христос? Христос – это Истина. И что такое Красота? Истина, заключённая в Боге... в человеке вселенский Божий Образ является красотой, а не красивая наружность...» (беседа с Владимиром Стеценко).

В его жизни многое предполагало неизбежную встречу с Богом. Ему с детских лет было свойственно проникновенное отношение к природе. В «Воспоминании о детстве» писатель сказал: «...среди самых дорогих моему сердцу ощущений... я вспоминал одно. В шестилетнем возрасте я оказался в ссылке... И вот впервые попал я в настоящий цветущий лес. И какая-то деревенская девочка показала мне в глубине лесной ароматно расцветший огромный цветок. Я поражён был этим цветком... склонился над ним и долго смотрел в него, чувствуя, как он светит мне в лицо, я дышал его благоуханием». И далее Куранов пишет: «...особенно я любил облака... и ветер... Они были прекрасны во всех отношениях... Мы останавливались в горах и долинах, у ручьёв и ключей и пили прекрасную воду... И я воспевал всё это и в стихах, и в прозе».

В раннем детстве в нём проснулось чувство языка. Вот как это происходило по его собственным словам: «А в шестилетнем возрасте вдруг я оказался на Иртыше в деревне. Школа ютилась в избе. Четырёхлетка. Учились в две смены. Парты стояли в два ряда в маленькой комнате. Левый ряд был для первоклассников, правый – для третьеклассников. Первый класс учился вместе с третьим. Вот они изучали там русский язык, грамматику. И примеры заучивали:

Румяной зарёю
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонёк.

Я слушал, чем занимаются третьеклассники. И вот эти прекрасные слова меня удивляли: как это можно так писать! Эти слова точно соответствовали тому, что я видел в природе. Это меня поражало. Тогда-то и захотелось мне так же говорить и писать» (из беседы с В. Стеценко, «Вопросы литературы», 1981, № 5).

Всё это обогащало душу писателя. Невольно на ум приходят мысли о том, что нельзя так проникновенно чувствовать природу и восхищаться ею, как это делал Куранов, не заподозрив её божественного происхождения. Нельзя так глубоко проникать во внутренний мир человека, что показал нам Юрий Николаевич, не предполагив, что человек – подобие Бога. Нельзя быть чувствительным к красоте, как это было в случае с Курановым (если вспомнить его детство, проведённое в залах Русского музея), и не задуматься о ней, как о проявлении Божьей истины. Нельзя любить облака и небо, не насторожившись насчёт первопричины Вселенной. Нельзя разом исцелиться от смертоносной привычки и не уверовать в Бога. Всё сошлось по промыслу Божьему в жизни Юрия Николаевича

Куранова: острый, живой от рождения ум и трепетная душа, которая тотчас откликнулась на красоту и слово, радужное детство в музее, красоту сибирских лесов и рек, способность слышать природу и дышать поэзией, расставание с алкоголем, деревенская тишина и желание принять веру...

С таким багажом писательского и житейского опыта Куранов пришёл к написанию повести «Тепло родного очага», которая впервые была опубликована в журнале «Октябрь» (№ 11, 1985) и спустя два года была издана в виде книги.

В мае двухтысячного года уже тяжело больной Куранов давал устное «Напутствие» (записанное его друзьями) молодым авторам. Он уже тогда видел проблему в семейных отношениях и сказал страшные, по своей сути, слова: «Я считаю, что сейчас гибнет наша семья. О гибели семьи я начал писать ещё 20 лет назад. Тогда я написал книгу за несколько лет: “Тепло родного очага”. Эта книга имела очень большой успех... Но я не мог так прямо говорить о значении церкви в семейной жизни, потому что тогда просто запрещалось о церкви писать... Поэтому мне только надо дать возможность работать в направлении спасения семьи нашей. А без семьи никакого общества быть не может. И спасения русского языка литературного и вообще русского языка, который гибнет. Вот об этом я могу говорить...» («Напутствие», альманах «Дуновение дюн», 2004, вып. 1).

II

Сборник «Тепло родного очага» представляет собой соединённые в единое целое новеллы, очерки, рассказы и эссе, затрагивающие тему семьи, семейных ценностей и отношений, – и всё это на историческом срезе разных времён. Последняя новелла «Тепло родного очага» дала название всему сборнику, тем самым подчеркнув, что автор стремился обозначить рамки «родного очага» в самом широком смысле. Новелла притягивает к себе все предыдущие повествования, раскрывая в самом конце книги её смысл. Да, да, конечно, тепло родного очага! Именно им согрета каждая страница, именно оно не даёт отложить в сторону книгу, согревает душу и копится в ней, чтобы надолго укутать читателя любовью...

Уточняет смысл названия эссе «Возжигание огня», в котором писатель приводит в пример острова Полинезии. Там есть древний обычай: девушка, согласная выйти замуж за парня, улучшает момент, когда он уходит в море, пробирается к нему в жилище и зажигает огонь. И парень, когда возвращается, видя в окне огонь, понимает, что его ждут и любят. Тепло родного очага влечёт его домой, к невесте. Молодые готовы к браку. Так, оформляя тему семьи в образ очага, который есть древний символ домашнего единства, безопасности, любви и духовности, Куранов подчёркивает, какими семейными ценностями он руководствуется в разговоре о семье.

Для него «родной очаг» – это и гнездо ласточки под крышей деревенского дома, и «вечерняя далёкая сторожка», и генерал Раевский вместе с его дочерью Марией, ставшей женой декабриста Волконского, и князь Дмитрий Донской с супругой Евдокией, и костромская колхозница с её шестью детьми, и Александр Пушкин с Натальей Гончаровой, и Анна Керн со своим вторым супругом, и Детский дом, и незнакомая дача, куда автор забрёл случайно, а также озёра и реки, леса и горы, на берегах и в тени которых разворачиваются события, описанные писателем.

Композиция книги такова, что современность в ней соседствует с далёкой историей, размышления с рассказом, тонкий гражданский пафос с мягкой лирикой. Всё близко друг от друга, всё взаимосвязано – именно так, как это и бывает в жизни. Для углубления в нашу проблематику можно (весьма условно!) выделить несколько групп произведений, взяв за основу их содержание и то, как автор отражает тему семьи – с помощью ли рассказа, путём ли экскурса в историю или прямого размышления на эту тему. К первой принадлежат «Прощание с молодостью, или Осенняя фантазия», «Вечерняя далёкая сторожка», «Немилосердное прощание», «Движение и шелест снегопада», «Неожиданное знакомство», «Уплывающие острова», «Тепло родного очага», «Семья Макаровых», «Семейная тропа».

Здесь главное то, что тема семейных ценностей раскрывается исподволь, как бы ненароком и скрыта за историями героев, которые могут быть предельно просты и даже незатейливы, но глубоки по своей сути. Самая первая из них, «Прощание с молодостью, или Осенняя фантазия» (открывает сборник) рисует перед нами житейскую картину: молодые муж и жена, деревенские жители, оба в кирзовых сапогах, идут к озеру, чтобы устроить стирку. Пока Антонина возится с бельём, Антон прогуливается по лесочку, который вдруг кажется незнакомым, и неожиданно встречает девушку, которую затем подвозит на её же машине к повороту.

Машина будто бы летит сама собой, в воздухе парит, «...нестерпимо яркие отсветы солнца плавились и текли по коленям девушки так, что слепили глаза». Всё приобретает оттенок нереальности. В рассказе есть доля мистики: девушка, когда Антон убегает от неё, кричит вдогонку, что напишет ему письмо, даже не зная его адреса! Блуждая по лесу, Антон в полудымке, то ли наяву, то ли во сне, видит пожилую супружескую пару, собирающую грибы. Женщина напомнила ему «не то Антонину, не то её давным-давно умершую мать». Вернувшись к жене, помогая ей с бельём, «Антон, держа в одной руке коромысло, другою рукой неожиданно для самого себя и как-то неуклюже обхватил Антонину за плечи и коротко поцеловал в леденистую красную щёку».

Простая бытовая картинка. Но сколько в ней заботливости друг о друге, молчаливой взаимной помощи и суровой нежности! Люди, не привыкшие к проявлению своих чувств, прекрасны, как может быть прекрасна сдержанная красота северной природы, в окружении которой мы видим супругов. В Антоне, который справился с искушением и не закрутил роман с незнакомкой, хотя та и склоняла его к флирту, оказалось достаточно крепости, чтобы не поддаться соблазну. Один жест – неловкий поцелуй в щёку – выдаёт всю нежность, которую он испытывает к жене, и скрытую ласковость Антонины, когда она со спокойным недоумением посмотрела на мужа.

По возвращении домой Антон действительно находит в почтовом ящике конверт с письмом без обратного адреса. Не дочитав, решительно сжигает послание. Ни тени сомнения, ни капли нравственного безумия нет в этом молодом человеке, одна только чистота, наподобие озёрной. Чистое озеро и чистая нравственность – в этом скрытом созвучии угадывается любование автора своими героями и природой.

Совершенным особняком стоит в первой группе художественный очерк «Уплывающие острова». Особняком, потому что слишком силён в нём накал авторской боли о детях, брошенных своими родителями, чтобы это можно было с чем-то сравнить в рамках сборника. Действие разворачивается на берегу Себежского озера в городе Себеже. Дивная картина глади озера, пароходиков на его поверхности, «наполненных гулом и посвистом ветра» облаков, «крошечных улочек с невысокими, театрально прилепившимися к откосу домиками» – всё располагало к благостному созерцанию природы, к наслаждению от любования озером и ощущения ранней весны.

Автор бродит по улочкам, разглядывая окрестности. «Невдалеке расположены остатки двух старинных усадеб Фонвизина и Державина. Чуть далее на север и на запад – усадьба отца Пестеля. <...> Замечательный источник бьёт здесь из песчаного грунта у озера, между водой и сосняком на взгорье». Благостная поэтическая картина отодвигается на второй план, когда автор видит за изгородью детей, привлёкших его внимание тем, что «...какая-то внутренняя заторможенность сердца чувствовалась в этих ребятишках. И одеты они были не очень старательно, хотя вполне добротнo. <...> Но не было вокруг них присутствия заботливого глаза или лелеющей руки». Оказалось, это Дом ребёнка, куда герой заходит и где его тотчас обступают молчаливые дети. Затем беседует с заведующей, ужасаясь тому, что есть матери, которые отказываются от своего дитя. Он слышит историю о четырёхлетнем мальчике, который постоянно убегает на озеро, «...говорит, что он маму ждёт». Через окно женщина указывает на малыша.

С печальными мыслями покидает герой Дом ребёнка и на следующий день идёт на озеро и любитесь открывающимися перед ним далями. «Отсюда, от самой поверхности озера, острова казались бесконечно далёкими, и движущимися, и тоже живыми, как и вся поверхность озера». Внезапно он видит вчерашнего мальчика. На вопрос, что он здесь делает, тот, указывая на далёкие острова, говорит: «Катаюсь вот на этих островах... которые плывут по озеру». – «А что же там?» – спрашивает автор. «Там есть мама», – вздохнув, отвечает мальчик.

Удивительное случается позже, когда, взяв Костика за руку, герой ведёт его узкой улочкой в Дом ребёнка. Они догоняют женщину, по виду крестьянку лет сорока, в грубой одежде, с грубыми чертами лица, которая спрашивает: «Здесь, что ли, ребёнков отвергнутых содержат?.. Отсюда их берут?» Мальчик с криком «Мама!» бросается к женщине, на глазах которой заблестели слёзы. Мы понимаем, что эти двое нашли друг друга, как понимаем и то, что это не родная мать мальчика, о которой заведующая говорила, что она молодая, броская женщина, официантка.

Рассказ заставляет надолго задуматься. О многом. О семье, о роли государства в воспитании семьи; о брошенных детях, о приёмных родителях, о гуманности и трезвости общества, о равнодушии или неравнодушии к сиротам, о взаимоотношениях между взрослыми и детьми; о том, насколько соотносится красота природы с красотой души и наоборот, в какое противоречие вступает; о том, кто

вырастает из таких детей; и в конечном итоге, о том, где же спрячется наше христианское милосердие, которое есть прививка от саморазрушения.

Проблема оставленных детей встаёт тут в полный свой рост, заставляя сердца содрогнуться от жестокости одних и плениться красотой бескорыстной любви других. Юрий Николаевич Куранов этим рассказом встряхивает всех нас, побуждая действовать. Как, каким образом действовать? Ответа он не даёт и не ставит никакого диагноза обществу, допускающему отказ матери от ребёнка. Нет, Куранов просто выпускает свою боль наружу, предполагая, что кто-нибудь на неё откликнется. Существование детей, из которых «будто... что-то вынута... которые расплачиваются за какие-то странные преступления, нет, лучше сказать, проступки, не то свои, не то чужие», недопустимо в гуманном обществе, считает автор. Так не должно быть, это не по-христиански! Вывод о расплате режет по сердцу каждого, кому знакомо чувство любви.

Изображая семьи, где царит любовь, писатель не может пойти против правды и не заметить процессов, ведущих к её разложению. В рассказе «Движение и шелест снегопада» он повествует о Татьяне и Бобе. Последний, поддавшись страсти, разводится с женой, оставляет ребёнка и женится на Татьяне, которой через несколько лет изменяет, как изменял первой супруге. Рассказ об очень простом, о том, о чём в народе говорят: «На чужом несчастье счастья не построишь». Так оно и выходит: начав совместную жизнь с обмана, обманом её и заканчивают. Татьяна наказана неверностью мужа, а тот – духовной и телесной деградацией. Автор показывает, что происходит, когда нарушается христианская заповедь «Не желай жены ближнего твоего», иначе наступит расплата. Пусть не явная, но она обязательно будет.

Вторая группа текстов («Ода генералу Раевскому», «Великая прекрасная княжна», «Что такое целомудрие?», «Возвращение», «Наш неоплатный долг», «И снова чудное мгновение») замечательна тем, что в этих произведениях автор выступает в качестве историка, раскрывая тему семьи через примеры из прошлого, тем самым увязывая непреходящие семейные ценности с теперешним днём, проверяя их крепость. Всё повествование вертится вокруг семьи. В этот круговорот Куранов вовлекает и нас, предлагая с разных точек зрения, с разных исторических позиций оценить то, что мы называем семьёй.

Вот перед нами «генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский» («Ода генералу Раевскому»). Это на самом деле ода, только в прозе, воспевающая генерала, восхваляющая его профессиональные и человеческие качества, моральные достоинства. На дворе 1812 год, идёт война России с Наполеоном. Писатель рисует образ красивого, патриотичного, скромного, кристально честного и мужественного, человека, который, не жалея себя и собственных сыновей, которых однажды «взял... с собою во главе колонны Смоленского полка», чтобы повысить боевой дух солдат, не раз побеждал противника. Во время Бородинского сражения «...батарея в центре русских позиций навсегда получит наименование батареи Раевского и под этим именем войдёт в историю славы русского оружия».

Раевский не только генерал. Он прекрасный многодетный семьянин, взращённый на глубоких семейных традициях. Куранов знакомит читателей с родословной Раевского, давая понять, что *Ex nihilo nihil fit* (лат. – из ничего ничто не происходит): оба деда и отец верно служили Отечеству, давая наказы Николаю следовать их примерам. Но более всего в жизни генерала Раевского Куранова поразила история одной из его дочерей, Марии, которая по велению отца, но отнюдь не по любви, вышла замуж за человека много её старше, «...за генерала Волконского, который будет осуждён как государственный преступник, а Мария последует за ним в тридцатилетнюю ссылку на далёкий сибирский рудник...»

Поступок Марии, отправившейся вслед за мужем-декабристом в Сибирь, писатель называет подвигом, видя в нём апофеоз супружеской верности и супружеского долга. Это совсем по-христиански – не оставить мужа в трудностях, а быть рядом с ним. «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 5–6). Не могли остановить Марию ни уговоры семьи и угрозы отца, ни друзья, ни перспектива жить в бедности. Не особо любя мужа, она поехала за ним, ибо была христианкой, и это обстоятельство Куранов ставит во главу угла в семейной жизни. Он называет Марию «утёсом», глядя на её фотографию, где она запечатлена в пятидесятишестилетнем возрасте: «Эта женщина окаменела в своём величии, окаменела в своём негибавом мужестве, окаменела в своей незыблемой мощи жены, матери, подруги. <...> Такой становится верность, когда она превращается в подвиг».

Под стать Марии другой женский образ – Авдотьи, жены Дмитрия Донского. На этот раз писатель переносит повествование в XIV век, чтобы найти там примеры благочестивого семейного союза.

Опираясь на «Слова о жизни Великого князя Дмитрия Ивановича», раскрывает нравственный облик наших славных предков, показывающих пример христианской супружеской верности и любви. Перед своей кончиной Дмитрий Донской даёт наставления сыновьям – в духе православного учения, ориентируя их на христианские заповеди. Выказывая безграничное уважение к супруге, завещал, чтобы сыновья беспрекословно слушались мать. Автор, не скрываясь, показывает своё восхищение поэтическим слогом «Слова...» и в особенности супругой Донского, когда она, оставшись одна «с пятью сыновьями», вырастила их, воспитала в качестве будущих князей и постриглась в монахини.

Сам факт обращения Куранова к образу княгини Евдокии Донской, Преподобной Евфросиньи Московской в монастыре, говорит о глубокой вере писателя в Бога, о его знании житий святых, в земле российской просиявших, среди которых Евфросинья Московская, супруга князя Донского. Она сделала для Московского княжества не меньше, чем её муж, когда осталась одна с малыми детьми после его кончины.

Физически хрупкая, она находила в себе силы, чтобы восстанавливать княжество после нашествия Золотой Орды, строить монастыри и противостоять Тамерлану – прежде всего духовно. В 1395 году, когда хан двинулся на Москву, Евдокия вместе с народом совершала сугубые молитвы для избавления от вражеской напасти и посоветовала сыну, Великому князю Василию, перенести чудотворный образ Владимирской Божией Матери из Владимира в Москву. В тот же час Тамерлану, уже прошедшему Рязанское княжество, явилась «Светозарная жена», которая неустрашимо двинулась на него. Тамерлан в страхе повернул назад, отступив от Московского княжества.

Такие женщины, как Мария и Евдокия, с точки зрения Куранова, составляют стержень супружеских отношений и служат оберегом не только для конкретной семьи, но и для общества в целом, ибо они – как сваи в фундаменте, которые держат на себе дом. Сгнили, разрушились сваи, и нет дома. А покуда они стоят, держится и дом – наше общество.

Плеяду женских образов продолжают Наталья Гончарова («Что такое целомудрие?»), Анна Керн («И снова чудное мгновение»), которых связывает личность поэта Александра Пушкина, и жена Иоганна Себастьяна Баха, Анна Магдалина. Куранов, напрочь отвергая всякие сплетни о Наталье Гончаровой, настаивает на её непорочности и верности мужу, на её «целомудренной красоте», которая переродила такого ловеласа, как Пушкин, превратив его в семьянина. Любовь и верность на многое способны! Про Анну Керн он пишет с неподдельным уважением, имея в виду её жизненную позицию: после кончины мужа она вышла замуж за своего троюродного брата, который ради неё оставил блестящую карьеру, а Керн, выйдя за него замуж, лишилась пенсионного содержания. Это был брак по любви и взаимному доверию, вопреки суждениям света. Браку суждено было, хоть и с определёнными материальными тяготами, стать крепким духовным союзом двух любящих людей.

Анна Магдалина, жена Баха, «вдохновенно» переписывала сочинения супруга, вела домашнее хозяйство, пела, обучалась музыкальной грамоте, следила за своей внешностью и внешностью мужа, была мила и приветлива со всеми, при этом воспитывала двадцать одного ребёнка – «семнадцать дочерей и сыновей и четверо детей от первого брака». Автор искренне любит молодую женщину, всю себя отдавшую служению семье. Он ставит Анну Магдалину, самоотверженно взявшую на себя тяготы многодетной семьи, на одну доску с её гениальным мужем. Писатель считает, что гениальность мужа сопоставима с её «супружескими достоинствами».

Куранов обращается к образам женщин, живших тогда, когда говорить об их роли в обществе было не принято. Тем не менее они добавляли живительную каплю в нравственное здоровье общества. Такие женщины – дочери, жёны, матери – столпы нравственности и залог семейного благополучия, считает писатель. Именно от женщин – о них Куранов говорит больше всего – зависит чистота и крепость семейных отношений, чего так не хватает в современной жизни, где напрочь утерян сакральный смысл понятия «женщина». Куранов делает попытку вернуть его обществу, напоминая нам, что женщина – это духовная чистота, мир и долг, прежде всего.

В историческом плане не забыта тема Отечественной войны. Эссе «Наш неоплатный долг» разворачивает перед нами драматическую картину отношений жены и мужа, только что вернувшегося домой. Всё дано в исключительных обстоятельствах, когда была вздыблена русская земля. За основу своих размышлений писатель берёт рассказ Андрея Платонова «Возвращение», потрясшего его будничностью измен в условиях военного времени и тем, как по-житейски мудро герои рассказа в конце концов молчаливо-тихо прощают друг друга. Они едва не сломались в многолетней разлуке, однако –

выдержали. Простив, с чистыми душами пошли по жизни дальше. Куранов не оправдывает героев платоновского рассказа, но понимает их. Понимает, что жизнь иногда сильнее обетов, но главное, сохранить в душе некий стержень, который даёт силы и право прощать и каяться.

К третьей группе можно отнести «Возжигание огня», «Равномерность падения капель», «Зачем люди женятся» и «О супружеской верности». В этих эссе заключена чёткая открытая позиция автора по отношению к семье. Здесь Куранов прямо и откровенно рассуждает о её роли в обществе и перво-степенном значении для государства. В миниатюре «Возжигание огня» называет семью «социальным лейкоцитом», «...который безошибочно и безостановочно действует, направляя развитие общества только в положительном направлении... положительное движение формирования общества, и личности в первую очередь, положительно для государства...»

При всём том, что писатель в «Напутствии» говорил, что семья гибнет, в данной миниатюре он утверждает: в нашем народе есть «тьма» семей с крепкими нравственными традициями, да мы «...не интересуемся тем, что буквально лежит под рукой, не пьём из колодца, который сам открывается на нашей дороге». С Курановым нужно согласиться, ибо пока телевидение и литература забыты ровно противоположными сюжетами, далёкими от воспевания супружеской верности.

Совершенно поэтический, проникновенно-лирический образ семьи создан в эссе «Зачем люди женятся?» Писатель вместо ответа на вопрос рассказывает о том, как в давние времена «гребенские казаки» возвращались с войны домой и как жёны омывали водой и обтирали полотенцами копыта их лошадей – в знак величайшей любви к мужьям и благодарности коням за то, что доставили домой в целостности и сохранности супругов. Верность, соблюдение христианских заповедей, единство взглядов, умение слышать и ждать друг друга – в этом Куранов видел залог семейного благополучия. К этому, как он считал, должны стремиться люди, чтобы сохранить себя в нравственной чистоте.

Превыше всего писатель ставил служение друг другу и верность. О ней он пишет в эссе «О супружеской верности», расширяя данное понятие, объединяя его с взаимопомощью, взаимопожертвованием, чувством ответственности и тесно увязывая с воспитанием детей. И это в высшей степени справедливо, ибо ложь делает ребёнка слабым и неуверенным в себе. Мы все желаем нашим детям счастья, но часто путаем счастье с материальными подарками, которыми пытаемся прикрыть свою ложь перед ребёнком.

III

Общий фон книги «Тепло родного очага» светлый, оптимистичный, несмотря на авторскую установку, что семья в качестве социальной ячейки погибает. Христианское мировоззрение, к которому Куранов пришёл в перестроечные и которое окончательно оформилось в постперестроечные годы, помогало ему смотреть на мир сквозь призму христианского оптимизма. Суть его в том, что вера, надежда и любовь, неотделимые от христианского православия, духовно питают людей, удерживая их от пропасти пессимизма. Кто верит в Бога, тот оптимистичен, ибо всё противоположное – это хаос и разрушение. Середины тут нет. Распятие Христа оптимистично, ибо свидетельствует о вечной жизни и прощении грехов. Воскресение Христа – это оптимизм, так как означает победу над физической смертью. Успение Божьей Матери оптимистично, потому что совершает переход Девы Марии из физической в небесную ипостась, наделённую правом спасать души людские.

В этом смысле все тексты книги освещены светом христианской любви автора к природе и людям, к Богу. Один только и есть пример, где автора можно заподозрить в нелюбви к героям, это рассказ «Движение и шелест снегопада», который оттеняет все остальные произведения. Он здесь словно для того, чтобы показать противоречивость мира, присутствие в нём пессимизма. Бездуховность героев, их далёкость от христианских ценностей страшна и, к сожалению, типична для наших дней, когда ещё больше, чем во время написания книги «Тепло родного очага», в обществе с опасной быстротой множатся измены и разводы. Критерии добропорядочности, морально-нравственных устоев размывы так, что теперь уже нужно говорить не о том, что семья гибнет, а признать её полную выхолощенность и свободу от каких бы то ни было этических рамок. Да, кое-где ещё держатся сваи, сохраняя наш общий дом, но хватит ли у них сил противостоять нравственной рже, буквально пожирающей общество?

Церковь не справляется с воспитанием молодёжи, которую редко можно видеть в храмах. Не успевает объять необъятное, хоть и растёт количество церквей и воскресных школ. Государство само-

устранилось от воспитания семьи. Оказывая ей материальную поддержку, что само по себе прекрасно, не делает ничего для формирования социального мнения насчёт семейных ценностей и крепости брака. Разбалансированное в идеологическом плане общество, словно корабль без навигационных приборов, плывёт, не подозревая о ждущих его на пути опасностях. Как итог – многие сейчас живут вне брака не только церковного, но и гражданского. Это привело к увеличению неполноценных семей, психологически травмированных родительскими разводами детей, заброшенности стариков и общей расшатанности отношений, из которых можно выпрыгнуть, как из надоевших джинсов, – без ответственности за свои поступки.

Становится очевидным, что во времена СССР мораль была искусственной. Стоило возникнуть внешнему искушению в виде жевательной резинки, джинсов и фильмов-боевиков в совокупности с эротическими фильмами, стоило ослабить узды коммунистической идеологии, как мораль рассыпалась и случилось то, что случилось. Теперь мы имеем моральную расхлябанность и вседозволенность, сдерживающим фактором которых во все времена является религия. Всё остальное направлено на саморазрушение. Книга «Тепло родного очага ценна тем, что обращает наше внимание на важность христианской морали, на достижение духовной гармонии, возможной только с Иисусом Христом.

Читая книгу, чувствуешь, что её общий тон окрашен философскими красками. Особенно это явствует в миниатюре-эссе «Равномерность падения капель», где поэтическая и жизненная мудрость автора представлена в потрясающем, одухотворённом образе стекающей в бочку дождевой воды во время грозного феерического ливня. Простая, будничная деталь деревенской жизни вызывает у автора бурю чувств и массу ассоциаций – с джазом, с ансамблем, с ликующими поэтами и музыкантами, с энергичными полководцами и деятельными руководителями, с неистовыми лицедеями. Все они, вовлечённые в энергию ливня, ликуют.

Но вот ливень заканчивается, и в бочку «беззвучно и уныло падают одинокие капли». Атмосфера повествования меняется, как меняются и ассоциации автора. Теперь ему представляются однообразные будни мужчин и женщин, простых работяг, вынужденных ежедневно заниматься своими делами, вытягивающими последние силы, которые убегают из них подобно падающим каплям... И станет нестерпимо жаль этих бедных людей. Однако фантазия автора уже уводит нас дальше, в будущее, когда, возможно, к бочке с водой подойдёт поэт и услышит ритм стиха в падающих каплях. Или приблизится композитор и замрёт поражённый звуками гармонии...

В данной миниатюре непревзойдённым образом показано переплетение частного и общечеловеческого, переход от будничного к высокому. Тут из капли воды сделано чудо! Куранов соединил в ней весь мир, заключив напоследок: «А что же можно нам сказать по поводу тех внешне незначительных мгновений, которые не просто уподоблены падению капли, а течению одной или многих... человеческих жизней, которые навсегда уже связаны одна с другою общностью крови, сердца, судьбы».

Обозревая единым взглядом произведения из книги «Тепло родного очага», можно сказать, что Юрий Николаевич Куранов вернул к жизни традицию XVIII–XIX веков – ставить в центре повествования семью, как это делали Фонвизин, Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Островский, Тургенев, Чехов, Толстой. И в наших интересах последовать за его примером.

IV

В завершение сего скромного труда позволю себе сказать несколько слов о личном моём восприятии Куранова и о том, почему мне было так легко и радостно, так интересно писать о нём.

Случайно я наткнулась на «Тепло родного очага», на те строчки («Возжигание огня»), где Юрий Николаевич вспоминает стихотворение шотландского поэта Роберта Бёрнса:

Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.
Очень холодно девчонке,
Бьёт девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмёшь?
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Со студенческих университетских времён мне почему-то запало в душу это незатейливое стихотворение, в котором виделась простодушная юность, незапятнанная, наивная. При случае я читаю его как пример невесомости стиля и житейской простоты. У Куранова я прочитала мысли по поводу стихотворения, полностью совпадающие с моими. Юрий Николаевич писал: «Я всегда видел, вижу и буду видеть в этой чистой и прекрасной стихотворной новелле прежде всего целомудренную, почти детскую доверчивость одинокого и незащищённого сердца, которое ни при каких обстоятельствах нельзя обесчестить и обмануть... Нет цинизму и бесчестию места в этой коротенькой песне». Эти слова отозвались в моей душе и захотелось познакомиться с творчеством писателя поближе.

Когда узнала, что Юрий Николаевич любил средневековую японскую поэзию, конкретно Сэй Сёнагон, обрадовалась. Ещё бы! Я лет тридцать ношу с собой в сумочке книгу-миниатюру «Сборник японских танка», в котором танка Рубоко Шо и сто стихотворений ста поэтов (1235). Это даёт мне ощущение языка, ритма. Несколько времени спустя, читая Куранова, ощутила, как на меня дхнуло тонкостью восприятия им красоты. В «Воспоминании о детстве» он писал о цветке, поразившем его воображение в детском возрасте так, что не смог сорвать цветок, а только любовался им. Моя повесть «Наполняется душа благодатью», на духовную тему, начинается подобной картинкой – я, четырёхлетняя, замерла в восторге над цветком... Любовь писателя к миниатюре тоже очень близка мне. Я учусь их писать, считая, что это один из самых выразительных жанров, в котором мысль и художественное слово владеют формой. Любовь писателя к Бунину также сблизила меня с Курановым, ибо считаю Бунина своим учителем. И тема семьи чрезвычайно важна для меня, как и тема православия.

Кто-нибудь насмешливо скажет, что подобные совпадения интересов не так уж и редки. Зачем придавать им значение? Подумаешь, любил и любишь японскую поэзию! Многие её любят. Многие любовались цветком, не смея его сорвать и чувствуя при этом чьё-то высшее присутствие. Многие любят Бунина за его чудную речь и трепетные сюжеты. Возможно. Всё так. Но мне захотелось иметь эти совпадения как знак преимущества интересов и взглядов, как знак того, что Куранов не забыт, что его любят, читают и ценят.

1–10 января 2024 г., Эссендуки

Берега Китая

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург, публицист. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Спектакли ставили театры России, Казахстана, Латвии, США, Украины. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционного совета журнала «Берега», редакционных коллегий литературных журналов России и Германии. Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской Православной церкви, заслуженный работник культуры РФ.

В 2022 году книгу рассказов Александра Герасимова «Соприкосновение. О России с любовью» космонавт Герой России Олег Артёмьев брал в экспедицию на Международную космическую станцию, экземпляр, побывавший на орбите, передан в Московский музей космонавтики.

РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ – БРАТЬЯ НАВЕК

Родился на берегу Амура, жил и работал в Благовещенске, Китай был самым ближним зарубежьем. От телецентра на набережной до берега Поднебесной семьсот метров: были слышны голоса, музыка и треск петард. Признаюсь, давно хотел предложить журналу БЕРЕГА свои заметки о Китае, да всё не решался, ведь не китаевед. А сейчас подумал: это же история, Китай не будет таким, как увидел его когда-то, и людей многих нет, кого там знал. Посмотрите на эту фотографию, с неё и начну.

Харбинцы

Крошечная, снятая «мыльницей», фотография. 1998 год. Харбин. Покровская церковь, единственный тогда действующий православный храм в городе, – относится к юрисдикции православной церкви Китая. На фото последние старожилы русского Харбина. О тех, кто на снимке:

Рядом со мною в рубаше навыпуск старейшина – Михаил Михайлович Мятков. В 1998-м ему было восемьдесят пять. Сын самарского купца, в смутные годы гражданской войны с родителями оказался в Харбине, оттуда выезжал учиться во Францию. Свободно владел семью языками (французский, английский, немецкий... китайский, японский). В довоенные годы работал в иностранных компаниях, концессиях. Уникальнейшая память была у Михаила Михайловича, казалось, что он помнит каждый день своей жизни. Рассказывал, к примеру, как в марте 1936 года слушал Шаляпина в Харбине, как русские обиделись на великого певца, когда собрались толпою у гостиницы, а Фёдор Иванович вышел на балкон и на просьбу что-нибудь спеть ответил: «Даром только птички в лесу поют». Мятков помнил всё в мельчайших деталях: какой был день недели, какая стояла погода, во что одет был Шаляпин. Жилось старику при коммунистическом Китае нелегко. Я бывал в его убогонькой квартирке, каждый раз мы старались незаметно положить в карман Мяткова собранные нами небольшие деньги. Даже как-то нанял его переводчиком моей съёмочной группы (был и свой), чтобы, если честно, пообедать и поужинать на банкетах, организованных китайскими телевизионщиками. В каждый приезд мы привозили нашим харбинцам русский ржаной хлеб, они очень радовались, поровну делились...

Слева от Мяткова – Владимир Алексеевич Зинченко. Сын рядового армии Колчака. Владимир Алексеевич когда-то был молочником на Харбинском рынке. Сначала у него имелось своё стадо коров. А потом извёл его, молоко ему на продажу сдавали китайские крестьяне. А все покупатели старались по-прежнему покупать у Зинченко (китайцы говорили: у этого русского настоящее моло-

ко, он не обманывает). Никогда не слышал, чтобы Владимир Алексеевич говорил на китайском, только на русском общался, в том числе с китайцами. Сам любил крепко выразиться (если рядом был интеллигентнейший М. М. Мятков, тот за него перед нами извинялся). Но когда китайцы матюгались на своём языке (а это, скажу вам, сплошь и рядом, как и у наших, да и в переводе – то же самое), от китайских сквернословов Зинченко мог прийти в ярость: «Я вам поцхакаю!» – мог и врезать. Когда в 1997-м в Харбин приезжал Ельцин, Зинченко при-

шёл на встречу в красной рубашке-косоворотке и начищенных сапогах (его показали по всем нашим телеканалам).

Хрупкая женщина перед нами – Валентина Павловна Хан, русской культуры этническая кореянка, уроженка Харбина. Судьба нелёгкая. Попала в жернова «культурной революции», семь лет сидела в одиночной камере «за шпионаж», потом были годы трудовых сельских лагерей... Вы бы слышали, как тонким дрожащим голоском она пела в маленьком церковном хоре...

Справа на снимке – Нина Афанасьевна Давиденко, последний русский главный бухгалтер харбинского магазина «Цюлин» (тогда он был ещё «Чурин»).

В храм я и мой товарищ Иван Чернышев (крайний слева) зашли в не совсем подобающей одежде, на улице было под сорок жары, харбинцы нас за это не пожурили. Чернышев по образованию актёр, снялся в нескольких китайских исторических телесериалах, где играл русских генералов и адмиралов.

Всех, перечисленных мною, уже нет на свете. Светлые были люди...

* * *

Продолжу делиться своими субъективными наблюдениями и рассказами былых историй, иной раз курьёзных.

«В Китае люди много»

Был заместителем председателя общества российско-китайской дружбы, как-то сидели за столом вчетвером: я и трое китайцев. «Друзья, – говорю, – знаете, что в мире каждый четвёртый китаец? – оглядел присутствовавших: – Сегодня китаец – я!» Шутка понравилась. Закивали головами: «В Китае люди много!»

По мнению многих моих соотечественников, китайцы теснятся на небольшой территории и рвутся заселять наш Дальний Восток и Сибирь. На самом деле площадь Китая лишь немногим уступает Европе: от Португалии до Урала. Да, население почти в два раза больше европейского, но и незаселённых тундры и приполярных островов там нет. Жители северных провинций мечтали бы перебраться в южные, в субтропики, а не в морозную Россию. На красочных иллюстрациях ада в буддистских храмах самое страшное истязание для грешников – лютый холод, – у бедолаг сосульки с носов свисают. Одно утешение, что муки ада у них не вечные.

Как везде в мире, территории заселены неравномерно. Правительство вкладывает миллиарды юаней в развитие северных провинций, соседствующих с нами. Но даже жители российского Дальнего Востока порою заявляют, что китайские приграничные города развиваются за счёт «ограбления» России. От металлолома и леса-кругляка, что мы сами азартно вывозили за Амур. Наивные заблуждения.

Хотя по образованию я историк, всегда что-то новое открывал для себя, приезжая в Китай. Что народ национальности хань разных провинций с трудом понимает диалект соседей. Официально в Китае 56 национальностей, ханьцами себя считают 92 процента, но при этом они даже для переводчиков кажутся разноязычными. Письменность – единая, иероглифы у всех обозначают одни и те же понятия и объекты. А знаете ли вы, что в Китае во всех провинциях единое Пекинское время?

Географически должно быть четыре часовых пояса. Но государственные учреждения начинают работу одновременно, как и школьники учёбу, – так было и при императорах.

Какими они нас себе представляют

Это же китайская пословица: «Близкий сосед – лучше дальнего родственника». Конечно, в своём восприятии иностранцев-соседей не только мы заблуждаемся. Но в целом мнение китайцев о нас, русских, уважительное и доброжелательное. Для них русский – большой сильный человек, не очень уравновешенный, часто непредсказуемый, но – добрый, храбрый, способный на самопожертвование.

Любимая русская книга современного китайца – «А зори здесь тихие». Её изучают школьники на уроках литературы. Лет двадцать назад в Благовещенске и соседнем через Амур городе Хэйхэ снимали эпизоды многосерийного китайского телефильма по этому роману Бориса Васильева. Тогда был я руководителем областной телерадиокомпании, предоставлял коллегам мобильный электрогенератор, транспорт, загородную турбазу для натуральных съёмок. «Русская деревня», отстроенная для фильма на китайском берегу Амура, потом стала местом постоянных экскурсий, – сериал популярен, время от времени до сих пор транслируется по китайским телеканалам.

Китайцы хорошо знают советский кинематограф 50–60-х годов, особенно наши фильмы о войне. Всем известен разведчик Штирлиц в исполнении Вячеслава Тихонова. Рискну утверждать, что образованные китайцы моего поколения знают классиков советской литературы лучше многих наших студентов.

Нашу музыку вы услышите в кафе-караоке, просто на улицах. Многие старые русские песни считают китайскими народными (слова в них – вовсе не перевод наших, с другими смыслами), под «Катюшу» маршируют на парадах полки и дивизии Национальной освободительной армии Китая (НОАК). Не раз наблюдал, как в ресторанчиках, пытаясь сделать приятное гостям из России, хозяйева начинали петь русские песни, только случались конфузы: наши слов наших песен не знают.

Лопаньё

Переехал в Калининград, в Китае не был много лет. Разговариваю по телефону с Юй Баоганом. По-китайски я, как он по-русски. Примерно так: «Баоган, лопаньё! Нихао! Хао!» (Баоган, старый друг! Здравствуй! Хорошо!) Он мне в ответ: «Геласимов! Блата! Очень лад! Баоган Хэйхэ я скучай. Лубли-юани не нада. Ничего! Я, ты – блата! Баоган я лусский музей искусства Хэйхэ» (Герасимов! Брат! Очень рад! Приезжай ко мне в Хэйхэ! Не переживай, если денег нет. Мы же братья. У меня сейчас в Хэйхэ свой музей русского искусства). С Юй Баоганом мы дружим лет тридцать, переводчик не нужен.

Оказывается, мой китайский брат открыл на берегу Амура новый музей русского искусства. Я написал «новый», подобный уже был, его в 90-х создал другой наш брат-лопаньё – Лю Минсю. Тот музей так понравился правительству провинции Хэйлуцзян, что ему предоставили отдельное здание в Харбине на Солнечном острове реки Сунгари, в популярном у китайцев и русских центре развлечений. Кстати, в постоянной экспозиции того музея были выставлены пять моих работ (о том, как я стал членом Союза художников Китая, напишу отдельно).

Юй Баоган – великолепный фотограф, автор фотоальбомов, отмечен золотыми медалями международных фотовыставок. Много ездил по России, даже как-то с нашими моряками прошёл Северный морской путь.

«Элосы лопаньё» – русский старый друг, так меня китайцы зовут.

Фото в стенах харбинского Музея русского искусства: братья-лопаньё – Лю Минсю слева от меня, Юй Баоган справа

О живописи и художниках

Увлечение китайцев русской культурой огромно. Интересна им и наша, европейской школы, живопись. В Китае свои традиции, главным видом изобразительного искусства является начертание иероглифов, мастерство каллиграфии ценится даже выше гохуа, пейзажной живописи. При мне в парках и на городских площадях можно было увидеть, как художники-каллиграфы кистями рисуют иероглифы водою на асфальте, а публика восхищается изяществом недолговечных творений. Китайские художники могут с лёгкостью скопировать любую манеру живописи. Их художник, копируя какого-либо западного авангардиста, без тени сомнения назовёт себя авангардистом, хотя ничего нового не создаст. А создавать новые живописные школы китайцы не будут. В искусстве приветствуется повторяемость, – они кропотливо осваивают элементы старинной живописи, из уважения к традициям воспроизводят одни и те же образы.

Мне доводилось быть организатором выставок наших художников в Китае. Рисовал и сам портреты китайских друзей. Одна из моих работ даже вошла в академический альманах «Современная русская живопись», изданный в 2004 году в Харбине. Я – член Союза художников Китая, есть удостоверение с фотографией, красной и тиснённой печатями, – вручили на одной из обменных выставок. Китайские друзья уверяли тогда, что я стал первым русским в их творческом союзе. Автор этих строк не профессиональный живописец, любитель. Когда-то в 80–90-х частенько бывал в компаниях амурских художников, рисовал друзей, тут же дарил портреты. Какие-то работы задерживались на стенах художественных мастерских. Друзья не раз выставляли меня на областных и городских вернисажах. А в конце прошлого века к нашим художникам зачастили в гости китайские коллеги. Приезжали и знаменитые в Поднебесной мастера. Ходили, рассматривали, приценивались, что-то покупали, чаще – хотели получить понравившееся в подарок. Отдавать свои работы бесплатно нашим художникам было жалко, но мои, подаренные, раздаривали-передаривали, даже карандашные эскизы (обид нет, нелегко было). И осели мои холсты и картонки по частным и галерейным коллекциям...

Ли Янлинь – русский поэт

Об этом человеке – отдельный рассказ. Знаком с ним. По образованию он преподаватель русского языка. Китаец с удивлённо вздёрнутыми бровями, печальными глазами поэта и невозмутимоспокойной улыбкой школьного учителя. Помню, летом 1992 года он пришёл в Амурскую писательскую организацию, которой в то время руководил замечательный поэт Станислав Федотов. Янлинь показал около полусотни своих стихотворений, написанных на русском языке. Федотов с поэтом Олегом Масловым взяли их редактировать для первой книжки. Издали сборник за счёт автора в районной сельской типографии, там было дешевле. Название первой книжки – «Я люблю Россию» (1994). Таким же путём выпустили ещё две: «Песни о берегах Амура» (1996), «Сердце к сердцу» (1998). На их основании китайский поэт Ли Янлинь был принят в Союз писателей России. Первый в истории Союза писателей России иностранный член! Потом в Китае вышел большой сборник «Избранные стихи» на русском языке. Ли перевёл на китайский язык роман Вадима Кожевникова «Крона и корни», который вышел в Харбине под названием «Соната над Волгой». За перевод получил литературную премию правительства провинции Хэйлунцзян. Главное дело (всей жизни!) Ли – собрание произведений русских эмигрантов, писателей и поэтов, живших в Харбине. Мне рассказывали, что Ли продал в Даляне квартиру, чтобы издать русских авторов в переводе на китайский язык. Вышло пять томов, за них он получил из рук президента Путина орден Дружбы, а в Китае стал профессором Цицикарского университета. Через два года Ли выпустил десятитомное собрание на русском языке (уже с материальной помощью правительства). Издание уникальное! Российская академия наук избрала Ли Янлиня действительным членом по отделению филологии.

Удивительная история, не правда ли? А ещё Ли Янлинь собрал по подвалам и кладовкам библиотек харбинские газеты и журналы 20–40-х годов XX века с произведениями русских авторов, отсканировал их и выпустил диски, – бесценный материал для будущих исследователей. Поклон и благодарность от нас и наших потомков!

«Не такие, как мы»

Как-то в Китае пошли мы с доченькой в буддистский храм. Дорога была для меня нелёгкая. Жарко, солнце печёт, храм на горе, подниматься пришлось по крутым гранитным ступеням, а их полторы тысячи.

Взошли мы: ворота красные лаковыми красками расписаны, постройки-пагоды с изогнутыми в небо краями изразцовых крыш, галереи с деревянными колоннами, а вдоль них – картинки грешников в буддистском аду (жуть, как их там черти распиливают, мучают страшными морозами, огнём и раскалённым железом). Впрочем, не совсем корректно говорить о грешниках в буддизме, там нет грехов, а есть плохая карма, которую человек сам создаёт. Да и адские мучения не вечны, в отличие от христианства. В своё время Китай с радостью перенял учение о карме (только воспринял его по-своему). Китайцы – прагматики и хотят жить вечно. Идея вечной жизни увлекала их с самых ранних времён, практиками физического долголетия занимались даосы начиная с V века до н. э. И тут с запада, из Индии, на рубеже нашей эры в Китай стал проникать буддизм, пришло учение о сансаре, круговороте жизни и смерти в мирах, ограниченных кармой. Какое счастье, подумали китайцы, вот она – вечная жизнь. Индусы стремятся освободиться от сансары, но не китайцы (тонкости не для сегодняшнего рассказа).

Так вот, ходим мы по монастырю, – в тёмных залах благодать и прохлада, запахи тлеющих ароматических палочек, в каждом из многих этих залов – Будда в разных своих проявлениях. Мы уже возвращались к воротам, как увидел я старого монаха в окружении юных учеников. Буддистские монастыри одновременно и школы, куда попадают дети из бедных семей и оставшиеся без родителей. Монах для детей не только наставник, но и учитель. А надо сказать, что моя доченька знает китайский. Я и спрашиваю: «О чём так глубокомысленно китайский наставник ученикам рассказывает?» А Юля отвечает: «Он о нас говорит. (Дальше переводит синхронно.) Это русские. Эти русские не такие, как мы. Они молятся так». И показывает: сложил пальцы щепотью и осенил себя крестным знаменем! Сделал это размашисто, по-православному. Следом и стриженные ученики перекрестились.

О буддизме, даосизме и родителях-покровителях

В представлении многих моих соотечественников китайцы – сплошь буддисты. Некоторые вспомнят о где-то слышанном даосизме, кто-то – о конфуцианстве.

Китайцы в своём большинстве люди в нашем понимании не религиозные, в бога не верят. Там иное – сила традиций, где философия Конфуция (моральное самосовершенствование, почитание старших, семьи, государства как большой семьи) и каноны его современника Дао Цзы (учение «дао» – путь, – в мире нет абсолютного добра и абсолютного зла, абсолютных истины и лжи, – все ценности относительны) переплетены и оформлены в устойчивую схему поведения человека. Даосизм – национальная религия, конфуцианство – учение о ритуале. У них почитание духов вместо бога – умершие родители становятся покровителями. А чем больше у человека родителей, тем больше защитников. Поэтому друзья-китайцы с радостью назовут вас «братом», чтобы «присвоить» и ваших родителей и обрести для себя дополнительных покровителей. При всех императорских династиях, войнах, переворотах, реформах, коммунистах, государственном капитализме – эти тысячелетние традиции поведения, представления о мироустройстве фактически не менялись. Один человек, как правило, исповедует и даосизм, и конфуцианство, и буддизм, связывая их в единый клубок. Если вам доведётся побывать в гостях у китайцев, увидите, что курительные палочки зажигают в домашних алтарях и Будде, и Мао Цзедуну, и Нерождённой Матери – Богине Запада, и своим предкам. Удивительно, но это так.

Китай по отношению к религиям – толерантное общество. Вы можете быть мусульманином, католиком, православным, иудеем – преследовать за это и посмеиваться над вами никто не будет. И не об иностранцах речь. Когда посетите Китай, обратите внимание: над входами в рестораны висят шары шёлковых фонарей. В основном – красные, но очень много – синих, в этих свинину не подают, это «мусулин», мусульманская кухня. При мне в харбинском православном храме венчалась пара: жених и невеста этнические китайцы, не говорящие по-русски.

Русский след

В четырёхмиллионном Харбине самый красивый магазин называется «Цюлин». Бывший магазин торгового дома купца Ивана Чурина («эр» китайцы не выговаривают). Интересно, что это половинка проекта здания: его правая часть построена на берегу Амура в Благовещенске (два этажа, бронзовые античные боги на крыше, – сохранилось до сегодняшнего дня), левая – в Харбине. Правда, китайцы своё здание надстроили и сделали несколько подземных этажей.

А официальным архитектурным символом Харбина является «София» – православный Софийский собор – крупнейший на Дальнем Востоке. Изображения Софии на миллионах открыток, буклетов, значков, сувенирных тарелок... Собор недействующий, государственная собственность, сейчас в нём музей истории и архитектуры города, – очень подробно рассказывает о его русских строителях (основан во время строительства КВЖД, до Второй мировой войны проживало сто тысяч наших соотечественников). Формально собор принадлежит и Маньчжурской епархии Китайской православной церкви. И вот ещё что замечательно, точно такое здание – близнец Софийского собора – было построено в Благовещенске! Оно отличалось только более богатым декором. Храм называли Шадринским – по имени купца-мецената Семёна Шадрина. Этот архитектурный шедевр (собор Святой Живоначальной Троицы) при советской власти взорвали.

В Китае много «русского», общество довольно бережно относится к исторической памяти, уж поверьте.

Там даже памятники А. С. Пушкину в наши дни ставят, – при мне открывали на Арбате – пешеходной улице в приамурском китайском городе Хэйхэ. Есть памятники Пушкину в Пекине, Шанхае и других городах Китая.

Всегда ухожены памятники на братских могилах наших воинов, освобождавших Китай от японских интервентов в 1945 году. Будете в Поднебесной, найдите время возложить к ним цветы, китайцы этого не забывают делать.

Когда китайцы узнавали, что мой отец участвовал в освобождении Маньчжурии, в спасении Харбина от страшного наводнения 1957 года, учил китайцев вождению пароходов по реке Сунгари, – демонстрировали такое почтение, словно и я в этом участвовал.

Можно ли верить китайцам?

На уровне личного общения китайцы – верные друзья. Они всегда будут помнить доброе, что вы для них сделали, ответят радушием, не раз проявят благодарность.

Но не надо обольщаться, когда на каждом шагу, даже от вовсе незнакомых, вы услышите заверения в вечной дружбе. Это ритуальные действия, которые, возможно, вам уже будут казаться бесконечно скучными, для китайца – обязательны. Они никогда ничего не говорят прямо. Соглашаются, чтобы проявить уважение, потом обещания их не всегда исполняются. Основная черта китайцев – прагматизм, отсюда толерантность. Они до последнего не будут встречать ни в какие горячие вооружённые конфликты, потому что не видят практического смысла. Показать свою нарастающую мощь и силу – всегда. Америка и Россия в разные периоды новейшей истории думали, что Китай их союзник (примерно, как мы сейчас), на самом деле – источник выгоды. Но разве это плохо для мудрого народа древнейшей цивилизации? Китайцы уверены, что двадцать первый век станет веком Китая.

А я уверен: в Китае всегда будут благодарны нам за освобождение от японских интервентов, за помощь в развитии экономики, строительстве социалистического государства. Люблю Китай таким, как он есть.

Берега Узбекистана

Хасанбой Гаюбов

Хасанбой Холмирзаевич Гаюбов – поэт, публицист, переводчик и литературный деятель. Автор более 20 книг на узбекском, русском, немецком и таджикском языках. В Москве изданы его сборники стихов: «Цветок надежды», «Ожерелье». А в Ташкенте книга «Эти удивительные времена». В Германии также выпущен сборник стихов «Родная страна» с оформлением замечательного узбекского художника Шавката Музаффара. Обладатель званий: «Золотое перо Руси» и «Золотое перо Московии». Кавалер ордена «Золотая осень» имени Сергея Есенина и обладатель медали имени Ивана Бунина Союза писателей России. Член Союза писателей Таджикистана, Узбекистана и России.

Действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент РАЕН. Известен и как мастер поэтического перевода. Перевел на узбекский язык лирику русских классических и современных поэтов: И. Бунина, А. Майкова, В. Сидорова, Д. Мережковского, Д. Минаева, С. Антипова, таджикских поэтов: Мирзо Турсунзаде, Лоика Шерали, Гулрухсора, Гулназара Келди, Зульфийи Атои, Низома Касима, Рахмата Назри и многих других. В данной подборке перевод с узбекского С. Антипова, Х. Маматовой, С. Турдыбаева, Г. Мансуровой и М. Хайдарова.

СТИХОТВОРЕНИЯ О БОГБОН-КИШЛАКЕ

Прошла здесь молодость моя
И первый плен любовных мук,
Красой ушедшею маня
В объятия ласковых подруг.

Чинара старая лишь здесь:
Осталась верным другом мне,
А ты – краса и боль сердец,
Теперь приходишь лишь во сне.

Ночами долгими в тиши
Ловлю в Дербент-реки волнах
Ответный всплеск – любовь души,
К родным красавицам в садах!

ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ МАЛЫМ

И все мы гости в этом бренном мире,
На время нам даны душа и тело.
И к жадности не попадая в плен,
Довольствоваться малым бы хотелось.

Куда спешим, ведь Бог у нас в душе?
А коль утешим чью-то душу сами,
Получим столько от него наград,
Как будто в Мекке обошли мы камень!

БЕРЕГУ ТВОЁ ИМЯ

Цветы мечты моей увяли
В ночах печали и разлуки,
И те желания едва ли
Найду в родимом переулке.

Ты озарила лунным светом
Другого, став его невестой,
Я ж каждый вечер безответно
Делил с чинарой – другом честным.

Но у Судьбы иные планы,
И без цветов нет счастья в жизни:
В Богбон-кишлака реках плавно
Мечты с водою уложились.

И юность ветреных красавиц
Дала отраду, но доньне –
Средь всех дарованных избранниц
Храню твоё я в сердце имя!

ВЕРА

Поверь, дорогая, наступит весна,
В степи мы не сгинем навек,
И Древо Любви возродится от сна –
Слезам, что лил человек.

И жар наших дивных горящих сердец
Разлуку огнём попалит,
На дерево нашей Любви, наконец,
Жар-птица сама прилетит!

И в древнем загадочном мире Любви
Распустится нежный цветок,
Молитвы влюблённых в нём, как соловьи,
Подарят нам счастья глоток!

РОДНОЙ КИШЛАК

Когда приезжаю в родное село,
Когда подхожу я к родимому дому,
Встречает отец, словно смерти назло,
«Ну как ты, сынок?» – слышу голос знакомый.

«Как дети твои? Всё ли ладно в семье?» –
И взгляд твой родной и усталый,
Сжимается сердце, шепчу я тебе:
«Ах, как мне тебя не хватало...»

И следом за папой в любимом дворе
Как будто мне видится мама,
Встречает – лепёшки уже на столе:
Мне в детстве она выпекала...

«Ждала я тебя, мой любимый сынок, –
Накрыла на стол нашу скатерть», –
Ах, если б, как прежде, объять её мог –
Нет слаще родимых объятий...

Кишлак мой родной, дорогая земля,
Что может быть в жизни дороже?
Как в детстве здесь папа и мама моя,
Я сам становлюсь тут моложе.

Здесь мама, как прежде, идёт по двору,
Роса цветников дарит негу,
Отец возле дома сидит поутру
И смотрит задумчиво в небо...

БЛАГОДЕЯНИЯ

Гостем ты приходишь в этот мир большой
Это – дар, и счастье, и твоя судьба,
Коль служить народу будешь всей душой,
Будет уваженье окружать тебя.

Здесь твои родные, добрые друзья,
Восхвалять Аллаха будешь ты всегда,
Ты немного пожил, этот мир любя,
Быстро жизнь проходит, как в реке вода.

Ты поможешь людям, кто сейчас в беде,
Все «спасибо» скажут, будут восхвалять.
Будешь благодарным ты за всё судьбе:
Радостно трудиться – это благодать!

Время быстро мчится, но добро всегда
Будет оставаться в свете глаз людских.
След твой тут украсят добрые дела,
А поэт подарит этот добрый стих!

ДИВНЫЕ ВРЕМЕНА

И красоту цветочки вдоль ручья
У мамы брали волею творца.
Где годы детские мои теперь,
Наполненные силою отца?
А годы лучшие, прекрасные мгновенья,
Исчезли, будто зыбкие виденья.

В саду жива ли старая айва?
Расцвёл ли белым цветом наш миндаль?
Теперь узнать не сможем никогда,
Умчалось детство в золотую даль.
А годы лучшие, прекрасные мгновенья,
Исчезли, будто зыбкие виденья.

И где же юность нежная сестёр?
Где молодости сладостный порыв?
Где мать, горячий приготовив хлеб,
Встречала папу, дастархан накрыв.
А годы лучшие, прекрасные мгновенья,
Исчезли, будто зыбкие виденья.

На плоской крыше заалевший мак,
Топчан в углу и дворик наш родной,
Где я лежал и, глядя в небеса,
О девушке всё думал об одной.
А годы лучшие, прекрасные мгновенья,
Исчезли, будто зыбкие виденья.

И срезаны чинары вековые,
И глинобитных стен нам не собрать.
И в прошлое ушли и не вернуться
Взрастившие меня отец и мать.
А годы лучшие, прекрасные мгновенья,
Исчезли, будто зыбкие виденья.

ТОСКА ПО ЛЮБИМОЙ

В зрачках моих осела желтизна
От неизбывной грусти по тебе.
Я в цветнике души моей без сна
Всю ночь бродил в безудержной тоске.

Точилом сердце камень источил
Мне сожалений вдоль и поперек.
Я дней моих один провёл часы,
В рассвете сил рассыпан как песок.

Узрев в душе прозорливой отраду,
Восторг любви в печали роковой.
В последний миг я Божью наградой
Умру к тебе с простёртою рукой.

ФИЛОСОФИЯ

Я был богат,
Но счастлив был не этим.
Друзей сердечных
Много у меня!
Одно другому не мешало,
Ведь на свете
Грех совмещать богатство
С дружбой, думал я.
Когда неожиданно обеднел,
Круг мой распался.
И всё ж не в бедности
Мне стало тяжело жить.
К Всевышнему уже
Не раз я обращался:
«Богатство дай,
Чтобы друзей мне возвратить!»

В ТЕ ВРЕМЕНА

Другими были в те мы времена!
Просты, но энергичны и мудры.
Гармония сердец была видна
С душой и телом. Потому – добры!

Другими были в те мы времена,
Надежды наполняли счастьем грудь.
Любили мир и пили жизнь до дна!
Звезда любви нам освещала путь.

Другими были в те мы времена!
Любовью были, не вином, пьяны,
И до сих пор по миру песнь слышна,
Которую мы пели не одни!

ТЫ ТАНЦЕВАЛА

Ты начинала танцевать, на гибкий стан
Глядел народ, и доводилась ты!
Я, покрасневший, поднимал бокал,
Чтоб не сгорели от стыда мечты.

Ты танцевала так, словно в судьбе
Зажгли огонь любви, большой любви!
А я же, пьяный от любви к тебе,
Не мог на месте усидеть: «Ну, позови!»

Ты извивалась, прелесть не тая.
Года не тронули красу твою с душой.
А я, от счастья отрезвев, вдруг понял:

Жизнь моя –
Мечта, как много лет назад, опять со мной!

ПРИЗНАНИЕ

Боюсь друзей. Врагов боюсь вдвойне.
Друзей, которые в глаза глядят по долгу.
Врагов, которые зла не хотели мне,
Но откровение друзей сбивало с толку.

«Всему виновен сам – признался я тогда, –
Доверчивость, она не безгранична».
Затем, когда в меня вошли года,
Вдруг понял: суть не в этом,
жизнь – вторична!

А в том, кто вечно дарит нам мечты,
В которых суть всего без глаз, без слов.
Мой друг единственный на свете – это Ты:
Творец души! А дьявол – друг врагов.

ГОРЖУСЬ ТОБОЙ, РОДИНА!

Родина, я даже горсть твоей земли
На золото не променяю никогда.
Здесь каждый листик, стебелёк травы
Со мной мечтали в детские года.

Твой чистый и лазурный небосклон
Как воздух нужен мне и мил.
Родник с прозрачной, чистой водой
Мне райский вкус приятный подарил.

Любовь к тебе, о Родина, с рожденья
Я свято в самом сердце берегу.
Душе моей ты даришь вдохновенье,
И больше жизни я тебя люблю!

Судьбы твоей страницы открывая,
Я ощущаю радость, боль и силу,
И горсть земли твоей, моя родная,
Когда умру, пусть бросят на могилу.

ТЫ ПОМНИШЬ

Милая, ты помнишь наши встречи,
Время сладостных свиданий?
И весенний тёплый вечер,
Ласкового ветерка дыханье?

Солнце днём светило, а в ночи луна,
Они словно любовались нами.
Красотой мир полон был до дна,
Счастьем были переполнены мы сами.

В космос устремлялись наши грёзы,
Бирюзой светились в небесах.
Нежно капал дождик, словно слёзы,
Капельками таял на губах.

Пролетали в небе журавли,
Радостно курлыкая, кивая.
Ласточки из бусинок своих
Замок счастья нам уже свивали.

Жаль, что годы жизни всё меняют,
И весенний дождик уж не раз
О моей любви напоминает,
Боль души – сиянье твоих глаз.

И сегодня мир такой печальный,
Чахнет солнце и луна разбита.
Серых облаков просвет недавний,
Бирюза на небе позабыта.

КРАСАВИЦЕ КАЗАШКЕ

Моё сердце до сих пор тревожат
Чувства, что тогда я испытал.
Память моя всё забыть не может
Образ тот, когда тебя узнал.

Весело нам было той порою,
Под дождём гуляли до зари.
Осыпалась яблоня весной,
Нам дарила лепестки свои.

Час настал, и мы с тобой расстались,
И от боли средства не найти.
Разделили горы Алатау
Наши с тобой длинные пути.

Твой аул теперь мне часто снится,
Помню взгляд твоих прекрасных глаз.
Ласковые чёрные ресницы...
Но судьба жестоко разлучила нас.

ПОЭТЫ

Людей твореньями любит она...
Чтоб взорам нашим милою казаться,
Земля должна красиво обновляться:
Она, как женщина, – ей красота нужна!

Дома, дворцы, посёлки, города...
Иных ушли из памяти приметы.
Остались те в сознании места,
Где жили люди славные – поэты!

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.